

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
ИНСТИТУТ СТРАН АЗИИ И АФРИКИ

На правах рукописи

Матвеев Федор Юрьевич

**Социальная динамика и политическое развитие Центральной и Восточной
Аравии во второй половине XVII – начале XIX в.**

Специальность 5.6.2 – Всеобщая история

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата исторических наук

Научный руководитель:
доктор исторических наук, профессор
Кириллина Светлана Алексеевна

Москва – 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	4
Глава I. Социально-политическое положение Неджда в XVII–XVIII вв.	36
§ 1. Характеристика земледельческих областей Центральной Аравии.....	36
§ 2. Центральноаравийские города в XVII–XVIII вв.	43
§ 3. Кочевое скотоводство	48
§ 4. Власть эмиров и недждийская знать	62
§ 5. Политическое положение недждийских эмиратаов	66
§ 6. ‘Уайна в доваххабитскую эпоху	71
§ 7. Эд-Дир‘ийя накануне возникновения ваххабитского движения.....	78
§ 8. ‘Унайза в доваххабитскую эпоху	92
Глава II. Восточная Аравия в XVII–XVIII вв.	103
§ 1. Эль-Хаса. Топонимика и особенности провинции	103
§ 2. Происхождение и ранняя история племени Бану Халид	118
§ 3. Социально-политическая история халидского эмирата в доваххабитский период	126
Глава III. Зарождение и эволюция учения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба	140
§ 1. Ислам в религиозной жизни Неджда и сопредельных территорий в XVII–XVIII вв.....	140
§ 2. Языческие практики в религиозной жизни кочевых и оседлых жителей Неджда в XVII–XVIII вв.	147
§ 3. Жизненный путь Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба до переселения в ‘Уайну и Эд-Дир‘ию.....	160
§ 4. Идеология раннего ваххабизма и ее истоки	167
§ 5. Политическая радикализация ваххабитского движения и переселение Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в Эд-Дир‘ию.....	179
§ 6. Переселение Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в Эд-Дир‘ию и социально-политические последствия принятия ваххабизма кланом Ааль Сауд	192
Глава IV. Саудидская государственность в Центральной и Восточной Аравии во второй половине XVIII – начале XIX в.	205

§ 1. Централизация земель ‘Эль-Арида, Судайра и Эль-Вашма вокруг Эд-Дир‘ийи	205
§ 2. Попытка восстановления влияния эмирата Бану Халид в Южном Неджде.....	212
§ 3. Покорение ваххабитами Центральной Аравии и борьба с племенем Бану Халид	226
§ 4. Завоевание Эль-Хасы и ликвидация правления племени Бану Халид	236
§ 5. Значение и последствия объединения Эль-Хасы и Неджда под властью Саудидов.....	242
§ 6. Центробежные и центростремительные тенденции в Центральной и Восточной Аравии в конце XVIII – первой половине XIX в.....	251
Заключение	262
Список используемых источников и литературы.....	270
Источники	270
Литература	278
Приложения.....	288
Приложение 1. Эль-‘Арид в XVII–XVIII вв. (авторская карта)	288
Приложение 2. Южный Неджд и Эль-Хаса в XVII–XVIII вв. (авторская карта)	289
Приложение 3. Северные области Эль-Хасы в XVII–XVIII вв. (авторская карта)	290
Приложение 4. Центральные области Эль-Хасы в XVII–XVIII вв. (авторская карта).....	291
Приложение 5. Торговые пути Эль-Хасы в XVII–XVIII вв. (авторская карта). .	292
Приложение 6. Святые места Эль-‘Арида в XVII–XVIII вв. (авторская карта)	293

ВВЕДЕНИЕ

Середина XVII – первая половина XIX в. стала определяющей эпохой в истории Центральной и Восточной Аравии. События, развернувшиеся на этих изолированных от внешнего мира землях, некогда именовавшихся римлянами *Arabia Magna* или *Arabia Deserta*, не только навсегда изменили курс социально-политического развития этих мест, но и значительной степени повлияли на судьбу всего арабского мира. Религиозное движение, основанное Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом (1703–1792), положило начало стремительной трансформации социально-политического ландшафта внутренних и восточных областей Аравийского полуострова, которая в итоге привела к образованию и расцвету державы Саудидов. Впервые за долгие века на этих пустынных территориях зародилась аутентичная государственность. В течение короткого времени большая часть Неджда¹ и Эль-Хасы² оказалась под контролем Эд-Дир‘ийи³, а победоносная экспансия второй половины XVIII в. в полной мере отразила превосходство выстроенной Саудидами социально-политической системы над традиционным укладом этих мест. К началу XIX в. правители закаленного в пламени ваххабитских войн дир‘ийского эмирата контролировали большую часть полуострова. Так продолжалось вплоть до событий, связанных с вторжением в Аравию в 1811 г. правителя Египта Мухаммада Али (1769–1849). В ходе его военной кампании первое государство Саудидов оказалось стерто с лица земли, а ваххабитское движение было практически уничтожено, навсегда лишившись былого влияния. Однако изменения, коснувшиеся жизни Центральной и Восточной Аравии в этот период, оказались столь глубоки, что даже долгие годы египетской оккупации не смогли подавить пробужденные ваххабитским «призывом» центростремительные силы. К середине XIX в. в Неджде вновь стали пробиваться ростки независимой государственности.

¹ Неджд – историко-географическая область на территории Аравийского полуострова. Топоним отличается неоднозначностью. В данной работе он синонимичен понятию Центральная Аравия.

² Эль-Хаса/Лахса – обширная историко-географическая область Восточной Аравии.

³ Эд-Дир‘ийя – столица первого государства Саудидов.

Постановка проблемы и актуальность темы. По причине масштаба и исторического значения события, связанные с жизнью внутренних и восточных областей Аравийского полуострова XVII – начала XIX в., требуют тщательной реконструкции и всестороннего анализа. В то же время социально-политическая история Центральной и Восточной Аравии на данный момент отличается сравнительно слабой изученностью. Если такие территории, как Хиджаз⁴ и Неджд, относительно часто оказывались в поле зрения отечественных и зарубежных специалистов, то Восточная Аравия обычно выпадала из их исследовательского фокуса. В частности, долгое время в тени оставались зарождение и расцвет эмирата Бану Халид⁵ в Эль-Хасе, а также его отношения с оазисами внутренних областей Аравийского полуострова. Не менее лапидарно в историографии освещается падение халидидов под напором первого государства Саудидов. Ключевой задачей исследования также стало изучение кристаллизации и развития социально-политической доктрины раннего ваххабизма. Как правило, этот аспект недждийской истории рассматривался недостаточно подробно, что затрудняет выявление связи между этим религиозным движением и особенностями сложившейся под его влиянием саудидской государственности.

Научная новизна диссертации обусловлена интенсивной разработкой всех вышеперечисленных направлений. Ее важнейшим итогом стали сбор уникального фактологического материала и ряд сделанных на основе его анализа теоретических заключений, проливших свет на неизвестные ранее аспекты социально-политической истории Центральной и Восточной Аравии во второй половине XVII – начале XIX в. Не менее ценным представляется введение в научный оборот массива опубликованных в последние десятилетия письменных арабоязычных источников, позволяющих существенно расширить наши представления о жизни эмираторов Центральной Аравии в доваххабитскую эпоху⁶.

⁴ Хиджаз – историческая область на западе Аравийского полуострова.

⁵ Бану Халид – могущественное аравийское племя, некогда владычествовавшее в Восточной Аравии.

⁶ В понятие «доваххабитская эпоха» нами включается период активизации локальных социально-политических сил в Центральной и Восточной Аравии накануне зарождения ваххабитского движения и первого государства Саудидов.

Теоретическая значимость работы заключается в возможности применения ее выводов для последующего изучения социально-политической истории Центральной и Восточной Аравии как в более ранние, так и более поздние периоды. Кроме того, данные, полученные при анализе специфики ваххабитской идеологии, могут послужить подспорьем для дальнейшего исследования различных аспектов религиозной жизни Аравийского полуострова и исламского мира в целом.

Практическая значимость диссертации заключается в возможности использования ее фактологии и выводов при составлении учебных материалов и программ по истории арабских стран Нового времени. Результаты исследования ваххабитского движения будут полезны при подготовке лекционных курсов по истории исламской религиозной мысли.

Объект исследования составляют события, связанные с формированием и социально-политической жизнью ряда эмирата Центральной и Восточной Аравии в ваххабитского периода, среди которых особое внимание уделяется эмирату Бану Халид в Эль-Хасе, эмирата ‘Уяйны и ‘Унайзы, а также дир‘ийскому эмирату. В исследовательском фокусе также находятся зарождение первого государства Саудидов и ваххабитская экспансия XVIII – начала XIX в. Наконец, в силу своей исключительной роли в истории саудидской державы объектом исследования является сам ваххабизм как религиозно-политическое учение и движение.

Предметом исследования стали истоки и сущность процессов, определивших основные векторы истории Центральной и Восточной Аравии во второй половине XVII – начале XIX в. Особое внимание уделяется значению социально-политических преобразований, имевших место в дир‘ийском эмирате после заключения союза между Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом и Мухаммадом ибн Саудом (ум. в 1765 г.). Кроме того, в предмет исследования включены религиозное и идеологическое содержание ваххабитского учения, а также влияние ваххабизма на социально-политическую жизнь Южного Неджда и формирование государственности в Эд-Дир‘ийе.

Цель работы – максимально подробная реконструкция и анализ событий, связанных с социально-политической жизнью Центральной и Восточной Аравии во второй половине XVII – начале XIX в., а также выявление основных этапов и закономерностей формирования религиозного учения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба.

Задачи исследования сводятся к следующему:

1. Реконструировать экономическую и социально-политическую жизнь оседлых и кочевых областей Центральной Аравии, выявить определяющие ее факторы.
2. Установить основные векторы политической активности недждийских эмиратов доваххабитской эпохи.
3. Дать обоснованное определение топониму Эль-Хаса, а также описать географию, экономическую жизнь и социально-политический уклад этой области, сравнив ее с Недждом.
4. Восстановить происхождение и раннюю историю племени Бану Халид, а также реконструировать хронологию событий, связанных с захватом халидидами власти в Восточной Аравии.
5. Установить основные векторы социально-политической истории халидидского эмирата в доваххабитский период, акцентируя внимание на его отношениях с эмиратами Неджда.
6. Определить особенности религиозного ландшафта оседлых и кочевых областей Неджда в XVII–XVIII вв.
7. Реконструировать этап зарождения учения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, а также выявить этапы формирования ваххабитской идеологии и охарактеризовать ее эволюцию.
8. Установить социально-политические последствия принятия ваххабизма семейством Ааль Сауд и описать складывание саудидской государственности.

9. Реконструировать покорение ваххабитами Центральной и Восточной Аравии, определить его основные этапы и причины успехов первого государства Саудидов.
10. Выявить последствия объединения Центральной и Восточной Аравии под ваххабитской властью и социально-политическую обстановку в различных областях Центральной и Восточной Аравии в конце XVIII – начале XIX в., уделяя особое внимание действующим на этих территориях центробежным и центростремительным силам.

Хронологические рамки. Верхняя граница исследуемого периода во многом размыта, поскольку выделить какое-либо рубежное событие, маркирующее начало доваххабитской эпохи, не представляется возможным. Условной точкой отсчета была выбрана середина XVII в. – с этого времени начинают повествование авторы старейших летописей, задействованных в данной работе. Кроме того, именно середина XVII в. характеризуется постепенным угасанием интереса к Центральной и Восточной Аравии со стороны внешних сил (османских султанов, хиджазских шерифов и пашей Южного Ирака). За нижнюю границу нами принято начало XIX в., ознаменовавшееся объединением Неджда и Эль-Хасы под властью династии Ааль Сауд, а также началом развертывания активной ваххабитской экспансии за пределами этих областей Аравии.

Географические рамки. Основное внимание в работе уделяется территориям Центральной и Восточной Аравии. В случае с Недждом таковыми являются его южные и центральные пределы – Эль-Хардж, Эль-‘Арид, Эль-Вашм, Судайр и Эль-Касым. История остальных областей затрагивается нами в меньшей степени в силу их малой заметности на социально-политической арене исследуемого периода. Исключение составляет Джебель-Шаммар и его главный город Хаиль, располагающиеся на севере Внутренней Аравии. Фрагментарность их упоминания в работе обусловлена скучностью письменных источников.

Относительно Восточной Аравии следует сделать несколько оговорок. Диссертация в основном концентрируется на провинции Эль-Хаса – наиболее обширной и репрезентативной ее области, в то время как Кувейт и Бахрейн,

технически входящие в понятие «Восточная Аравия», полностью исключены из работы. Их экономика, социально-политический уклад и географические характеристики радикально отличаются от порядков, царивших в большинстве земель Центральной и Восточной Аравии, и поэтому история этих территорий требует отдельного исследования. Кроме того, переломные события, определившие основные векторы их развития находятся далеко за пределами принятых нами хронологических рамок. Другие области Восточной Аравии, такие как Договорный Оман⁷ и Катар, нами также отдельно не рассматриваются. Это связано с двумя основными факторами: отсутствием объективных причин выделять эти земли в обособленное социально-политическое пространство (объединение местных раздробленных шейхств в сколь-либо целостный конгломерат произошло лишь на исходе 40-х годов XIX в.), а также их малой значимостью с точки зрения затронутой в диссертации тематики.

Положения, выносимые на защиту:

1. Большая часть территории Центральной Аравии в XVII–XIX вв. была населена кочевыми племенами, в то время как пригодные для возделывания земли концентрировались в небольших оазисах, в крупнейших из которых возникали города⁸. Кочевое происхождение многих оседлых обитателей Неджда, примитивность местных аграрных технологий, а также отсутствие кооперации между знатью и рядовыми жителями способствовали сохранению на этих территориях родоплеменного уклада и препятствовали формированию сложных социальных структур.
2. Недждийские эмиратаe доваххабитской эпохи представляли собой сравнительно небольшие области, подконтрольные наиболее могущественным кланам, власть которых держалась исключительно на богатстве и силовом ресурсе их лидеров. Взаимодействие между политиями Центральной Аравии было минимальным и чаще всего сводилось к взаимным грабительским набегам. При этом на протяжении XVII в. даже в

⁷Договорный Оман – одно из исторических наименований юго-восточного побережья Персидского залива.

⁸Об особенностях применения понятия «город» в реалиях Центральной и Восточной Аравии см.: гл. 1, § 2 и гл. 2, § 1.

развитых торговых городах не произошло складывания цельной социально-политической системы, которая бы закрепила отношения между эмирами и их подданными на законодательном уровне.

3. Провинция Эль-Хаса представляла собой крупнейшую историко-географическую область Восточной Аравии, в которой были сосредоточены одни из богатейших аравийских оседлых центров. Несмотря на процветание местных торговли и земледелия, экономический и социально-политический уклад этих земель практически не отличался от недждийского. Компактное расположение хасских городов и оазисов позволяло установить над ними единый политический контроль, что обусловило внушительный размер и могущество местных политических образований.
4. В середине XVII в. Османская империя значительно сократила военное присутствие в Восточной Аравии, и к власти в Эль-Хасе пришли лидеры племени Бану Халид. При всем богатстве и обширности территории халидидского эмирата его социально-политическая система мало чем отличалась от архаичного и примитивного уклада недждийских оазисов.
5. Располагая колоссальными богатствами Эль-Хасы, лидеры династии Ааль Хумайд развернули активную внешнеполитическую деятельность, главной целью которой стало установление контроля над основными караванными путями, пролегавшими через Центральную Аравию. Успешное продвижение халидидов в Неджде было прервано лишь чередой экономических и политических потрясений, ввергших эмирят в длительный кризис.
6. Во второй половине XVII – начале XVIII в. в Центральной Аравии наблюдался упадок нормативного ислама, оплотами которого оставались крупные недждийские города. В сельской местности он был почти полностью вытеснен языческими обычаями и верованиями, уходящими корнями в доисламские времена, а также искаженными формами исламского культа «святых» (*аулия*).

7. Ранний ваххабизм складывался под значительным влиянием идеологии средневековых протосалафитов⁹ Таки ад-Дина ибн Таймии (1263–1328) и Ибн Кайима аль-Джаузийи (1292–1350), многие концепции которых были переняты и радикализованы Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом. Одним из краеугольных камней его учения стала идея об «очищении» религии от несвойственных раннему исламу практик и традиций, к которым вероучитель по ряду причин причислял широко распространенное в Неджде поклонение «святым». Первоначально ваххабизм представлял собой исключительно религиозное движение, однако в связи с начавшимися гонениями произошла его политическая радикализация, вылившаяся во внедрение в его доктрину установки на ведение безостановочного джихада, возглавляемого военным вождем – имамом.
8. После переселения из ‘Уяйны в Эд-Дир‘ийю Мухаммаду ибн ‘Абд аль-Ваххабу удалось наладить тесное сотрудничество с местными властителями из клана Ааль Сауд и начать глубокие социально-политические реформы. Их итогом стала концентрация всей полноты власти в руках правящего семейства и зарождение первого государства Саудидов. Кроме того, джихадистские установки ваххабизма, законодательно оформлявшего власть имамов, существенно повлияли на экспансионистский характер внешней политики нового государства.
9. Выстроенная в Эд-Дир‘ийе социально-политическая система позволила эффективно мобилизовать скромные ресурсы эмирата для развертывания масштабной и успешной экспансии. В ходе ваххабитских войн первое государство Саудидов проявило исключительную устойчивость к социально-политическим и экономическим потрясениям и к концу XVIII в. поглотило большую часть политий Центральной и Восточной Аравии. Покорение этих земель существенно обогатило казну имамов, а также позволило им начать присоединение южных и западных областей Аравийского полуострова.

⁹ Протосалафизм – понятие, обозначающее течение в рамках ханбализма, характерной чертой которого был упор на «очищение» ислама от нововведений и ориентация на выстраивание религиозной жизни в соответствие с практиками и обычаями ранних мусульман.

10. К началу XIX в. первое государство Саудидов раскинулось на большей части Аравийского полуострова. Однако политическое положение его провинций в значительной степени отличалось. В большей их части доминировали центробежные силы, а власть имамов поддерживалась лишь ваххабитским военным присутствием. Центростремительные тенденции наблюдались лишь на юге Центральной Аравии, большая часть населения которого по ряду причин симпатизировала ваххабитам.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Основное содержание диссертации отражено в 8 публикациях, четыре из которых вышли в свет в рецензируемых научных изданиях, определенных п. 2.3. Положения о присуждении ученых степеней в МГУ имени М.В. Ломоносова¹⁰. Результаты работы были представлены на международных конференциях «Ломоносовские чтения» (2022 г., 2023 г., 2024 г.).

Методологическая база и методы исследования. Одной из главных сложностей при исследовании тематики диссертации стало сравнительно небольшое количество теоретико-методологических наработок в области изучения социально-политической истории Центральной и Восточной Аравии XVII–XIX вв. Целостные подходы предлагались лишь отечественными учеными, придерживавшимися марксистско-ленинских положений и установок, которые оказались недостаточными для полного отражения сущности исследуемых процессов. Не менее серьезным препятствием стала необходимость частичной, а в ряде случаев и полной реконструкции подвергающейся анализу фактологической базы. По этой причине исследование было проведено с умеренных позиций,

¹⁰ Матвеев Ф.Ю. Дир'ийский эмирят накануне зарождения саудовской государственности (по материалам недждийских хроник XVII–XVIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 3. С. 73–81; он же. Религиозный фетишизм в жизни земледельческих общин Центральной Аравии в первой половине XVIII в. (по материалам ранних богословских и исторических трудов ваххабитских ученых) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2023. Т. 67. № 3. С. 77–85; он же. Зарождение Саудидской государственности и ее связь с основами ваххабитского вероучения // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2024. Т. 68. № 1. С. 62–75; он же. Основные векторы внешней политики эмирата бану халид во второй половине XVII – первой половине XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 187–200.

близких к установкам аналитической школы, с опорой на принципы системности, объективности и историзма.

В работе активно применяется историко-генетический метод, позволяющий проследить истоки и процесс становления многих анализируемых феноменов. При рассмотрении ваххабитского движения, социально-политических систем эмираторов Неджда, Эль-Хасы, а также первого государства Саудидов был задействован историко-системный метод, раскрывающий их сущность путем изучения отдельно взятых элементов. Сопоставление уклада таких политических игроков, как халидийский эмират и первое государство Саудидов, потребовало применения компаративистского метода. В главе, касающейся религиозного ландшафта Центральной Аравии в XVIII в., а также содержания ваххабитского учения и его эволюции, был использован количественный анализ, примененный к богословским и полемическим трудам Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба.

Источники. Диссертация строится на разнообразных материалах, большая часть которых относится к нарративным источникам, представленным летописями недждийских, египетских и иракских хронистов XVII–XX вв., а также путевыми заметками и дневниками европейских путешественников XIX–XX вв. Значительная доля сведений была почерпнута из богословских трудов сторонников ваххабитского движения, а также частной и публичной переписки видных религиозных и политических деятелей эпохи первого государства Саудидов.

Самые ранние из задействованных источников представлены сочинениями аравийских летописцев XVII – начала XVIII в., происходивших из южненедждийской области Судайр. Большая часть этих работ имеет сходные черты. Их составители концентрируются преимущественно на истории своей родины, освещая конфликты между местными оазисами, отдельные эпизоды городской и сельской жизни, а также климатические и астрономические явления. Хотя на первый взгляд эти хроники представляются незамысловатыми и стилистическим однообразными, изобилуя лексическими повторами, просторечными выражениями и многочисленными диалектизмами, они являются практически единственными источниками, позволяющими реконструировать

социально-политическую историю Центральной и Восточной Аравии в XVII – начале XVIII в.

Краеугольным камнем недждийского летописания доваххабитской эпохи считается старейшее из этих сочинений «Тарих аш-шайх Ахмад ибн Мухаммад аль-Манкур» («История шейха Ахмада ибн Мухаммада аль-Манкура») Ахмада ибн Мухаммада ат-Тамими ан-Наджди аль-Манкура (1657–1713)¹¹. Его основу составляет описание событий, имевших место в Судайре и на прилегающих к нему территориях в период 1044–1123 гг.х. / 1634–1711 гг. Данная летопись занимает особое место среди трудов недждийских ученых – автор был очевидцем и первым фиксатором подавляющего большинства описываемых им эпизодов. Сведения из труда аль-Манкура часто заимствовались более поздними хронистами.

Одним из источников, приближающимся по значению к «Истории аль-Манкура», является летопись его современника Мухаммада ибн Раби‘а ибн Мухаммада аль-‘Аусаджи (1655–1745) под названием «Тарих Ибн Раби‘а» («История Ибн Раби‘а»)¹². Ее составитель, как и аль-Манкур, родился в области Судайр (в городке Садик). Существуют предания, которые отводят именно его предкам роль основателей этого селения. Сочинение Ибн Раби‘а охватывает более длительный период – 948–1146 гг.х. / 1541–1733 гг. Особую ценность ему придает наличие уникальной информации об истории Восточной Аравии в период владычества в Эль-Хасе представителей династии Ааль Хумайд из племени Бану Халид. Кроме того, Ибн Раби‘а как бы «продолжает» прервавшуюся на 1711 г. летопись аль-Манкура, описывая события вплоть до 1733 г.

Перечень недждийских хроник, восходящих к доваххабитской эпохе, замыкает труд «Тарих Ибн ‘Ибад» («История ибн ‘Ибада») шейха Мухаммада ибн Хамада ибн ‘Ибада аль-‘Аусаджи (ум. в 1762 г.)¹³. Хотя автор и стал свидетелем зарождения и начала завоеваний первого государства Саудидов, его произведение

¹¹ Аль-Манкур, Ахмад ибн Мухаммад. Тарих аш-шайх Ахмад ибн Мухаммад аль-Манкур (История шейха Ахмада ибн Мухаммада аль-Манкура). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (далее – Аль-Манкур. Тарих).

¹² Аль-‘Аусаджи, Мухаммад ибн Раби‘а ибн Мухаммад. Тарих Ибн Раби‘а (История Ибн Раби‘а) // Хизанат ат-таварих ан-надждия (Сокровищница недждийских летописей). Т. 3. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (далее – Тарих Ибн Раби‘а).

¹³ Аль-‘Аусаджи, Мухаммад ибн Хамад ибн ‘Ибад. Тарих Ибн ‘Ибад (История Ибн ‘Ибада). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (далее – Тарих Ибн ‘Ибад).

по форме и содержанию гораздо больше напоминает сочинения аль-Манкура и Ибн Раби‘а, чем труды саудидских летописцев. Повествование охватывает период с 1011 по 1175 г.х. / 1602–1761 гг. Большая часть XVII в. реконструируются им на основе наследия его предшественников, на что указывают многочисленные заимствования из «Историй» судайрийских ученых. Многие почерпнутые из других источников сюжеты описываются Ибн ‘Ибадом более развернуто при том, что происхождение этих деталей остается неизвестным. Наиболее значимыми событиями, очевидцем которых был сам автор, являются первые походы Саудидов, а также многочисленные рейды халидидов на территорию Южного Неджда. Описание Ибн ‘Ибадом ранней истории клана Ааль Сауд примечательно своей беспристрастностью, что заметно выделяет его «Историю» на фоне тенденциозных ваххабитских трудов.

Особняком среди доваххабитских хроник стоит сочинение «Ахдас аль-Басра фи-ль-карн аль-хади ашар аль-хиджри» («События, произошедшие в Басре в XI в. по хиджре») иракского ученого Фатхаллаха ибн ‘Альвана аль-Ка‘аби (ум. в 1718 г.)¹⁴. Этот источник, посвященный преимущественно истории Южного Ирака, практически не затрагивает события в Аравии исследуемого периода, однако в нем содержится ряд сведений, которые помогают прояснить кратко описанную в недждийских летописях историю халидидского завоевания Эль-Хасы. Информация аль-Ка‘аби дает возможность верифицировать и уточнить отдельные сообщения центральноаравийских историографов, касающиеся Восточной Аравии середины XVII в.

Следующий блок задействованных в диссертации нарративных источников составляют труды саудидских ученых XVIII–XIX вв. Их сочинения отличаются изысканным и отточенным стилем, а также целостью и детализацией повествования, нехарактерными для хроник XVII в. Столпом ваххабитского летописания по праву считается масштабный труд знаменитого богослова Хусейна ибн Ганнама (ум. в 1811 г.) «Тарих Наджд аль-мусамма раудат аль-афкар ва-ль-

¹⁴ Аль-Ка‘аби, Фатхаллах ибн ‘Альван. Ахдас аль-Басра фи-ль-карн аль-хади ашар аль-хиджри (События, произошедшие в Басре в XI в. по хиджре). Бейрут: Ад-Дар аль-‘арабия ли-ль-маусу‘ат, 2002 (далее – Аль-Ка‘аби. Ахдас аль-Басра).

афхам» («История Неджда, называемая садом мыслей и понятий»)¹⁵. Биография Ибн Ганнама во многом примечательна. Будучи уроженцем Эль-Хасы, он получил прекрасное образование и пользовался авторитетом среди ученых своего времени. На протяжении своей жизни он активно путешествовал, углубляя познания в религии. Многие ‘алимы¹⁶ Восточной Аравии и Бахрейна были его учениками. Сочинения Ибн Ганнама, частично написанные изящной рифмованной прозой, в полной мере выявляют его писательские и поэтические дарования. Заинтересовавшись учением шейха Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, Ибн Ганнам покинул Эль-Хасу и переселился в Эд-Дир‘ийю, став одним из ближайших сподвижников основателя ваххабизма и первых саудидских имамов.

Труд Хусейна ибн Ганнама состоит из двух частей. Первая часть, посвященная преимущественно религиозным вопросам, содержит обзор наследия его духовного учителя –трактатов, публичных посланий, фетв и т.д. Наибольшую ценность представляют приведенные в ней сведения о религиозной жизни доваххабитского Неджда и биография Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба. Вторая часть является хроникой, охватывающей период 1157–1211 гг.х. / 1746–1797 гг. В ней подробно описан взлет и расцвет первого государства Саудидов с акцентом на военную и политическую историю. В этой части труда Ибн Ганнама задокументирована длительная борьба Эд-Дир‘ии и Эль-Хасы, а также покорение саудидскими имамами Восточной Аравии. Будучи очевидцем всех этих событий, Ибн Ганнам собрал уникальные материалы, послужившие опорой для последующих поколений недждийских историков. Однако при работе с его сочинением приходится принимать во внимание ангажированность автора, заметно сказывающуюся на повествовании, – все события трактуются исключительно с позиций ваххабитской доктрины, что заставляет сомневаться в достоверности отдельных пассажей «Истории Неджда».

Второй ключевой фигурой летописания саудидской эпохи является Хамад ибн Мухаммад ибн Наср ибн Ла‘абун (ум в 1839 г.), известный как «шайх аль-

¹⁵ Ибн Ганнам, Хусейн. Тарих Наджд аль-мусамма раудат аль-афкар ва-ль-афхам (История Неджда, называемая садом мыслей и понятий). Т. 1-2. Эр-Рияд: Дар аш-шурук, 2010 (далее – Ибн Ганнам. Тарих Наджд).

¹⁶ ‘Алим (араб. «знающий», «ученый»), (мн.ч. ‘улама) – знаток богословия, священного писания и предания.

муаррихин ан-надждин» («шейх недждийских историков»), автор капитального труда «Тарих Ибн Ла‘абун» («История Ибн Ла‘абуна»)¹⁷. Его сочинение, охватывающее 1063–1256 гг.х. / 1653–1839 гг., представляет собой первую сводную летопись, посвященную Центральной и частично Восточной Аравии. Погодные записи предваряются солидным массивом данных о генеалогии и происхождении различных аравийских племен и родов. Сведения о ранней истории Неджда Хамад ибн Ла‘абун почерпнул из трудов предшественников, таких как Ахмад аль-Манкур, Мухаммад ибн Раби‘а и Мухаммад ибн ‘Ибад. Большая доля информации об истоках и ранней истории первого государства Саудидов была заимствована им из хроники Хусейна ибн Ганнама, но пересказана без характерной для нее проваххабитской апологии. В целом по сравнению с «Историей Неджда» повествование в «Истории ибн Ла‘абуна отличается гораздо меньшим пафосом. Слог автора менее торжественен и тяжеловесен, чем у Ибн Ганнама, и не несет в себе его религиозной заряженности.

Достойным продолжателем Хусейна ибн Ганнама в деле ваххабитского летописания стал знаменитый богослов ‘Усман ибн ‘Абдаллах ибн Бишр (ум. в 1871/72 г.), перу которого принадлежит хроника «‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд» («Символ славы в истории Неджда»)¹⁸, подробно описывающая историю Центральной Аравии в период с 1446 по 1854 г. Отличительной особенностью этого труда является обилие сведений о социальной и экономической жизни первого государства Саудидов. На страницах своего сочинения ‘Усман ибн Бишр часто выступает апологетом ваххабизма, хотя и менее пафосным по сравнению с Ибн Ганнамом. Многогранность, детальность и широкий охват событий делают «Символ славы в истории Неджда» одним из ключевых источников информации о Неджде и Эль-Хасе XVII–XIX вв.

¹⁷ Ибн Ла‘абун, Хамад ибн Мухаммад ибн Наср. Тарих Ибн Ла‘абун (История Ибн Ла‘абуна) // Хизанат ат-таварих ан-надждия (Сокровищница недждийских летописей). Т. 1. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (далее – Тарих Ибн Ла‘абун).

¹⁸ Ибн Бишр, ‘Усман ибн ‘Абдаллах. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд (Символ славы в истории Неджда). Т. 1–2. Эр-Рияд: Дарат аль-малик ‘Абд аль-‘Азиз, 1982 (далее – Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982); Ибн Бишр, ‘Усман ибн ‘Абдаллах. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд (850–1156). Бейрут: Дар аль-Башаир аль-исламия ли-н-нашр, 2008 (далее – Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008).

Наиболее поздней из хроник XVIII–XIX вв., привлеченных в исследовании, является сводный труд шейха Мухаммада ибн ‘Умара аль-Фахири (1772–1860) под названием «Тарих аль-Фахири» («История аль-Фахири»)¹⁹. Аль-Фахири был приближен к саудидскому двору. В 1807 г. он покинул родной городок Эт-Тувайим²⁰ и переехал в Эд-Дир‘ийю, где долгое время занимался преподаванием исламских наук (среди его учеников были потомки Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Здесь же он застал судьбоносные события, связанные с гибеллю первого государства Саудидов и эпохой египетского владычества, подробно зафиксировав их. По охвату его летопись близка к сочинению ‘Усмана ибн Бишра: она начинается 850 г.х. / 1446 г. и завершается 1277 г.х. / 1860 г. Большинство записей аль-Фахири отличаются краткостью и лаконичностью, исключение составляют лишь упоминания о событиях, участником которых был он сам.

Помимо источников XVIII–XIX вв., созданных в Неджде, в данной работе задействованы две хроники, авторы которых проживали за пределами Аравии и также запечатлели события расцвета и падения первого государства Саудидов. Первая из них – летопись прославленного египетского историографа ‘Абд ар-Рахмана аль-Джабарти (1754 или 1756–1822 или 1825) «Аджаиб аль-асар фи-т-тараджим ва-ль-ахбар» («Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий»)²¹. Аль-Джабарти, как и большинство его современников, мало интересовал далекий Неджд, однако им было подробно задокументировано вторжение войск египетского наместника Мухаммада Али в Центральную Аравию, что предоставляет редкую и ценную возможность взглянуть на судьбу дир‘ийского эмирата «извне»²².

Вторая хроника принадлежит перу именитого ученого ‘Усмана ибн Санада аль-Ваили (1767–1827) и носит название «Тарих аль-Ирак ва Наджд» («История

¹⁹ Аль-Фахири, Мухаммад ибн ‘Умар. Тарих аль-Фахири (История аль-Фахири). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (далее – Тарих аль-Фахири).

²⁰ Эт-Тувайим – селение в южнонедждийской области Судайр.

²¹ Аль-Джабарти, ‘Абд ар-Рахман. Аджаиб аль-асар фи-т-тараджим ва-ль-ахбар («Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике событий»). Т. 1–4. Каир: Дар аль-кутуб аль-мысрия, 1997.

²² Аль-Джабарти, ‘Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммеда Али. Пер. с араб. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1963.

Ирака и Неджда»)²³. Ибн Санад служил придворным историографом османского наместника Ирака Дауд-паши (1797–1851), и поэтому его труд посвящен в основном иракской истории. Тем не менее многочисленные разорительные набеги Саудидов на окрестности Басры в конце XVIII – начале XIX в. пробудили интерес Ибн Санада к жизни Аравийского полуострова, результатом чего стала фиксация целого ряда эпизодов, связанных с ваххабитскими войнами в Восточной Аравии и прилегающих к ней областях, а также с падением дир'ийского эмирата. Необычный ракурс «Истории Ирака и Неджда» позволяет проследить враждебное отношение ее составителя к ваххабитскому движению, отличающее эту работу от трудов недждийских ученых.

В ходе исследования привлекались несколько летописей XIX–XX вв., которые послужили источником дополнительной информации. Ключевой из них является работа «Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза» («Очерк истории города ‘Унайза») шейха ‘Абд ар-Рахмана ибн Салиха ибн Хамада ибн Мухаммада аль-Бассама (1886–1954)²⁴, который происходил из старинного богословского клана Ааль Бассам, входящего в племенной союз Бану Тамим. Предки летописца происходили из Судайра, но в середине XVIII в. они мигрировали в Эль-Касым и осели в ‘Унайзе. Составление своего главного труда, посвященного истории родного города, шейх ‘Абд ар-Рахман завершил в начале XX в. Большинство интересующих нас событий XVII–XVIII вв. были реконструированы им на основе тщательно отобранных устных легенд и преданий. Получившаяся на выходе небольшая книжица выполнена в стиле классической недждийской хроники, охватывающей период с 620 г.х. / 1223 г. по 1335 г.х. / 1916 г. Количество записей в ней едва достигает двух сотен. Тем не менее «Очерк истории города ‘Унайза» представляет собой практически единственный источник сведений о даваххабитской истории Эль-Касыма, что превращает его в одно из наиболее востребованных дополнений к основному хроникальному массиву.

²³ Аль-Вали, ‘Усман ибн Санад. Тарих аль-Ирак ва Наджд (История Ирака и Неджда). Бейрут: ад-Дар аль-‘арабия ли-ль-мавсуат, 1993 (далее – Аль-Вали. Тарих аль-Ирак ва Наджд).

²⁴ Аль-Бассам, ‘Абд ар-Рахман ибн Салих ибн Хамад ибн Мухаммад. Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза (Очерк истории города ‘Унайза) // Хизанат ат-таварих ан-надждия (Сокровищница недждийских летописей). Т. 5. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (далее – Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза).

Опорой при работе с трудом ‘Абд ар-Рахмана аль-Бассама стала летопись его современника и соплеменника ‘Абдаллаха ибн Мухаммада ибн ‘Абд аль-‘Азиза ибн Мухаммада аль-Бассама (1858–1927) под названием «Тарих ‘Абдаллах аль-Бассам» («История ‘Абдаллаха аль-Мухаммада аль-Бассама»)²⁵. ‘Абдаллах не получил систематического образования, но его страсть к коллекционированию и чтению книг побудила его попробовать силы в составлении брошюр, посвященных истории Центральной Аравии, которые затем легли в основу его «Истории». Данное произведение представляет собой набор разрозненных записей, самая ранняя из которых относится к 359 г.х. / 969 г., а самая поздняя (добавленная племянником автора после его смерти) – к 1380 г.х. / 1960 г. Несмотря на бессистемность этого труда, приводимые в нем данные во многом помогают заполнить «белые пятна», касающиеся истории ‘Унайзы в доваххабитскую эпоху.

Ценным дополнением к основным источникам послужила выполненная в хроникальном стиле «История Ибн ‘Исы», принадлежащая перу одного из крупнейших аравийских историографов середины XIX – начала XX в. Ибрахима ибн Салиха ибн ‘Исы (1854–1924)²⁶. Это сочинение представляет собой пространную летопись, охватывающую 700–1341 гг.х. / 1300–1922 гг. Интересующий нас период представлен в ней компиляцией из трудов историографов XVII–XIX вв. Главная ценность этой работы заключается в том, что хронология, выстроенная Ибн ‘Исой, является результатом тщательного сопоставления и анализа сочинений, составленных до него, что помогает снять ряд противоречий и расхождений, обнаруживаемых в других летописях.

Последним привлеченным в диссертации хроникальным источником является получившее широкую известность анонимное сочинение «Лам‘а аш-шихаб фи сират Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб» («Блеск метеора в житии Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба»)²⁷. Эта объемная хроника посвящена истории

²⁵ Аль-Бассам, ‘Абдаллах ибн Мухаммад ибн ‘Абд аль-‘Азиз ибн Мухаммад. Тарих ‘Абдаллах аль-Бассам (История ‘Абдаллаха ибн Бассама) // Хизанат ат-таварих ан-надждия (Сокровищница недждийских летописей). Т. 5. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (далее – Тарих ‘Абдаллах аль-Бассам).

²⁶ Ибн ‘Иса, Ибрахим ибн Салих. Тарих Ибн ‘Иса (История Ибн ‘Исы) // Хизанат ат-таварих ан-надждия (Сокровищница недждийских летописей). Т. 2. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (далее – Тарих Ибн ‘Иса).

²⁷ Лам‘а аш-шихаб фи сират Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Блеск метеора в житии Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Эр-Рияд: Дарат аль-малик ‘Абд аль-‘Азиз, 2005 (далее – Лам‘а аш-шихаб).

Аравийского полуострова с середины 40-х годов XVIII в. по 1817 г. При этом, в отличие от других привлеченных трудов, в ней много внимания уделяется жизни Восточной Аравии доваххабитского периода. В частности, автор детально описывает географию расселения Бану Халид и его историю, перечисляя основные халидидские подразделения, их численность и виды занятий. Особый интерес представляет приведенная составителем «Блеска метеора» версия биографии Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, которая совершенно не похожа на ее «канонический» вариант, изложенный в трудах Ибн Бишра и Ибн Ганнама. Хотя многие сведения этой хроники обладают сомнительной достоверностью, она является одним из немногих независимых от недждийского летописания трудов.

Следующий пласт задействованных в исследовании источников представлен многочисленными религиозными трактатами и перепиской Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, а также его фетвами и проповедями, проливающими свет на религиозное и политическое содержание ваххабитского учения и его эволюцию²⁸. Существенным дополнением к ним послужило сочинение средневекового арабского ученого Хишама ибн аль-Калби «Книга об идолах»²⁹. Несмотря на значительный временной разрыв между эпохой, описываемой аль-Калби, и XVII–XVIII вв., сравнение упомянутых в его труде культов с религиозными практиками обитателей Неджда позволяет углубить представление о духовном ландшафте Центральной Аравии в доваххабитскую эпоху.

Третья составляющая источникового массива диссертации включает в себя труды восточных, западных и отечественных путешественников, большинство из которых побывали в Аравии в XIX в. В частности, в исследовании привлекаются работы двух паломников, посетивших Центральную и Восточную Аравию с

²⁸ *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Китаб ат-таухид (Книга единобожия). Эр-Рияд: [б.и.], 2012 (далее – *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Китаб ат-таухид); *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Аль-усуль ас-саляса ва-аль-адилятиха (Три основы и их доказательства). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (далее – *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Аль-усуль ас-саляса); *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1-7, 12-13. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (далее – *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Муаллафат); *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Ар-Расаиль аш-шахсия (Личная переписка) // Ад-Дураар ас-сания фи аль-аджвиба ан-надждия (Высочайшие жемчужины недждийского дискусса). Т. 1. Под ред. ‘Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ибн Касима аль-Асми ан-Наджи. Эр-Рияд: [б.и.], 1996 (далее – Ад-Дураар ас-сания).

²⁹ *Ибн аль-Калби, Хишам*. Книга об идолах. Пер. с араб., предисл. и примеч. Вл.В. Полосина. М.: Наука, 1984.

разрывом в несколько веков. Важнейшей из них стал компактный труд «Ар-Рихля аль-маккия» («Путешествие в Мекку») сирийского пилигрима Муртазы ибн Али ибн ‘Альвана ад-Димашки аш-Шами³⁰, пересекшего Южный Неджд и Эль-Хасу в 1708–1710 гг. Записки Ибн ‘Альвана содержат уникальные данные о жизни Центральной и Восточной Аравии начала XVIII в.

Редким источником, описывающим специфику географии и быта Эль-Хасы, стала знаменитая «Книга путешествий» персидского философа и поэта Насира Хосрова (1004–1088)³¹. Несмотря на то, что автор посетил Восточную Аравию в XI в., задолго до исследуемых в диссертации событий, многие его наблюдения оказались исключительно полезны при реконструкции и анализе жизни обитателей этих земель в XVII–XIX вв.

Одним из первых европейцев, посетивших Аравийский полуостров и оставивших информативные записи о царивших там обычаях и нравах, был знаменитый швейцарский востоковед Иоганн Людвиг Буркхардт (1784–1817). Вышедшее в свет в 1829 г. двухтомное сочинение «Путешествие в Аравию, включающее рассказ о тех территориях Хиджаза, которые магометане почитают священными»³², представляет собой итог экспедиции, предпринятой автором в 1814–1815 гг., в разгар антивахабитской кампании Мухаммада Али. Не менее информативны «Записки о бедуинах и ваххабитах»³³, в которых Дж.Л. Буркхардт описал свой опыт пребывания в кочевых племенах, сохранив множество уникальных сведений об их традиционном укладе.

Первым западным путешественником, пересекшим Аравию с востока на запад, стал Джордж Форстер Сэдлиер (1789–1859), британский офицер и исследователь, которому в начале XIX в. было поручено ведение переговоров с покорителем Аравии Ибрахим-пашой (1789–1848). В ходе путешествия,

³⁰ Ибн ‘Альван, Муртаза. Ар-Рихля аль-маккия (Путешествие в Мекку) // Джашннаме-ье остад-е Сейед Ахмад Хосейни Ашкавари (Сборник памяти профессора Сейеда Ахмада Хосейни Ашкавари). Тегеран: Нашр-е элм, кетабхане-ье тахсиси-ье тарих-е эслам ва Иран, 1972.

³¹ Насир Хосров. Сафар-намэ. Книга путешествия. Пер. и вступ. статья Е. Бертельса. Под общ. ред. В. Гордлевского и И. Крачковского. М.; Л.: Academia, 1933.

³² Burckhardt J.L. Travels in Arabia: Comprehending an Account of those Territories in Hedjaz which the Mohammedans Regard as Sacred. Vol 1. L.: Henry Colburn, New Burlington street, 1829.

³³ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol. 1-2. L.: Henry Colburn and Richard Bentley, New Burlington street, 1831.

начавшегося в порту Эль-Катиф на берегу Персидского залива, он проследовал через земли Эль-Хасы, Центральной Аравии и Хиджаза, пока не достиг красноморского порта Янбо. Итогом его экспедиции стало знаменитое сочинение «Дневник путешествия по Аравии от Эль-Катифа в Персидском заливе»³⁴. В нем зафиксированы последствия египетской оккупации, очевидцем которых стал автор, а также подробное описание руин многих ключевых селений Южного Неджда, в том числе ваххабитской столицы Эд-Дирй‘ии.

Богатейшим источником сведений о географии, природе, религии, экономическом и социально-политическом укладе Центральной и Восточной Аравии в изучаемый период послужил труд британского путешественника Уильяма Гиффорда Палгрева (1788–1861) «Описание годичного путешествия по Центральной и Восточной Аравии»³⁵. Если Дж. Сэдлиер был первым европейцем, прошедшим сквозь пустоши Аравии с запада на восток, то У. Палгрев оказался первым исследователем, пересекшим Аравийский полуостров с севера на юг. Его маршрут пролегал через три основных географических области Неджда – Джебель-Шаммар, Эль-Касым и Южный Неджд – и заканчивался в Эль-Хасе. В своих записках У. Палгрев тщательно зафиксировал особенности бытия обитателей Центральной и Восточной Аравии XIX в., благодаря чему этот труд занимает одно из центральных мест среди произведений западных первооткрывателей, привлеченных в данном исследовании.

Ценными источниками информации о различных аспектах жизни Северного и Центрального Неджда XIX в. стали двухтомное сочинение английского поэта и писателя Чарльза Монтегю Доути (1843–1926) «Путешествие в Аравию Пустынную»³⁶, а также труд «Северный Неджд: Путешествие от Иерусалима до ‘Унайзы в Эль-Касыме»³⁷ итальянского путешественника Карло Гуармани (1828–1884), прибывшего в Центральную Аравию в 1864 г. с целью закупки

³⁴ Sadlier G.F. Diary of a journey across Arabia from El Khatif in the Persian Gulf. Bombay: Education Society's Press, 1866.

³⁵ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey through Central and Eastern Arabia. L.: MacMillan, 1869.

³⁶ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. L.: Medici Society Ltd, 1925; Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. L.: The Medici Society Ltd, 1921.

³⁷ Guarmani C. Northern Najd a Journey from Jerusalem to Anaiza in Qasim. L.: Argonaut Press, 1938.

лошадей. Приведенные в них данные легли в основу реконструкции жизни этих областей в XVII–XVIII вв.

Важные сведения об экономике Неджда и Эль-Хасы были почертнуты из первого тома сочинения немецкого путешественника Карстена Нибура (1733–1815) «Путешествия по Аравии и другим странам Востока»³⁸. Хотя его записки посвящены преимущественно описанию Йемена и аравийских портов Красного моря, в них содержится множество ценных замечаний относительно торговых связей Аравийского полуострова и быта местных кочевников.

Позднейшим из задействованных источников, принадлежащих перу западных путешественников, является монументальный двухтомный труд британского колониального деятеля и востоковеда Гарри Сент-Джона Бриджера Филби (1885–1960) «Сердце Аравии: история путешествий и исследований»³⁹, который впервые был представлен публике в 1922 г. Г. Филби долгое время жил при дворе будущего короля Саудовской Аравии ‘Абд аль-‘Азиза ас-Са‘уда (1880–1953) и подробно запечатлел жизнь Неджда и Эль-Хасы конца XIX – начала XX в., которая мало чем отличалась от уклада предшествующих столетий. Отдельный интерес представляет масштабная ревизия данных, приводимых в сочинениях предшественников Г. Филби (многие из них корректируются и оспариваются автором)⁴⁰.

Ряд сведений относительно религиозной обстановки на территории Аравии был почертнут из отчета о командировке в Хиджаз, составленного российским военным и востоковедом штабс-капитаном Абдулазизом Давлетшином (1861–1920)⁴¹.

Степень изученности проблемы и историография. Положенная в основу диссертации тематика сравнительно редко разрабатывалась как в отечественной, так и в европейской историографии. Большинство укладывающихся в ее рамки

³⁸ Niebuhr C. Travels through Arabia, and Other Countries in the East. Vol 1. Edinburgh: Birchin Lane, 1792.

³⁹ Philby H.S.J.B. The Heart of Arabia: A Record of Travel & Exploration. Vol. 1-2. L.: Constable & Co Ltd, 1922.

⁴⁰ Подробнее об исследовании Аравийского полуострова европейскими путешественниками см.: Пирен, Жаклин. Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследования. Пер. с франц. И.Г. Мягковой. М.: Наука, 1970; Freeth Z.D. Explorers of Arabia from the Renaissance of the End of the Victorian Era. N.Y.: Holmes & Meier, 1978; Hogarth D.G. The Penetration of Arabia: A Record of the Development of Western Knowledge Concerning the Arabian Peninsula. N.Y.: Stokes, 1904.

⁴¹ [Давлетшин А.]. Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз // Хадж российских мусульман. № 2. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже. Н. Новгород: ИД «Медина», 2009.

трудов посвящены преимущественно первому государству Саудидов, в то время как Эль-Хаса описывается в них фрагментарно и лишь в качестве пассивной политической силы. К тому же из исследовательского фокуса часто выпадают события XVII в., исключительно важные для понимания последующей истории Центральной и Восточной Аравии. Заранее отметим, что монографии арабских ученых в этой области гораздо более многочисленны, но страдают от отсутствия проработанной аналитической составляющей. По этой причине их наследие послужило скорее дополнением к основной историографической базе диссертации.

Первый пласт задействованной литературы составляют общие работы, посвященные судьбе арабских стран и Османской империи в Новое время, что обусловлено необходимостью реконструкции исторического фона исследуемых нами событий. Среди них особое место занимает труд выдающегося отечественного арабиста В.Б. Луцкого «Новая история арабских стран»⁴². Автор освещает широкий спектр вопросов, касающихся социально-политической и экономической жизни арабского мира в Новое время, осмысливая составляющие ее события через призму марксистско-ленинской методологии. На страницах этой книги также предпринимается одна из первых попыток систематического изложения истории первого государства Саудидов. И хотя недждийские и хасские сюжеты затрагиваются в весьма ограниченном объеме (около 15 страниц), общие условия, в рамках которых они разворачиваются, исследованы весьма обстоятельно.

В этой связи также оказались востребованы труды ученика В.Б. Луцкого Н.А. Иванова, в частности его фундаментальная монография «Османское завоевание арабских стран»⁴³, в которой автор подробно осветил процесс включения различных частей Арабского Востока в состав Османской империи. В свете поставленных нами задач особый интерес представляет приведенная им реконструкция покорения Эль-Хасы, а также противостояние османских и португальских сил в зоне Персидского залива. Отметим также сборник работ Н.А.

⁴² Луцкий В.Б. Новая история арабских стран. М.: Наука, 1966.

⁴³ Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. М.: Восточная литература, 2001.

Иванова «Труды по истории исламского мира»⁴⁴, в котором представлено авторское видение ранней истории первого государства Саудидов. Несмотря на спорность ряда тезисов и констатаций Н.А. Иванова, собранные им данные во многом послужили базой для дальнейших изысканий отечественных специалистов.

Нельзя обойти вниманием классические монографии М.С. Мейера «Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса»⁴⁵ и Джона Патрика Бальфура «Османская империя. Шесть столетий от возышения до упадка»⁴⁶. Анализируемые авторами события напрямую связаны с активизацией процессов, приведших к отложению от владений султана ряда территорий Центральной и Восточной Аравии, что открыло путь становлению ваххабитского движения и саудидской государственности.

Следующий сегмент историографической базы состоит из отечественных, западных и арабских трудов, посвященных истории центральных и восточных областей Аравийского полуострова в XVII–XIX вв., а также зарождению ваххабитского движения и первого государства Саудидов. Одним из первых в российской историографии эту тематику затронул советский исследователь Н.И. Прошин в книге «Страны Аравийского полуострова»⁴⁷. Несмотря на то, что автора интересовали преимущественно XIX–XX вв., а многие собранные им материалы изрядно устарели, данный труд изобилует пространными описаниями местного экономического уклада, не потерявшими актуальности даже на фоне порыва в области изучения Аравийского полуострова, пришедшегося на 1960-е – 1980-е годы.

Среди первых основательных исследований экономического и социально-политического устройства Неджда выделим труд отечественного этнографа и историка А.И. Першица «Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в.»⁴⁸ и его статью «Хозяйственный быт

⁴⁴ Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. М.: Институт востоковедения РАН, 2008.

⁴⁵ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991.

⁴⁶ Бальфур Дж.П. Османская империя. Шесть столетий от возышения до упадка. XIV–XX вв. Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2017.

⁴⁷ Прошин Н.И. Страны Аравийского полуострова. М.: Географгиз, 1958.

⁴⁸ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в. М.: АН СССР, 1961.

кочевников Саудовской Аравии»⁴⁹. С опорой на марксистско-ленинскую методологию автор детально описывает традиционный уклад этой области мира, реконструируя его на богатом источниковом материале, собранном европейскими путешественниками XVIII–XX вв.

Вторым видным экспертом по истории Аравийского полуострова в Новое время выступает российский арабист А.М. Васильев – автор классической монографии «История Саудовской Аравии»⁵⁰. Эта обширная работа охватывает длительный исторический период, начинающийся с 1744 г., времени зарождения первого государства Саудидов, и завершающийся серединой 90-х годов XX в. Автор скрупулезно анализирует социально-политические процессы, имевшие место во внутренних областях Аравии в XVIII–XIX вв., привлекая обширный пласт источников и литературы, однако практически полностью опускает судьбу Эль-Хасы как самостоятельного политического субъекта.

Обращая внимание на разработки иностранных специалистов, проливающие свет на историю Неджда в XVIII–XIX вв., в первую очередь необходимо упомянуть исследования американского историка Дэвида Комминса «Ваххабитская миссия и Саудовская Аравия»⁵¹ и «Ислам в Саудовской Аравии»⁵², в которых изложен оригинальный взгляд на становление первого государства Саудидов. Упор в его книгах сделан не на экономических и политических предпосылках восхождения династии Ааль Сауд, а на поиске истоков и осмыслиении процесса становления ваххабитского движения – одного из главных факторов истории Аравийского полуострова в XVIII–XIX вв. Заметим, что автор рассматривает ваххабизм лишь в его социально-политической ипостаси, уделяя сравнительно мало внимания генезису и развитию его религиозной доктрины.

Не менее значима монография «История Саудовской Аравии» британской исследовательницы саудовского происхождения Мадави ар-Рашид⁵³. В основном

⁴⁹ Першиц А.И. Хозяйственный быт кочевников Саудовской Аравии // Советская этнография, 1952, №1, стр. 106-112. М.: АН СССР, 1961.

⁵⁰ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982.

⁵¹ Commins D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. N.Y.: I.B. Tauris & Co Ltd, 2006.

⁵² Commins D. Islam in Saudi Arabia. N.Y.: Cornell University Press, 2015.

⁵³ Al-Rasheed, Madawi. A History of Saudi Arabia. L.: Cambridge University Press, 2010.

автор концентрируется на истории XIX–XX вв., однако также приводит ряд ценных наблюдений относительно даваххабитской истории Эд-Дир‘ии и социально-политических условий, в которых зародилась саудидская государственность.

Исчерпывающее описание особенностей сельского хозяйства в оседлых областях Неджда и Эль-Хасы представлено в книге американского востоковеда Б. Рейли «Рабство, сельское хозяйство и малярия на Аравийском полуострове»⁵⁴.

При работе над хроникальным материалом, касающимся Эд-Дир‘ии в даваххабитский период, привлекался ряд арабских исследований, важнейшим из которых стала первая часть четырехтомной работы саудовско-сирийского ученого Мунира аль-‘Аджляни «История Саудовской Аравии»⁵⁵. Скрупулезность автора в разрешении летописных противоречий оказалась исключительно полезна при обработке недждийских источников.

Первичная систематизация летописных данных об оазисе ‘Уяйна и его месте в жизни даваххабитской Аравии проводилась с опорой на книгу «Эмират ‘Уяйны и история рода Ааль Му‘аммар» саудовского историка ‘Абд аль-Мухсина ибн Мухаммаада ибн Му‘аммара⁵⁶, основательно изучившего роль этого селения в системе трансаравийской торговли.

При описании истории недждийских областей Эль-Касым и Джебель-Шаммар были задействованы монографии «Политическая история Эль-Касыма» саудовского ученого Мухаммада ибн ‘Абдаллаха ас-Салмана⁵⁷ и «Политическая история эмирата Хаиль» Джабара Яхьи ‘Убайда⁵⁸. Хотя большая часть событий, находящихся в фокусе внимания их авторов, относится к XIX в., их анализ предваряется пространной географической и хозяйственной характеристикой Центрального и Северного Неджда.

Противостояние ваххабитов и египтян, а также гибель первого государства

⁵⁴ Reilly B. Slavery, Agriculture, and Malaria in the Arabian Peninsula. Athens: Ohio University Press, 2015.

⁵⁵ Аль-‘Аджляни, Мунир. Тарих аль-Мамляка аль-‘Арабия ас-Саудия (История Королевства Саудовская Аравия). Т. 1. Эр-Рияд: Дар аш-шибл ли-н-нашр ва-т-тавзи‘а ва-т-тиба‘а, 1993.

⁵⁶ Ибн Му‘аммар, ‘Абд аль-Мухсин ибн Мухаммад. Имара аль-‘Уяйна ва тарих Ааль Му‘аммар (Эмират ‘Уяйны и история рода Ааль Му‘аммар). Эр-Рияд: Дар аль-марих ли-н-нашр ва-т-тавзи‘а, 2004.

⁵⁷ Ас-Салман, Мухаммад ибн ‘Абдаллах. Тарих Эль-Касым ас-сияси (Политическая история Эль-Касыма). ‘Унайза: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999.

⁵⁸ ‘Убайд, Джабар Яхья. Ат-Тарих ас-сияси ли-имара Хаиль (Политическая история эмирата Хаиль). Бейрут: Ад-дар аль-‘арабия ли-маусу‘ат, 2003.

Саудидов в огне аравийской кампании Мухаммада Али нашли отражение в монографиях С.А. Кириллиной «Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века»⁵⁹ и Дж. Сабини «Войска среди песков: борьба за Мекку и Медину»⁶⁰.

Разработка вопросов, касающихся истории Восточной Аравии, потребовала привлечения обширного пласта отечественной литературы, посвященной характеристике географии и традиционного социально-политического уклада этих земель. В этой связи невозможно не обратиться к трудам советского арабиста В.Л. Бодянского⁶¹. Несмотря на то, что интересующая нас область Эль-Хаса упоминается в его работах всего несколько раз, а основное внимание уделяется княжествам Персидского залива, многие констатации автора относительно восточноаравийских способов хозяйствования, ландшафта и маршрутов морской торговли оказались исключительно полезны при анализе хасской экономической жизни, а также политических процессов, протекавших в соседних областях.

Среди других сочинений, концентрирующихся на этой области Арабского Востока, выделим труды Н.Н. Туманович и Г.Л. Бондаревского, описавших деятельность европейских держав в области Персидского залива в XVI–XX вв.⁶²

Исследование истории Эль-Хасы в XVII–XVIII вв. затруднено малочисленностью посвященных этой тематике трудов. Скромный объем отечественных наработок вынудил нас опираться преимущественно на арабскую и западную литературу. В данном случае ключевой работой стала масштабная монография «Племя Бану Халид и его отношения с Недждом» саудовского историка ‘Абд аль-Карима аль-Вахби⁶³, особую ценность которой придает использование автором малодоступных хроник. На данный момент эта книга представляет собой одно из лучших описаний давахбийской истории Восточной

⁵⁹ Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000.

⁶⁰ Sabini J. Armies in the Sand: The Struggle for Mecca and Medina. L.: Thames and Hudson Ltd, 1981.

⁶¹ Бодянский В.Л. Восточная Аравия. М.: Наука, 1986; он же. Княжества Персидского залива. М.: Мысль, 1970.

⁶² Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в 16-19 вв. М.: Наука, 1982. Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX – начало XX в.). М.: Главная редакция восточной литературы, 1968.

⁶³ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд (Племя Бану Халид и его отношения с Недждом). Эр-Рияд: Дар ас-сакиф ли-н-нашр ва-т-та‘лиф, 1989.

Аравии. В то же время работа аль-Вахби страдает от отсутствия аналитической составляющей. Рефлексии не подвергается ни специфика социально-политического строя халидидского эмирата, ни причины его поражения в ходе саудидской экспансии.

Важной частью историографической базы исследования стала статья американского востоковеда Джона Мандевиля «Османская провинция Эль-Хаса в XVI–XVII вв.»⁶⁴ В ней на основании османских архивных документов детально реконструируется история Эль-Хасы накануне воцарения на этих землях халидидов, т.е. в период, который не отражен ни в одной из известных хроник.

Информация о завоевании Эль-Хасы халидидами была почерпнута из труда «Эль-Хаса в XII в. по хиджре» саудовского специалиста Халафа ибн Даблана аль-Вазинани⁶⁵, несомненным достоинством которого является качественный анализ причин отступления османских сил из Восточной Аравии в середине XVII в. Труд аль-Вазинани особо примечателен описанием борьбы Османской империи и Португалии в районе Персидского залива – необычный ракурс ему придает использование преимущественно арабских источников.

Работа по поиску исчерпывающего определения топонима «Эль-Хаса», а также выявлению специфики природных и географических условий этой области проводилась с опорой на две монографии – «Современная история Бахрейна» бахрейнского историка Басира Зейна аль-‘Абидина⁶⁶ и «Политическая история Эль-Хасы» его саудовского коллеги Мухаммада ‘Араби Нахлы⁶⁷. Оба труда практически полностью посвящены куда более позднему временному периоду, однако в них приводится пространный обзор исторической географии Восточной Аравии.

Существенным дополнением к вышеназванным сочинениям стала статья

⁶⁴ Mandaville J.E. The Ottoman Province of al-Hasa // Journal of the American Oriental Society. 1970. No. 3. P. 486-513.

⁶⁵ Аль-Вазинани, Халаф ибн Даблан. Аль-Ахса фи-ль-карн аль-сани ашар аль-хиджри (Эль-Хаса в XII в. по хиджре). Мекка: Джами‘ат Умм аль-кура, 1984.

⁶⁶ Аль-‘Абидин, Басир Зейн. Тарих аль-Бахрейн аль-хадис (Современная история Бахрейна). Манама: Марказ ад-дирасат ат-тарихия джами‘ат аль-Бахрейн, 2009.

⁶⁷ Нахла, Мухаммад ‘Араби. Тарих аль-Ахса ас-сияси (Политическая история Эль-Хасы). Эль-Кувейт: Дар зат ас-Салисиль, 2009.

британского исследователя Дж.Б. Макки «Аравийский оазис Эль-Хаса»⁶⁸, представляющая собой подробный обзор природных и географических особенностей хасского оазиса – одного из крупнейших аграрных центров Аравии. Немало внимания автор уделяет особенностям местного сельского хозяйства, ремесла и торговли, основывая свои описания на трудах европейских первооткрывателей.

Богатым источником сведений о природных условиях, физической и исторической географии Аравийского полуострова также стал двухтомный «Газетир Персидского залива, Омана и Центральной Аравии» британского дипломата, историка и колониального администратора Джона Гордона Лоримера⁶⁹.

Отдельный сегмент историографической базы составляют разнообразные труды о духовной жизни Центральной и Восточной Аравии XVII–XIX вв., а также истоках и особенностях учения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба. Систематизация источниковых данных о даваххабитских верованиях Неджда потребовала обращения к работам, проливающим свет на доисламские религиозные обычаи Аравийского полуострова, в частности масштабному исследованию знаменитого британского востоковеда Роберта Холланда «Аравия и арабы от бронзового века до прихода ислама»⁷⁰.

Немало информации, касающейся духовного ландшафта даваххабитского Неджда, удалось почертнуть из статьи саудовского исследователя ‘Абд аль-Хакима ибн ‘Абд ар-Рахмана аль-‘Авада «Священные места в Эд-Дир‘ийе до распространения салафитского призыва»⁷¹, содержащей уникальные описания автором внешнего облика сакральных объектов и их локаций, а также несколько неизвестных ранее легенд о них, зафиксированных им со слов местных жителей.

Анализ характерной для Неджда XVII–XVIII вв. взаимной диффузии фетишизма, анимизма и исламских практик проводился с опорой на работу

⁶⁸ Mackie J.B. Hasa: An Arabian Oasis // The Geographical Journal. 1924. No. 3 P. 189-207.

⁶⁹ Lorimer J.G. Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia. Vol. 1-2. Calcutta: Superintendent government printing, 1915.

⁷⁰ Hoyland R.G. Arabia and the Arabs from the Bronze Age to the Coming of Islam. L.: Routledge, 2001.

⁷¹ Аль-‘Авад, ‘Абд аль-Хаким. Амакин йатабаррику биха фи ад-Дирийа (Культовые места в окрестностях Эд-Дир‘ийи). URL: <https://www.al-jazirah.com/2007/20070311/w01.htm> (доступ: 16.03.2023).

отечественного этнографа и религиоведа В.Н. Басилова «Культ святых в исламе»⁷². Рассматриваемые автором мусульманские традиции Центральной Азии во многом схожи с недждийскими верованиями.

Реконструкция религиозной жизни Эль-Хасы, тесно связанной с местной шиитской общиной, потребовала обращения к истории государства карматов⁷³, описанной в труде «История арабов и халифата (750-1517 гг.)» И.М. Фильшинского⁷⁴.

Помимо упомянутых нами ранее сочинений, авторы которых рассматривали ваххабизм в контексте складывания саудидской государственности, в диссертации привлекаются исследования, проливающие свет на религиозное и социально-политическое содержание учения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба. Среди них выделим недавно опубликованную фундаментальную работу американского исламоведа К. Банзела «Ваххабизм. История вооруженного исламского движения»⁷⁵, содержащую обзор истории этого движения, начиная с эпохи первых Саудидов вплоть до конца XX – начала XXI в. Немало внимания в ней уделяется связям взглядов Ибн ‘Абд аль-Ваххаба с ханбалитской и протосалафитской традициями.

В этом же ключе ваххабитская доктрина рассматривается в труде «Политический ислам: религия и политика в арабском мире» американского исламоведа Назиха Айуби⁷⁶, наглядно продемонстрировавшего генетические связи между этими течениями, а также в комплексном исследовании британского специалиста А. Блэка «История исламской политической мысли»⁷⁷.

Не обойдем вниманием статьи британского исследователя М. Кука «О происхождении ваххабизма»⁷⁸ и «Письменные и устные составляющие ранних ваххабитских посланий»⁷⁹, а также новаторскую публикацию его американского

⁷² Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970.

⁷³ Карматы – крупная ветвь исмаилитского течения в шиизме.

⁷⁴ Фильшинский И.М. История арабов и халифата (750–1517 гг.). 3-е изд., испр. и доп. М.: Восток-Запад, 2006.

⁷⁵ Bunzel C.M. Wahhabism: The History of a Militant Islamic Movement. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023.

⁷⁶ Ayubi N. Political Islam: Religion and Politics in the Arab World. L.; N.Y.: Routledge, 1991.

⁷⁷ Black A. The History of Islamic Political Thought: from the Prophet to the Present. N.Y.: Routledge, 2001.

⁷⁸ Cook M. Written and Oral Aspects of an Early Wahhabi Epistle // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2015. No. 1. P. 161-178.

⁷⁹ Cook M. On the Origins of Wahhabism // Journal of the Royal Asiatic Society. 1970. No. 2. P. 191-202.

коллеги Н. Самина «Поэзия, магия и формирование ваххабизма»⁸⁰, которые проливают свет на редко затрагиваемые вопросы о характерных композиционных особенностях ранних трактатов Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба и эволюции их содержания.

Диссертация опирается на ряд работ, анализирующих принципиальные расхождения ваххабитской доктрины и идейных установок ханбалитов и протосалафитов. Одной из наиболее заметных работ о специфике ваххабизма является монография французского политолога Н. Мулина «Исламское духовенство. Религиозный авторитет и политическая сила в Саудовской Аравии»⁸¹. Н. Мулин стал одним из первых ученых, взглянувших на движение, основанное Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом, как на уникальный религиозный феномен, сложившийся под влиянием протосалафизма, но в значительной степени отличающийся от него. Этот труд особенно примечателен фокусировкой автора на ярко выраженных мессианских и апокалиптических мотивах ваххабитской проповеди XVIII в. Кроме того, на страницах своей книги Н. Мулин разбирает упущенную многими его предшественниками деталь – последовательное воспроизведение сторонниками Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба нарратива о схожести судьбы их движения с жизнью мусульманской общины времен пророка Мухаммада.

Среди тематически смежных сочинений также выделим труды американского исламоведа Дж. Макдиси, который на примере взглядов Ибн Таймии убедительно продемонстрировал сравнительную мягкость убеждений ханбалитов-консерваторов на фоне расцветшего в Новое время салафитского радикализма⁸². Частично это тема развивается и в рассуждениях американского востоковеда

⁸⁰ Samin N. Poetry, Magic, and the Formation of Wahhabism // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2022. No. 1-2. P. 1-26.

⁸¹ Mouline N. The Clerics of Islam: Religious Authority and Political Power in Saudi Arabia. New Haven: Yale University Press, 2014.

⁸² Makdisi G. Ibn Taymiyya: A Sufi of the Qadiriya Order // American Journal of Arabic Studies. 1973. No. 1. P. 118-129; Makdisi G. The Significance of the Sunni Schools of Law in Islamic Religious History // International Journal of Middle East Studies. 1979. No. 1. P. 1-8.

российского происхождения А.Д. Кныша⁸³, отстаивавшего идею о лояльном отношении ханбалитов к суфизму.

Любопытным дополнением к основному историографическому материалу послужили статьи американского исламоведа Дж. Волла, британского историка палестинского происхождения Башира Нафи и американского арабиста Ахмада Далала, развернувших в своих публикациях полемику относительно степени влияния мединских ‘алимов на формирование мировоззрения основателя ваххабизма⁸⁴.

Наконец, в диссертации были привлечены работы отечественных исследователей В.В. Орлова и Д.Р. Жантиева, осветивших судьбу ваххабитской религиозно-политической доктрины за пределами Аравийского полуострова⁸⁵.

Структура работы. Работа состоит из введения, четырех глав, заключения, библиографического списка источников и литературы, а также приложений. Первая глава посвящена анализу социально-политического уклада, доминировавшего в Центральной Аравии в XVII–XVIII вв. В этом же разделе содержится детальная реконструкция истории Эд-Дир‘ии, ‘Уяйны и ‘Унайзы.

Во второй главе описывается специфика исторического развития Восточной Аравии, в частности Эль-Хасы. На основе хроникальных материалов подробно восстанавливаются события, связанные с захватом этих земель племенем Бану Халид, а также вековым правлением халидидского клана Ааль Хумайд. Отдельный сегмент отводится трактовке понятия «Эль-Хаса» и различным определениям этого топонима.

В фокусе третьей главы находится многоаспектный анализ истории ваххабитского движения. В ней осмысляются условия, способствовавшие

⁸³ Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм: краткая история. М.; СПб.: Диля, 2004.

⁸⁴ Völl J. Muhammad Hayya al-Sindi and Muhammad ibn ‘Abd al-Wahhab: An Analysis of an Intellectual Group in Eighteenth-Century Madina // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1975. No. 1. P. 32-39; Nafi, Basheer. A Teacher of Ibn ‘Abd al-Wahhab: Muhammad Hayat al-Sindi and the Revival of Ashab al-Ḥadīth's Methodology // Islamic Law and Society. 2006. No. 2. P. 208-241; Dallal, Ahmad. The Origins and Objectives of Islamic Revivalist Thought, 1750–1850 // Journal of the American Oriental Society. 1993. No. 3. P. 341-359.

⁸⁵ Жантиев Д.Р., Орлов В.В. Судьбы ваххабитского учения в предколониальном арабском мире (на примере сирийской и марокканской региональных моделей) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1997. № 4. С. 11-28; Орлов В.В. Крах ваххабитской модели в Магрибе: реформы марокканского султана Мулай Слимана (1792–1822 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1993. № 4. С. 249-261.

возникновению ваххабизма, в том числе особенности религиозной жизни Центральной Аравии в XVII – первой половине XVIII в., а также реконструируется биография его основателя Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба. Кроме того, в главе предпринята попытка проследить эволюцию ваххабитской идеологии и ее социально-политического содержания.

Четвертая глава посвящена периоду экспансии властителей Эд-Дир‘ийи в Центральной и Восточной Аравии, которая продемонстрировала эффективность социально-политической модели, выстроенной в первом государстве Саудидов. Особое внимание в ней уделяется определению факторов успеха ваххабитских завоеваний и выявлению долгосрочных последствий объединения Неджда и Эль-Хасы под властью клана Ааль Сауд. В заключительной части главы приводится подробный анализ центробежных и центростремительных тенденций в дир‘ийском эмирата, набравших силу в начале XIX в.

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕДЖДА В XVII–XVIII ВВ.

§ 1. ХАРАКТЕРИСТИКА ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКИХ ОБЛАСТЕЙ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРАВИИ

Бескрайние просторы Центральной Аравии, окруженные с трех сторон обширными песчаными пустынями (Большим Нефудом на северо-западе, Малым Нефудом на востоке и Руб-эль-Хали на юге), по праву считаются одним из самых засушливых уголков мира. Вся эта область, простирающаяся к западу от гор Хиджаза, покрыта в основном пустынями и безводными степями, пригодными лишь для кочевого скотоводства. Количество осадков в этих местах редко превышает 100 мм в год⁸⁶. Грунтовые воды находятся на значительной глубине и практически не имеют естественных выходов на поверхность, так что с древнейших времен единственным способом добраться до них было рытье глубоких колодцев. Ряд областей, протянувшихся вдоль Малого Нефуда с северо-запада на юго-запад, отличались большей доступностью водоносных слоев, образовывая так называемое «внутреннее полукольцо» аравийских оазисов. Именно здесь было сконцентрировано оседлое население Неджда, главным занятием которого вплоть до наступления «нефтяной эпохи» оставалось поливное земледелие.

В целом в Неджде распределение водных ресурсов и, соответственно, пригодных для возделывания территорий отличалось крайней неравномерностью. В одном только Эль-Касыме, считавшемся одним из самых благополучных уголков Аравийского полуострова, встречались как районы, поражавшие путешественников зелеными рощами и селениями, «превосходящими всякое ожидание густонаселённостью и богатством»⁸⁷, так и территории куда более скучно снабженные водой, источники которой «редко обеспечивали орошение, достаточное для возникновения деревни»⁸⁸.

⁸⁶ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 13.

⁸⁷ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 155.

⁸⁸ Ibid. P. 136.

В Центральной Аравии выделялись три основных земледельческих области. Первая – упомянутый Эль-Касым, питаемый селевыми потоками вади Эр-Румма. Его русло пересекает провинцию с северо-востока на юго-запад, превращая ее, по словам знаменитого путешественника Г. Филби, в «страну, усеянную островками возделанной земли»⁸⁹. Саудовский историк Мухаммад ибн ‘Абдаллах ас-Салман и вовсе считает эту область главным земледельческим центром Внутренней Аравии⁹⁰. Однако это утверждение может быть оспорено, поскольку лежащая к северо-западу провинция Джебель-Шаммар не уступала Эль-Касыму ни в благополучии, ни в урожайности, ни в численности населения⁹¹. Так, Ч. Доути, посетивший эти места в конце XIX в., оценивал количество оседлых шаммарцев в «20 тыс. душ»⁹², в то время как в Эль-Касыме, по данным его предшественника У. Палгрева, проживало около 25 тыс. горожан и феллахов⁹³.

Совсем по-иному обстояли дела в Южном Неджде, сердцем которого являлась горная цепь Джебель Тувайк. Яркое описание этих бесплодных земель обнаруживается у У. Палгрева: «Воды здесь довольно мало, по крайней мере осенью <...> все плато покрыто лабиринтом долин, некоторые из них широкие, иные узкие, другие длинные и извилистые»⁹⁴. Скалистые пустоши этой области были гораздо менее богаты как водными ресурсами, так и почвами, пригодными для возделывания. Аграрной «осью» Южного Неджда являлись территории, протянувшиеся вдоль вади Ханифа, замыкавшегося у истоков и устья чуть более благополучными районами – окрестностями города ‘Уяйна на северо-западе и оазисами Эль-Харжда на юге. Остальные местные селения влачили жалкое существование, а производимого ими продовольствия едва хватало их жителям⁹⁵. Примечательна в этом отношении заметка неджийского летописца XIX в. ‘Усмана ибн Бишра, описавшего размер урожая, собранного в будущей столице первого

⁸⁹ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 2. P. 142.

⁹⁰ Ас-Салман, Мухаммад ибн ‘Абдаллах. Тарих Эль-Касым. С. 6.

⁹¹ ‘Убайд, Джабар Яхья. Ат-Тарих ас-сияси ли-имара Хаиль. С. 15-29.

⁹² Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 20.

⁹³ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year’s Journey. P. 143.

⁹⁴ Ibid. P. 206.

⁹⁵ Подробнее о почвах и сельскохозяйственном потенциале центральноаравийских оазисов см.: Stevens J.H. Oasis Agriculture in the Central and Eastern Arabian Peninsula // Geography. 1972. No. 4. P. 321-326.

государства Саудидов Эд-Дир‘ийе в 1687 г.⁹⁶ Нехитрые расчёты, проведенные на основании его сообщения и данных британской исследовательницы саудовского происхождения Мадави ар-Рашид о численности населения вотчины Саудидов в упомянутый период, позволяют заключить, что в лучшие годы на каждую дир‘ийскую семью приходилось не больше 430 кг фиников⁹⁷. Депрессивность этой области фиксировалась и средневековыми путешественниками. Показательны в этой связи наблюдения персидского философа и поэта XI в. Насира Хосрова, описавшего окрестности Джебель Тувайк как «горную область, <...> где много пустынных и холодных мест, ущелий и могучих замков»⁹⁸. Местных жителей он называл «бедными и несчастными <...> голодными, нагими и невежественными»⁹⁹. Таким образом, Южный Неджд в целом в значительной мере уступал таким провинциям как Эль-Касым и Джебель-Шаммар по своему сельскохозяйственному значению, будучи одним из наименее благополучных уголков Центральной Аравии. Это, однако не отменяет того факта, что и здесь встречались районы со сравнительно благоприятными природными условиями.

Все вышеизложенное подтверждает тезис о заметной неравномерности распределения в Неджде аграрных ресурсов. Разнящаяся от провинции к провинции обстановка в значительной мере затрудняет детальное описание особенностей жизни местных феллахов, складывавшихся по-разному в зависимости от ряда факторов. Однако, поскольку целью данного исследования не является исчерпывающее описание специфики каждой отдельной области Центральной Аравии, мы ограничимся приведением предельно усредненного образа недждийского земледелия.

Доминирование поливного земледелия, как уже было отмечено ранее, было обусловлено суровым климатом Центральной Аравии. Неполивное (богарное) земледелие было скорее исключением, и им чаще всего занимались бедуины. Феллахи же старались избегать его в силу ненадежности. Кроме того, по оценкам

⁹⁶ Ибн Бишир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 112.

⁹⁷ Al-Rasheed, Madawi. A History of Saudi Arabia. P. 14.

⁹⁸ Насир Хосров. Сафар-намэ. С. 156.

⁹⁹ Там же. С. 176-177.

А.И. Першица, получаемые на неорошаемых участках урожай «по количеству и качеству значительно уступали продукции орошенных участков»¹⁰⁰. Главным источником воды для ирригации были колодцы (в долинах, таких как вади Ханифа, также использовались запруды, в которых крестьяне с помощью невысоких плотин собирали влагу, наполнявшую русло в сезон дождей). Посредством нехитрых механизмов на животной тяге вода подавалась в небольшие бассейны, откуда затем она поступала в оросительные каналы. Г. Филби, утверждает, что для доставки воды в основной резервуар чаще всего использовались верблюды или ослы, в то время как в бедных хозяйствах могли задействовать и крупный рогатый скот¹⁰¹. Подобные технологии, видимо, не менялись со Средних веков: по крайней мере похожие описания встречаются в «Книге путешествий» Насира Хосрова¹⁰². Хотя выстроенные таким образом оросительные системы и отличались изрядной примитивностью и скромными масштабами, они неизбежно требовали постоянного внимания и ухода. Ирригационные каналы образовывали сеть, покрывающую территорию, разбитую на квадратные делянки¹⁰³. Каждую из них окаймляли ряды пальм, в тени которых высаживались разнообразные растения.

На значении финиковой пальмы для недждийского земледелия необходимо остановиться подробнее. Широко известно, что плоды этого дерева являлись одной из главных сельскохозяйственных культур арабского мира. Однако в условиях сурового климата Центральной Аравии хозяйственная ценность финиковой пальмы возрастала в разы. Финики составляли основу питания как крестьян, так и кочевников, регулярно закупавших их в оседлых областях. «Хлеб насущный, основа жизни», – отзывался об этом продукте У. Палгрев¹⁰⁴, добавляя, что, по его опыту, даже небольшой пальмовой рощи вполне хватало, чтобы обеспечить пищей не самого богатого горожанина или феллаха¹⁰⁵. Финиками нередко кормили скот. В иных случаях они использовались и в качестве замены деньгам. Помимо плодов

¹⁰⁰ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 33.

¹⁰¹ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 60.

¹⁰² Насир Хосров. Сафар-намэ. С. 176.

¹⁰³ По подсчетам американского исследователя Б. Рейли, одного колодца хватало для постоянного орошения от 0,5 до 0,8 гектара земли. Подробнее см.: Reilly B. Slavery, Agriculture, and Malaria in the Arabian Peninsula. P. 42-44.

¹⁰⁴ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 43.

¹⁰⁵ Ibid. P. 194.

пальмы предоставляли крестьянам сырье для строительства и ремесел. Так, Ч. Доути сообщает, что в Аравии практически повсеместно изготавливались циновки из «нежных и пружинящих пальмовых листьев»¹⁰⁶. Этот же материал применялся для плетения корзин, а также для производства веревок и других предметов быта. Пальмовая древесина использовалась в строительстве – именно из нее воздвигались каркасы и перекрытия глинобитных и каменных строений. Между рядами пальм высаживались другие культуры, чаще всего различные зерновые и бобовые. Во многих местах наряду с финиками выращивали цитрусовые, а в некоторых районах даже хлопок и виноград.

В целом возделывание земли в Неджде отличалось исключительной трудоемкостью. Без тщательного ухода даже устойчивые к суровому климату Центральной Аравии финиковые пальмы могли перестать плодоносить или вовсе погибнуть. Полив продолжался на протяжении большей части дня. А.И. Першиц утверждает, что подобные работы могли длиться до 14 часов в сутки (9–10 месяцев в году), а их интенсивность снижалась только зимой¹⁰⁷. Именно организация ирригации, по его словам, занимала львиную долю рабочего времени феллаха¹⁰⁸. К этому добавлялись и другие заботы вроде искусственного опыления растений, прополки, обрезания засохших ветвей и внесения удобрений в небогатые почвы.

В обеспеченных водой и пригодными для возделывания землями областях Неджда закономерно возникали поселения. При этом провести четкую границу между городом и деревней в случае Центральной Аравии – исключительно непростая задача, и этого вопроса мы коснемся позже. Порой, вокруг крупного оазиса могло образовываться множество селений. Их размеры и количество жителей варьировались в зависимости от различных факторов, но в среднем в них насчитывалось несколько сотен человек. Репрезентативны подсчеты, подведенные итальянским путешественником второй половины XIX в. Карло Гуармани, в которых прослеживается примерно равное соотношение городского и сельского

¹⁰⁶ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 6.

¹⁰⁷ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 14-15.

¹⁰⁸ Там же. С. 18.

населения в провинции Джебель-Шаммар¹⁰⁹. Судя по описаниям западных путешественников, недждийские деревни мало чем отличались друг от друга. «Представьте себе небольшой песчаный холм высотой около шестидесяти или семидесяти футов посреди широкой и пыльной долины. Часть этого возвышения и прилегающее к его подошве пространство покрыты невысокими глинобитными домами <...> [возделываемая] территория по соседству размежевана кирпичными стенами на [отдельные] зеленые сады, где в изобилии растут тыквы и дыни, бобовые, кукуруза, многочисленные пальмы <...>, а общий облик завершают несколько персиковых или абрикосовых деревьев», – так описывал типичное земледельческое селение Эль-Касыма У. Палгрев¹¹⁰. Тем не менее тот же автор отмечает, что деревни в Южном Неджде в большинстве случаев отличались большей компактностью и наличием фортификаций, что объясняется напряженной экономической и политической обстановкой в этом районе.

Источники довольно скучно описывают формы социальной организации сельских жителей, и по этой причине их реконструкция значительно затруднена. Многие европейские путешественники делали акцент на том, что нравы феллахов в значительной степени коренились в их бедуинском происхождении. «Несомненно, все деревни и города на территории Недждийской Аравии были изначальной колониями бедуинов, жители которых еще помнят свои кочевые племена», – считает Ч. Доути¹¹¹. Его замечание вполне справедливо за исключением одной детали, упущенной автором, – процесс оседания бедуинов продолжался непрерывно на протяжении всей истории Аравийского полуострова, а не произошел одномоментно в некие стародавние времена. Кроме того, наблюдался и обратный процесс номадизации земледельцев. Тем не менее совершенно верно подчеркнута важная роль родовой и племенной самоидентификации в жизни местного населения. Дж.Л. Буркхард, хорошо

¹⁰⁹ Guarmani C. Northern Najd. P. 89.

¹¹⁰ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 194.

¹¹¹ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. P. 234.

знакомый с этой особенностью аравитян, также признавал ее значение, добавляя, что здесь она была выражена сильнее, чем в любой другой части Востока¹¹².

Хотя в феллахах была сильна приверженность ‘асабийи¹¹³ и обычаям патриархально-родовой взаимопомощи, новый образ жизни неминуемо приводил к размыванию многих ее составляющих. Этические нормы, мораль и традиции кочевников были тесно связаны с их специфическим социальным и экономическим укладом. Быт обитателей земледельческих областей был принципиально иным, что будет наглядно продемонстрировано в одном из следующих разделов. Для успешного ведения крестьянского хозяйства не требовалось типичной для обитателей пустынь масштабной племенной сплоченности. Социальной и экономической ячейкой земледельческого общества была большая семья, обрабатывавшая землю под началом своего старшего представителя. Племенное единство не требовалось и для обеспечения безопасности оседлых жителей – роль защитников делегировалась эмирам. В городах и крупных селениях процесс отхода от реликтов родоплеменных отношений отличался особенной интенсивностью.

Все жеrudименты бедуинских традиций давали о себе знать, и соплеменники поддерживали тесные связи друг с другом. Так, несколько родственных друг другу семей образовывали объединение хозяйств, получившее название *джама ‘а* (араб. буквально «община, корпорация, объединение»). Главами общины как правило был старейшины, которым в случае возникновения споров отводилась роль арбитров. Если же противоречия были более серьезны, селяне обращались напрямую к *кади*¹¹⁴ или эмиру. В случае, если в деревне было развито ремесло, могли образовываться отдельные профессиональные сообщества, состоящие из кровных родственников.

В политическом плане большинство селений крайне редко были самостоятельными. Исключение составляли деревни Южного Неджда, многие из которых находились под покровительством независимых эмиров. Большинство же

¹¹² Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol 1. P. 65.

¹¹³ ‘Асабийя – чувство, «дух» кровного родства.

¹¹⁴ Кади – шариатский судья.

агарных областей попадали под влияние крупных городских центров и их правителей, хотя фактически вели полунезависимое существование.

§ 2. ЦЕНТРАЛЬНОАРАВИЙСКИЕ ГОРОДА В XVII–XVIII вв.

Границы понятия «город» в Центральной Аравии представляются довольно размытыми. Тем не менее многие из них имели ряд схожих черт. Так, недждийские города обычно возникали в крупных оазисах, часто после разрастания или слияния более мелких поселений. Как и в случае с деревнями, горожане в большой степени зависели от сельского хозяйства. Однако ключевой отличительной чертой жизни местного населения было его активное участие в транзитной торговле. Богатые водой оседлые районы неизбежно становились узловыми центрами на караванных маршрутах, пересекавших Аравийский полуостров. Учитывая тот факт, что они прокладывались преимущественно через земледельческие кластеры, можно отчасти согласиться с утверждением А.М. Васильева о том, что «понятия “город” и “крупный оазис” в Аравии в большинстве случаев совпадали»¹¹⁵. Однако полностью принять этот тезис не позволяет ряд исключений, среди которых не только упомянутая самим автором Мекка, но и располагающиеся в Восточной Аравии оазисы Йабрина. Вопреки неплохой обеспеченности этих мест водными ресурсами караваны посещали их довольно редко. Кроме того, в обширных земледельческих областях, таких как окрестности вади Эр-Румма, нередко могло возникать несколько поселений городского типа на незначительном удалении друг от друга. По вышеизложенным причинам расположение селений вблизи торговых путей необходимо рассматривать в качестве отдельного фактора становления полноценных городов.

Поскольку городская жизнь в Неджде была теснейшим образом связана с трансаравийскими караванными путями, необходимо рассмотреть особенности системы караванных маршрутов, пересекавших Центральную Аравию. В целом эта часть Аравийского полуострова была удалена от наиболее крупных паломнических

¹¹⁵ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 30.

трактов, вроде знаменитого «пути хаджа» (араб. *дарб аль-хадж*), тянувшегося к святыням ислама вдоль горной цепи Хиджаза и продолжавшегося вплоть до Йемена. Однако и через Неджд проходили по меньшей мере три караванные трассы, не терявшие своего значения со времен Средневековья. Первая тянулась вдоль таких точек как Маан, вади ас-Сирхан, Эль-Джауф¹¹⁶, Джебель-Шаммар, ‘Унайза, ‘Уяйна, вади Давасир и вади Наджран. Таким образом, этот маршрут «пронизывал» Центральную Аравию с северо-запада на юго-восток, соединяя эту часть арабского мира со странами Леванта и Йеменом. В районе Эль-Касыма он пересекался с другим путем, проложенным вдоль течения вади Эр-Румма и служившим прямой дорогой из Южного Ирака и Кувейта в Медину. В Южном Неджде находился еще один перекресток, образованный с караванным путем, который связывал Мекку, Таиф, Джидду, Эль-Вашм, Эль-‘Арид, Эль-Хардж и, наконец, Эль-Хасу.

На ключевых участках этих путей и возникали недждийские города, обслуживавшие многочисленные купеческие и паломнические караваны. Не будем забывать, что богомольцы практически всегда сами выступали в роли торговцев, пытаясь восполнить финансовые затраты на столь долгое странствие¹¹⁷. К XVII в. главными центральноаравийскими селениями такого рода стали Хаиль на северо-западе, ‘Унайза в Эль-Касыме и ‘Уяйна на юго-востоке. Вероятно, определенную роль в трансаравийской торговле играли земли Эль-Харджа, однако их история практически не освещена в письменных источниках.

Городские базары привлекали окрестных феллахов и бедуинов, становясь местом встречи земледельческого и кочевого мира. Номады поставляли на городские рынки продукты животноводства, а также лошадей и верблюдов, чаще всего обменивая их на редкую в кочевьях ремесленную продукцию и растительную пищу (финики, фрукты, овощи, зерно). Часто бедуины предлагали различные промысловые товары – древесный уголь, страусиные перья, жемчуг, шкуры животных. Значительно меньшим спросом пользовалась их собственная

¹¹⁶ Эль-Джауф – историческая область и одноименный город, располагавшийся к северу от Большого Нефуда.

¹¹⁷ *Перииц А.И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 61.

ремесленная продукция, представленная в основном грубыми тканями, домоткаными коврами и т.д. Качество бедуинских кустарных изделий оставляло желать лучшего. Так, Ч. Доути в своих записках наглядно продемонстрировал это на примере камвольных шнурков для шатров, изготавляемых женщинами в кочевьях. По суждению путешественника, они были крайне недолговечны и часто рвались, поэтому те, кто располагал достаточным количеством серебра, «при первой же возможности покупали пеньку в городе»¹¹⁸. Не лучше обстояла ситуация и с деревенским кустарным ремеслом. Оно отнюдь не было редкостью даже в самых отдаленных районах, однако, как и бедуинское, отличалось примитивностью. Поэтому, когда речь заходила о более сложной в производстве продукции вроде оружия или сельскохозяйственных орудий, сельские *сунна*¹¹⁹ (в основном представляющие собой мастеров-универсалов), как и их «коллеги», кочующие с бедуинскими племенами, оказывались совершенно беспомощны.

Городские ремесленники обеспечивали своей продукцией не только самих горожан, но и значительную часть кочевой и сельской округи. Потребность в изделиях, которые не могли произвести в городе, восполнялась за счет импорта. На прилавках наиболее значимых центров торговли Аравийского полуострова можно было встретить широкий ассортимент товаров из далеких земель – Ирана, Индии, Османской империи и др.

Принято считать, что в Неджде доминировала меновая торговля, а оборот денег был ограничен. Тем не менее это в значительной степени зависело от размера города и его вовлеченности в связи с «внешним миром». Это же определяло количество профессиональных купцов среди местных жителей. В селениях вроде ‘Уайны оно было заметным, но едва ли критически значимым. В провинциях, подобных Эль-Касыму, они составляли значительную социальную прослойку. Так, рассуждая о касымском городе Бурайда, У. Палгрев писал: «Торговцы из Багдада образовывали в городе большую и влиятельную общину»¹²⁰. В отдельных провинциях в торговле активно участвовали правящие династии.

¹¹⁸ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. P. 225.

¹¹⁹ Сунна ‘ (ед.ч. сани’) – ремесленники.

¹²⁰ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year’s Journey. P. 125.

Надежных сведений об устройстве аравийских городов XVII–XVIII вв. исключительно мало. Арабские источники крайне редко концентрируются на деталях такого рода, а первые западные путешественники ступили на земли Неджда лишь в середине XIX в. Тем не менее едва ли организация местных селений могла претерпеть какие-либо значительные изменения на протяжении этого временного «зазора», поэтому на основе путевых заметок можно выстроить усредненное представление об их облике. Границы города в целом не отличались особой четкостью – зачастую его основные укрепления смыкались с системой внешних заграждений и валов, призванных защитить от неприятеля располагающиеся неподалеку возделываемые земли.

Чаще всего центром города была крепость (*каср*), представлявшая собой родовое гнездо правящих эмиров. Ее территория отделялась от остального городского пространства высокими стенами. Эта особенность организации селений четко прослеживается в описании города Хаиль, составленного У. Палгревом: «Занами лежал город, дворец Талала¹²¹ с его овальной башней, дома, сады, стены и бастионы, чернеющие в красноватых лучах рассвета»¹²². Нередко знатные семейства и даже отдельные члены правящего рода старались обзавестись укрепленными резиденциями, и в этом случае городские стены могли заключать в себе несколько «замков». Каср был центром сбора податей с крестьян, арендовавших у правителя окрестные земли, а также политическим «сердцем» оазиса – местом сбора городской знати. В случае нападения крепость становилась главным оборонным пунктом осажденного города.

Обычно под стенами касра располагался соседствующий с главной площадью сук – местный рынок. Такая структура наглядно отражена в описании Эр-Рияда У. Палгревом: «Пройдя двести шагов или около того, мы дошли до места, где по правую руку от нас располагался дворец ‘Абдаллаха¹²³. Это было новое, практически симметричное четырехугольное здание с изящными резными воротами <...> наконец мы добрались до большой открытой площади, правая

¹²¹ Талал ибн ‘Абдаллах Ааль Рашид (1823–1868) – правитель эмирата Джебель-Шаммар.

¹²² *Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year’s Journey.* P. 104.

¹²³ Абдаллах ибн Фейсал Ааль Сауд (1831–1889) – правитель второго государства Саудидов.

сторона которой состояла из лавок и торговых складов, а левая была полностью занята жилищем неджийского правителя»¹²⁴. Несколько менее информативным, но при этом красочным выглядит сообщение об этом же месте, составленное Г. Филби: «В иные дни сук предстает перед нами весьма оживленным местом <...> в торговых лавках обнаруживаются самые разнообразные товары – от немногочисленных привозных до местных кожаных изделий. <...> Здесь можно найти что угодно: чай, кофе, сахар, специи, мясо, рис и вообще все, в чем может возникнуть потребность»¹²⁵. Часто, хотя и не всегда, здесь же возводилась мечеть. Количество горожан значительно превосходило число жителей отдельно взятых деревень, и, по данным К. Гуармани и Ч. Доути, исчислялось тысячами¹²⁶.

Город делился на кварталы, каждый из которых занимало определенное социальное, профессиональное или чаще всего родовое сообщество. Случалось так, что кварталы возникали на месте деревень, образовавших при слиянии город, ярким примером чему служит ‘Унайза в Эль-Касыме. Эти жилые массивы могли отделяться друг от друга как стенами, так и чередой садов или пальмовых рощ, нередко оказывавшихся в городской черте в результате разрастания поселений. В некоторых районах обитали преимущественно знатные семейства, застраивающие их своими поместьями в виде небольших фортов. Оставшаяся часть отводилась людям торговых профессий и ремесла, а также феллахам. Квартальное деление отчетливо прослеживалось в руинах Эд-Дир‘ии, описанных в труде Г. Филби. Согласно его заметкам, город представлял собой большой овальный холм со скалой посередине, у основания которой теснились поля, пальмовые насаждения и сады. Далее автор пишет: «Вершина же [скалы] покрыта развалинами башен и поместий знати»¹²⁷, и затем добавляет: «Восточная часть занята семьей Сауд, мечетями и государственными зданиями, а также караван-салями, гостиницами и усадьбами знати. Беднота же, скорее всего, обитала с западной стороны, усеянной остатками небольших хижин»¹²⁸.

¹²⁴ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year’s Journey. P. 230.

¹²⁵ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 76.

¹²⁶ Guarmani C. Northern Najd. C. 89; Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 19-21.

¹²⁷ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 110.

¹²⁸ Ibid. P. 111.

Крупные города зачастую были резиденциями эмиров и основными политическими центрами Неджда. Могущество правителя, как и масштабы того или иного эмирата, всегда зависели от экономического благосостояния его главного селения. Как и в случае с деревнями, социальное устройство недждийских городов исследуемого периода практически не поддается реконструкции. Очевидно, в них протекали примерно те же процессы разложения патриархально-родовых отношений, что и в земледельческих поселениях, отличавшиеся, однако, куда большей интенсивностью. По мнению А.И. Першица, главный принцип социально-политических взаимоотношений в Неджде в целом характеризовался выражением «бедный служит богатому»¹²⁹, что, в свою очередь, делает практически невозможным выстраивание каких-либо четких универсальных моделей и ставит под сомнение существование таковых применительно к центральноаравийским деревням и городам. Единственной прослойкой, относительно которой можно сделать пусты и обобщённые, но сравнительно четкие выводы, является городская « знать ». Эти сообщества были однозначно отделены от «простонародья» и на протяжении всей доваххабитской эпохи представляли собой главных акторов на политической арене, регулярно попадая в поле зрения письменных источников. Анализ сущности феномена недждийской «аристократии» в силу ее тесной связи с кочевым миром требует детального рассмотрения особенностей жизни аравийских бедуинов.

§ 3. Кочевое скотоводство

Суровые природные условия Неджда делали невозможной оседлую жизнь на большей части центральноаравийского плато. В то же время его пустынные просторы оказались вполне пригодны для кочевого скотоводства. Подчеркивая его важную роль в тысячелетней истории Аравийского полуострова, саудовский исследователь Мухаммад ибн Сунайтан констатировал: «Всякий, кто занимается историей Аравии, неминуемо должен признать бедуинов одним из ее краеугольных

¹²⁹ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 122.

камней»¹³⁰. С этим тезисом вполне можно согласиться, учитывая широкое распространение кочевого образа жизни. Представление о масштабах пространств, заселенныхnomadами, легко восстанавливается на основе трудов европейских путешественников. Так, Ч. Доути в своем труде «Путешествие по Аравии Пустынной» говорит о «необъятных владениях кочевников, простирающихся между предместьями Мекки и Эль-Касымом (фактически, имеется ввиду большая часть Неджийского плато. – Ф.М.)»¹³¹. Постоянное присутствие бедуинов в пустынных областях между городами и селениями многократно упоминается в труде Дж.Л. Буркхардта «Путешествие в Аравию»¹³². На широкое распространение кочевого образа жизни также указывает А.И. Першиц, подчёркивающий, что большая часть аравийских земель стала бедуинским раздольем в то время, как оседлая жизнь едва теплилась в сравнительно немногочисленных оазисах¹³³.

Однако не следует впадать в крайность и, уподобляясь саудовскому исследователю Ибн Сунайтану, утверждать, будто «история Аравии – это история бедуинов»¹³⁴. Одним из первых моментов, обращающих на себя внимание, является тесная связь львиной доли заметных исторических событий того времени с оседлыми жителями, а не с nomadами. Важно подчеркнуть, что бедуинские традиции и нравы довольно быстро редуцировались при переходе их носителей к земледелию и городскому образу жизни. Также нельзя игнорировать тот факт, что кочевья, занимая большую часть Неджда, не отличались высокой плотностью населения. Так, по данным Ч. Доути, в провинции Джебель-Шаммар конца XIX в. обитало около 20 тыс. оседлых жителей и 14 тыс. бедуинов¹³⁵. Примерно такое же соотношение наблюдалось в Восточной Аравии. Все это в совокупности позволяет говорить о кочевниках-скотоводах, как о важной, но не определяющей составляющей социально-политической истории в этой части Аравийского полуострова.

¹³⁰ Ибн Сунайтан, Мухаммад. Ас-Саудия. С. 21.

¹³¹ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 24

¹³² Burckhardt J.L. Travels in Arabia. Vol. 2. P. 120.

¹³³ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 28.

¹³⁴ Ибн Сунайтан, Мухаммад. Ас-Саудия. С. 25.

¹³⁵ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 19-20.

Основным занятием бедуинов с древнейших времен оставалось верблюдоводство. Всякий, кто разводил других животных, в частности крупный и мелкий рогатый скот, не признавались «подлинными жителями пустыни». Презрение к этому роду деятельности в среде номадов связано скорее всего с тем, что этим видом скотоводства занимались либо полукочевники, либо племена, полностью перешедшие к земледелию. Овцы и козы в отличие от верблюдов не были приспособлены к длительным перекочевкам, нуждаясь в частом питье. Посему их владельцы вынуждены были держаться в постоянной близости к источникам воды¹³⁶. В случае с крупным рогатым скотом перемещения на большие расстояния исключались вовсе. У. Палгрев, повествуя о быте одного из шераратских племен, писал: «Овец у них практически нет, а лошадь является редкостью. Все их благосостояние, если его можно так называть, зависит от верблюдов»¹³⁷, добавляя затем, что разведение овец практически всегда оставалось уделом жителей городов и деревень¹³⁸. По мере втягивания в оседлую жизнь связь овцеводов и козоводов с бедуинскими традициями ослабевала, что решительно осуждалось «подлинными» кочевниками-верблюдоводами и расценивалось как отступление от заветов предков.

Верблюд действительно являлся основой бедуинского хозяйства. Продукты, изготавливаемые из молока этого животного, отличались разнообразием и служили одной из главных составляющих ежедневного рациона кочевников и их семей. Мясо употреблялось значительно реже, большей частью в качестве праздничного блюда. Г. Филби, рассуждая о питании кочевников вади Давасир, заключил: «Мясо – роскошь в этих местах»¹³⁹. Верблюды также служили источником материалов для домашнего ремесла. Их шерсть шла на изготовление полотнищ палаток (араб. *буйут*, ед.ч. *бейт*), других тканых изделий вроде ковров, покрывал, попон, седельных сумок, а также одежды, в частности грубых шерстяных плащей (араб. ед.ч. *аба*). Однако вновь подчеркнем, что плоды трудов домашнего ремесла

¹³⁶ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 30.

¹³⁷ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 15.

¹³⁸ Ibid. P. 24.

¹³⁹ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 175.

номадов отличались сравнительно низким качеством. По меткому замечанию Ч. Доути, «[изготовленные из самодельных полотнищ] палатки кочевников представляют собой прескверное жилье. Бедуины, которые и сами одеты не лучше мертвцов, часто страдают от холода и ненастя»¹⁴⁰. Активно использовались шкуры верблюдов, которые дубились в походных условиях с помощью отваров из древесной коры и местных кореньев¹⁴¹. Из них изготавливали бурдюки, плети, обувь и иные предметы быта. Масштабные ярмарки маркировали собой конец годичного кочевого цикла, совпадавшего с сезоном сбора урожая в оседлых областях. Города, в которых, как правило, происходили массовые торжища, вместе с окружающими кочевьями формировали достаточно замкнутые и автономные экономические системы.

Номады торговали не только продуктами животноводства, но и самими животными. Верблюды пользовались большим спросом во всем арабском мире, а также за его пределами, поэтому их продажа являлась одной из ключевых статей дохода недждийских кочевников. В оседлых областях скот активно использовался в ирригации, являясь главной тягловой силой водоподъемных и оросительных механизмов. Отработавшие поливной сезон верблюды часто отдавались кочевникам для выпаса и восстановления сил¹⁴². Несомненна также исключительная ценность «кораблей пустыни» в качестве средства передвижения. Верблюды выносливых недждийских пород пользовались популярностью за пределами Аравийского полуострова. Главными центрами их перепродажи были города Эль-Касыма. Повествуя о торговле верблюдами в Бурайде, У. Палгрев отмечал: «Спросите любого человека, пришедшего в город из окрестностей [за покупками], о его целях, и вы, несомненно <...> услышите в ответ “верблюд”»¹⁴³. Отсюда животные перегонялись в страны Машрика¹⁴⁴ и продавались на базарах Багдада и Дамаска.

¹⁴⁰ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 225.

¹⁴¹ Ibid. P. 272.

¹⁴² Reilly B. Slavery, Agriculture, and Malaria in the Arabian Peninsula. P. 46.

¹⁴³ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year’s Journey. P. 177.

¹⁴⁴ Машрик – регион, включающий арабские страны, лежащие к востоку от Египта и к северу от Аравийского полуострова.

В значительно более ограниченных масштабах неджийские кочевники занимались разведением лошадей. Исключительную трудоемкость коневодства с избытком компенсировал спрос на прославленных арабских скакунов. Эти животные были штучным товаром. Новорожденные жеребята обеспечивались наилучшим уходом и могли в первые недели жизни жить бок о бок с хозяином в его шатре. После откорма окрепшие лошади перемещались в места продажи. Однако заметим, что в XVII–XVIII вв. этот хозяйственный сегмент был сравнительно слабо развит. Подлинный размах он приобрел в XIX в., когда табуны скакунов стали сотнями перегоняться в порты Персидского залива, а оттуда перепродающимися британцами во все уголки мира.

Товары, поставляемые бедуинами в земледельческие области, отнюдь не сводились к продуктам животноводства и домашнего ремесла. Значительную роль в их экономической жизни занимали промыслы. Мухаммад ибн Сунайтан считает, что во многом бедуинов можно характеризовать как «цивилизацию скотоводов, охотников и собирателей»¹⁴⁵. Во время перекочевок ими активно заготавливались древесный уголь, дрова, различные лекарственные травы и коренья. В Восточной Аравии их дополняли ловля жемчуга, добыча морских губок и раковин, а также рыболовство.

Излюбленным занятием кочевников была охота. Дикие копытные и птицы служили источником мяса и материалов для ремесла. Особое место занимала охота на истребленных в наши дни аравийских страусов, столь любимых номадами за их перья, использовавшиеся для декорирования оружия и сбруи, а также *маркабов* – своеобразных переносных святилищ. Детальное описание страусиной охоты приводится в труде Дж.Л. Буркхардта: «[Когда стрелок обнаруживает страусиное гнездо], страусы обычно убегают. Тогда кочевник выкапывает яму возле оставленных яиц и погружает в нее ружье со вставленным тлеющим фитилем, направив его в сторону гнезда. После этого конструкция маскируется камнями, а охотник удаляется. К вечеру страусы возвращаются и, не заметив угрозы, занимают привычное место <...> ружье же в должное время стреляет, и на следующее утро

¹⁴⁵ Ибн Сунайтан, Мухаммад. Ас-Саудия. С. 14.

араб находит одного или двух страусов, убитых на месте»¹⁴⁶. Не менее ценной добычей в глазах бедуинов-охотников были шкуры практически истребленных в наше время аравийских леопардов, которые часто перепродаются за пределы Аравийского полуострова и попадали на европейские рынки¹⁴⁷.

Определенную роль в жизни некоторых групп бедуинов играло земледелие. Разумеется, гордые пустынные жители редко самостоятельно обрабатывали землю, предпочитая сдавать ее в аренду крестьянам. Так, Дж.Л. Буркхардт упоминал, что в иных оазисах большая часть рощ плодовых деревьев могла находиться во владении номадов в то время, как местные оседлые жители ютились на небольших клочках земли¹⁴⁸. Другим вариантом было упоминавшееся ранее богарное земледелие – поля засевались и оставлялись на все время перекочевки, после чего вернувшиеся хозяева собирали урожай, обычно не отличавшийся богатством. Ч. Доути, ставший во время своего путешествия свидетелем сбора фиников с дикорастущих пальм, поделился следующим соображением: «Их плоды меньше чем на садовых деревьях и больше похожи на коробочки тамариска»¹⁴⁹. Иногда бедуины засевали сельскохозяйственные участки самостоятельно. При этом в случае успеха площади посевов могли увеличиваться с каждым годом, что приводило к переходу их владельцев к полукочевому и оседлому образу жизни.

Часто преуспевающие в земледелии, но терпящие неудачу в скотоводстве кочевники постепенно оседали на землю, превращаясь в полукочевников и формируя отдельную общность в социально-экономической жизни Неджда. «Бедуин легко может стать наполовину крестьянином», – подчеркивал Ч. Доути¹⁵⁰. Также в своем труде он привел любопытное замечание о хайбарских¹⁵¹ номадах, новая жизнь которых вынудила их воздвигнуть в местных оазисах собственные глиняные дома, все еще остававшиеся их сезонными убежищами¹⁵². Подтверждается этот тезис и Мухаммадом ибн Сунайтаном: «Бедуины, занятые

¹⁴⁶ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol 1. P. 218-219.

¹⁴⁷ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 29.

¹⁴⁸ Burckhardt J.L. Travels in Arabia. Vol. 2. P. 123.

¹⁴⁹ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 10.

¹⁵⁰ Ibid. Vol. 1. P. 234.

¹⁵¹ Хайбар – оазис в Западной Аравии, раскинувшийся к северу от Медины.

¹⁵² Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. P. 234.

разведением домашнего скота, неизменно обитали в окрестностях водоемов, и постепенно происходило их смешение с оседлым населением»¹⁵³. Степень вовлеченности номадов в оседлую жизнь зависела от многих факторов. Хозяйство в оазисе могло долгое время оставаться подсобным, но при благоприятных условиях со временем основным источником пропитания для бедуина. Судя по всему, похожей была судьба многих «аристократических» родов Центральной и Восточной Аравии.

Помимо всего прочего, кочевники были активно вовлечены в торговлю. Купцы и паломники нередко нанимали их в качестве проводников. Сами номады, по словам Дж.Л. Буркхардта, также часто снаряжали собственные караваны¹⁵⁴. Порой для наиболее отдаленных уголков Неджда они были единственной связью с внешним миром. Именно благодаря им в изолированные области, находившиеся на удалении от крупных торговых маршрутов, поставлялись ткани, специи, ювелирные украшения, табак и оружие.

Переходя к вопросу о социально-политических аспектах жизни аравийских бедуинов, нельзя обойти вниманием тот факт, что кочевой мир во многом существовал параллельно оседлому. Пустынные жители, по словам Мухаммада ибн Сунайтана, «оставались самодостаточным и независимым от внешнего мира сообществом вплоть до нефтяной эпохи»¹⁵⁵. Действительно, нравы и обычаи, свойственные суровым обитателям пустынь, прошли сквозь тысячелетия практически не тронутые временем. Их описания в трудах Дж.Л. Буркхардта, У. Палгрева, К. Гуармани, Ч. Даути, Г. Филби и других первооткрывателей этой части мира едва отличимы от заметок их средневековых предшественников. Даже беглый взгляд на эти разномастные источники позволяет заключить, что краеугольным камнем всего кочевого мира, «истоком всего»¹⁵⁶ была принадлежность к племени. Специфические социальные отношения, выстроенные на принципах ‘асабийи, во многом обусловили отсутствие в бедуинском обществе иерархичности,

¹⁵³ Ибн Сунайтан, Мухаммад. Ас-Саудия. С. 30.

¹⁵⁴ Burckhardt J.L. Travels in Arabia. Vol. 2. P. 345.

¹⁵⁵ Ибн Сунайтан, Мухаммад. Ас-Саудия. С. 49.

¹⁵⁶ Там же.

свойственной оседлым сообществам. Некоторые путешественники, например, Дж.Л. Буркхардт, находясь под впечатлением этой особенности, вовсе заявляли, что свобода в среде бедуинов больше походила на «анархию»¹⁵⁷, хотя столь радикальный тезис, разумеется, является изрядным преувеличением.

Относительная простота жизненного уклада кочевников обусловила возможность регулирования ее нехитрых социальных и политических взаимоотношений исключительно родственными связями. Принадлежность к племени в определенной мере гарантировала защиту и помощь со стороны его членов. Теснейшим образом кровное родство было связано с феноменом кровной мести, которая зачастую служила единственной гарантией личной безопасности для отдельного человека. О том, насколько глубоко эта традиция угнездилась в сознании жителей пустыни, и какое значение ей придавалось, можно судить по сочинению К. Гуармани, описавшего в своем труде встречу с уже давно осевшими и вполне мирно сосуществовавшими друг с другом племенами, которые, однако, все еще были разделены кровью, пролитой в одном из конфликтов далекого прошлого¹⁵⁸. Дж.Л. Буркхардт и вовсе считал кровную месть исключительно благотворной практикой, которая, по его словам, «несмотря на некоторые издержки, предотвратила полное уничтожение воинственными племенами Аравии друг друга»¹⁵⁹.

Родовая организация бедуинов разнилась от кочевья к кочевью. А.И. Першиц предложил модель с 5-6 уровневым делением большого племени¹⁶⁰. Базовым звеном была «малая семья», возглавляемая отцом. «Большая семья» состояла из нескольких семейств, главы которых приходились друг другу братьями. Следующим уровнем было сообщество родственных друг другу больших семей. Обычно его интересы представлял избираемый родичами «низовой» шейх¹⁶¹. Эта группа совместно владела пастбищами, источниками воды, охотничьями угодьями и в некоторых случаях землями в оазисах. Данная экономическая и социальная

¹⁵⁷ Burckhardt J. L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol. 1. P. 115.

¹⁵⁸ Guarmani C. Northern Najd. P. 34.

¹⁵⁹ Burckhardt J. L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol. 1. P. 148.

¹⁶⁰ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 68.

¹⁶¹ Там же. С. 71.

единица вполне была способна к независимому существованию и ведению собственного хозяйства. Родовые объединения такого уровня входили, в свою очередь, в более крупное сообщество, объединенное общим происхождением, – подплемя. Чаще всего подплемя отличалось сравнительной разобщенностью, но в случае нужды и особенно при наличии внешней угрозы оно быстро объединялось. Наконец, крупнейшим структурным элементом выступало племя, руководящая роль в котором принадлежала «верховному» шейху. Уровень консолидации племени зависел от ряда обстоятельств и часто достигал пика при наличии эзистенциальной угрозы его существованию. Скрепляющее племя кровное родство находило выражение в специфических религиозных культурах бедуинов, в рамках которых почитанием пользовались общие предки того или иного клана.

Власть руководителей племени также отличалась специфичностью. В отличие от оседлых сообществ, она никогда не замыкалась внутри отдельного семейства. Шейхом чаще всего становился наиболее уважаемый представитель того или иного звена родовой организации. Его авторитет базировался на ряде традиционно ценившихся кочевниками качеств. Среди них выделялись гостеприимство, щедрость, личная храбрость, беспощадность к врагам, знание традиционного права ('адата) и следование его принципам, красноречие и т.д. Зачастую эти критерии по своему значению перевешивали уровень личного благосостояния шейха, который мог пользоваться исключительным уважением соплеменников, оставаясь при этом малоимущим. В быту шейхи мало чем отличались от рядовых номадов. Подчеркивая аскетичность и простоту передачи власти в бедуинских племенах, Дж.Л. Буркхардт писал: «Единственная формальная церемония при выборах шейха – это объявление ему о том, что отныне его считают предводителем»¹⁶².

Руководители племени выполняли разнообразные функции. В частности, им отводилась роль арбитров в возникавших между его членами конфликтах, однако едва ли можно говорить об исключительности их судебных прав. Нередко решения выносились признанными знатоками 'адата, а в исламизированных племенах эта роль и вовсе принадлежала кади. Ч. Доути утверждал, что в местах, которые ему

¹⁶² Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol. 1. P. 148.

довелось посетить, суд вершился советом старейшин и авторитетных членов племени, на котором каждому желающему было позволено высказывать свою мнение, в то время как «великий хозяин-шейх с гордым смирением сидел среди простых людей, устремив неподвижный взор в землю»¹⁶³. Шейхи нередко возглавляли грабительские набеги – *газвы* (араб. м.ч. *газават*), а также более крупные военные кампании. Однако и в данном случае они не обладали исключительными правами на роль походных атаманов. Рейды на соседние кочевья могли организовывать и без участия племенных лидеров, а при крупных межплеменных конфликтах во главе бедуинского ополчения часто стояла совершенно иная фигура – ‘акид, представлявший собой скорее духовного руководителя похода, чем непосредственного военачальника.

Несмотря на разнообразие экономической активности бедуинов, их жизнь практически всегда отличалась простотой, граничащей с аскетичностью. Кочевое скотоводство позволяло номадам выживать, но не более того. Рядовые бедуины могли жить значительно беднее феллахов. По словам Ч. Доути, «от весны до весны, девять месяцев в году большинство номадов мучаются от голода»¹⁶⁴. Критические климатические колебания приводили к оскудению пастбищ, а эпизоотии – к массовому падежу скота, что сулило голодную смерть всему племени. В такой ситуации газвы работали как эффективный инструмент выживания. Как констатировал Ч. Доути, жизнь кочевника «едва ли может объединять в себе скромность и добродетельность, они вынуждены быть грабителями»¹⁶⁵. Целью газва, как правило, был захват продовольствия, домашнего скота, оружия и другого движимого имущества. Рейдам в равной степени подвергались и бедуины, и оседлые жители. Хотя стоит признать, что масштабные разорения земледельческих областей часто совпадали с засухами и иными экологическими катастрофами. В более спокойные времена кочевники предпочитали мирное сосуществование с оседлым населением – лобовое столкновение с хорошо оснащенными военными силами эмиров грозило номадам, бывших, по словам Дж.Л. Буркхардта, скорее

¹⁶³ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. P. 249-50.

¹⁶⁴ Ibid. P. 237.

¹⁶⁵ Ibid.

«партизанами, чем любителями сражений в открытом поле»¹⁶⁶, поражением. Гораздо более выгодным было поддержание торговых отношений. С меньшим пытетом бедуины относились к караванам, которые они грабили с завидной регулярностью (как будет продемонстрировано в дальнейшем, одной из приоритетных задач эмиров крупных городских центров было обеспечение безопасности примыкавших к ним торговых маршрутов). Однако и в данном случае кочевники редко предпринимали рискованные атаки.

Газвы нечасто отличались жестокостью, а убийства в ходе схваток были крайне редким явлением. У. Палгрев комментировал эту особенность следующим образом: «Главная цель набега – добыча, а не резня. Бедуины, будучи беззастенчивыми хвастунами, тем не менее не имеют особой душевной склонности к тому, чтобы убивать или быть убитым»¹⁶⁷. В то же время европейские путешественники многократно обращали внимание на то, что серьезные военные конфликты отличались исключительным ожесточением.

Газвы не воспринимались самими кочевниками как трагедия или преступление. Напротив, они органично вписывались в их жизненный уклад. Потеря имущества в результате такого рейда редко была катастрофической проблемой – вступала в действие племенная взаимовыручка. Кроме того, ущерб всегда можно было возместить, совершив ответный набег.

В пользу того, что газвы являлись нормой, а не эксцессом, свидетельствует наличие ряда негласных законов, во многом их «регламентирующих». Обращает на себя внимание место грабительских рейдов в бедуинской этике. Ценное замечание в этой связи сделано Дж.Л. Буркхардтом: «[В оценке] этой практики [набегов] нельзя применять категории, привычные для жителей Запада <...> в глаза бедуинского налетчика его дело – почетно»¹⁶⁸. Нелегкое повседневное житие в кочевьях воспитало в аравийскихnomadaх воинственность и превратила племена в грозную военную силу, к найму которой нередко прибегали оседлые правители. Будучи неотъемлемой частью жизни в пустыне, газвы стали одним из важнейших

¹⁶⁶ Burckhardt J.L. Travels in Arabia. Vol. 2. P. 133.

¹⁶⁷ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 154.

¹⁶⁸ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol 1. P. 157-158.

факторов формирования специфического бедуинского менталитета.

Размышляя о загадках души аравийских кочевников, Ч. Доути конкретизировал: «Их дух утомлен беспрестанным ожиданием врагов, а их плоть истощена постоянной жаждой и голодом»¹⁶⁹. Действительно, жизнь в пустыне оставила неизгладимый отпечаток на психологии номадов. Традиции газва приучили их к полному пренебрежению как к своей, так и к чужой частной собственности. По утверждению У. Палгрева, представление о греховности воровства и разбоя было совершенно чуждо бедуинам, а «следование восьмой заповеди (запрет воровства. – Ф.М.) не считалось ими достойным внимания»¹⁷⁰. Дж.Л. Буркхардт подчеркивал, что к воровству и разбою бедуины приобщаются с самого детства¹⁷¹, а по достижении совершеннолетия сыновья получали в подарок от отца ездовых животных (лошадей или верблюдов), верхом на которых те должны были отправиться в свой первый набег¹⁷². Необходимость всегда быть готовым к защите и приумножению своей собственности с оружием в руках, которую Мухаммад ибн Сунайтан дипломатично назвал «динамичностью, открытостью к изменениям»¹⁷³, оказалась одним из главных условий формирования столь противоречивого в наших глазах менталитета «рыцарей пустыни».

Уклад бедуинов также обусловил их предельную замкнутость в рамках их племенной группы и свойственного ей образа жизни. «Кругозор кочевников неширок, немногие из них знакомы с землями, лежащими за пределами их родины», – сообщает Ч. Доути¹⁷⁴. Затем он дополнит свои наблюдения: «В компактных арабских племенах происходит постоянное смешение родственной крови <...> среди них немало душевнобольных и калек»¹⁷⁵. Подобная ограниченность выливалась в определенную скептичность, а порой и враждебность по отношению к «внешнему миру». Если с другими номадами они находили точки

¹⁶⁹ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. P. 244.

¹⁷⁰ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 19.

¹⁷¹ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol. 1. P. 98-99.

¹⁷² Ibid. P. 114.

¹⁷³ Ибн Сунайтан, Мухаммад. Ас-Саудия. С. 31.

¹⁷⁴ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. P. 230.

¹⁷⁵ Ibid. P. 231.

соприкосновения, то отношения с оседлым населением могли быть крайне напряженными.

Антагонизм между кочевым и оседлым населением не был уникальным явлением, присущим Аравии Нового времени. Их противостояние коренилось в глубокой древности и нашло отражение еще в библейских сказаниях. Выступающий апологетом кочевого образа жизни Мухаммад ибн Сунайтан пишет: «Быт бедуинов несовместим со свойственными оседлости психологией и социальными отношениями, которые порабощают общество»¹⁷⁶. Опустив категоричность суждения ученого, можно вполне согласиться с тем, что истоком этого разделения служит коренное различие образа жизни этих двух «миров». В отличие от бытия номадов ирригационные работы и уход за сельскохозяйственными насаждениями требовали от земледельцев размеренности и стабильности их жизни. Если бы феллахи, следуя примеру бедуинов, прибегали к постоянным силовым переделам собственности, оставляя свои поля и рощи без ухода, большинство оазисов неизбежно пришли бы в упадок и запустение. Нельзя не обратить внимания на то, что оседлые жители также совершали грабительские набеги на соседние владения, однако это не считалось безусловной нормой, как это было в случае с бедуинскими газвами.

В среде оседлого населения формировалась мораль, прямо противоположная пустынному «кодексу чести». Разбойничьи повадки бедуинов были неуместны в обществе земледельцев, напрямую угрожая его безопасности и благосостоянию, которые и без того постоянно страдали из-за природных катаклизмов и политических кризисов, сотрясавших Неджд. Ценные иллюстрации к вышеприведенному содержатся в заметках европейских путешественников. Так, У. Палгрев, явно питая скрытую антипатию к кочевникам, многократно подчеркивает контраст между «суровыми и неотесанными бедуинами»¹⁷⁷ и «дружелюбными и участливыми горожанами»¹⁷⁸. Нелюбовь, с которой оседлый мир относился к жителям пустыни, ярко отражена в записанной Ч. Доути напряженной беседе его

¹⁷⁶Ибн Сунайтан, Мухаммад. Ас-Саудия. С. 31.

¹⁷⁷ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 132.

¹⁷⁸ Ibid.

знакомого шейха по имени Зейд с неким «государевым человеком»¹⁷⁹ из окрестностей Дамаска. В ходе перепалки он заявил Зейду: «Некоторые из вас совсем не молятся и не постятся, а ваши бедуины беспрестанно совершают набеги. Вы убиваете ради незначительной добычи, вы – жестокие расхитители чужого имущества. Видит Бог, хотя на словах вы исповедуете религию Пророка, вы немногим лучше кафиров¹⁸⁰»¹⁸¹. Он также приводит любопытную присказку, ходившую в недждийских оазисах: «Жизнь в пустыне была бы лучше, чем где-либо, если бы там не жили бедуины»¹⁸².

Номады же не питали уважения к «людям пальмы» (*ахль ан-нахль*), как они называли обитателей оазисов. В деревнях и, тем более, в городах неизбежно формировалась более сложная социальная система, отличавшаяся иерархичностью и регулировавшаяся правилами, выходившим за рамки привычных норм ‘адата. При этом, как было сказано ранее, в новых условиях священные кровнородственные связи стремительно размывались, а прежнее сообщество «дробилось» на более мелкие группы. Переход к оседлому образу жизни расценивался бедуинами как постыдное предательство заветов предков и кочевой морали.

Номадами особо презиралась подчиненность горожан и феллахов власти эмиров. Само по себе наличие в обществе прослойки профессиональных военных компрометировало ее членов в глазах «истинных сынов пустыни». Несложно представить, насколько делегирование военного ремесла правителям и их дружинам диссонировало с установками номадов, которые, по словам Мухаммада ибн Сунайтана, «представляют собой природных воинов, для которых честь, благородство и готовность защищать свою землю не являются пустым звуком»¹⁸³. Бедуинское «кредо» в этом отношении было прекрасно сформулировано Дж.Л. Буркхардтом: «Лучше уж быть честным варваром-кочевником, не лишенным благородства, чем холеным холуем, каковыми являются турки. Пусть они менее

¹⁷⁹ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. P. 228.

¹⁸⁰ Кафир – неверный, неверующий человек.

¹⁸¹ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 1. P. 228.

¹⁸² Ibid. P. 244.

¹⁸³ Ибн Сунайтан, Мухаммад. Ас-Саудия. С. 38-39.

“порочны”, но и добродетелей у них не в изобилии, а может таковых и вовсе нет»¹⁸⁴.

§ 4. ВЛАСТЬ ЭМИРОВ И НЕДЖДИЙСКАЯ ЗНАТЬ

Антагонизм между оседлым и кочевым населением Аравии, а также специфика бедуинского менталитета и образа жизни значительно повлияли на формирование недждийской «аристократии» и складывание отношений между ее лидерами – эмирами и остальным оседлым населением Центральной Аравии. Знать обитала в ключевых недждийских политических центрах. В основном это были города, но в случае Эль-‘Арида и ряда прилегающих территорий таковыми часто выступали более мелкие поселения. Зачастую «благородная прослойка» ограничивалась только одним правящим родом. Наряду с влиятельными торговцами и кади ее представители образовывали условное сообщество «городской элиты».

«Аристократические» семейства практически всегда были потомками бедуинов, отошедших от кочевого образа жизни. По утверждению А.И. Першица, путь в это сообщество, «если в твоих жилах не течет кровь кочевника», был закрыт¹⁸⁵. От обычных оседлых жителей знать отличалась тем, что ее представители практически не вели собственного хозяйства и вовлекались в городскую экономику в ограниченном масштабе. Большую часть дохода они получали от сдачи в аренду принадлежащих им обширных земельных владений. Приобретение этого ценного ресурса происходило тремя основными путями. Первый из них – захват того или иного оазиса с присвоением части его территории. Второй – их покупка или получение в дар. Наконец, само поселение могло быть изначально основано оседающими кочевниками, а затем постепенно разрослось, привлекая феллахов.

Кроме того, «аристократия» составляла основу военной силы оазиса, представляя собой прослойку профессиональных воинов. В силу кочевого

¹⁸⁴ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol. 1. P. 358-359.

¹⁸⁵ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 49.

прошлого знатных горожан их боевой потенциал был достаточно высок для того, чтобы противостоять набегам агрессивных племен и правителей соседних оазисов. В походах нередко задействовалось ополчение из числа рядовых жителей, однако участие в нем было необязательным, а ведущая роль оставалась за отрядами эмиров. Бедуинские корни играли исключительно важную роль в самосознании недждийской элиты. Ими все еще уважались многие установки, свойственные кодексу чести номадов, а также сохранялось представление о своем природном отличии от простых горожан и земледельцев. Это разделение всячески подчеркивалось самими знатными горожанами, выражаясь в различных аспектах их жизни (вплоть до ношения особой одежды и аксессуаров). В этой связи примечательна описанная У. Палгревом традиция, согласно которой благородные недждийцы имели право на ношение холодного оружия с серебряными рукоятями (эмиры, в свою очередь, отделявали свои клинки золотом)¹⁸⁶. Идейная установка такого рода приводила к замыканию «аристократического» сообщества и препятствовала формированию в оазисах единой системы социально-политических связей.

При этом следует не упускать из виду то, что сама знать, вопреки взглядам ее представителей, утрачивала многие характерные для кочевников черты. Как и в случае с феллахами, былое племенное единство уходило в прошлое. Основу «аристократии» составляли родовые объединения уровня «большой семьи», и сохранение более крупных сообществ было практически невозможно. Однако и в этих звеньях не наблюдалось былой сплоченности. Многочисленные жестокие столкновения между членами эмирских семей, претендовавшими на власть, свидетельствовали о том, что представления о ценности кровного родства изживали себя. Кроме того, в прошлое уходили многие аспекты ‘адата, уступая место исламским законоустановлениям. При этом «аристократия» отличалась гораздо большей исламизированностью, чем их кочевые предки.

Несмотря на доминирующую роль знати в жизни недждийского общества, ее статус не был законодательно закреплен. Все ее влияние было обусловлено ее

¹⁸⁶ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 31, 32, 37, 73, 79, 106, 208.

военной ролью и концентрацией в ее руках значительной части земельных ресурсов. Обитавшие на ее землях феллахи никогда не подвергались закрепощению. Тем не менее, будучи вынужденными арендовать поля и иногда сельскохозяйственные орудия, они часто попадали в экономическую зависимость от своих хозяев. То же самое касалось и торговцев, вынужденных выплачивать местным властителям подати за гарантию безопасности торговли.

Наиболее могущественные и богатые знатные семейства превращались в эмирские династии. Подчеркнем, что смысловая наполняемость понятия «эмир» в Неджде XVII–XVIII вв. остается не до конца понятной. На страницах центральноаравийских хроник исследуемого периода нередко встречаются сообщения, из которых следует, что в отдельном оазисе могло проживать сразу несколько эмиров¹⁸⁷. Вероятно, данный «титул» присваивался всем мужчинам – членам правящей семьи, хотя в таком случае остаются неясны принципы распределения власти между его носителями. Некоторый свет на эту особенность проливает Г. Филби, утверждавший, что в отношениях между эмирами преобладал принцип “*primus inter pares*” (первый среди равных)¹⁸⁸. В то же время он описывает ситуацию эпохи третьего государства Саудидов, когда верховный правитель уже именовался имамом. Таким образом, данный вопрос остается неразрешенным. Так или иначе, главы правящих семейств являлись предводителями городской «аристократии», представители которой практически всегда входили в их «дружину». Власть в оазисах была наследственной, и ее передача зиждалась, как правило, на лестничном принципе. Однако на практике смена правителей происходила стихийно и нередко в результате убийств и переворотов.

Знатные горожане могли формировать при дворе некоторых эмиров особые советы, но ни их распространенность, ни политическая роль практически не освещаются в источниках. Не до конца остается понятна и роль ‘*абдов* – личной гвардии правителя, которую чаще всего составляли африканские и абиссинские рабы, приобретенные на невольничих рынках Хиджаза. С одной стороны, их

¹⁸⁷ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 33.

¹⁸⁸ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 2. P. 48.

упоминания в хрониках крайне редки, с другой, именно им отводится роль инициаторов важнейших исторических событий, в частности заговора против Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в Хураймале¹⁸⁹.

Располагая основным силовым ресурсом, эмиры брали на себя военные и полицейские функции. В некоторых случаях они также могли играть роль арбитров. У. Палгрев называет «монарха»-аравитянина высшей судебной инстанцией¹⁹⁰, хотя не ясно, соответствовало ли это реалиям XVII–XVIII вв. Судебная власть была уделом кади. Чаще всего богословы выступали в качестве связующего звена между рядовыми жителямиселений и их властителями. Однако вплоть до ваххабитской эпохи религия не служила объединяющим фактором в социальной жизни эмирата, а религиозные деятели не становились подлинными лидерами народа, что во многом было обусловлено упадком нормативного ислама в Центральной Аравии в XVII–XVIII вв.

Эмир, как и большая часть знати, совершенно не интересовался жизнью подконтрольных ему оазисов. Правители и его подданные словно существовали в параллельных мирах, а связывали их лишь выплачиваемые горожанами и феллахами подати, а также исламское законодательство, воплощенное в фигурах факихов и кади. Глубокое разделение элит и простонародья, коренящееся в древнем противостоянии кочевого и оседлого населения, не позволило сформироваться в эмиратах целостной социально-политической системе. Свою лепту в это внесли реликты племенного самосознания, свойственные значительной части рядовых обитателей оазисов, а также изрядная самодостаточность и автономность отдельных хозяйств. В итоге знать, обладая реальной властью, никак не была вовлечена в жизнь фактически зависящего от него населения¹⁹¹. Совокупность всех этих факторов во многом определила судьбу большинства недждийских эмирата.

¹⁸⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 38.

¹⁹⁰ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year’s Journey. Р. 140.

¹⁹¹ Обратим внимание на противоречие всего вышеизложенного периодически встречающемуся в современной арабской литературе представлению об особом статусе хранителей религиозных порядков и закона, присущем недждийским эмирата. Подробнее см., например: Аль-Башар, Бадрия. Наджд кабля ан-нафт (Неджд до нефтяной эпохи). Бейрут: Джадавил ли-н-нашр ва-т-тавзи‘а, 2013. С. 85-87, 199.

§ 5. ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ НЕДЖДИЙСКИХ ЭМИРАТОВ

Первое, что следует подчеркнуть, рассуждая об особенностях недждийских эмиратов XVII–XVIII вв., – это невозможность их восприятия как полноценных государственных образований. Довольно часто не приходится говорить даже о территориальной целостности этих политических субъектов. Наиболее приемлемым представляется определение недждийского эмирата как территории, находящейся под покровительством того или иного «аристократического» рода. Вся его политическая жизнь была фактически тождественна деятельности правящего семейства и обусловлена его интересами.

Одновременно не существовало механизмов, посредством которых эмиры могли бы принудить население оазисов к участию в военных кампаниях, а, следовательно, у недждийских властителей не было возможности мобилизовать дополнительные ресурсы сверх своих собственных. Подати, взимаемые местными эмирами с горожан и сельской округи, были достаточны для поддержания порядка на определенной территории, но редко позволяли финансировать расширение ее естественных пределов. Размер эмиратов и их влияние всегда были ограничены возможностями их правителей. Даже беглый взгляд на политическую карту Неджда XVII–XVIII вв. позволяет заключить, что наиболее могущественные эмираты возникали вокруг крупных городов, где ресурсная база давала возможность контролировать сравнительно большие территории.

Немаловажным фактором, гарантировавшим существование независимых эмиратов, было отсутствие серьезных внешних угроз. В Неджде в этом смысле сложился устойчивый паритет – местные правители редко были способны обрести большее влияние, чем позволяла ресурсная база подконтрольных им земель. Даже при смене правящих династий распределение зон влияния самих политических центров изменялось незначительно. В рамках сложившейся за длительное время экономической и политической модели также отсутствовала необходимость формирования долгосрочных альянсов с соседними эмиратами, каждый из которых

обладал немалой автономностью. Кратковременные союзы, заключаемые между недждийскими правителями, чаще всего имели своей целью лишь совместное участие в отдельных военных кампаниях. Типичным примером в этом отношении служат отношения владык ‘Уяйны и Эд-Дир‘ии¹⁹². Политические связи эмиратацеликом и полностью зиждались на личных отношениях правителей и по этой причине редко отличались длительностью и устойчивостью. Никакой иной кооперации между городами не существовало. Замкнутость «на своих зеленых пальмовых островах»¹⁹³ настолько глубоко укоренилась в сознании недждийцев, что ее отзвук отмечался даже европейскими путешественниками, посетившими эти места в конце XIX в. Так, говоря о частых неурожаях, Ч. Доути задавался вопросом, почему «ни у одного купца, ни даже у самого эмира не возникало мысли привезти зерно издалека»¹⁹⁴.

Более того, гораздо чаще можно было наблюдать бесконечные набеги эмирата друг против друга, что было особенно характерно для небольших и депрессивных владений вроде тех, на которые был разбит Южный Неджд. Заметную роль в этом играло неизжитое из сознания знати бедуинское представление о газвах как о способе обеспечения и приумножения личного благосостояния. Разбойничьи рейды имели место и в относительно сытые времена, но, как только наступала засуха, вся Центральная Аравия буквально вспыхивала, превращаясь в арену жесткого противостояния кочевников, оседлого населения и отдельных городов. Описанный выше устоявшийся баланс между различными силами отнюдь не должен восприниматься как признак политической стабильности. Бытие недждийских эмирата было неизменно связано с постоянными войнами и борьбой за выживание. Угроза их существованию исходила также из-за пределов Центральной Аравии.

В XVI–XVIII вв. земли Неджда формально считались частью одноименного османского санджака¹⁹⁵. Однако с начала XVIII столетия эти территории

¹⁹² Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 105.

¹⁹³ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 6.

¹⁹⁴ Ibid. P. 7.

¹⁹⁵ Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. С. 67.

фактически не подчинялись султанской власти. По мнению Дж.П. Бальфура, золотой век Османской империи пришелся на XVI–XVII столетия¹⁹⁶, а конец XVII – начало XVIII в. ознаменовались началом постепенного угасания ее могущества. Набирающая обороты стагнация сопровождалась ростом угрозы со стороны Австрии и Российской империи¹⁹⁷. Османская завоевательная политика сходила на нет, и главной целью имперских властей стало поддержание целостности государства в сложившихся на тот момент границах. Именно тогда перед османскими падишахами остро встал вопрос, стоит ли удерживать прямой контроль над Недждом. Содержание гарнизонов в этих отдаленных землях было исключительно затратным, а подати, взимаемые с и без того небогатых оазисов, едва ли могли покрыть столь ощутимые расходы. Стратегическое же значение этого санджака было невелико. Саудовский историк Мухаммад ас-Салман, несколько утрируя данный тезис, писал: «Эти края лишились политического значения сразу после переноса столицы Халифата из Медины в Дамаск, и поэтому они погрязли в беззаконии <...> и не было власти, способной усмирить их»¹⁹⁸. В целом именно изоляция Центральной Аравии от «внешнего мира» и ее малое экономическое значение способствовали тому, что прямой политический контроль над ней со стороны внешних сил на протяжении большей части ее истории отличался слабостью и недолговечностью.

Таким образом, в исследуемый период Османская империя не представляла эзистенциальной угрозы для недждийских эмиратов. Мухаммад ас-Салман, исследовавший место Аравии в османском внешнеполитическом курсе, писал: «Покорение Неджда было невыгодно турецким правителям. Единственное, что привлекало их внимание в то время, – это Хиджаз со святыми местами ислама, а также восточное побережье Персидского залива»¹⁹⁹. Однако и в этих землях ситуация осложнялась растущими центробежными тенденциями²⁰⁰.

¹⁹⁶ Бальфур Дж.П. Османская империя. С. 150.

¹⁹⁷ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. С. 3-4, 21, 50, 53.

¹⁹⁸ Ас-Салман, Мухаммад ибн 'Абдаллах. Тарих Эль-Касым. С. 9-10.

¹⁹⁹ Там же. С. 14.

²⁰⁰ Мейер М.С. Османская империя в XVIII веке. С. 107.

Дж.П. Бальфур констатировал, что «центральную власть султана над его владениями все чаще игнорировали сильные местные руководители (паши), злоупотреблявшие своей властью над жизнью, смертью и налогами, а также не подчинявшееся дисциплине чиновничество»²⁰¹. Действительно, на аравийском направлении склонность к отложению наблюдалась как в Хиджазе, возглавляемом шерифами Мекки, так и в Южном Ираке, оказавшемся под властью военного чиновника Афрасиаба ад-Дайри (1597–1670 гг.) и его потомков²⁰². Ослабление контроля над этими провинциями практически закрывало вопрос установления османской власти в Неджде.

Тем не менее, избавившись от угрозы со стороны османского государства, Неджд начал привлекать внимание правителей соседствующих с ним земель. На западе таковыми были мекканские шерифы, на востоке – представлявшие племя Бану Халид эмиры обретшей независимость в середине XVII в. Эль-Хасы. Главным интересом этих политических субъектов стали трансаравийские торговые пути, в частности те, которые связывали Восточную Аравию с Хиджазом. «Северо-западный» маршрут, тянувшийся от Хаиля до вади Давасир и Наджрана, не имел в их глазах особой ценности.

Постоянный поток торговцев и паломников, проходящих через Центральную Аравию, был одним из залогов финансового благополучия мекканцев. Однако недждийские просторы отличались крайней политической нестабильностью, создавая угрозу этим стратегически важным транспортным артериям. Поэтому главной целью мекканских шерифов на этом направлении стало поддержание их безопасности. Их походы в основном были нацелены на Южный Неджд, самую беспокойную центральноаравийскую область, хотя и Эль-Касым периодически страдал от рук хиджазцев²⁰³. Значительно меньше нам известно о положении провинции Джебель-Шаммар, которая, как показала дальнейшая история Аравийского полуострова, также интересовалась вади Эр-Румма, но ввиду

²⁰¹ Бальфур Дж. П. Османская империя. С. 408.

²⁰² Longrigg S.H. Four Centuries of Modern Iraq. Oxford: Clarendon Press, 1925. P. 99-123.

²⁰³ Тарих аль-Манкур. С. 50; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 66; Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза. С. 69; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 135; Тарих Ибн ‘Иса. С. 51.

отсутствия источников вопрос о месте ее правителей в социально-политической жизни Внутренней Аравии XVII – первой половины XVIII в. остается без ответа.

Правители Хиджаза, заведомо обладая мизерным по сравнению с османским имперским центром ресурсами, никогда не пытались установить свою власть в оазисах Неджда. Вместо этого они придерживались политики точечных карательных экспедиций, приходившихся на кризисные периоды недждийской политической жизни. Эти походы преследовали две основных цели. Первой из них была ликвидация угрозы караванам, выражавшаяся в нанесении жестких ударов по агрессивным племенам и оазисам. Второй же было устранение неудобных хиджазцам местных эмиров и установление в оазисах власти своих марионеток. В этом плане показательна экспедиция 1578 г., детально описанная в хронике ‘Усмана ибн Бишра. «В 986 г.х. (1578 г. – Ф.М.) мекканский правитель Хасан ибн Нумай, – констатировал летописец, – выступил с пятьюдесятью тысячами воинов (едва ли Хиджаз мог выставить такое войско, и, вероятно, приведенная численность сильно завышена. – Ф.М.) на недждийское селение Ма‘акаль, что неподалеку от Эр-Рияда. Осадив крепость, он пленил глав знатных родов <...> и поставил там своего правителя по имени Мухаммад ибн Фадль»²⁰⁴.

Тем не менее воздействие внешних сил коренным образом не меняло общее положение в Центральной Аравии. Перестановки во власти были незначительны и едва ли наносили больший ущерб, чем непрекращающаяся политическая борьба недждийских эмиров. Из этого следует, что в XVII–XVIII вв. Неджд фактически был независим от внешних сил, а его социально-политическая жизнь развивалась согласно собственной внутренней логике. Многочисленные воюющие друг с другом эмирата оставались протогосударственными образованиями, а глубокий раскол в недждийском обществе не позволял естественным образом сформироваться какой-либо иной социально-политической системе.

В целом во Внутренней Аравии преобладали скорее центробежные тенденции, нежели центростремительные. Дополнительно ситуация дестабилизировалась постоянными нашествиями саранчи, засухами и эпидемиями. Особенно рельефно

²⁰⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 45.

эти закономерности прослеживались в Южном Неджде, на территории которого в XVII–XVIII вв. оказалось возможным одновременное существование множества независимых политических центров.

§ 6. ‘УЯИНА В ДОВАХХАБИТСКУЮ ЭПОХУ

‘Уяйна, ставшая в доваххабитский период главной политической силой в Южном Неджде, является классическим примером центральноаравийского эмирата в досаудидскую эпоху. Этот относительно небольшой город едва ли мог сравниться по своему экономическому и политическому значению с более крупными селениями Эль-Касыма и Джебель-Шаммара. Однако в реалиях этой части Аравийского полуострова, раздробленной на десятки небольших эмиротов, население которых нередко исчислялось сотнями человек, этот оазис, насчитывавший, по летописным данным, до 300 дворов, выделялся относительной экономической стабильностью и политическим влиянием²⁰⁵. Кроме того, заметна была теплящаяся в его пределах интеллектуальная жизнь – ‘Уяйна была одним из немногих «оплотов» нормативного ислама в этой части арабского мира. По свидетельству ‘Абдаллаха Ааль Бассама, в городе одновременно могли собираться до 80 ‘алимов, что было большой редкостью для этих земель и являлось признаком развитой духовной активности в городе²⁰⁶.

Благополучию ‘Уяйны способствовали два основных фактора. Во-первых, это селение и его окрестности отличались хорошей обеспеченностью водными ресурсами, что нашло отражение в его названии (‘Уяйна, производное от араб. ‘айн, мн.ч. ‘уйун, a‘йун – «источник воды»)²⁰⁷. В сезон дождей город страдал от разрушительных наводнений, вроде тех, что были описаны хронистом аль-Манкуром²⁰⁸. Многочисленные колодцы позволяли местным жителям орошать и возделывать сравнительно большие территории. На отменное качество местной

²⁰⁵ Лам‘а аш-шихаб. С. 67.

²⁰⁶ Ааль Бассам, ‘Абдаллах. ‘Улама Наджд. С. 15.

²⁰⁷ Ибн Му‘аммар, ‘Абд аль-Мухсин ибн Мухаммад. Имара аль-‘Уяйна ва тарих Ааль Му‘аммар (Эмирят ‘Уяйны и история рода Ааль Му‘аммар). Эр-Рияд: Дар аль-марих ли-н-нашр ва-т-тавзи‘а, 2004. С. 117-132.

²⁰⁸ Тарих аль-Манкур. С. 61.

воды и земледельческой продукции указывал сирийский паломник Муртаз ибн ‘Альван, посетивший эти места в 1708–1710 гг.: «Вода [в ‘Уяйне] несравненна – она чиста, сладка и питательна. Что же до местных цитрусовых, то подобные местным лимонам [сортов] каббад и наффаш можно встретить разве что в Дамаске и Шаме»²⁰⁹.

Однако важнейшим фактором, определившим позиции ‘Уяйны, как и в случае с другими крупнейшими политическими игроками Центральной Аравии, стало ее расположение относительно трансаравийских торговых путей. Город вырос на одном из ключевых участков караванного маршрута, пролегавшего через вади Ханифа и соединявшего Эль-Хасу с Хиджазом и Йеменом²¹⁰. Более того, для караванов, следующих со стороны Мекки, его оазисы становились «вратами» в Центральную и Восточную Аравию, будучи первой полноценной остановкой после пересечения обширных пустошей, отделявших Неджд от западных пределов Аравийского полуострова. Живой иллюстрацией этому служат восторженные строки Ибн ‘Альвана, описывающего прибытие его каравана в эти земли: «Мы пребывали в подавленном настроении, пока были в пути в течение тридцати трех дней. Но так продолжалось лишь до тех пор, пока перед нами не раскинулся этот край, пока мы не напились его воды, и не надышались его воздухом. Воистину, то было благословение Аллаха!»²¹¹ Караванам, двигавшимся с востока, город давал возможность передохнуть и подготовиться к дальнейшему продвижению по бескрайним пустыням Неджда. Таким же пристанищем ‘Уяйна была для странников, путешествующих с северо-запада – со стороны Эль-Касыма и Джебель-Шаммара, однако здесь конкуренцию ей составляли города Вашма и Судайра. Таким образом, в исследуемый период этот город представлял собой один из важнейших транспортных узлов Аравийского полуострова, что в купе с приемлемыми условиями для земледелия обеспечили его сравнительное благополучие и рост политического влияния. История ‘Уяйны представляет собой

²⁰⁹ Ибн ‘Альван, Муртаза. Путешествие ибн ‘Альвана. С. 1112.

²¹⁰ Ибн Му‘аммар, ‘Абд аль-Мухсин ибн Мухаммад. Имара аль-‘Уяйна ва тарих Ааль Му‘аммар (Эмирят ‘Уяйны и история рода Ааль Му‘аммар). С. 188.

²¹¹ Там же.

один из наиболее наглядных примеров организации власти эмиров и общей парадигмы их деятельности в даваххабитском Неджде. Заранее подчеркнем, что в данном случае при ее описании будет опущена часть ее истории, связанная с взаимодействием ее эмиров с могущественным восточноаравийским племенем Бану Халид, к которой мы вернемся позднее.

Судьба города в даваххабитскую эпоху предельно скучно освещена в письменных источниках. Сложно определить даже примерное время, когда он стал центром независимого эмирата. В ряде хроник, в частности в трудах Ибн Исы, аль-Фахири²¹² и Ибн Бишра, есть упоминания о появлении в этих землях основателя будущей эмирской династии Ааль Му‘аммар в XV в. Так, Ибн Бишр пишет: «В 850 г.х. (1446 г. – Ф.М.) Хасан ибн Таук, основатель рода Му‘аммар, выкупил земли ‘Уяйны у рода Йазид, жителей аль-Василя и ан-Нуаймии <...> [новый] дом Хасана был весьма хорош, после переселения он осел на этом месте и стал возделывать землю, и наследовали ему его потомки»²¹³. Достоверность этой даты вызывает сомнение, поскольку к этому же году летописец относит и переселение в Эд-Дир‘ийю предков будущей династии Саудидов, что, скорее всего, свидетельствует об ее условности. Вероятно, хронисты таким образом пытались «вывести на сцену» основных политических игроков ваххабитской эпохи. Большая часть летописцев на этом прерывают повествование о ранней истории рода Ааль Му‘аммар. Исключение составляет лишь хроника Ибн ‘Исы, сообщающая о смерти Хасана ибн Таука в 1461 г.²¹⁴

Сообщения о судьбе его потомков возобновляются большинством хронистов лишь с XVII в. Самое раннее из них обнаруживается в труде Ибн Раби‘а, сообщающего о переходе власти в оазисе к одному из потомков Ибн Таука по имени Ахмад ибн ‘Абдаллах²¹⁵. Заметим, что в ряде более поздних хроник, в частности в труде Ибн Бишра, его называют «Хамад»²¹⁶, однако сличение

²¹² Тарих аль-Фахири. С. 81; Тарих Ибн ‘Иса. С. 27.

²¹³ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд. Т. 2. С. 296.

²¹⁴ Тарих Ибн ‘Иса. С. 36.

²¹⁵ Тарих Ибн Раби‘а. С. 31.

²¹⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 74.

*насабов*²¹⁷ последующих правителей позволяет предположить, что это имя является либо опиской, либо используемой автором вариацией имени Ахмад. Правление эмира Ахмада пришлось на время упадка ‘Уяйны. В летописях аль-Фахири и Ибн ‘Исы упоминается продажа родом Ааль Му‘аммар части своих владений в Хураймале²¹⁸. Эти сообщения свидетельствуют о том, что в прошлом влияние эмирата распространялось значительно дальше пределов вади Ханифа, но также указывают на неспособность Ахмада ибн ‘Абдаллаха поддерживать политический контроль над проданными землями.

Согласно данным хроники аль-Манкура, уже в 1642 г. ослабевшая ‘Уяйна подверглась опустошительному набегу кочевого племени аз-Зафир²¹⁹. Ибн Раби‘а относит к тому же году поражение военных сил эмирата в битве с неким родом «Ааль Барджас»²²⁰, хотя, вероятно, речь идет о том же событии, а упомянутое наименование относится к одному из подразделений зафиритов. Спустя несколько лет владыка ‘Уяйны совершил набег на земли Судайра, но эта экспедиция оказалась единственным походом за все его правление²²¹. В 1646 г. Ахмад ибн ‘Абдаллах неожиданно умер во время совершения хаджа²²². Уже в следующем году ‘Уяйна вновь стала жертвой нападения, на этот раз со стороны Хиджаза²²³. По словам Ибн ‘Ибада, мекканский шериф Зейд вывез из разграбленного города «множество дирхамов и угнал до 300 верблюдов»²²⁴.

Тяжелое положение в эмирете и несвоевременная смерть правителя спровоцировали междуусобицу. Ввиду малой информативности хроникальных сообщений ее суть во многом реконструируется на основе генеалогии правящего семейства, выводимой из имен обозначенных в источниках действующих лиц. Вероятно, ‘Абдаллах, отец покойного правителя, оставил еще двух сыновей – Насра и Мухаммада. Последний скончался раньше своих братьев, поэтому после

²¹⁷ *Насаб* – часть арабского имени, включающая имена отца, деда, прадеда и прочих предков его носителя.

²¹⁸ Тарих аль-Фахири. С. 89; Тарих Ибн ‘Иса. С. 43.

²¹⁹ Тарих аль-Манкур. С. 40.

²²⁰ Тарих Ибн Раби‘а. С. 32.

²²¹ Там же. С. 33; Тарих аль-Фахири. С. 91; Тарих Ибн ‘Иса. С. 43.

²²² Тарих аль-Манкур. С. 40-41; Тарих Ибн Раби‘а. С. 33; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 74.

²²³ Тарих аль-Фахири. С. 92.

²²⁴ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 58.

смерти Ахмада власть в эмирате, согласно традиционному принципу наследования, должна была перейти Насру. Однако, по сообщениям летописцев, в 1647 г. в результате заговора он был лишен жизни своим племянником Давасом ибн Мухаммадом, который, по-видимому, был главой упоминаемого в более поздних сообщениях клана Ааль Мухаммад²²⁵. Несмотря на успешный переворот, Давас правил в оазисе не более девяти месяцев, после чего был умерщвлен своим двоюродным братом Мухаммадом ибн Ахмадом, ставшим новым эмиром²²⁶. В труде Ибн Раби‘а это событие датируется 22 ноября 1648 г. (7 зуль-када 1058 г.х.)²²⁷. В источниках правление Мухаммада отражение не получило.

После его смерти в 1660 г. власть перешла к ‘Абдаллаху ибн Ахмаду ибн Му‘аммару, явившемуся, судя по наسابу, братом почившего правителя²²⁸. В 1662 г. ‘Абдаллах предпринял неудачный поход на недждийское селение аль-Бир²²⁹. Причиной поражения отрядов ‘Уайны стал трагический случай, описанный в труде Ибн ‘Исы: «В 1072 г.х. (1662 г. – Ф.М.) правитель ‘Уайны ‘Абдаллах ибн Ахмад ибн Му‘аммар направился в оазис аль-Бир. Это случилось из-за того, что жители этих мест разграбили караван, принадлежащий жителям ‘Уайны. Под своими знаменами Ибн Му‘аммару удалось собрать множество воинов, и часть их решила отдохнуть под стенами осаждаемого селения, но одна из них обрушилась, похоронив под собой немало людей, поэтому Ибн Му‘аммару пришлось заключить мир с жителями аль-Бира и возвратиться в свои земли»²³⁰. Этот провальный набег стал единственным событием, упомянутым в источниках в связи с правлением ‘Абдаллаха. После него на престол взошел²³¹ некий Наср ибн Мухаммад, вероятно, его племянник. Однако достоверно восстановить события этого временного

²²⁵ Там же. С. 58; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 77; Тарих Ибн Раби‘а. С. 33.

²²⁶ Тарих Ибн Раби‘а. С. 33; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 77.

²²⁷ Тарих Ибн Раби‘а. С. 33.

²²⁸ Тарих аль-Манкур. С. 43; Тарих Ибн Раби‘а. С. 34; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 80; Тарих ибн Ла‘абун. С. 130; Тарих Ибн ‘Иса. С. 46.

²²⁹ Тарих аль-Манкур. С. 43; Тарих Ибн Раби‘а. С. 34; Тарих ибн Ла‘абун. С. 130-131; Тарих аль-Фахири. С. 94.

²³⁰ Тарих Ибн ‘Иса. С. 47.

²³¹ Здесь и далее словосочетание «восхождение на престол» используется в качестве синонима словосочетания «приход к власти».

отрезка невозможно, последнее же предположение зиждется на упоминании рядом хронистов, в том числе Ибн Раби‘а, убийства Насра в 1647 г.²³²

В 1685 г. к власти в ‘Уяйне пришел эмир по имени ‘Абдаллах ибн Мухаммад (1648–1660 гг.) – сын Мухаммада ибн Ахмада²³³. Его правление совпало со значительным подъемом экономического и политического могущества оазиса. Об этом свидетельствуют как организованные им многочисленные военные экспедиции в различные области Южного Неджда, так и прямые восторги, высказанные в его адрес хронистами. Так, Ибн Бишр пишет: «В 1096 г.х. (1685 г. – Ф.М.) в ‘Уяйне воцарился²³⁴ ‘Абдаллах ибн Мухаммад ибн Хамад ибн ‘Абдаллах ибн Мухаммад ибн Хамад ибн Мухсин ибн Таук. Он покрыл себя великой славой, и в его правление ‘Уяйна разрослась и приукрасилась. Население умножилось, а ее пахотные земли безмерно расширились»²³⁵. Показательно, что упомянутый в начале раздела путешественник Ибн ‘Альван посетил ‘Уяйну именно в период правления эмира ‘Абдаллаха, поэтому его положительные впечатления от пребывания в оазисе свидетельствуют об успехах эмира.

Обогащению города во многом способствовали многочисленные военные набеги Ибн Му‘аммара. Первый из них был предпринят между 1685 и 1688 г. – его целью стала Хураймала²³⁶. В этой военной экспедиции союзником ‘Уяйны выступил эмир Эд-Дир‘ии Сауд ибн Мухаммад ибн Мукрин²³⁷. Он же участвовал и во втором набеге на Хураймалу, пришедшемся на период между 1695 и 1697 г.²³⁸ Предположительно, дир‘ийцы участвовали и в третьем, наиболее крупном походе, имевшем место в 1710 г., когда селение подверглось значительному разрушению²³⁹.

Хураймала не была единственной целью эмира ‘Абдаллаха. В 1704 г. его отряды разграбили местечко аль-Курайна, «похитив все богатства и весь

²³² Тарих Ибн Раби‘а. С. 35.

²³³ Тарих аль-Манкур. С. 49; Тарих ибн Ла‘абун. С. 135; Тарих аль-Фахири. С. 101; Тарих Ибн ‘Иса. С. 51; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 104.

²³⁴ Здесь и далее понятие «воцарение» используется в качестве синонима словосочетания «приход к власти».

²³⁵ *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 104.

²³⁶ Тарих аль-Манкур. С. 50; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 65; Тарих Ибн Раби‘а. С. 38; Тарих Ибн ‘Иса. Там же; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 104.

²³⁷ Тарих аль-Манкур. С. 50; Тарих Ибн ‘Иса. С. 51; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 104.

²³⁸ Тарих Ибн ‘Иса. С. 53; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 104-105.

²³⁹ Тарих Ибн Раби‘а. С. 41; Тарих ибн Ла‘абун. С. 145.

урожай»²⁴⁰. Примечательны также три его военные экспедиции в селение аль-‘Амария. Первый поход датируется по-разному. Так, Ибн Раби‘а называет 1688 г., в то время как Ибн ‘Ибад настаивает на 1686 г.²⁴¹ Второй и третий набеги состоялись в 1696 и 1715 гг.²⁴² Последний завершился покорением города и его присоединением к владениям рода Ааль Му‘аммар. Немалых успехов ‘Абдаллах достиг на поприще борьбы с кочевыми племенами – в 1702 г. им было разгромлено воинственное племя Ааль Асаф²⁴³.

Расцвет ‘Уяйны и успехи ее эмира были омрачены двумя крупными эпидемиями чумы или холеры, последняя из которых, разразившаяся в 1726 г., погубила и самого ‘Абдаллаха ибн Мухаммада²⁴⁴. Яркое отражение эти полные трагизма события нашли в хронике Ибн Бишра: «В 1138 г.х. (1726 г. – Ф.М.) Аллах Всевышний наслал великую чуму на людей ‘Уяйны, и ее жертвой стала большая часть населения [оазиса]. Она же стала причиной смерти ‘Абдаллаха ибн Мухаммада ибн Хамада ибн ‘Абдаллаха ибн Му‘амара <...> после него воцарился его внук Мухаммад ибн Хамад, которого называют “Харфаш”»²⁴⁵. Ибн Раби‘а, в свою очередь, добавляет: «Во всем Неджде ни до, ни после не было такого как он (умерший эмир. – Ф.М.)»²⁴⁶.

С уходом из жизни ‘Абдаллаха завершился период подъема ‘Уяйны. Наследовавший ему в 1727 г. внук правил менее трех лет и пал в сражении с племенем Ааль Кусайр²⁴⁷. Одним из немногих упомянутых летописцами событий в связи с этим периодом стало смещение с поста кади отца будущего основателя ваххабитского движения ‘Абд аль-Ваххаба ибн Сулеймана в 1727 г.²⁴⁸ В ряде хроник также содержится беглое указание на участие Ибн Му‘амара в междоусобице, развернувшейся в это время в Эд-Дир‘ийе. Под властью

²⁴⁰ Тарих Ибн Раби‘а. С. 40; Тарих ибн Ла‘абун. С. 143.

²⁴¹ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 68; Тарих Ибн Раби‘а. С. 37.

²⁴² Тарих аль-Фахири. С. 102; Тарих Ибн ‘Иса. С. 52; Тарих Ибн Раби‘а. С. 44; Тарих ибн Ла‘абун. С. 151.

²⁴³ Тарих Ибн Раби‘а. С. 40.

²⁴⁴ Там же. С. 44; Тарих ибн Ла‘абун. С. 152; Тарих аль-Фахири. С. 124; Тарих Ибн ‘Иса. С. 66; *Ибн Биир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 154.

²⁴⁵ Там же.

²⁴⁶ Тарих Ибн Раби‘а. С. 44.

²⁴⁷ Тарих ибн Ла‘абун. С. 154; *Ибн Биир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 162.

²⁴⁸ Тарих Ибн ‘Иса. С. 67.

следующего эмира, брата Харфаша по имени ‘Усман ибн Хамад, ‘Уяйна встретит эпоху первого государства Саудидов, а сам новоявленный правитель сыграет одну из ключевых ролей в его становлении.

Доваххабитская история ‘Уяйны представляет собой типичный сценарий социально-политического жизни эмирятов Центральной Аравии. На страницах хроник не обнаруживается никаких признаков консолидации общества и «аристократии». Вся деятельность знати ограничивалась грабительскими набегами, а также смещением и назначением кади. В то же время нельзя не признать, что на фоне многих оазисов Южного Неджда ‘Уяйна отличалась заметной политической и экономической устойчивостью. Так, на протяжении исследуемого отрезка времени в ней произошла всего одна малозначительная междуусобица, что по сравнению с бесконечной борьбой за власть в Эль-‘Ариде является почти образцом стабильности. Пример многочисленных походов ‘Абдаллаха ибн Мухаммада также демонстрирует, что местные эмиры обладали завидным военным ресурсом. Однако истоком благополучия их вотчины была отнюдь не эффективность социально-политической системы, а выгодное географическое положение ‘Уяйны на сопряжении трансаравийских караванных путей.

§ 7. ЭД-ДИР‘ИЙЯ НАКАНУНЕ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ВАХХАБИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ

Хотя ‘Уяйна и была главным политическим центром Южного Неджда, политическое влияние рода Ааль Му‘аммар практически не распространялось на соседние районы. В частности, независимостью пользовалась большая часть Эль-‘Арида. Плодородные земли этой области тонкой полосой растянулись на несколько сотен километров вдоль вади Ханифа, а также примыкающих к нему вади аль-Лайсан, вади аль-Ватар, вади Лиха, вали аль-Аусат, вади Нисах и вади Сулай. Многие возделываемые территории были отделены друг от друга безжизненными горными кряжами. Со Средних веков на этих землях возникали небольшие независимые политические образования, о которых писал еще Насир

Хосров, побывавший в Южном Неджде в XI в.: «На этой полосе было четырнадцать укреплений. <...> Четырнадцать замков этих принадлежат двум коалициям, которые постоянно воюют и враждуют друг с другом»²⁴⁹.

Столицами этих карликовых эмиратов были поселки (Эд-Дир‘ийя, Эр-Рияд, Манфуха и др.), едва насчитывающие несколько сотен жителей. Их бедность не позволяла местным правителями захватывать и долгое время удерживать контроль над соседними землями. Их поданные были вынуждены выживать за счет скучных продуктов земледелия и добычи, захватываемой в набегах. При этом, несмотря на свой незначительный размер, южнонеджийские эмираты практически не отличались от более крупных «собратьев» в социально-политическом отношении. В этой связи наиболее репрезентативным представляется рассмотрение истории Дир‘ийского эмирата.

Замкнутые в пределах своего «нома» предки династии Ааль Сауд редко привлекали внимание летописцев. В трудах Ахмада аль-Манкура и Мухаммада ибн Раби‘а, которые составляют корпус старейших доваххабитских письменных источников, Эд-Дир‘ийя и правящий ею род появляются всего несколько раз (по большей части в сообщениях об ‘Уяйне и связанных с ней военных походах)²⁵⁰. Обращает на себя внимание тот факт, что оба эти хрониста были уроженцами соседствующих с Эль-‘Аридом земель – аль-Манкур родился в Судайре, а Ибн Раби‘а – в селении Садик. Следующий за ними по старшинству Мухаммад ибн ‘Ибад также не фокусировался на этом оазисе, хотя его жизнь частично пришлась на начало эпохи первого государства Саудидов. Единственное вероятное упоминание им властителей Эд-Дир‘ии относится к 1720 г., когда жертвой политической борьбы пал некий «Ибн Сауд»²⁵¹, идентифицировать которого однозначно не представляется возможным.

Показательно также отсутствие в летописях доваххабитского периода информации об основателях Дир‘ийского эмирата. Первые сообщения такого рода обнаруживаются лишь в трудах ‘Усмана ибн Бишра и Мухаммада аль-Фахири, а

²⁴⁹ *Nasir Хосров*. Сафар-намэ. С. 174.

²⁵⁰ Тарих аль-Манкур. С. 50, 53; Тарих Ибн Раби‘а. С. 38.

²⁵¹ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 77.

затем «подхватываются» более поздними учеными, в частности Ибрахимом ибн ‘Исой²⁵². Именно он, опираясь на историю предков рода Ааль Сауд, почерпнутую из первых двух источников, предлагает ее уточненную версию, дополняя ее пространными генеалогическими описаниями. Таким образом, основной массив сведений о ранней социально-политической истории будущей столицы первого государства Саудидов конструируется на основании трудов трех вышеперечисленных летописцев. Игнорирование этого аспекта большинством других авторов свидетельствует о ничтожном значении вотчины предков семейства Ааль Сауд на социально-политической арене того времени.

Добавим, что есть еще один источник, содержащий сведения о происхождении будущих ваххабитских имамов, – анонимная хроника «Блеск метеора в житии Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба». В ней приводится полное имя первого правителя Саудидского государства Мухаммада ибн Сауда с пространным насабом: «Иbn Сауд ибн Мухаммад ибн ‘Умар ибн Фейсал ибн Ахмад ибн Са‘адан ибн ‘Абдаллах ибн ‘Усман ибн Йасир ибн Джабар ибн ‘Абд аль-‘Азиз ибн ‘Умар ибн Сулейман ибн Зейд ибн ‘Абд ар-Рахман ибн Адван ибн Салих ибн Фадль ибн Хамид ибн Дахи ибн Наджм ибн Mu‘аммар ибн ‘Али ибн Сайар ибн Замиль ибн Хайан ибн Самра ибн Уваймир Ибн Дахис ибн Хиляль ибн Захир ибн Саман ибн Мусджиль ибн Зейд ибн Дарим ибн Зубайя ибн Кадаа ибн Масаб ибн Джабир ибн Раби‘а ибн Мадар»²⁵³. Любопытно, что эта информация полностью расходится с данными, содержащимися в других задействованных источниках, причем сомнения вызывает именно «Блеск метеора». Обращает на себя внимание тот факт, что вышеприведенная генеалогия отрицается самими Саудидами, а также критикуется историками из богословской династии Ааль аш-Шейх. Более того, значительная часть перечисленных в насабе «предков» Мухаммада ибн Сауда никогда не фигурировала в большинстве независимых источников. Присовокупим к этому то, что анонимная хроника «Блеск метеора» многократно компрометировала себя иными сомнительными сведениями, в частности ничем не

²⁵² Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 33; Тарих аль-Фахири. С. 81-82; Тарих Ибн ‘Иса. С. 27-28.

²⁵³ Лам‘а аш-шихаб. С. 98.

подтвержденными деталями биографии Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба. Скепсис в отношении «Блеска метеора» также подкрепляется свидетельством А.М. Васильева о том, что она была составлена «на основе рассказов участников событий, слухов и легенд»²⁵⁴.

История Эд-Дир‘ии в основных чертах повторяла судьбу большинства других недждийских эмирата. Ее начало летописцы связывают с переселением в Эль-‘Арид предка рода Ааль Сауд по имени Мани‘а ибн Раби‘а аль-Мурайди в 580 г.х. (1446 г.)²⁵⁵. Согласно трем хроникам, аль-Мурайди изначально обитал в предместье восточноаравийского города-порта Эль-Катиф, а именно, в местечке, которое, по утверждению аль-Фахири, также называлось «Эд-Дир‘ийя»²⁵⁶. Ибн ‘Иса и Ибн Бишр приводят несколько иную вариацию этого топонима – «ад-Дуру‘а»²⁵⁷. Обстоятельства, вынудившие семейство Мани‘а к релокации, равно как и причины, по которым они оказались так далеко от места обитания своих сородичей из племени Бану Ханифа, не проясняются. Ибн Бишр уверяет, что к переезду аль-Мурайди подвиг его родственник по имени Ибн Дир‘а, владевший селением Хаджр неподалеку от Эр-Рияда²⁵⁸. У аль-Фахири и Ибн ‘Иса эта деталь отсутствует. Однако все летописцы сходятся на том, что именно из рук своего родственника Мани‘а принял плодородные земли под называнием «Гасиба»²⁵⁹ и «Мулайбид»²⁶⁰, ставшие основой будущего эмирата.

Из хроник Ибн Бишра и Ибн ‘Иса следует, что владения Эд-Дир‘ии были ограничены с юга оазисами Ибн Дир‘а, а с севера принадлежащими роду Ааль Йазид землями, которые примыкали к вотчине правителей ‘Уяйны из рода Ааль Му‘аммар²⁶¹. Территории, на которых аль-Мурайди осел вместе со своим семейством, не отличались обширностью, хотя Ибн Бишр уверяет, что «вскоре его поля разрослись, а дети аль-Мурайди приумножили оставленное им наследство»²⁶².

²⁵⁴ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 8.

²⁵⁵ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 33; Тарих аль-Фахири. С. 81-82; Тарих Ибн ‘Иса. С. 28. 256 Тарих аль-Фахири. С. 81-82.

²⁵⁷ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 33; Тарих Ибн ‘Иса. С. 28.

²⁵⁸ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 33.

²⁵⁹ Там же; Тарих аль-Фахири. С. 82; Тарих Ибн ‘Иса. С. 27-28.

²⁶⁰ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 33; Тарих аль-Фахири. С. 82; Тарих Ибн ‘Иса. С. 27-28.

²⁶¹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 33; Тарих Ибн ‘Иса. С. 27-28.

²⁶² Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 33.

Уже следующее поколение дир‘ийских эмиров, не имея ничего кроме скучных доходов со своих земель, прибегли к обычной для Неджда практике газва. Так, после смерти Мани‘а на престол взошел его сын по имени Раби‘а, который вел активные войны с соседствующим кланом Ааль Йазид²⁶³. Союзником Эд-Дир‘ии в ее конфликтах с соседями выступала ‘Уяйна. В хрониках не приводятся конкретные причины формирования этого альянса. Вполне вероятно, что прилегающая к этим двум эмирятами вотчина рода Ааль Йазид служила удобным источником военной добычи для обеих династий. Определенную роль сыграли личные отношения Раби‘а с главой династии Ааль Му‘аммар. Когда в Дир‘ийском эмирате вспыхнула первая междоусобица, Хамад ибн Хасан ибн Таук помог Раби‘а ибн Мани‘а укрыться от собственного сына Мусы ибн Раби‘а, возглавившего заговор с целью его убийства²⁶⁴. В хронике Ибн Бишра приводится следующее описание этого события: «И вознамерился Муса лишить своего отца власти и умертвить его, и нанес своему родителю множество ран. Но ему (Раби‘а. – Ф.М.) удалось скрыться в ‘Уяйне, где он стал почетным гостем Хамада ибн Хасана ибн Таука – правителя этих мест, так как тот был его давним другом»²⁶⁵. Этот переворот стал одним из многих в истории Эд-Дир‘ии. Аналогичные события сотрясали оазис в разы чаще, чем соседствующую с ним вотчину рода Ааль Му‘аммар, что во многом объяснялось исключительной скучностью их доходов, которые не могли обеспечить достойное существование всем членам эмирской семьи.

Став главой селения, Муса ибн Раби‘а продолжил войны с кланом Ааль Йазид и, по информации летописцев, сумел нанести им тяжелое поражение, разорив принадлежащие им деревни ан-Нуаймийю и аль-Васыль. Хроники сообщают, что в ходе боестолкновений было убито по меньшей мере восемьдесят воинов, а сама битва вошла в недждийскую присказку «Словно утро [когда был повержен род] Ааль Йазид», которую использовали, когда речь шла о чем-то плохом. К

²⁶³ Там же; Тарих Ибн ‘Иса. С. 27-28.

²⁶⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 34.

²⁶⁵ Там же.

²⁶⁶ Там же; Тарих Ибн ‘Иса. С. 27-28.

сожалению, итоги этого противостояния, как и судьба противников Мусы остались вне фокуса недждийских историков.

Наследником Ибн Раби‘а стал его сын Ибрахим. Подробности его правления неизвестны: Ибн Бишр и Ибн ‘Иса ограничиваются упоминанием восшествия Ибрахима на престол и перечнем его наследников, в число которых входили его сыновья Мукрин, ‘Абдаллах, Сайф, ‘Абд ар-Рахман и Мархан²⁶⁷. Однако лишь одному из них, Мархану, посчастливилось стать правителем Эд-Дир‘ии, остальные были вынуждены покинуть эмират. Можно предположить, что причиной тому вновь стало малое количество и скудость возделываемых земель, которых едва хватало для удовлетворения потребностей небольшого знатного семейства. Как только происходил всплеск его численности, оазис рисковал погрязнуть в кровавой борьбе за скучное наследство. Альтернативой мог стать отъезд, подобный совершенному сыновьями Ибрагима, судьба которых по большей части нам известна. Так, ‘Абд ар-Рахман захватил оазисы Дурма и Джая и положил начало собственной династии, которая пользовалась заметным авторитетом²⁶⁸. Ибн ‘Иса уточняет, что они оставались правителями этих земель вплоть до 1751 г., когда последние представители этого семейства (эмир Ибрагим ибн Мухаммад и его сыновья Хабдан и Султан) были убиты в войне с родом Ааль Сайф из селения ас-Сайайра²⁶⁹. Третий из братьев – Сайф переселился в деревню Абуль-Кабаш, основав род Ааль ибн Яхья²⁷⁰. Об ‘Абдаллахе сообщается лишь в хронике Ибн ‘Иса, где он упоминается в качестве працедителя знатных семейств Ааль Ватыб, Ааль Хусейн и Алль ‘Иса.

Правления Мархана и его сыновей Мукрина и Раби‘а покрыты тайной. Известно лишь то, что после кончины отца братья правили оазисом совместно. По крайней мере хронисты описывают их как «двух эмиров Эд-Дир‘ии»²⁷¹. Потомки Раби‘а позднее переселились в Эз-Зубайр, основав династию Ааль Раби‘а²⁷².

²⁶⁷ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 34; Тарих Ибн ‘Иса. С. 28.

²⁶⁸ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 34.

²⁶⁹ Точной локализации это селение не поддается. В наши дни аналогичное название носит один из пригородов Эль-Хуфуфа. Тарих Ибн ‘Иса. С. 27-28.

²⁷⁰ Там же. С. 28.

²⁷¹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 55.

²⁷² Тарих Ибн ‘Иса. С. 29.

Мукрин стал основоположником рода Ааль Мукрин, из которого затем выделился род Ааль Сауд. Дальнейшие сообщения хронистов об истории Эд-Дир'ии отличаются недосказанностью. По данным Ибн Бишра, сам Мукрин оставил после себя четверых сыновей – ‘Абдаллаха, основателя знатного рода Ааль Наср, Айафа, Мархана и Мухаммада. Смерть их отца положила начало ожесточенной распре в оазисе, ход которой восстанавливается лишь пунктирно.

Следующим правителем Эд-Дир'ии стал Мархан ибн Мукрин, однако, по сообщениям хроники Ибн Раби‘а, уже в 1655 г. он был умерщвлен неким «Ватбаном, захватившим земли Гасибы»²⁷³. Это событие также присутствует на страницах трудов аль-Манкура, Ибн Бишра, аль-Фахири и Ибн Ла‘абуна²⁷⁴. Однако ни один из летописцев не называет полного имени упомянутого Ватбана, и лишь Ибн ‘Иса определяет его как сына Раби‘а ибн Мархана, основателя рода Ааль Ватбан²⁷⁵. Причины данного конфликта слабо освещены в задействованных источниках. В исследовательской литературе превалирует точка зрения сирийского историка Мунира аль-‘Аджляни, расценивавшего эти события как междуусобицу, разгоревшуюся из-за претензий Ватбана на дир'ийское наследство, так как он «имел на него больше прав»²⁷⁶. С этим взглядом вполне можно согласиться, тем более что, передав власть в оазисе сыну, Мукрин нарушил доминировавший в Аравии лестничный принцип. Однако подстегнуть ее могла катастрофическая засуха, постигшая земли Неджда²⁷⁷. В очередной раз ресурсы Эд-Дир'ии оказались слишком незначительны для того, чтобы «прокормить» растущую прослойку знати.

Последовавшие за этим события преподносятся летописцами довольно путано. В большинстве хроник отсутствуют сообщения о результатах вышеописанной междуусобицы. Лишь Ибн ‘Иса уверяет, что Ватбан был вынужден скрыться из Эд-Дирии, «так как пролил кровь, убив своего

²⁷³ Тарих Ибн Раби‘а. С. 34.

²⁷⁴ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 130; Тарих аль-Манкур. С. 42; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 79; Тарих аль-Фахири. С. 93.

²⁷⁵ Тарих Ибн ‘Иса. С. 32.

²⁷⁶ Аль-‘Аджляни, *Мунир*. Тарих аль-Мамляка аль-‘Арабия ас-Саудия. С. 56.

²⁷⁷ Тарих аль-Манкур. С. 42; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 79; Тарих аль-Фахири. С. 93; Тарих ибн Лаабун. С. 130; Тарих Ибн ‘Иса. С. 75.

двоюродного брата Мархана ибн Мукрина ибн Мархана»²⁷⁸. По сообщениям того же автора, именно после бегства он сумел захватить Эз-Зубайр и основать там династию Ааль Раби‘а. Тем не менее остается непонятным, что в таком случае означает фраза летописцев о захвате Ватбаном земель аль-Гасибы. Можно предположить, что имелось ввиду отторжение этих земель и их присоединение к новым владениям мятежного эмира, однако верифицировать эту гипотезу невозможно. Хотя сообщение Ибн ‘Исы является довольно поздним, оно вносит определенный порядок в несистематизированные сообщения других хронистов, и поэтому его версия взята нами за основу. Дальнейшая судьба Ватбана также практически не отражена в хрониках. Мунир аль-‘Аджляни, считает, что новоиспеченный эмир в скором времени был убит братом почившего Мархана – Мухаммадом ибн Мукрином, однако указывающих на это сообщений в задействованных трудах не обнаруживается.

Эти события стали отправной точкой затяжного конфликта между родом Ааль Мукрин (потомками Мукрина ибн Мархана) и родом Ааль Раби‘а (потомками Раби‘а ибн Мархана). История их борьбы за власть также реконструируется с большим трудом в силу противоречивости сообщений летописцев. Согласно Ибн Бишру, 1673 г. ознаменовался убийством Насра ибн Мухаммада, называемого эмиром Эд- Дирийи, а также некого «Ахмада ибн Ватбана»²⁷⁹. Проблему в данном случае составляет отсутствие этих личностей в предложенной Ибн ‘Исой родословной и в трудах других историков. Гипотетически Насра можно было бы отождествить с упущенным автором сыном Мухаммада ибн Мукрина, однако подтверждений этому нет. Следуя тому же принципу, можно предположить, что обозначенный в источнике Ахмад – один из 14 потомков Ватбана ибн Раби‘а, однако и в этом случае подобная догадка не имеет надежных оснований.

На страницах хроники Ибн Раби‘а этот конфликт выглядит совсем по-другому. В ней повествуется о смерти неких «Ахмада ибн Ватбана и эмира ‘Уайны Насра ибн Мухаммада»²⁸⁰. Данное утверждение кажется явной ошибкой, поскольку

²⁷⁸ Там же. С. 29.

²⁷⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 92.

²⁸⁰ Тарих Ибн Раби‘а. С. 25.

все эмиры ‘Уяйны с похожими именами правили в другие временные промежутки. Остальные летописцы не освещают этот эпизод вовсе. Наиболее убедительная попытка его истолкования была предпринята редактором рукописи «Символа славы в истории Неджда» ‘Абдаллахом ибн Мухаммадом ас-Сайфом. Его трактовка подразумевает, что оба летописца попросту исказили имя эмира Эд-Дир‘ии «Насра ибн Мухаммада ибн Ватбана»²⁸¹, приходившегося внуком Ватбану ибн Раби‘а. Это замечание действительно объясняет странности в сообщениях Ибн Бишра и Ибн Раби‘а, однако ставит вопросы о том, как Насру удалось захватить власть в оазисе, и что произошло в течение 18 лет, разделяющих смерть правителя и захват Гасибы его дедом. В случае же, если придерживаться точки зрения, согласно которой Ватбан не бежал в Эз-Зубайр после убийства Мархана ибн Мукрина, а остался править в Эд-Дир‘ии, неминуемо встает вопрос о противоречии этой версии данным Ибн ‘Исы.

Иной взгляд на этот летописный эпизод предложен в работе Мунира аль-‘Аджляни²⁸². Его основой служат некие неуказанные ученым работы Г. Филби, в которых упомянутый в летописях Наср являлся внуком Мукрина ибн Мархана по линии его сына Мухаммада. Аль-‘Аджляни выстраивает свое предположение на основе изложенной ранее версии о том, что Ватбан ибн Раби‘а был убит своим двоюродным братом Мухаммадом, ставшим впоследствии главой оазиса и передавшим власть над Эд-Дир‘ией своему сыну Насру ибн Мухаммаду. Эта точка зрения выглядит более убедительно, однако и она не лишена слабых сторон. В частности, не существует летописных данных, на основании которых можно было бы доказать факт царствования²⁸³ Мухаммада ибн Мукрина до 80-х годов XVII в., а лишь тогда его имя начинает регулярно фигурировать в сообщениях хронистов. Также кажется странным то, что Наср мог начать правление при здравствующем отце.

Третьей, еще менее вероятной версией может быть принадлежность Насра к потомкам ‘Абдаллаха ибн Мукрина, который был одним из родоначальников некой

²⁸¹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 92-93.

²⁸² Аль-‘Аджляни, Мунир. Тарих аль-Мамляка аль-‘Арабия ас-Саудия. С. 56-57.

²⁸³ Здесь и далее понятие «царствование» используется исключительно в качестве синонима понятия «правление».

династии Ааль Наср²⁸⁴. Если основателем этого знатного семейства был сын ‘Абдаллаха, это также укладывается в общие хронологические рамки. Одним словом, события временного промежутка между убийством Мархана ибн Мукрина и воцарением Мухаммада ибн Мукрина на данный момент остается уделом гипотез и предположений.

Во второй половине 80-х годов XIX в. летописи начинают изобиловать упоминаниями имени Мухаммада ибн Мукрина. Эмир оказался весьма успешен на поприще внешней политики. В его правление активизировались отношения с ‘Уяйной, свидетельством чему стал ряд крупных совместных походов на Хураймалу и Садус²⁸⁵. При его участии также произошло одно из крупнейших событий в истории эмирата Ааль Mu‘аммар – присоединение к его территориям аль-Амарии и ее окрестностей²⁸⁶. Однако правление эмира было недолгим, и в 1694 г. Ибн Мукрин скончался²⁸⁷. Примечательно, что Ибн Бишр и Ибн La‘абун в своих кратких некрологах называют покойного «владыкой Эд-Дир‘ийи»²⁸⁸, в то время как их далекий предшественник аль-Манкур использует титул «правитель аль-Гасибы»²⁸⁹. Эти титулатуры не противоречат друг другу, но поднимают вопрос о времени формирования устоявшихся географических и политических наименований в недждийском летописании. Впоследствии в большинстве хроник упоминаются только два сына Мухаммада – Мукрин и Сауд, который стал эпонимом династии Ааль Сауд. То же самое обнаруживается и в генеалогии Саудидов, описанной ‘Ибн Исой²⁹⁰.

Сыновья Мухаммада ибн Мукрина не смогли унаследовать власть от отца. Согласно некрологу Ахмада аль-Манкура от 1696 г., после его смерти Эд-Дир‘ийей на протяжении двух лет правил Идрис ибн Ватбан из ветви Раби‘а²⁹¹. Мунир аль-

²⁸⁴ Тарих Ибн ‘Иса. С. 30.

²⁸⁵ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 108; Тарих Ибн Раби‘а. С. 38.

²⁸⁶ Тарих аль-Фахири. С. 102.

²⁸⁷ Тарих аль-Манкур. С. 52; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 120; Тарих аль-Фахири. С. 108; Тарих Ибн La‘абун. С. 140; Тарих Ибн ‘Иса. С. 56.

²⁸⁸ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 120; Тарих Ибн La‘абун. С. 140.

²⁸⁹ Тарих аль-Манкур. С. 52.

²⁹⁰ Тарих Ибн ‘Иса. С. 30.

²⁹¹ Тарих аль-Манкур. С. 57. См также: Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 123; Тарих Ибн La‘абун. С. 140.

‘Аджляни соглашается с этой версией, отмечая, что в этот период оазис оказался в руках рода Ааль Ватбан²⁹². Серьезные разнотечения обнаруживаются в хронике аль-Фахири, который относит гибель Идриса к 1694 г., причем в своем сообщении он использует титул «глава Эд-Дирийи»²⁹³. Это несоответствие, вероятнее всего, является плодом ошибки, поскольку в том же году произошла еще одна зафиксированная летописцами смерть – в битве с эмиром Эр-Рияда погиб брат Идриса по имени Ибрахим²⁹⁴. Возможно, что именно Ибрахим занял место почившего в 1694 г. Мухаммада ибн Мукрина, но убийство прервало его жизненный путь.

Со смертью Идриса линия наследников Ватбана практически прервалась, что, по словам Мунира аль-‘Аджляни, «незамедлительно ввергло эти земли в хаос»²⁹⁵. Хотя достоверно неизвестно, имели ли место какие-либо серьезные волнения на самом деле. Ни одна из хроник не содержит сообщений, которые бы на это указывали. Более того, в том же году безвластие прерывается захватом Эд-Дир‘ийи Султаном ибн Кабасом²⁹⁶. В 1708 г. он погиб, и новым эмиром стал его брат ‘Абдаллах²⁹⁷, правивший всего нескольких месяцев. Уже к следующему году относятся сообщения о возвращении в эмират и воцарении там потомков аль-Мурайди.

Фигуры братьев Султана и ‘Абдаллаха остаются одной из загадок доваххабитской истории Неджда. В лаконичных упоминаниях этих двух персонажей не содержится никаких разъяснений относительно их происхождения и правления. Популярна точка зрения Мунира аль-‘Аджляни, утверждавшего, что братья были ставленниками эмиров Эль-Хасы, стремившихся расширить свое влияние на Южный и Центральный Неджд. Сам сирийский историк характеризует это время как «властвование пришлых эмиров»²⁹⁸. Хасские лидеры, как и

²⁹² Аль-‘Аджляни, Мунир. Тарих аль-Мамляка аль-‘Арабия ас-Саудия. С. 57.

²⁹³ Тарих аль-Фахири. С. 108;

²⁹⁴ Тарих Ибн Раби‘а. С. 39; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 123; Тарих ибн Фахири. С. 109; Тарих Ибн ‘Иса. С. 66.

²⁹⁵ Аль-‘Аджляни, Мунир. Тарих аль-Мамляка аль-‘Арабия ас-Саудия. С. 57.

²⁹⁶ Тарих аль-Манкур. С. 57; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008 Там же; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 140; Тарих Ибн ‘Иса. С. 66.

²⁹⁷ Тарих аль-Манкур. С. 62; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 137; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 145.

²⁹⁸ Аль-‘Аджляни, Мунир. Тарих аль-Мамляка аль-‘Арабия ас-Саудия. С. 58.

мекканские шариры, действительно часто прибегали к возведению на престолы неджийских оазисов марионеточных правителей. В то же время данной версии присущ ряд недостатков. Во-первых, к описываемому временному промежутку не относится ни одна крупная халидская экспедиция в Центральную Аравию. Во-вторых, крошечный Дир‘ийский эмират едва ли можно считать стратегическим центром, который мог бы особо заинтересовать правителей Эль-Хасы.

В соответствии с хроникальным материалом, в 1709 г. власть в Эд-Дир‘ийе вернулась в руки последних оставшихся в живых членов клана Ааль Ватбан. Правление эмиратом принял Муса ибн Раби‘а ибн Ватбан, о котором известно очень мало²⁹⁹. Более того, через 2 года после воцарения Мусы скончался один из наиболее важных летописцев этого периода – Ахмад аль-Манкур. Остальные источники смерть Мусы игнорируют. Сирийский исследователь Мунир аль-‘Аджляни считает, что эмир был убит в 1720 г. в результате мятежа, поднятого жителями Эд-Дир‘ии под руководством Мухаммада ибн Сауда³⁰⁰. Однако ни в одной из задействованных хроник данный эпизод не встречается. Более того, к этому году не относят ни одного значимого события, связанного с Эд-Дир‘ийей. Исключение составляет труд Ибн ‘Ибада, на страницах которого обнаруживается краткое сообщение о смерти некого Ибн Сауда в 1720 г.³⁰¹ Вероятнее всего, речь идет об одном из братьев Мухаммада. Тезис Мунира аль-‘Аджляни о воцарении в оазисе Мухаммада ибн Сауда также сомнителен. По крайней мере, упоминая кончину его отца в 1725 г., большинство авторов называют правителем именно Сауда³⁰². В хронике Ибн Ла‘абуна это передано таким образом: «В одну из ночей рамадана 1137 г.х. (1725 г. – Ф.М.) почил Сауд ибн Мухаммад ибн Мукрин – глава Эд-Дир‘ии»³⁰³. Ибн Бишр также уточняет, что его место занял последний представитель рода Ааль Ватбан – Зейд ибн Мархан³⁰⁴. Ему удалось продержаться на престоле чуть меньше двух лет, прежде чем во власти произошли перестановки.

²⁹⁹ Тарих аль-Манкур. С. 62; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 138; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 145.

³⁰⁰ Аль-‘Аджляни, Мунир. Тарих аль-Мамляка аль-‘Арабия ас-Саудия. С. 58.

³⁰¹ Тарих Ибн Раби‘а. С. 44.

³⁰² Там же; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 153; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 152; Тарих аль-Фахири; Тарих Ибн ‘Иса. С. 65.

³⁰³ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 152.

³⁰⁴ *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 153.

По словам Ибн ‘Ибада, Ибн Раби‘а и Ибн ‘Исы, в 1727 г. Зейд был отправлен на тот свет правителем ‘Уяйны Мухаммадом ибн Хамадом ибн Му‘аммаром по прозвищу Харфаш³⁰⁵. Ибн Бишр и Ибн Ла‘абун также подтверждают эти события и подчеркивают, что перед гибелью Зейда случилась смута³⁰⁶.

Падение последнего эмира из рода Ааль Ватбан началось с восстания Мукрина ибн Мухаммада ибн Мукрина, дяди будущего основателя первого государства Саудидов Мухаммада ибн Сауда³⁰⁷. Однако мятежник пал от руки племянника, после чего «Эд-Дир‘ийя полностью перешла в его [Мухаммада] руки»³⁰⁸. Такая последовательность событий прослеживается во всех хрониках, однако в трудах Ибн Бишра и Ибн Ла‘абуна приводится более полные сведения о случившемся³⁰⁹. Так, согласно их рассказу, свергнутый Зейд вынужден был признать власть Мукрина ибн Мухаммада, который приказал поверженному противнику лично явиться в его резиденцию и выразить покорность. Однако тот, опасаясь расправы, потребовал, чтобы его сопровождали Мухаммад ибн Сауд и племянник Ибн Сауда – Мукрин ибн ‘Абдаддах ибн Мукрин. По словам Ибн Ла‘абуна, «они застали Мукрина в одиночестве посреди его покоя <...> и расправились с ним»³¹⁰. После этого Зейд вернул себе статус эмира, начав, по словам Мунира аль-‘Аджляни, «новый акт своего правления»³¹¹. Однако оно прервалось в том же году во время неудачной попытки разграбления ‘Уяйны. В обычное время этот город был неприступен для немногочисленных войск Эд-Дир‘ии, но накануне вторжения вотчину Ааль Му‘аммар опустошила страшная эпидемия, унесшая жизнь ее могущественного эмира ‘Абдаллаха. Ибн Бишр свидетельствует: «Тогда Зейд и его сподвижники позарились на сокровища [‘Уяйны], и захотели ее ограбить»³¹². Войска дир‘ийцев подошли к городу в сопровождении бедуинских племен. Однако его новый правитель по прозвищу Харфаш сумел уговорить Зейда и его дружину

³⁰⁵ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 81-82; Тарих Ибн Раби‘а. С. 44; Тарих Ибн ‘Иса. С. 66.

³⁰⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 155; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 152-153; Тарих аль-Фахири. С. 125.

³⁰⁷ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 155; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 152.

³⁰⁸ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 82.

³⁰⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 155; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 152-153.

³¹⁰ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 152-153.

³¹¹ Аль-‘Аджляни, Мунир. Тарих аль-Мамляка аль-‘Арабия ас-Саудия. С. 59.

³¹² Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 155.

вступить в переговоры, во время которых те были предательски расстреляны. Сам эмир, получив смертельные раны из «двух ружей»³¹³, скончался.

После его гибели последним претендентом на власть в Эд-Дир‘ийе оказался Мухаммад ибн Сауд, в правление которого (до заключения союза с Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом) летописцами не было замечено ничего примечательного. Упоминаются лишь два грабительских набега в 1731 и 1738 г. Объектом первого стал караван, следовавший из ‘Уяйны³¹⁴. Второй был нацелен на земли Эр-Рияда³¹⁵. Спустя шесть лет, в 1744 г., Мухаммад ибн Сауд принял проповедника Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба на должность кади Эд-Дир‘ийи, тем самым предопределив колоссальные социально-политические трансформации, которые предстояло пережить его эмирату и всему Аравийскому полуострову.

Таким образом становится очевидным, что на протяжении всей своей истории до 1744 г. Эд-Дир‘ийя представляла собой типичный недждийский эмират со всеми присущими ему социально-политическими особенностями. Селением и окрестностями правил пришлый эмирский род, не образовавший с местным обществом «единого организма». Правители выступали в качестве землевладельцев и военной прослойки. Показательно, что в хрониках нет ни одного упоминания о какой-либо иной деятельности предков Саудидов помимо военной. Как и большинство владений Эль-‘Арида, будущий центр первого государства Саудидов представлял собой крохотную территорию, контролируемую потомками аль-Мурайди. Весьма метко о ее положении высказался А.М. Васильев: «Столица обширного саудидского государства в то время влачила жалкое существование»³¹⁶. Ввиду удаленности от ключевых перевалочных пунктов на торговых путях, селение было вынуждено жить преимущественно за счет скудных возделываемых земель³¹⁷. Однако их недостаток приводил к конфликтам среди местной знати.

³¹³ Там же.

³¹⁴ Тарих аль-Фахири. С. 128.

³¹⁵ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 165.

³¹⁶ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 86.

³¹⁷ Отдельные саудовские исследователи склонны переоценивать благополучие Эд-Дир‘ийии в даваххабитскую эпоху. Порой ими приводятся необоснованные идеи о крайне удачном положении города на караванных путях и исключительной плодородности местных почв. См., например: Аль-Джасир, Хамад. Эд-Дир‘ийя ка‘идат ад-дауля ас-са‘удия аль-уля (Эд-Дир‘ийя: твердыня первого государства Саудидов). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1995. С 13–15, 35–37.

Первый из них вспыхнул между сыном и внуком основателя селения. Тем же дефицитом земельных участков был спровоцирован массовый отъезд его праправнуоков. Похожая борьба за средства к существованию представляла собой один из определяющих факторов истории всех политических субъектов Южного Неджда. Неудивительно, что такие стартовые позиции не позволяли вотчине предков Ааль Сауд обрести сколь-либо заметное политическое влияние на соседние области и расширить свою убогую ресурсную базу. Ведь, как и в большинстве эмиратов того времени, в Эд-Дир‘ийе не существовало никаких механизмов общественной консолидации и мобилизации для того, чтобы изменить это безвыходное положение.

Анализ истории ‘Уяйны и Эд-Дир‘ии раскрывает сходство в судьбах и специфике истории обоих политических субъектов. Единственным существенным различием между ними являлась их неравная обеспеченность природными богатствами, что было обусловлено особенностями их географического расположения. В то же время в обоих субъектах царил схожий социально-политический уклад, ограничивавший возможность формирования в них государственности. На основании таких наблюдений специалисты часто приходят к выводу о применимости выявленных характеристик ко всем эмирятам Центральной Аравии. Этот вывод действительно подкрепляется примерами многих селений Эль-‘Арида и даже Эль-Хасы, несмотря на всю уникальность этой провинции. Вместе с тем нельзя обойти вниманием одно серьезное исключение, которое может заставить исследователей отчасти пересмотреть свои констатации. Таковым является ‘Унайза – крупнейший торговый и политический центр Эль-Касыма в XVII–XVIII вв.

§ 8. ‘Унайза в доваххабитскую эпоху

Вопреки распространенному мнению в доваххабитское время именно ‘Унайза, а не Бурайда была подлинным центром провинции Эль-Касым. Современный главный город этой провинции – Бурайда – некогда числился «древней

столицей»³¹⁸ этих земель, однако к XVII в. по невыясненным причинам он этот статус на время утратил. В хроникальном массиве, касающемся истории Неджда досаудидской эпохи, это селение упоминается лишь вскользь в контексте малозначимых событий. Прежние позиции ему удалось вернуть гораздо позже, когда ‘Унайза пришла в упадок в результате длительных и разорительных ваххабитских войн.

Облик доваххабитской ‘Унайзы без особых усилий восстанавливается на основании записок западных путешественников XIX в. Наиболее полные сведения предоставляет У. Палгрев, один из первых европейцев, посетивших эти места, а также Ч. Доути, детально описавший ее быт в 80-х годах XIX в. Не менее ценными представляются труд Карло Гуармани «Северный Неджд», посвященный его аравийской экспедиции 1864 г., и работа Г. Филби «Сердце Аравии», содержащая критику ряда данных У. Палгрева.

Политическое и экономическое значение ‘Унайзы, как и в случае с остальными городскими центрами Внутренней Аравии, во многом зиждалось на его исключительно удачном географическом положении. Эль-Касым представлял собой одну из важнейших земледельческих областей Аравийского полуострова. Местные почвы отличались плодородностью, а неглубокое залегание грунтовых вод в районе вади Эр-Румма значительно упрощало их орошение. По уверениям У. Палгрева, само название провинции произошло от арабского наименования песчаной, но плодородной почвы³¹⁹. Он так описывает водные ресурсы этих земель: «Воду здесь можно встретить повсюду, причем на очень небольшой глубине <...> Не более шести футов или около того отделяли верхнюю часть любого колодца Эль-Касыма от поверхности воды <...> также я слышал, что зимой колодцы переполняются настолько, что дают начало небольшим озерам, и некоторые из них, сильно уменьшаясь в размерах, переживают лето»³²⁰. Однако Г. Филби не столь оптимистичен, уверяя, что приведенные У. Палгревом «результаты подсчетов максимальной глубины колодцев в Эль-Касыме в шесть футов не подтверждаются

³¹⁸ Guarmani C. Northern Najd. С. 42.

³¹⁹ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. Р. 148.

³²⁰ Ibid.

фактами»³²¹. Тем не менее он также наделяет эту провинцию статусом одной из «житниц» Неджда³²². Как и ‘Уайна, ‘Унайза и ее окрестности регулярно страдали от затоплений. Отдельные бедствия в силу своей масштабности даже получали собственные имена, подобно случившемуся в 1705 г. наводнению, которое нарекли «ас-Сулайми» «в честь одного слепца, погибшего в своем погрузившемся под воду доме»³²³. Хорошая обеспеченность водой не только увеличивала урожайность типичных для Неджда сельскохозяйственных культур, но также позволяла выращивать и более редкие для этой части арабского мира технические культуры, в частности хлопок, который, по оценке У. Палгрева, не уступал по качеству индийскому³²⁴. При этом его производство было ориентировано преимущественно на местный рынок. В целом оазисы Эль-Касыма могли прокормить до 25 тыс. оседлых жителей³²⁵.

Помимо земледелия в области процветали ремесла, а также промыслы, которые, как и повсюду в Аравии, нередко отдавались на откуп кочевым племенам. Г. Филби описал производство в провинции соли, которая отличалась от хиджазской «грязно-розовым оттенком»³²⁶. Неподалеку от ‘Унайзы активно разрабатывались каменные карьеры, поставлявшие песчаник для строительства³²⁷.

К. Гуармани добавлял, что местные жители закупали у бедуинских племен чистокровных жеребят, которых выращивали и продавали за пределы Аравийского полуострова через порты Восточной Аравии³²⁸. К его уверениям в том, что эта отрасль была для города «важнейшей»³²⁹, следует относиться с осторожностью, учитывая как ее расцвет в то время, когда он посещал эти края, так и его вовлеченность в сферу коневодства. Описание коневодства встречается у Ч. Доути, который сообщает, что лошади вывозились из кочевий летом и откармливались в городе до того момента, пока в Индийском океане не начинал дуть муссон, после

³²¹ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 2. P. 141.

³²² Ibid. P. 135, 142.

³²³ Тарих Ибн ‘Иса. С. 60.

³²⁴ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year’s Journey. P. 149-150.

³²⁵ Ibid. P. 143.

³²⁶ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 2. P. 142.

³²⁷ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 390.

³²⁸ Guarmani C. Northern Najd. P. 40.

³²⁹ Ibid. P. 42.

чего их перегоняли через вади Эр-Румма в Кувейт и оттуда переправляли в Бомбей³³⁰.

Определяющим фактором могущества ‘Унайзы было ее исключительно удачное расположение на перекрестке двух крупнейших трансаравийских торговых путей. Первым был путь вдоль вади Эр-Румма, а вторым – маршрут, тянувшийся сквозь центр Аравийского полуострова с северо-запада на юго-восток через земли Джебель-Шаммара и Южного Неджда. Через Эль-Касым следовало немало торговых и паломнических караванов. Также через провинцию пролегали менее значимые пути, связывающие северные пределы Аравийского полуострова с Йеменом через вади Давасир и вади Наджран. В более поздний период ценность Эль-Касыма повысилась за счет его тесных связей с Кувейтом. Свои позиции провинция сохраняла вплоть до Новейшего времени, хотя ее роль в торговле с Левантом значительно сократилась в результате хаоса, принесенного в Неджд египетской экспедицией начала XIX в. и последовавшим за ней политическим кризисом³³¹. Некоторые исследователи характеризуют касымские земли, как «одну из наименее изолированных от внешнего мира провинций Центральной Аравии»³³².

На прилавках местных базаров были представлены товары из отдаленных уголков арабского мира, а местные поселения часто становились площадкой для стихийных ярмарок, устраиваемых проходящими через Эль-Касым паломниками. Одно из таких временных торжищ в красках описывает У. Палгрев: «Наш путь вывел нас на обширную равнину, прилегающую к городским стенам [Бурайды] с севера. Это пространство было покрыто палатками <...> повсюду громоздились корзины с финиками и овощами, сосуды с яйцами, маслом, молоком и сывороткой, мясо, подвешенное на небольших столбах, и связки дров»³³³.

Весомая роль торговли в экономике Эль-Касыма существенным образом влияла на местное население и царившие здесь порядки. Нередко его жители

³³⁰ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 398.

³³¹ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 149-151.

³³² Ас-Салман, Мухаммад ибн 'Абдаллах. Тарих Эль-Касым. С. 5.

³³³ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 176.

именовались одними из «наиболее одаренных обитателей Неджда»³³⁴, торговые и ремесленные навыки которых «превосходили все, какие только можно обнаружить среди оседлых племен севера»³³⁵. Путешественники постоянно подчеркивали добродушный и общительный характер касымцев. Не были характерны для ‘Унайзы типичные для эмиратов Неджда междуусобицы. «Народы, живущие в единстве, не боящиеся внешних врагов», – так характеризовал ‘унайзийцев Ч. Даути.

В XVII–XVIII вв. ‘Унайза наряду с ‘Уяйной и Хаилем входила в число наиболее значимых религиозных центров Внутренней Аравии. Более того, она была редким для Неджда «оазисом» нормативного ислама, на что косвенно указывал сам основатель ваххабитского движения Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб, одобрительно отзывавшийся о малой распространенности языческих обрядов и традиций среди местных горожан³³⁶. Славу ‘Унайзе принес знаменитый ‘алимский клан Ааль Бассам, представители которого внесли весомый вклад в духовное и культурное развитие будущих саудидских государственных образований. В дальнейшем члены этого семейства примкнут к ваххабитскому движению и станут его упорными поборниками, о чем свидетельствует заметка Ч. Доути, в которой он характеризовал поздних представителей Ааль Бассам как «фанатиков»³³⁷. Не удивительно, что при имеющихся вводных социально-политическая история этих мест в XVII–XVIII вв. отличалась рядом особенностей.

В большинстве арабских письменных источников практически не упоминаются ни Эль-Касым, ни его столица вплоть до начала их покорения ваххабитами. Обрывочные сообщения о связанных с этими землями событиях обнаруживаются в хрониках аль-Манкура, Ибн ‘Ибада, Ибн Ла‘абуна, Ибн ‘Исы и аль-Фахири. Некоторые дополнительные детали можно почерпнуть из позднейшей сводной хроники ‘Абдаллаха аль-Бассама. Краеугольным же камнем реконструкции социально-политической истории города является хроника

³³⁴ Philby H. St. J. B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 315.

³³⁵ Palgrave W. G. Personal Narrative of a Year’s Journey. P. 112.

³³⁶ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 322-323.

³³⁷ Doughty Ch. M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 377.

«Краткая история ‘Унайзы» ‘Абд ар-Рахмана аль-Бассама, представляющая собой позднейший, но единственный на данный момент письменный источник, содержащий базовые сведения об этом уголке Неджда. Согласно этому труду, первые селения на месте будущего города появились примерно в 620 г.х. / 1223 г.³³⁸ Их основателем считается некий Захри ибн Джараха ас-Саури из племени Саби‘а, разбивший на этих землях первые сады. Заранее обратим внимание на то, что начало истории города датировано автором с помощью подсчетов, основанных на генеалогии современных ему потомков ас-Саури. Каждому из 30 имен, входящих в их насаб, аль-Бассам отводит по 30 лет, получая в итоге приведенный выше год.

Данные о социально-политической истории ‘Унайзы чаще всего основаны на устных преданиях и отличаются обрывочностью и немногочисленностью. Аль-Бассам уверяет, что после переселения Захри его потомки образовали на этом месте три поселения, ставшие ядром будущего города³³⁹. Первым из них была аль-Хурайза, населенная родом Ааль Натван из колена Ааль Джарах из племени Саби‘а во главе с эмиром ‘Ауджаном ибн Нашнушем. Рядом силами ‘Акиля ибн Ибрахима ибн Мусы ибн Мухаммада ибн Бакра ибн ‘Утайка ибн Джабара ибн Набхана ибн Сарура ибн Захри ибн Джараха была построена деревня аль-‘Акайлия, разрушенная в 1686/87 г. в ходе рейда мекканского шефифа Ахмада ибн Зейда³⁴⁰. Третье поселение, аль-Мулайха, было основано коленом Ааль Замиль из рода Ааль Джарах³⁴¹. Также до прихода Захри эти земли были населены одним из ответвлений могущественного восточноаравийского племени Бану Халид под названием Ааль Джаннах и кланом Ааль Кусайр с эмиром За‘иром ибн Шахваном во главе, обитавшим в располагавшейся неподалеку безымянной деревне.

Согласно данным ‘Абд ар-Рахмана аль-Бассама, в 1699 г. три селения объединились в городок ‘Унайза, правителем которого стал Фаузан ибн Хумайдан ибн Хасан ибн Му‘аммар из рода Ааль Фадль из колена Ааль Джарах из племени

³³⁸ Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза. С. 69.

³³⁹ Там же.

³⁴⁰ Тарих аль-Манкур. С. 50; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 66; Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза. С. 69; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 135; Тарих Ибн ‘Иса. С. 51.

³⁴¹ Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза. Т. 5. С. 69.

Саби‘а³⁴². Датировка этого события предельно условна. Судя по всему, слияние трех деревень произошло значительно раньше. Так, Ахмад аль-Манкур, старейший из задействованных летописцев, трижды упоминает ‘Унайзу в качестве единого города, а не городской агломерации в период до 1699 г.³⁴³ Более ранние сообщения о ней содержатся в хронике Ибн ‘Исы³⁴⁴. Также примечателен труд Ибн ‘Ибада, подтверждающий начало правления эмира Фаузана в 1699 г., но умалчивающий об объединении трех селений, из чего можно сделать вывод о том, что 1669 годом ‘Абд ар-Рахман аль-Бассам датировал не столько «рождение» ‘Унайзы, сколько установление в ней единой власти.

С момента появления правителя социально-политическая история этих земель стала развиваться по нетипичному для Центральной Аравии сценарию. Одной из ее отличительных черт стало практически полное отсутствие непрестанной борьбы за власть между представителями могущественных «аристократических» родов. Подобная тенденция сохранялась вплоть до включения Эль-Касыма в состав первого государства Саудидов. Единственным исключением стало смещение и изгнание эмира Фаузана ибн Хумайдана родственными ему родами Ааль Абу Ганим и Ааль Бакр в первый же год его правления, после чего место занял Фаузан ибн Му‘аммар (ум. в 1704 г.)³⁴⁵. Столь бескровная перестановка во власти позволяет предположить, что уже в это время в ‘Унайзе сложилась уникальная для Неджда модель эмирской власти, при которой влияние эмира существенным образом ограничивалось «аристократией» и городской элитой, в кругу которой он был лишь первым среди равных. Похожий уклад описывал и Ч. Доути, повествуя о местном городском совете, на заседаниях которого правитель «больше молчал, чем говорил»³⁴⁶.

Заметная роль ‘Унайзы в трансаравийской торговле, способствовавшая ее стремительному расцвету, с конца XVII в. стала беспокоить правителей Эль-Хасы из племени Бану Халид, начавших организовывать разорительные набеги на город

³⁴² Там же. С. 70.

³⁴³ Тарих аль-Манкур. С. 50, 53, 60;

³⁴⁴ Тарих Ибн ‘Иса. С. 59

³⁴⁵ Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза. С. 70; Тарих Ибн ‘Иса. С. 57.

³⁴⁶ Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. P. 346-47, 407, 428.

и его окрестности. Главной целью халидидов был захват власти в этом узловом торговом центре с целью установления полного контроля над караванными путями, пересекающими Центральную и Восточную Аравию. Подчеркнем, что к началу XVIII в. Эль-Хаса полностью подчинила себе маршрут, связывающий Эль-Хуфуф и Эль-‘Арид. Основной ударной силой в процессе покорения ‘Унайзы стало племя Ааль Джаннах – в 1704 г. оно впервые атаковало город³⁴⁷. В битве с кочевниками пал эмир Фаузан, но его брату Хумайдану ибн Му‘аммару удалось изгнать халидидов и занять место правителя ‘Унайзы.

Тем не менее интерес Бану Халид к этим землям не угасал. В 1716 г. глава племени Джаннах Идрис ибн Шаи‘а ибн Са‘аб совершил серию рейдов, целью которых стали стойбища родственного хасским эмирам племени Саби‘а. ‘Абд ар-Рахман аль-Бассам и Ибн ‘Иса отмечают, что в ходе одной из халидидских военных экспедиций была разрушена крепость ‘Унайзы³⁴⁸. Однако вскоре род Ааль Фадль из клана Ааль Джарах собрал достаточно сил и остановил набеги. Судьба самого Хумайдана ибн Му‘амара остается неизвестной, но в том же 1716 г. победители назначили правителем некого Ша‘иба из рода Ааль Джарах.

Последующие десятилетия стали наиболее благоприятным временем для ‘Унайзы. Затишье во внешней политике эмирата Бану Халид и начавшаяся там смута дали правителям Эль-Касыма шанс укрепить свое влияние и справиться со старыми противниками. 1721 г. был отмечен резней, жертвами которой пали многие представители рода Ааль Джаннах, населявшие эту область³⁴⁹. Ослабление халидидского влияния в этих землях вновь оживило торговый путь через вади Эр-Румма и значительно обогатило ‘Унайзу. Уже в 1723 г. летописцы упоминают резкое снижение цен на продовольствие в городе³⁵⁰.

Последующие два доваххабитских десятилетия практически никак не освещаются в письменных источниках. Учитывая факт снижения внешнеполитической активности эмирата Бану Халид, можно предположить, что

³⁴⁷ Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза. С. 70; Тарих аль-Манкур. С. 60; Тарих Ибн ‘Иса. С. 57.

³⁴⁸ Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза. С. 71; Тарих Ибн ‘Иса. С. 60.

³⁴⁹ Тарих Абдаллах аль-Бассам. С. 56.

³⁵⁰ Там же. С. 57.

‘Унайза в этот период не переживала серьезных потрясений. Однако вскоре халидидская угроза вновь нависла над провинцией. В 1741 г. Идрис ибн Шаи‘а ибн Са‘аб предпринял очередной набег на Эль-Касым, и на этот раз его жертвой стал правивший тогда эмир Хасан ибн Ша‘иб, а часть клана Ааль Джарах вынуждена была бежать, после чего на этих землях воцарились халидиды³⁵¹.

Затем в трудах ‘Абд ар-Рахмана аль-Бассама и ‘Абдаллаха аль-Бассама нить повествования обрывается. Из событийной канвы полностью выпадают два последующих десятилетия. В отдельных пассажах лишь в общих чертах описываются рост сельскохозяйственных угодий ‘Унайзы и успешные набеги ее обитателей на города и племена Эль-Касыма³⁵². Рассказ летописцев возобновляется с событий 1760 г., ознаменовавшегося смертью эмира ‘Унайзы по имени Рашид³⁵³. Причем детали его прихода к власти и правления в сочинениях двух упомянутых авторов полностью опущены. Некоторую ясность в произошедшее привносит летопись Ибн Ла‘абуна, описывавшего произошедшее следующим образом: «В 1173 г.х. (1759 г. – Ф.М.) был убит Рашид ибн Мухаммад ибн Хасан, правитель ‘Унайзы из рода Маша‘иб из клана Джарах из племени Шаби‘а. Также [из селения] был изгнан глава клана Джанах из племени халидидов. К его (Рашида. – Ф.М.) смерти причастны представители родов Ааль Абу Ганнам и Ааль Замиль, а также некоторые [потомки] Фаузана ибн Хумайдана из Ааль Хасан, павшего в 1115 г.х. (1704 г. – Ф.М.). <...> Убийство произошло в маджлисе³⁵⁴ ‘Унайзы. Причиной тому стала давняя неприязнь между жителями города и рода Ааль Джаннах. Рашид же, придя к власти, заключил мир с новым главой клана Ааль Джаннах Фарраджем. Они прекратили вражду и поддерживали мир около 30 лет. [За это время] жители ‘Унайзы и преуспели в земледелии и посадили множество пальм, приумножив свое благосостояние. Но затем шайтан и его приспешники посеяли раздор между ними»³⁵⁵.

Опуская предвзятую авторскую оценку произошедшего, восстановим

³⁵¹ Там же; Тарих Ибн ‘Иса. С. 71.

³⁵² Там же.

³⁵³ Тарих Абдаллах аль-Бассам. С. 57.

³⁵⁴ Маджлис – здесь место собрания членов совета племени.

³⁵⁵ Тарих Ибн Ла‘абуна. С. 168.

обстоятельства воцарения Рашида. Захватив власть, халидиды назначили эмиром своего ставленника Рашида – представителя одной из боковых ветвей правившего до этого рода. Аналогичная практика, названная Ибн Ла‘абуном «заключением мира», широко применялась эмирами Эль-Хасы. Упомянутые хронистом 30 лет мира также отчасти совпадают с «затишьем» в других хрониках. Кроме того, весьма примечательно, что на этот период приходятся нетипичные для местной социально-политической традиции грабительские рейды на соседние области, инициированные не местными элитами, а халидидскими властителями. Засилье чужеродных элит наряду с кровной враждой между кланами Ааль Джаннах и Ааль Джаррах, без сомнения, порождали недовольство в кругах знати, что и стало причиной убийства Рашида и изгнания Фарраджа. Однако ни один из источников не информирует нас о дальнейших событиях. Последующие сообщения относятся уже к 1766 г., отмеченному оживлением торговли и основанием новых городов, одним из которых стала аль-Букайрия³⁵⁶. Подчеркнем, что в эти годы Эль-Касым уже находился под влиянием новоявленного ваххабитского государства. Таким образом, изгнанием Фарраджа фактически завершается существование ‘Унайзы как независимого политического центра. В дальнейшем в этих землях наблюдался стремительный рост влияния Саудидов, увенчавшийся окончательным захватом города в 1788 г.

Анализ социально-политической истории ‘Унайзы в XVII–XVIII вв. позволяет понять, насколько она была специфичной и непохожей на историю других недждийских городов. Необычным является практически полное отсутствие в эмиратах кровавых междуусобиц, а все основные конфронтации, как правило, имели место в рамках борьбы с внешними захватчиками. В этой связи обращает на себя внимание исключительная консолидация местных элит. Любопытной деталью является также отсутствие упоминаний о грабительских набегах эмиров ‘Унайзы, столь характерных для властителей оазисов Центральной Аравии. На этой особенности сфокусировался У. Палгрев, противопоставивший миролюбие

³⁵⁶ Тарих Ибн ‘Иса. С. 76.

местных жителей «лихой храбости севера, сформировавшейся в стремительных набегах и бедуинских междуусобицах»³⁵⁷.

Во многом такому раскладу способствовало раннее оседание на землю местной знати (если верить хроникам, род Ааль Джарах проживал здесь уже около 500 лет), но главной причиной являлось исключительное место торговли в экономической жизни эмирата, сравнимое лишь с ее значением в Эль-Хасе. Это напрямую сказывалось на стремительном развитии в этой части Неджда городской жизни, что ускорило разложение родоплеменных отношений в среде ее оседлых жителей. Вполне вероятно, что на этом пути общество ‘Унайзы пережило качественный перелом, а в его недрах начали формироваться зачатки развитых социальных институтов. Примечателен и вектор деятельности местных элит, который в значительной степени определялся стремлением правителей к поддержанию порядка на подконтрольных им участках трансаравийских караванных путей, а не тяготением к грабительским экспедициям.

Даже будучи восстановленной лишь фрагментарно, история ‘Унайзы позволяет усомниться в «гомогенности» социально-политического уклада, доминировавшего на этих территориях, а также задаться вопросом о правомерности экстраполяции характеристик, свойственных политиям Южного Неджда на всю Восточную и Центральную Аравию. На данный момент этот вопрос не может быть разрешен, поскольку научный поиск в этом направлении осложняется отсутствием источников. В тени по-прежнему остается история провинции Джебель-Шаммар, географическое положение которой также должно было способствовать формированию в ней специфического уклада. Полноценный сравнительный анализ истории различных областей Центральной Аравии остается уделом будущего, однако дальнейшее развитие исследований в этом направлении вполне может способствовать пересмотру ряда сложившихся в научном сообществе взглядов на социально-политическую историю этой части арабского мира.

³⁵⁷ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 112.

ГЛАВА II. ВОСТОЧНАЯ АРАВИЯ В XVII–XVIII ВВ.

§ 1. ЭЛЬ-ХАСА. ТОПОНИМИКА И ОСОБЕННОСТИ ПРОВИНЦИИ

При изучении истории Центральной и Восточной Аравии исследователи нередко сталкиваются с неоднозначностью применения тех или иных географических названий. Если в случае Неджда существует шаткая, но более или менее устоявшаяся традиция, то проблема трактовки восточноаравийских топонимов сохраняет свою остроту. В частности, это касается одной из ключевых для настоящего исследования провинций Аравийского полуострова – Эль-Хасы. На протяжении более чем двух сотен лет так и не сложился сколь-либо заметный консенсус относительно географической «наполняемости» этого топонима. Неопределенность в этом отношении характерна не только для современной научной литературы и сравнительно поздних трудов европейских путешественников, но также для арабских источников Средних веков и Нового времени.

Можно выделить четыре основных подхода. Согласно первому, Эль-Хасой следует считать всю совокупность территорий, ограниченных Малым Нефудом на западе, Персидским Заливом на востоке, предместьями южного Ирака на севере и пустыней Руб-эль-Хали на юге. Такой позиции, к примеру, придерживается кувейтский эксперт по политической истории Восточной Аравии Мухаммад ‘Араби Нахла. Исследователь убежден, что понятие «Эль-Хаса» тождественно историческому «Большому Бахрейну», который, по его определению, «простирается от Басры на севере до Омана на юге»³⁵⁸, включая пустыню Джрафура и земли Кувейта. Он также утверждает, что наименование «Эль-Хаса» происходит от названия крупнейшего в области города³⁵⁹.

Эта версия звучит крайне неубедительно по нескольким причинам. В первую очередь, обращает на себя внимание тот факт, что очерченная автором область полностью совпадает с границами современной саудовской провинции Эш-

³⁵⁸ Нахла, Мухаммад ‘Араби. Тарих аль-Ахса ас-сияси. С. 8.

³⁵⁹ Там же. С. 9.

Шаркийя, и в данном случае их отождествление кажется прямолинейной попыткой переложить исторический топоним на современное территориально-административное деление Саудовской Аравии. Кроме того, большинство аутентичных источников описывают Эль-Хасу как гораздо более компактную территорию. Вторым сомнительным моментом является тезис Мухаммада Нахлы о происхождении названия этой провинции от наименования населенного пункта, поскольку в период с раннего Средневековья до наших дней одноименного ей «крупнейшего» города попросту не существовало. Отметим, что это заблуждение имеет довольно долгую историю и обнаруживаются в трудах средневековых авторов, в том числе в «Сафар-Намэ» Насира Хострова³⁶⁰. Вполне возможно, что как восточные, так и европейские путешественники становились «жертвами» изначальной неопределенности местных географических наименований, на что сетовали некоторые европейские исследователи спустя столетия³⁶¹. Аргументом в пользу того, что название «Эль-Хаса» применялось ошибочно, могут служить сведения, приведенные в наиболее близком к рассматриваемому периоду «Путешествии Ибн ‘Альвана», в котором автор описывал Эль-Хасу как «большой и просторный город»³⁶², хотя в середине XVIII в., когда он побывал в Восточной Аравии, единственным заметным городом этого края был лишь Эль-Хуфуф.

Альтернативой первой версии является именование «Эль-Хасой» крупнейшего в области оазиса – главного земледельческого центра Центральной и Восточной Аравии, раскинувшегося в окрестностях скального массива Дежбель аль-Карра. По косвенным показателям, такой точки зрения придерживалось большинство недждийских хронистов XVII–XVIII вв. Хотя в их трудах нет никакого географического обзора, обнаруживающиеся в них сообщения содержат ряд признаков такого подхода. В качестве примера можно привести сочинение ‘Усмана ибн Бишра, который, описывая рейды Саудидов в Эль-Хасу, перечисляет селения, располагающиеся исключительно в этой области³⁶³. Примечательна также

³⁶⁰ Насир Хосров. Сафар-намэ. С. 178-179.

³⁶¹ Sadlier G. F. Diary of a Journey across Arabia. P. 2; Philby H. St. J. B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 26.

³⁶² Ибн ‘Альван, Муртаза. Путешествие ибн ‘Альвана. С. 1114.

³⁶³ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 384.

локализация этим летописцем деревни Эль-Фудуль, подвергшейся разорению в ходе одной из ваххабитских экспедиций. Он помещает ее «на востоке Эль-Хасы»³⁶⁴ – в восточной части хасского оазиса. Взгляд ‘Усмана ибн Бишра на значение топонима «Эль-Хаса» разделяется Хусейном ибн Ганном³⁶⁵. Наиболее репрезентативной в данном случае является «История аль-Фахири», на страницах которой автор рассказывает о захвате османскими войсками «Эль-Хасы и ее окрестностей»³⁶⁶, четко разделяя аграрный центр и прилегающие к нему территории. Аналогичные взгляды также прослеживаются в анонимной хронике «Блеска метеора»³⁶⁷. Из современных исследователей с точкой зрения, высказанной недждийскими летописцами, солидаризируется бахрейнский историк Башир Зейн аль-Абидин³⁶⁸. Менее ясной представляется позиция Насира Хосрова, уверявшего, что «название Лахса (Эль-Хаса. – Ф.М.) означает одновременно и город, и область, и пригороды, и крепость»³⁶⁹. В данном случае непонятно, разводил ли автор понятия «область» и «пригороды», или же они оба обозначали возделываемые территории.

Вторая из изложенных версий звучит намного убедительнее первой, но и она не лишена слабых мест. Прежде всего обращает на себя внимание этимология обсуждаемого названия. В буквальном переводе с арабского слово *хиса* (мн.ч. *ахса*) означает «каменистая равнина, покрытая песком»³⁷⁰, что явно диссонирует с «великолепными ухоженными рощами апельсиновых и лимонных деревьев и густой зеленью среди колоннад огромных пальмовых стволов», описанных Г. Филби³⁷¹. Британский путешественник предпринял попытку разрешить это противоречие. По его убеждению, «термин “аль-Хаса” означает “известняк” и строго применим только к известняковой равнине между пустынной степью Сумман и песчаным поясом на востоке»³⁷². Что касается оазиса у подножия

³⁶⁴ Там же.

³⁶⁵ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т.2. С. 881.

³⁶⁶ Тарих аль-Фахири. С. 85.

³⁶⁷ *Лам‘а аш-Шихаб*. С. 251.

³⁶⁸ *Аль-‘Абидин, Башир Зейн*. Тарих аль-Бахрейн аль-хадис. С. 25.

³⁶⁹ *Насир Хосров*. Сафар-намэ. С. 179.

³⁷⁰ *Баранов Х.К.* Арабско-русский словарь. М.: Костин, 2007. С. 175.

³⁷¹ *Philby H.St.J.B.* The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 21.

³⁷² *Ibid.* P. 26.

Джебель аль-Карра³⁷³, то, по мнению Г. Филби, его название имеет другое написание и происхождение. Он уверяет, что эти земли правильно называть «“аль-Хиса”, что означает “шепот” или “ журчание” и ассоциируется с отзвуками ручьев, которые по воле природы орошают плодородные земли оазиса»³⁷⁴. Его объяснение путаницы в топонимах как результатаозвучия разных наименований могло бы поставить точку в непрекращающихся спорах, однако автор не приводит точной транскрипции, с опорой на которую можно было бы воспроизвести оригинальное звучание второго названия и верифицировать его значение. Все же нельзя не подчеркнуть, что Г. Филби указал на корректность применения термина «Эль-Хаса» по отношению к окружающим оазис землям. В этом был убежден и другой знаменитый исследователь Дж. Сэдлиер, который, однако, не стал настаивать на данной позиции.

Идеи, высказанные Г. Филби и Дж. Сэдлиером, легли в основу третьего подхода, согласно которому Эль-Хасой надлежит называть как хасский оазис, так и обширные, но строго ограниченные территории в Восточной Аравии, которые в XVI–XVII вв. входили в состав османского санджака Лахса. Именно эта версия нашла отражение в фундаментальном труде британского дипломата и колониального администратора Дж. Лоримера «Газетир Персидского залива, Омана и Центральной Аравии»³⁷⁵. Ключевыми точками, по которым в его работе проводились границы Эль-Хасы, стали наиболее заметные природные ориентиры области – горы и скалы. На севере таковыми были холмы На‘айрия и ‘Удума, а также хребет Абу Зухейр. Западная граница тянулась через массив Джебель ат-Тафф вплоть до горы Джау ад-Духан, затем в сторону Джебель аль-Карра, где резко поворачивала на восток, достигая залива Салва³⁷⁶.

Аналогичную точку зрения высказывал видный исследователь Восточной Аравии XVI–XVII вв. Джон Мандевилль, обосновавший свою трактовку документами османской оккупационной администрации³⁷⁷. В одной из его статей

³⁷³ В дальнейшем в качестве синонима будет использоваться словосочетание «хасский оазис».

³⁷⁴ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 26.

³⁷⁵ Lorimer J.G. Gazetteer of the Persian Gulf. Vol. 2. P. 657.

³⁷⁶ Ibid. P. 658.

³⁷⁷ Mandaville J.E. The Ottoman Province of al-Hasa. P. 486-513.

подчеркивается неотделимость от территорий Эль-Хасы не только ряда оседлых селений, но также и окружающих их земель кочевников³⁷⁸. В целом демаркация Дж. Мандевиля повторяет предложенную Дж. Лоримером. Автор включает в состав провинции ее крупнейший оазис, прибрежный город-порт Эль-Катиф и порт ‘Укайр. Единственным заметным отличием от первого способа проведения границ является введение в пределы области группы оазисов Йабрин, располагающейся на юге – между пустошами Джафуры и Дахны.

В данном исследовании предпочтение отдается третьему подходу, поскольку определенные им территории на протяжении большей части истории Восточной Аравии неизменно составляли целостное и самостоятельное политическое пространство, будь то государство карматов³⁷⁹ или эмират Бану Халид. Кроме того, именно в случае их комплексного изучения становится очевидным сходство уклада Эль-Хасы с недждийскими эмиратаами (так же, как и в Центральной Аравии, ее земледельческие области образовывали единую автономную экономическую систему с окружавшими их скотоводческими районами). Расширенное же применение термина «Эль-Хаса», часто обнаруживающееся в современной арабской исследовательской литературе, не может быть принято по причине двух свойственных ему весомых недостатков. Во-первых, предлагаемые границы «навязываются» области искусственно, а, следовательно, не отражают ряд ее исторически значимых особенностей. Во-вторых, при использовании такого подхода в ее пределах оказывается ряд крайне разнородных по своим характеристикам районов, которые объединяет лишь их нахождение в составе нынешней саудовской провинции Эш-Шаркия.

Как уже было отмечено, Эль-Хаса и Неджд были весьма схожи в распространенном в них способе хозяйствования и некоторых иных особенностях. В обоих случаях преобладающей составляющей экономики являлись земледелие, кочевое скотоводство и торговля, а ремесло было развито слабее. Но даже на фоне самых благополучных провинций Внутренней Аравии хасские территории

³⁷⁸ Ibid. P. 501.

³⁷⁹ Подробнее об истории государства карматов и династии его правителей см.: Фильшинский И.М. История арабов и халифата. С. 174-188.; Босворт К.Э. Мусульманские династии. С. 106-107.

выделялись исключительно удачным географическим положением, определившим их уникальность. С древнейших времен Эль-Хаса считалась одним из наиболее обеспеченных пресной водой уголков Аравийского полуострова. А.И. Першиц объяснял это расположением Эль-Хасы в «главном бассейне стока вод почти всей Северной Аравии»³⁸⁰. Аналогичной точки зрения придерживался В.Л. Бодянский³⁸¹. К этому следует присовокупить своеобразие местной почвы, подарившей название этой области. Г. Филби описывал ее структуру таким образом: «Песок этой пустыни, которая называется барр аль-Хаса, состоит из белых крупинок, а ее фундамент, судя по виднеющимся иногда выступам скал, сформирован из известняка»³⁸². Песчаный слой, покрывающий водонепроницаемую основу, минимизировал испарение грунтовых вод под влиянием солнечных лучей и обусловил их сравнительную близость к поверхности. На эту особенность обратил внимание также У. Палгрев на пути из Эль-Хуфуфа в Эль-Катиф³⁸³. В ряде мест подземные потоки имели выход на поверхность³⁸⁴. Порой они образовывали настоящие озера, о родниковом происхождении которых писал Дж. Сэдлиер³⁸⁵. Хасский оазис питали около 10 основных источников, находившихся в его западной части. Кроме того, существовало множество более мелких ключей, но их значение было менее заметно. Вместе с ними, по данным Насира Хосрова, в этих местах насчитывалось до трех десятков родников³⁸⁶. По уверениям Г. Филби, еще в начале XX в. местные жители приписывали их возникновение падению звезд³⁸⁷. Обилие влаги в Эль-Хасе было первым, что бросалось в глаза путешественникам, пересекшим безжизненные просторы Неджда. Распространенность частных колодцев селян и горожан поражала как арабских паломников, так и европейских исследователей³⁸⁸. По словам У.

³⁸⁰ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 13.

³⁸¹ Бодянский В.Л. Восточная Аравия. С. 112.

³⁸² Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 13.

³⁸³ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 374.

³⁸⁴ Бодянский В.Л. Восточная Аравия. С. 113.

³⁸⁵ Sadlier G. F. Diary of a Journey across Arabia. P. 53.

³⁸⁶ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 13.

³⁸⁷ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 33.

³⁸⁸ Ibid.; Ибн 'Альван, Муртаза. Путешествие ибн 'Альвана. С. 1114.

Палгрева, воды было так много, что ею в случае осады наполняли оборонительные рвы³⁸⁹.

Невиданная для Неджда обеспеченность влагой способствовала процветанию сельского хозяйства. Естественные выходы воды на поверхность заметно облегчали ирригационные работы, позволяя местным земледельцам избегать использования громоздких и требующих постоянного внимания оросительных механизмов. К полям и рощам вода подавалась самотеком, следуя естественному уклону области с запада на восток³⁹⁰. По словам А.И. Першица, для этого использовались замысловатые водные системы, состоящие из запруд, небольших акведуков и кяризов³⁹¹, что в значительной степени снижало трудоемкость полива³⁹².

По той же причине возделываемые территории отличались исключительной (по недждийским меркам) обширностью и урожайностью. «Почти все пространство между Эль-Хуфуфом и Мубарразом на расстоянии около трех миль заполнено садами и плантациями», – писал У. Палгрев, обращая внимание на то, что «пышная и густая садовая растительность <...>, свисающая в тяжелом воздухе, пробуждает воспоминания скорее о сезоне дождей в Конкане³⁹³, [чем об Аравии]»³⁹⁴. Насир Хосров восхищался количеством и дешевизной местных фиников, уверяя, что «в Лахсе было так много фиников, что ими откармливали верблюдов»³⁹⁵. Схожие с замечаниями Насира Хосрова наблюдения приводятся Ибн ‘Алваном: «Весь их скот, верблюды, коровы и ослы едят финики. Для коров финиками подслащивается вода, а для коз они развариваются, что делает мясо вкуснее»³⁹⁶. По данным «Газетира» Дж. Лоримера, хасский оазис производил до 51

³⁸⁹ *Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia.* P. 352.

³⁹⁰ *Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia.* Vol. 1. P. 33.

³⁹¹ Кяриз – подземный канал, соединяющий водоносные слои с орошаемым участком. Строительство кяризов отличалось дорогоизнью, однако его эксплуатация не требовала постоянных финансовых вложений. См. *Reilly B. Slavery, Agriculture, and Malaria in the Arabian Peninsula.* P. 45.

³⁹² *Першиц А.И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 14.

³⁹³ Конкан – участок среднезападного побережья Индийского субконтинента.

³⁹⁴ *Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia.* P. 376.

³⁹⁵ *Насир Хосров.* Сафар-намэ. С. 183.

³⁹⁶ *Ибн ‘Альван, Муртаза.* Путешествие ибн ‘Альвана. С. 1115.

тыс. тонн этого продукта³⁹⁷, тогда как вес собранных фиников в Эд-Дир‘ийе в самые урожайные годы едва достигал 40 тонн³⁹⁸.

Выращиваемые в Эль-Хасе культуры отличалась высоким качеством. У. Палгрев называл местные пальмы «совершенством»³⁹⁹, а Ибн ‘Алван был поражен размерами здешних овощей, в частности, огурцов, «достигавших более локтя в длину»⁴⁰⁰. Здесь также были широко распространены сравнительно редкие для Центральной Аравии кукуруза, лимоны, гранаты, инжир и виноград⁴⁰¹. Большое значение имели бобовые и зерновые. Отдельного внимания заслуживает необычное для этих мест разнообразие кормовых и технических культур, среди которых путешественники выделяли люцерну, хлопок и индиго⁴⁰². Кроме того, в оазисах Эль-Хасы широко культивировался сахарных тростник, хотя производство сахара налажено не было. По свидетельству У. Палгрева, стебли тростника продавались в розницу на местных рынках, «чтобы местные жители могли на досуге грызть их в своих домах»⁴⁰³.

Развитое земледелие стимулировало процветание оседлого животноводства. Насир Хосров отмечал частое употребление жителями Эль-Хасы мяса. В его труде также есть странное сообщение о том, что у хассцев вошло в привычку есть кошек и собак, «откармливая их словно овец», так что те настолько жирили, что не могли передвигаться⁴⁰⁴. Г. Филби упоминает о разводимой в этих землях особой породе белых ослов, которые немногим уступали верблюдам в выносливости и зачастую использовались в охотничьих экспедициях, сельском хозяйстве и перевозке грузов⁴⁰⁵. «Хороший осел такого вида продается примерно за сто долларов, а не самый лучший стоит от пятидесяти до шестидесяти», – уточняет Г. Филби⁴⁰⁶. В

³⁹⁷ Lorimer J.G. Gazetteer of the Persian Gulf. Vol. 2. P. 656.

³⁹⁸ Ибн Бишир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 112.

³⁹⁹ Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 356.

⁴⁰⁰ Ибн ‘Алван, Муртаза. Путешествие ибн ‘Альвана. С. 1115.

⁴⁰¹ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 16; Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 348.

⁴⁰² Ibid. P. 356.

⁴⁰³ Ibid.

⁴⁰⁴ Насир Хосров. Сафар-намэ. С. 183.

⁴⁰⁵ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 12.

⁴⁰⁶ Ibid.

небольшом количестве эти животные экспортировались за пределы провинции, в частности в Хиджаз.

Земледелие в этих местах достигало невероятного для Центральной Аравии размаха, а разнообразие его плодов иной раз сравнивалось с природными богатствами Индии. Тем не менее сельское хозяйство по-прежнему велось архаичными орудиями, а оросительные системы не отличались эффективностью⁴⁰⁷. Возделывание земли носило экстенсивный характер. Не случайно У. Палгрев отмечал, что при «лучшем управлении [оазисы Эль-Хасы] могли бы приносить десятикратный [урожай]»⁴⁰⁸. Сам путешественник связывал сложившуюся ситуацию с тяжелыми податями, которыми имамы второго государства Саудидов обложили хасских феллахов, однако примитивность технологий всегда отличала местное земледелие. Г. Филби, описывая положение дел в начале XX в., упоминал «расточительные методы орошения», отсутствие за ними контроля, а также хищническую обработку земли, «истощавшую почву и приводившую к заболачиваю отдельных участков»⁴⁰⁹.

Основные аграрные мощности Эль-Хасы были сосредоточены в двух центрах – хасском оазисе и его «собрате», окружавшем город-порт Эль-Катиф. Именно в них появились главные города Восточной Аравии, ставшие столпами местной торговли и ремесла. Крупнейшим из них был располагающийся у скального массива Джебель аль-Кара Эль-Хуфуф. По сведениям ряда посещавших эти места путешественников в городе проживало по меньшей мере два десятка тысяч жителей. Так, Насир Хосров уверял, что в Эль-Хуфуфе обитало до 20 тыс. «мужчин, способных носить оружие»⁴¹⁰. Схожую численность приводят Г. Филби («около 6 тыс. домов и немногим меньше 30 тыс. жителей»⁴¹¹) и Дж. Лоример (25 тыс. обитателей⁴¹²). Иные данные обнаружаются в дневниках Дж. Сэдлиера,

⁴⁰⁷ Некоторые исследователи предполагают, что главной причиной низкой эффективности оросительных систем в хасском оазисе стало их стихийное формирование. Подробнее см.: *Mackie J.B. Hasa: An Arabian Oasis // The Geographical Journal*. 1924. No. 3 P. 199-200.

⁴⁰⁸ *Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia*. P. 356.

⁴⁰⁹ *Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia*. Vol. 1. P. 33.

⁴¹⁰ *Nasir Xosrov*. Сафар-намэ. С. 179-180.

⁴¹¹ *Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia*. Vol. 1. P. 27.

⁴¹² *Lorimer J.G. Gazetteer of the Persian Gulf*. Vol. 2. P. 664.

считавшего, что «в Фуфе (Эль-Хуффе. – *Ф.М.*) и его пригородах не проживает и 15 тыс. жителей»⁴¹³. Однако данная цифра кажется заниженной. Даже с учетом того, что автор посещал эти места в период острого политического кризиса, количество горожан едва ли могло уменьшится столь значительно. В то же время о снижении населения города в XIX в. писал У. Палгрев, конкретизировавший: «В прошлом поколении (в начале XIX в. – *Ф.М.*) Эль-Хуфуф насчитывал около 30 тыс. жителей, а теперь (в 1860-х годах. – *Ф.М.*) их количество уменьшилось до 23 или 24 тыс.»⁴¹⁴.

В путевых заметках различных эпох сохранились множественные словесные описания Эль-Хуфуфа. Ибн ‘Альван характеризовал его как «большой город, просторный, обеспеченный водой и наполненный журчащими источниками, колодцами и мечетями»⁴¹⁵. У. Палгрев приводит более детальную фиксацию его облика – город представлял собой обширное овальное пространство, обнесенное глинобитными стенами⁴¹⁶. В центре располагалась просторная площадь, часть которой занимал сук. Вокруг нее раскинулись три основных городских квартала. Главным из них считался возведенный на севере Эль-Кут, территории которого была обнесена стенами и рвом. Именно здесь находилась резиденция местных эмиров и городская цитадель. Два других района под называнием Рифей‘ия и На‘асар примыкали к центральной площади с северо-запада и востока. Первый из них, по словам У. Палгрева, был центром антивахабитских брожений. Вероятнее всего, именно в нем проживала элита Эль-Хуфуфа. Еженедельно по четвергам в городе проводилась крупнейшая в провинции ярмарка⁴¹⁷.

Другим большим поселением в хасском оазисе был Мубарраз. Число жителей в пределах его стен оценивалось Г. Филби в 25 тыс., что значительно выделялось даже на фоне самых густонаселенных деревень области (по сообщениям того же автора во многих из них обитало более 1 тыс. феллахов)⁴¹⁸. В то же время У.

⁴¹³ Sadlier G. F. Diary of a Journey across Arabia. P. 53.

⁴¹⁴ Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 351.

⁴¹⁵ Ибн ‘Альван, Муртаза. Путешествие ибн ‘Альвана. С. 1114.

⁴¹⁶ Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 351.

⁴¹⁷ Ibid. P. 362; Ибн ‘Альван, Муртаза. Путешествие ибн ‘Альвана. С. 1115.

⁴¹⁸ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 21.

Палгрев, сравнивая Мубарраз с Эль-Хуфуфом, замечал, что образ жизни мубарразцев больше тяготеет к сельскому, и называл это место «большой деревней»⁴¹⁹.

Менее крупными оседлыми центрами Эль-Хасы являлись Эль-Катиф и прилегающий к нему Эль-Джубайль, совокупное население которых достигало 25 тыс. жителей⁴²⁰. Как и Эль-Хуфуф, эти города во многом жили за счет земледелия, не теряя при этом своей значимости как торговых центров. Существенная роль в хасской экономике отводилась еще одному селению – Эль-‘Укайру, располагавшемуся к северо-востоку от Эль-Хуфуфа на побережье Персидского залива. Однако этот порт не был самодостаточен – путешественники всегда делали акцент на его зависимости от хасского оазиса. В сущности, он представлял собой торговый придаток Эль-Хуфуфа. «[Эль-‘Укайр], занимавший пространство на узкой бесплодной прибрежной полосе и зажатый между песчаными холмами и морем, по всей вероятности, всегда играл роль обычного караван-сарай скорее коммерческого, чем стратегического значения», – писал о его месте в жизни Эль-Хасы Г. Филби⁴²¹. Гавань, на берегу которой был выстроен порт, была удачно расположена у косы Эль-Хадд, отделяющей ее глубокие воды от «мелководного залива с многочисленными рифами»⁴²², что делало его береговую линию наиболее удобным местом разгрузки кораблей, доставлявших товары для рынков Эль-Хуфуфа.

Видное место в экономической жизни этого края занимала торговля, носившая преимущественно транзитный характер. По словам саудовского исследователя Мухаммада ‘Араби Нахлы, Эль-Хаса являлась «вратами Аравии» в Персидский залив⁴²³. Действительно, на ее территории сходились несколько стратегически важных трансаравийских транспортных путей. Первый брал свое начало в землях Омана и, пролегая через оазис аль-Бурайми, достигал хасского оазиса. Второй маршрут использовали караваны из Северного Ирана и Южного Ирака. По мере их

⁴¹⁹ Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 362.

⁴²⁰ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 30.

⁴²¹ Ibid. P. 4.

⁴²² Ibid. P. 2.

⁴²³ Нахла, Мухаммад ‘Араби. Тарих аль-Ахса ас-сияси. С. 9.

продвижения на юг вдоль побережья Персидского залива к ним присоединялись паломники и купцы, прибывающие в местные порты, в том числе в Эль-Катиф. Третья транспортная артерия соединяла окрестности Джебель аль-Кара с Южным Недждом. Главным торговым узлом всей Восточной Аравии являлся Эль-Хуфуф, служивший основным перевалочным пунктом для всех караванов, пересекающих Аравийский полуостров с востока на запад. Яркое описание рыночной жизни Эль-Хуфуфа оставил нам Г. Фибли, обративший внимание на наполненность улиц «бакалейщиками, портными, галантерейщиками, торговцами тканями и коврами, металлистами, шорниками и менялами»⁴²⁴. Подчеркивая стратегическое значение города, Насир Хосров писал: «С какой бы стороны ты не приблизился к нему, всегда придется ехать через огромную пустыню»⁴²⁵. Этим была обусловлена тесная связь Эль-Хасы с Центральной Азией, Ираном, Юго-Восточной Азией, Южным Ираком, Оманом и Индией.

Индия была одним из основных поставщиков заморских товаров в Эль-Хасу. По словам Г. Филби, именно индийские товары составляли львиную долю импорта⁴²⁶. Кофе, употребляемый местными жителями, имел преимущественно индийское происхождение, в то время как прославленные йеменские сорта из-за их высокой стоимости были доступны только состоятельной прослойке населения⁴²⁷.

Исследователями Аравии делался акцент на культурном влиянии Индии в этой части арабского мира. У. Палгрев, подметивший эту особенность, писал: «Едва ли нужно говорить, что домашняя мебель здесь гораздо более разнообразна и изысканна, чем та, что украшает жилища Судайра и Эль-‘Арида. Табуреты, низкие обеденные столы, кухонные доски, полки и кровати очень похожи на обстановку респектабельных индийских домов в Бароде или Камбее⁴²⁸»⁴²⁹. Основной массив импорта в торговле Эль-Хасы составляли редкие в этих местах зерновые, специи и сахар, а также дефицитные оружие, ткани и металлическое сырье⁴³⁰.

⁴²⁴ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 7, 29.

⁴²⁵ Насир Хосров. Сафар-намэ. С. 172.

⁴²⁶ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 7, 29.

⁴²⁷ Ibid. P. 17.

⁴²⁸ Барода и Камбей – княжества Британской Индии, существовавшие на территории нынешнего штата Гуджарат.

⁴²⁹ Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 360-361.

⁴³⁰ Нахла, Мухаммад ‘Араби. Тарих аль-Ахса ас-сияси. С. 9.

В отличие от большинства эмиратов Центральной Аравии Эль-Хаса поставляла на внешний рынок значительное количество товаров собственного производства. Большую их часть составляли плоды земледелия. По данным «Газетира» Дж. Лоримера, около $\frac{1}{5}$ заготовленных в оазисах Восточной Аравии фиников вывозилась в соседние страны⁴³¹. Спросом пользовались и выращиваемые здесь животные. Помимо упомянутых ранее диковинных белых ослов, из Эль-Хасы массово экспорттировались верблюды, выращенные в ее кочевьях. У. Палгрев, комментируя их качество, писал: «Дромадеров много, и они дешевы, причем уступают пальму первенства только тем, что разводятся в Омане»⁴³². По словам Мухаммада ‘Араби Нахлы, заезжих купцов интересовали и местные породы лошадей⁴³³. Однако тот же У. Палгрев отмечал их малое значение по сравнению с остальным скотом⁴³⁴.

Немалую популярность в Аравии и за ее пределами приобрела хасская ремесленная продукция, производство которой здесь было значительно более развито по сравнению с Недждом. У. Палгрев подчеркивал, что в хасских селениях «предостаточно кузнецов и сапожников»⁴³⁵. Г. Филби особо отмечал качество изделий из металла, дерева и кожи⁴³⁶. Одним из наиболее известных товаров Эль-Хасы были *абы*⁴³⁷, изготавливаемые мастерами Эль-Хуфуфа⁴³⁸. По описаниям некоторых путешественников, они представляли собой черные мантии с воротниками, отделанными филигранным шитьем из серебряной или золотой нити⁴³⁹. Восхищаясь местными абами, У. Палгрев писал: «Плащи Хасы и украшающая их вышивка не имеют себе равных, столь деликатна работа и столь изящен узор! Шерсть отличается изысканной тонкостью и, если ее умело спрясть с шелком, образует ткань, сочетающую в себе красоту и прочность. Сирия и Персия могут лишь позавидовать ее отделке золотыми и серебряными нитями, но никогда

⁴³¹ Lorimer J.G. Gazetteer of the Persian Gulf. Vol. P. 657.

⁴³² Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 368.

⁴³³ Нахла, Мухаммад ‘Араби. Тарих аль-Ахса ас-сияси. С. 10.

⁴³⁴ Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 362.

⁴³⁵ Ibid. P. 353.

⁴³⁶ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 29.

⁴³⁷ Аба – верхняя одежда жителей Аравии, длинный плащ-накидка с отверстиями для рук.

⁴³⁸ Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 355.

⁴³⁹ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 29.

не смогут породить что-либо подобное»⁴⁴⁰. Упоминание хасских аб встречается в записках К. Нибура, согласно которым «белая аба из индийского шелка, изготовленная лучшими мастерами Эль-Хасы»⁴⁴¹, использовалась в качестве верхней одежды мекканскими шерифами.

Хасские города также славились изделиями из металла, которые, по словам У. Палгрева, «умело сочетали элегантность и практичность»⁴⁴² – в особенности это касалось кофейников, «превосходивших любые [аналоги], которые только можно встретить к северу от Басры»⁴⁴³. Гордостью Эль-Хасы были местные ювелиры, которые не уступали в своих навыках мастерам из Омана, Дамаска и Багдада⁴⁴⁴.

Еще одной важной чертой, характеризующей сравнительно высокий уровень развития экономической жизни Эль-Хасы, является хождение в этой части Аравии собственной валюты⁴⁴⁵. В большинстве остальных областей Аравийского полуострова в ходу были турецкие, персидские, индийские и европейские монеты. Еще в XI в. Насира Хосрова поразило, что торговый обмен в оазисе совершился преимущественно с помощью свинцовых денег⁴⁴⁶. Во времена Г. Филби часто использовались продолговатые медные пластины, именуемые «тавила»⁴⁴⁷, которые в начале XX в. были эквивалентом 2/3 оманского байза⁴⁴⁸.

Богатство Эль-Хасы, активная торговля, разворачивавшаяся на ее землях, а также ее тесный контакт с «внешним миром» существенным образом сказывались на формировании особого менталитета ее жителей, заметно отличавшихся от их недждийских собратьев гораздо большей образованностью, интеллигентностью и открытостью инаковому опыту. У. Палгрев обращал внимание на то, что местные обитатели «давно привыкли видеть в своей среде людей, не похожих [на них] в одежде, манерах и религии»⁴⁴⁹. Рассуждая о контрасте нравов в Центральной и

⁴⁴⁰ Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 356-357.

⁴⁴¹ Niebuhr C. Travels through Arabia and Other Countries in the East. Vol 1. P. 419.

⁴⁴² Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 357.

⁴⁴³ Ibid.

⁴⁴⁴ Ibid.

⁴⁴⁵ Ibid. P. 368; Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 7.

⁴⁴⁶ Насир Хосров. Сафар-намэ. С. 181.

⁴⁴⁷ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 7; Подробнее об этой хасской валюте см.: Mackie J.B. Hasa: An Arabian Oasis // The Geographical Journal. 1924. P. 199-200.

⁴⁴⁸ Байз – разменная единица риала.

⁴⁴⁹ Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 350.

Восточной Аравии, тот же автор заключал: «Ни в один из городов Аравии я не вернусь с такой же уверенностью в ожидающем меня сердечном и радушном приеме, как в Эль-Хуфуф с его любезными купцами»⁴⁵⁰. Несколько менее значимой, но довольно любопытной деталью кажется определенные антропологические различия недждейцев от хассцев, которые подмечает У. Палгрев. По его словам, жители этой части Аравийского полуострова «не демонстрируют того же полуеврейского типа, [что и обитатели Центральной Аравии], напротив, есть в них что-то, что напоминающее *раджпутов*⁴⁵¹ или жителей Гуджарата»⁴⁵².

Контраст, который представляла собой Эль-Хаса на фоне полуголодного Неджда, очевиден. Ее богатство, обусловленное исключительно удачным географическим расположением, во много раз превосходило доходы всех провинций Центральной Аравии вместе взятых. Рассуждая о ее положении уже в XX в. Г. Филби писал: «Хаса является дойной верблюдицей Ваххабитской империи, единственной провинцией за исключением Эль-Касыма <...> которая после покрытия расходов местной администрации дает немалую прибыль в центральную казну»⁴⁵³. Однако куда более существенным отличием являлась возможность концентрации всех этих материальных благ в руках единой политической силы, а не десятков независимых эмирских родов, что наблюдалось во внутренних областях Аравийского полуострова. Причина тому также коренилась в особенности хасской географии. Все аграрные мощности и все оседлое население этих мест были компактно сосредоточены в двух основных районах – Эль-Катифе и Эль-Хуфуфе с прилегающими землями. Согласно «Газетиру» Дж. Лоримера, в XIX в. более 95 тыс. человек из 158 тыс. местных жителей обитали в этих ареалах⁴⁵⁴. Для установления владычества над этими территориями не требовалось ни длительных военных кампаний, ни сложной административной системы – гарнизоны в двух вышеназванных центрах

⁴⁵⁰ Ibid. P. 370.

⁴⁵¹ Раджпуты – этническая и сословная группа в Северной Индии.

⁴⁵² Palgrave W.G. Central and Eastern Arabia. P. 358.

⁴⁵³ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 30.

⁴⁵⁴ Lorimer J.G. Gazetteer of the Persian Gulf. Vol. 2. P. 664.

обеспечивали устойчивый контроль над большей частью Восточной Аравии, включая пустынные просторы Катара и Договорного Омана⁴⁵⁵. При отсутствии интереса к Эль-Хасе со стороны более могущественных держав или религиозных движений, таких как карматы, ее правителями становились бедуинские династии, бравшие эти богатые земли под свое покровительство и формировавшие на них независимые политические образования, социально-политическое устройство которых мало чем отличалось от недждийских оазисов. После эвакуации османских войск во второй половине XVII в. к власти на этих землях пришло могущественное племя Бану Халид, ставшее одной из наиболее влиятельных сил во всей Аравии XVII–XVIII вв.

§ 2. ПРОИСХОЖДЕНИЕ И РАННЯЯ ИСТОРИЯ ПЛЕМЕНИ БАНУ ХАЛИД

Происхождение племени Бану Халид и история миграции халидидов в Восточную Аравию, как и многие аспекты ранней истории их эмирата, остаются загадкой. Изучение генеалогии бедуинских родов Аравийского полуострова зиждется на весьма шатких и противоречивых данных, источниками которых чаще всего выступают легенды и устные предания. По этой причине их реконструкция неизменно содержит серьезные допущения и неточности. Кроме того, не следует упускать из виду того, что любое бедуинское племя не представляло собой монолитное образование: отдельные рода могли переселяться в другие уголки арабского мира, сохраняя свое наименование и идентичность, другие же – оставлять кочевой образ жизни и навсегда растворяться среди оседлых жителей. Так, знаменитый арабский исследователь родословных аравийских племен ‘Умар Рида Каахала, автор «Словаря древних и современных арабских племен», перечисляет не меньше десяти бедуинских сообществ, разделявших с Бану Халид одно и то же название⁴⁵⁶. Когда же речь заходит о правителях Эль-Хасы, он не обозначает генеалогической «перемычки» между ними и каким-либо из этих

⁴⁵⁵ Синан, Махмуд Бахджат. Тарих Катар аль-‘ам (Общая история Катара). Багдад: [б.и.], 1966. С. 56.

⁴⁵⁶ Каахала, ‘Умар Рида. Му‘аджам кабаиль аль-‘араб аль-кадима ва аль-хадиса (Словарь современных и древних арабских племен). Т. 1. Бейрут: Миассасат ар-рисала ли-т-тиба‘а ва-н-нашр ва-т-тавзи‘а, 1997. С. 325–329.

десяти племен, ограничиваясь указанием на «древнее происхождение»⁴⁵⁷ хасских эмиров. В среде арабских исследователей существует три основных версии, каждая из которых связывает владык Восточной Аравии с одним из вышеупомянутых племенных подразделений⁴⁵⁸.

Первая зиждется на сведениях, почерпнутых из трудов знаменитого арабского историка и географа Шихаб ад-Дина аль-‘Умари (1301–1349). Согласно этой гипотезе, предками халидидов являются выходцы из одноименного племени, происходившего из Хиджаза⁴⁵⁹. При этом их генеалогическая цепочка возводится к аднанитскому⁴⁶⁰ патриарху Раби‘а ибн Низару⁴⁶¹, потомками которого через его сына Фадля были представители Бану Халид. Примечательно, что схожие идеи высказываются в хронике «Блеск метеора», анонимный автор которой, вероятно, почерпнул эти сведения в трудах аль-‘Умари⁴⁶².

Вторая гипотеза указывает на недждийское происхождение халидидов и возводит родословную Бану Халид к человеку по имени Амир ибн С‘ас‘а и его потомкам из племени ‘Амир⁴⁶³. Наконец, третья, наименее вероятная версия связывает их корни с курайшитами⁴⁶⁴. Ее опорой послужили работы знаменитого египетского ученого-энциклопедиста мамлюкской эпохи Абу-ль-‘Аббаса Ахмада аль-Калкашанди (1355–1418). Следует отметить, что возможны и иные сценарии, в том числе позднее возникновение племени, случайным образом принявшего древнее наименование.

Время и причины миграции Бану Халид в Восточную Аравию также не известны. Тем не менее источники сохранили многочисленные упоминания об их присутствии в Эль-Хасе в качестве правителей еще в XV в. Ко времени утверждения в провинции халидиды сумели стать одним из наиболее крупных и могущественных племен всего Аравийского полуострова. Вплоть до середины XIX

⁴⁵⁷Там же. С. 327.

⁴⁵⁸ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва ‘алякатихим би Наджд. С. 37.

⁴⁵⁹ Там же. С. 39.

⁴⁶⁰ Аднаниты – потомки Аднана, одного из предков «северных» арабов, ведущего свой род от пророка Исмаила.

⁴⁶¹ Раби‘а ибн Низар – прародитель одной из главных ветвей аднанитских племен Аравийского полуострова.

⁴⁶² Лам‘а аш-шихаб. С. 256.

⁴⁶³ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд. С. 46.

⁴⁶⁴ Курайшиты или Бану Курайш – племя, из которого происходили пророк Мухаммад и многие его сподвижники. Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд. С. 55.

в. они составляли большую долю населения хасских кочевий. Некоторые их подразделения обитали в Центральной Аравии. К их числу принадлежал клан Ааль Джаннах, представители которого несколько раз пытались захватить ‘Унайзу в XVII–XVIII вв., а также ряд отмеченных в хрониках родов, обосновавшихся в окрестностях Южного Неджда (в районах, прилегающих к Малому Нефуду). По данным труда «Блеск метеора», накануне ваххабитской эпохи племя Бану Халид насчитывало в своих рядах не меньше 21 тыс. членов. Если верить констатации Г. Филби о том, что в начале XX в. в Эль-Хасе проживало около 100 тыс. оседлых жителей, а также предположить, что кочующих в окрестностях номадов было примерно столько же, можно заключить, что халидиды составляли до 10% ее населения.

Хроника «Блеск метеора» также содержит исчерпывающие сведения относительно внутренней организации племени Бану Халид. Племя делилось на 5 основных групп. Наиболее многочисленной был бедуинский клан аль-Мугашир, населявший большинство восточноаравийских кочевий⁴⁶⁵. Тем не менее из его среды не вышло ни одного «аристократического» рода, сумевшего покорить оседлые территории или захватить контроль над караванными маршрутами Эль-Хасы. Поэтому это подразделение в основном считалось «боевым резервом» халидидов.

Более влиятельными были кланы Ааль Субайх и аль-‘Амаир. Первый населял большую часть северо-востока Аравии и при численности в 6 тыс. членов играл заметную роль в местной политической жизни, контролируя северное ответвление хасской транспортной сети, соединявшее Аравийский полуостров с Южным Ираком⁴⁶⁶. Подразделение аль-‘Амаир насчитывало до 4 тыс. человек, расселенных вдоль побережья Персидского залива⁴⁶⁷. Конкретный род деятельности этого клана в хронике «Блеска метеора» не обозначен, если не учитывать туманные намеки на то, что часть его членов были кочевниками⁴⁶⁸. Историк ‘Абд аль-Карим аль-Вахби

⁴⁶⁵ Лам‘а аш-шихаб. С. 256-257.

⁴⁶⁶ Там же. С. 256.

⁴⁶⁷ Лам‘а аш-шихаб. С. 257.

⁴⁶⁸ Там же. С. 257.

приписывает ему вовлеченность в морскую торговлю⁴⁶⁹. По всей видимости, члены клана аль-‘Амаир были задействованы в прибрежных промыслах и пиратстве. Это отчасти следует из заметок Г. Филби, отмечавшего, что эти занятия были неотъемлемой составляющей жизни обитавших в окрестностях Персидского залива племен, наводнявших побережье во время сезона ловли жемчуга⁴⁷⁰. Усиление борьбы Османской империи и европейских держав за влияние в этом регионе в XV–XVI вв. во многом пошатнуло позиции клана аль-‘Амаир, и в дальнейшем письменные источники о них хранят молчание.

Четвертый клан Ааль Хумайд наиболее интересен для настоящего исследования, поскольку именно из его недр выйдет будущий правящий род Эль-Хасы во главе с шейхом Бараком ибн Гурейром. Задействованные источники не содержат никаких сведений о его видных представителях до середины XVII в., однако ‘Абд аль-Карим аль-Вахби утверждает, что обнаружил упоминания о его основателе по имени Хумайд в документации начала XVI в., где тот фигурирует как «племянник Мукрина»⁴⁷¹.

Саудовский историк Халаф аль-Вазинани отождествляет этого Мукрина с Мукрином ибн Замилем – сыном Замиля ибн Джабура, лидера клана аль-Дажабур – последнего из пяти основных подразделений племени Бану Халид⁴⁷². Помимо ряда районов Восточной Аравии под властью этого рода находился Бахрейн. Эмиры из этого клана несколько раз появляются на страницах поздних сводных хроник Ибн ‘Исы и аль-Фахири в качестве правителей Эль-Хасы⁴⁷³. Судя по данным летописи «Блеск метеора», эта группа была самой немногочисленной из пяти основных (2 тыс. членов)⁴⁷⁴. Успешность джабуридов была, по всей видимости, связана с их сотрудничеством с османскими властями, использовавшими халидидских эмиров в качестве «щита» от португальской

⁴⁶⁹ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд. С. 83.

⁴⁷⁰ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 1.

⁴⁷¹ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд. С. 110.

⁴⁷² Аль-Вазинани, Халаф ибн Даблан. Аль-Ахса фи-ль-карн аль-сани ашар аль-хиджри. С 50.

⁴⁷³ Тарих аль-Фахири. С. 81; Тарих ибн Иса. С. 33, 34, 36, 37, 41, 48, 49.

⁴⁷⁴ Лам‘а аш-шихаб. С. 257.

угрозы⁴⁷⁵. Позже участие в этой борьбе станет причиной гибели правящей верхушки клана аль-Джабур, уничтоженной в ходе осады Бахрейна в 1521 г. Это событие окажется отправной точкой восхождения к вершинам власти их ближайших родственников – клана Ааль Хумайд. Тем не менее джабуриды, растратив изрядную долю былого влияния, какое-то время продолжали сохранять ведущие позиции. Согласно большинству недждийских хронистов, еще около 70 лет в Эль-Хасе правил джабуридский род Ааль Аджвад.

Хотя история правления халидидов в Эль-Хасе охватывает достаточно длительный период, ее детальное исследование затруднено малочисленностью и труднодоступностью необходимых для этого письменных источников. Так, на данном этапе значительный отрезок истории рода Ааль Хумайд XVII в. не поддается реконструкции.

Впервые племя Бану Халид упоминается летописцами лишь в 1592 г. в связи с османской оккупацией Эль-Хасы⁴⁷⁶. В труде Ибн ‘Исы этот эпизод описывается следующим образом: «В 1000 г.х. (1592 г. – Ф.М.) румы (османы. – Ф.М.) захватили Эль-Хасу и Эль-Катиф, выстроив там крепости и разместив в них своих воинов. В Эль-Хасе утвердился наместник Фатих-паша, а Аджвад ибн Замиль ибн Джабур аль-‘Амари аль-‘Акайли лишился власти»⁴⁷⁷. По мнению Н.А. Иванова и Дж. Мандевиля, оккупация этих земель была постепенной, и крупные военные силы османов были там размещены уже в первой половине XVI в.⁴⁷⁸ Вплоть до середины XVII в. Эль-Хаса, входившая в состав Османской империи в качестве одноименного санджака Басрийского эялета, стратегически играла роль «буферной зоны» между португальскими владениями в Персидском заливе и подчиненными османскому падишаху Южным Ираком и Хиджазом⁴⁷⁹.

⁴⁷⁵ Первое появление португальцев в Аравии датируется началом XVI в. Борьба с их присутствием в области Персидского залива оставалась одной из ключевых целей османской внешней политики вплоть до начала XVII в. Подробнее о противостоянии Португалии и Османской империи см.: Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. С. 7-9; 62-71; 84. Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в 16-19 вв. С. 34-60; Касим, Джамаль Закария. Тарих аль-Халиджа аль-‘Араби аль-хадис ва-аль-му‘асир (Новая и новейшая история Персидского залива). Т. 1. Каир: Дар аль-фикр аль-‘араби, 1997. С. 43-123.

⁴⁷⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд. Т. 2. С. 305; Тарих аль-Фахири. С. 85-86; Тарих Ибн Иса. С. 41.

⁴⁷⁷ Там же.

⁴⁷⁸ Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. С. 69-70; Mandaville J.E. The Ottoman Province of al-Hasa. P. 488.

⁴⁷⁹ Иванов Н.А. Османское завоевание арабских стран. С. 66-67, 68-69.

В период османского владычества род аль-Джабур безвозвратно покинул политическую арену. Набирающий силу клан Ааль Хумайд, напротив, укрепил свои позиции и даже предпринимал попытки отвоевать у османов утраченные территории. Согласно Дж. Мандевилю, одна из осад Эль-Хуфуфа была организована в 1558 г. шейхом Са‘адуном ибн Хумайдом, однако халидидов постигла неудача⁴⁸⁰. На протяжении большей части оккупационного периода имперские войска удерживали контроль лишь над крупнейшими городами, в то время как сельская местность и особенно кочевья продолжали контролироваться племенем Бану Халид⁴⁸¹.

Возышению рода Ааль Хумайд в XVII–XVIII вв. содействовала активизация центробежных сил в Южном Ираке. Одним из ключевых событий, предваривших возвращение Эль-Хасы под контроль халидидов, стала османская карательная экспедиция 1667 г. против Басрийского эялета, организованная султаном Мехмедом IV (1642–1693) в ходе затянувшегося конфликта имперского центра с наместником Басры Хусейн-пашой, внуком Афрасиаба ад-Дайри, который незадолго до этого пытался подчинить себе Восточную Аравию⁴⁸². По сообщению иракского хрониста Фатхаллаха аль-Ка‘аби, оборона Басры потребовала эвакуации из Восточной Аравии большей части дислоцированных там османских воинских контингентов во главе с полководцем Яхья-агой⁴⁸³. Покидая Эль-Хуфуф, он передал власть в Эль-Хасе некому ‘Умар-паше аль-Халиби⁴⁸⁴.

Отвод в 1667 г. основных оккупационных сил за пределы Восточной Аравии позволил Бараку ибн Гурейру занять большую часть Эль-Хасы. Через некоторое время из центрального хасского оазиса выехал и сам ‘Умар-паша, оставив эти земли беззащитными. Единственным подконтрольным Стамбулу городом оставался Эль-Катиф, наместником которого был назначен некто по имени ‘Иса-паша. Не получив поддержки из Ирака, он был вынужден признать власть Барака ибн Гурейра над Эль-Хасой, положив тем самым начало халидидскому эмирату.

⁴⁸⁰ Mandaville J.E. The Ottoman Province of al-Hasa. P. 499.

⁴⁸¹ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд. С. 151.

⁴⁸² Аль-Ка‘аби. Ахдас аль-Басра. С. 24.

⁴⁸³ Там же. С. 43.

⁴⁸⁴ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд. С. 170.

Захват власти племенем Бану Халид воспринимался местным населением в основном положительно – главную роль в этом сыграли хищнические поборы, установленные османскими пашами, жестокость их гарнизонов по отношению к местным жителям, а также махинации оккупационных властей с земельной собственностью хассцев⁴⁸⁵.

Определение точной даты окончательного установления владычества Барака ибн Гурейра в Восточной Аравии – головоломная задача. Традиционно большинство недждийских хроник относит это событие к 1670 г.⁴⁸⁶ Так оно описывается в труде Ибн ‘Исы: «В 1080 г.х. (1670 г. – Ф.М.) к власти в Эль-Хасе и Эль-Катифе пришел род Ааль Хумайд из племени Бану Халид. [В то время] его возглавлял Барак ибн Гурейр ибн ‘Усман ибн Масуд ибн Рабиа Ааль Хумайд, а с ним Мухаммад ибн Хусейн ибн ‘Усман бин Мас‘уд ибн Раби‘а ааль Хумайд <...> он разбил войска румов (Османов – Ф.М.), скрывавшиеся в Эль-Куте <...> и перехватил власть из рук румов, которые правили там около 80 лет. Первым из румских властителей был Фатих-паша, а после него ‘Али-паша, затем Мухаммад-паша и ‘Умар-паша»⁴⁸⁷. Однако данная датировка доверия не вызывает. Согласно хроникам, воцарение Барака ибн Гурейра последовало сразу же за отбытием ‘Умар-паши из Эль-Хасы, а оно однозначно относится очевидцем этих событий Фатхаллахом аль-Ка‘аби к 1666 г.⁴⁸⁸ Из этого следует, что установление власти Бану Халид в Эль-Хуффе должно отсчитываться от 1666 г. Этой версии придерживается и ‘Абд аль-Карим аль-Вахби, предполагая, что недждийские хроники «отстают» от произошедших событий примерно на три года⁴⁸⁹.

Возможно, недждийские историографы смешали в своем повествовании два разных сюжета – приход к власти Ибн Гурейра в Эль-Хуффе и покорение им Эль-Катифа, который еще несколько лет оставался под управлением ‘Иса-пashi. В среде специалистов также нет единого мнения по поводу датировки этого события, но

⁴⁸⁵ Аль-Вазинани, Халаф ибн Даблан. Аль-Ахса фи-ль-карн аль-сани ашар аль-хиджри. С 56; Mandaville J.E. The Ottoman Province of al-Hasa. P. 497-498.

⁴⁸⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд 2008 С. 89; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 132; Тарих аль-Фахири. С. 95-96; Тарих ибн ‘Иса. С. 48.

⁴⁸⁷ Там же.

⁴⁸⁸ Аль-Ка‘аби. Ахдас аль-Басра. С. 43.

⁴⁸⁹ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд. С. 173.

большинство относит его к периоду 1669–1672 гг.⁴⁹⁰ Иными словами, названный центральноаравийскими хронистами 1670 г. в действительности мог относиться не к подчинению хасского оазиса и бегству ‘Умар-паши, а к падению Эль-Катифа. Детали потери османами этого города нам не известны. Мы не знаем, имел ли место штурм, или гарнизоны эвакуировались самостоятельно.

Исследователи также не располагают сведениями о реакции имперского центра на отложение Эль-Хасы. Похоже, потеря контроля над Восточной Аравией не вызвала обеспокоенности в Стамбуле, чему во многом способствовало снижение португальского влияния в зоне Персидского залива и, следовательно, уменьшение заинтересованности османских владык в весьма затратном удержании контроля над Эль-Хасой. Кроме того, установление власти халидидов не противоречило османским интересам. Честолюбивые владельцы нового эмирата, не раз рисковавшие жизнью в попытках отбить Эль-Хуфуф у оккупационных сил, не допускали мысли о переходе Восточной Аравии под контроль каких-либо внешних сил и продолжали выполнять функцию «щита» Османской империи в зоне Персидского залива. Кроме того, клан Ааль Хумайд поддерживал порядок на проходящих через их земли торговых и паломнических путях, что также было на руку Стамбулу.

История складывания в Эль-Хасе независимого эмирата под властью шейхов из рода Ааль Хумайд напрямую связана с заключительным этапом периода османской оккупации Восточной Аравии и выводом большинства султанских войск с ее территории в середине XVII в. Стремительный перехват инициативы Бараком ибн Гурейром наглядно продемонстрировал, что ключевым условием появления здесь самостоятельной политической единицы являлось отсутствие интереса к ней со стороны внешних сил. В случае же вторжения местные политики оставались беспомощны в силу своей архаичности и несовершенной системы управления. Наглядным примером тому служит потеря Восточной Аравии династией аль-Джабур в первой половине XVI в. Возможность существования независимой власти в Эль-Хасе на протяжении ее длительной истории зиждалась

⁴⁹⁰ Там же.

на ее изоляции от остального мира. По данным Дж. Мандевиля, путь курьера из Стамбула в эти земли занимал до двух месяцев⁴⁹¹. Еще в XI в. Насир Хосров, отмечая их удаленность, оставил следующее сообщение: «Оттуда (из Эль-Хуфуфа. – Ф.М.) до Басры сто пятьдесят фарсахов⁴⁹², [поэтому] в Басре никогда не бывало сultана, который решился бы пойти походом на Лахсу (Эль-Хасу – Ф.М.)»⁴⁹³. Именно поэтому возникший в результате ослабления сultанской власти политически вакуум закономерно был заполнен наиболее крупным и консолидированным племенем Восточной Аравии, сохранявшим свое влияние на протяжении более чем сотни лет – вплоть до появления очередной внешней угрозы в лице первого государства Саудидов.

§ 3. Социально-политическая история халидского эмирата в довалхабитский период

Задействованные источники не изобилуют деталями, на основании которых можно выстроить убедительную реконструкцию социально-политического устройства Эль-Хасы. Тем не менее географическое и экономическое сходство вотчины Бану Халид с недждийскими эмиратами позволяет предположить их схожесть и в этой сфере. Это во многом подтверждается историей покорения Эль-Хуфуфа, в свете которой фигура Барака ибн Гурейра приобретает типичные черты центральноаравийского эмира – вождя кочевого племени, захватившего власть в оседлой области и принявшего ее под свое покровительство. Судя по данным большинства хроник, как и в случае с правителями Неджда, Барак ибн Гурейр и его потомки взяли на себя преимущественно военные и полицейские функции. Первые поколения халидских правителей продолжали придерживаться бедуинского образа жизни, появляясь в своих владениях сообразно годовому циклу перекочевок.

⁴⁹¹ Mandaville J.E. The Ottoman Province of al-Hasa. P. 488.

⁴⁹² Фарсах – ближневосточная мера длины, эквивалентная 5 тыс. 549 м.

⁴⁹³ Насир Хосров. Сафар-намэ. С. 179.

Несколько важных штрихов в образ уклада Эль-Хасы в это время привносит в своем роде уникальный источник – «Путешествие Ибн ‘Альвана». Его составитель стал свидетелем положения в Эль-Хуфуфе времен правления халидидов. Согласно его заметкам, жители Эль-Хасы практически поровну делились на две больших группы в соответствии с их религиозной принадлежностью – одна половина хассцев придерживалась шиизма, другая – суннизма. Путешественник уверял, что оба эти сообщества сосуществовали мирно, а религиозные конфликты были редкостью. «Они словно объединены семейными узами и живут без противоречий друг с другом», – писал автор⁴⁹⁴. Оба течения ислама были представлены во власти. Покровителем суннитов Ибн ‘Алван называет эмира Са‘адуна, одного из потомков Барака ибн Гурейра, в то время как интересы второй стороны защищались его шиитским «вазиром»⁴⁹⁵⁴⁹⁶. Автор приводит имя и происхождение этого человека – шейх Наср из числа потомков Марвана ибн аль-Хакама (623–685), имея в виду четвертого халифа из династии Омейядов⁴⁹⁷. Если эта информация верна, это свидетельствует в пользу древнего и знатного происхождения хасских городских элит. В остальном общественный уклад Эль-Хасы реконструируется с опорой на недждийский опыт. Как и в Неджде, отношения эмира с подданными ограничивались сбором установленных податей и выполнением возложенных на него силовых функций. Горожане и феллахи также жили весьма обособленно.

Власть внутри правящей династии передавалось от старшего брата к младшему, и лишь затем переходила к следующему поколению. Следование подобному аналогу лестничного принципа спровоцировало в дальнейшем ряд кровавых междуусобиц, подобных тем, которые наблюдались в истории ‘Уяйны и Эд-Дир‘ии. Ситуация во властной сфере сглаживалась благосостоянием подконтрольных областей – обилие ресурсов, способных обеспечить правящее семейство, значительно снижало напряженность. Так, в задействованных

⁴⁹⁴ Ибн ‘Альван, Муртаза. Путешествие ибн ‘Альвана. С. 1115.

⁴⁹⁵ Вазир – в данном случае имеется ввиду советник при эмире.

⁴⁹⁶ Ибн ‘Альван, Муртаза. Путешествие ибн ‘Альвана. С. 1115.

⁴⁹⁷ Там же.

летописях зафиксировано всего два кризиса, связанных с борьбой за власть за весь доваххабитский период⁴⁹⁸.

Как и большинство эмиров Центральной и Восточной Аравии, владыки из племени Бану Халид принимали минимальное участие в общественной жизни своих владений, концентрируясь на внешнеполитических задачах, которые обладали определенной спецификой. Халидиды практически не совершали целенаправленных грабительских набегов, но довольно часто организовывали карательные экспедиции против агрессивно настроенных кочевых племен и оазисов Южного Неджда. Такая тенденция наметилась еще во времена правления родственного рода Ааль Хумайд клана аль-Джабур. Ибн ‘Иса упоминает по меньшей мере три крупных разорительных похода джабуридского эмира Замиля ибн Джабура (в 1448, 1451, 1462 г.)⁴⁹⁹ и два под руководством его сына Аджвада ибн Замиля (в 1485 и 1487 г.)⁵⁰⁰. В большинстве случаев мотивацией служили «участвовавшиеся набеги бедуинов»⁵⁰¹. Судя по данным хроник, экспедициям джабуридов сопутствовала удача, по крайней мере аравийские историографы удостаивали глав рода аль-Джабур титулом «правитель Неджда»⁵⁰², что может свидетельствовать об установлении ими силового доминирования в этой части Аравийского полуострова.

И в период владычества клана Ааль Джабур, и в XVII–XVIII вв. главной заботой халидидов было обеспечение безопасности подконтрольной им сети караванных маршрутов, которые с XV в. служили им источником постоянных доходов. Основные проблемы были связаны со стратегически важной транспортной артерией, которая соединяла Эль-Хуфуф с Центральной Аравией, Йеменом и Хиджазом, так как она пролегала через Эль-‘Арид и вади Ханифа – самые политически нестабильные территории Аравийского полуострова. По этой причине большинство походов хасские эмиры предпринимали именно в этом

⁴⁹⁸ Тарих аль-Манкур. С. 54; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 117; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 69; Тарих Ибн Раби‘а. С. 39; Тарих аль-Фахири. С. 107; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 138.

⁴⁹⁹ Тарих ибн ‘Иса. С. 33-34, 36.

⁵⁰⁰ Там же. С. 37.

⁵⁰¹ Там же.

⁵⁰² Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд. С. 190.

направлении. Снижение их интенсивности наблюдалось лишь после начала оккупации османами Восточной Аравии.

Ко второй половине XVII в. основной контроль за караванными маршрутами Центральной Аравии сосредоточился в руках Барака ибн Гурейра. На протяжении его правления основной целью хасских военных экспедиций были бедуинские племена, делившие кочевья с обитавшими в Южном Неджде подразделениями Бану Халид. Наиболее заметным из них было крупное племя аз-Зафир, кочевавшее в окрестностях Эль-‘Арида⁵⁰³. В течение своего недолгого правления Барак ибн Гурейр организовал несколько походов в эти земли. Некоторые недждийские историографы сходятся на том, что первый рейд пришелся на 1670 г.⁵⁰⁴ Другие же летописцы приводят иные даты. Ибн Раби‘а считает, что он состоялся годом ранее – в 1669 г.⁵⁰⁵ Ибн ‘Ибад предлагает 1671 г.⁵⁰⁶ Эта дата фигурирует также в хронике Ибн ‘Исы, содержащей краткое описание этого столкновения: «В 1081 г.х. (1671 г. – Ф.М.) Барак ибн Гурейр ибн ‘Усман ибн Мас‘уд аль-Халиди, глава Эль-Хасы и Эль-Катифа, двинулся на Неджд и напал на рода Ааль Набхан и Ааль Кусайр в Садусе»⁵⁰⁷. Любопытным в этой связи выглядит молчание Ахмада аль-Манкура, который до этого тщательно фиксировал происходившие в Центральной Аравии мельчайшие события. Можно предположить, что автор ошибочно принял набег клана Ааль Хумайд за очередной конфликт между племенами аз-Зафир и аль-Фудуль, о котором он оставил запись, относящуюся к 1671 г.⁵⁰⁸ В пользу этого свидетельствует и отсутствие каких-либо сведений об этой стычке в большинстве других источников. Отметим, что Ибн ‘Иса, сверяя информацию, обнаруженную в четырех летописях, обошел это противоречие, зафиксировав оба эти события по отдельности⁵⁰⁹.

⁵⁰³ Окончательно одолеть этого грозного противника клану Ааль Хумайд удалось лишь в середине XVIII в., когда зафиритам пришлось откочевывать в Южный Ирак.

⁵⁰⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 91; Тарих аль-Фахири. С. 96.

⁵⁰⁵ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 131.

⁵⁰⁶ Тарих Ибн Раби‘а. С. 34; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 61.

⁵⁰⁷ Тарих Ибн Иса. С. 71.

⁵⁰⁸ Тарих аль-Манкур. С. 44-45.

⁵⁰⁹ Тарих Ибн Иса. С. 48-49.

Дальнейшая хронология восстанавливается с еще большим трудом. Так, согласно Ибн ‘Исе, 1672 г. ознаменовался крупной смутой в племени Бану Халид, жертвой которой пал некий Мухаммад ибн Мухсин ибн ‘Усман ибн Мас‘уд ибн Раби‘а Ааль Хумайд, являвшийся, судя по наследству, племянником Барака ибн Гурейра⁵¹⁰. Это не согласуется с информацией большинства хронистов, которые датируют эту междоусобицу 1677 г. Более того, как показывает опыт изучения схожих конфликтов, их началом, как правило, служили либо кризис наследования, либо тяжелое экономическое положение в эмиратах, чего в 1671 г. в Эль-Хасе не наблюдалось. Таким образом, сообщение Ибн ‘Исы надлежит с достаточной долей вероятности расценивать как ошибку. По этой же причине вызывает сомнение датировка Ибн ‘Ибада, зафиксировавшего гибель Мухаммада ибн Мухсина в 1665 г.⁵¹¹

Большинство летописцев фиксируют, что в 1675 г. Барак Ибн Гурейр вновь совершил набег на зафиритов и сумел взять в плен их лидера по имени Салама ибн Сувейт⁵¹². В пользу достоверности этого события и его датировки свидетельствует страшная засуха, произошедшая в том же году и вынудившая многих недждийских бедуинов откочевывать на восток – на земли халидидов⁵¹³. Через два года Центральную Аравию постигли чума и нашествие саранчи, которые еще больше обострили политическую ситуацию⁵¹⁴. Участившиеся набеги рода Ааль ‘Асаф, одной из ветвей подразделения аль-Кусайр, подтолкнули эмира Эль-Хасы к организации очередной карательной экспедиции, настигшей неприятеля в окрестностях Эд-Дир‘ии, в местности аз-Заляль⁵¹⁵. Записи об этом походе отсутствуют в хрониках аль-Манкура и Ибн ‘Исы. Некоторые отличия

⁵¹⁰ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 61; Тарих Ибн ‘Иса. С. 49.

⁵¹¹ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 61.

⁵¹² Тарих Ибн Ла‘абун. С. 131; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 95. Тарих аль-Фахири. С. 97; Тарих Ибн ‘Иса. С. 50.

⁵¹³ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 62; *Аль-Манкур*. Тарих. С. 45; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 133; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 95; Тарих Ибн Раби‘а С. 36; Тарих аль-Фахири. С. 97.

⁵¹⁴ Там же. С. 98; Тарих Ибн Раби‘а С. 36; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 95-96; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 134; Тарих ибн ‘Иса. С. 50.

⁵¹⁵ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 134; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 61; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 97.

обнаруживаются и в труде Ибн Раби‘а, в котором набег на род Ааль ‘Асаф имел место в 1678 г.⁵¹⁶

Следующие пять лет стали периодом затишья, но затем Эль-Хасу потрясла смерть Барака ибн Гурейра, датируемая 1682 г.⁵¹⁷ всеми летописцами за исключением Ибн ‘Ибада, который называет 1683 г.⁵¹⁸ В целом в период владычества первого эмира Эль-Хасы из рода Ааль Хумайд наблюдалось активное возвращение племени Бану Халид на неджийскую политическую арену, что обусловливалось стремлением правящей династии восстановить некогда устойчивый контроль над транспортными артериями Центральной Аравии. Однако успехи первого хасского правителя были невелики – география его набегов была ограничена, а их целью, как правило, было временное усмирение волнений средиnomadov.

Корректировка внешнеполитического вектора произошла в период властования Мухаммада ибн Гурейра (ум. в 1692 г.), брата Барака⁵¹⁹. При нем халидиды, утвердив свое влияние в кочевьях, начали искать опорные точки в оседлых областях, через которые пролегал торговый маршрут из Эль-Хуфуфа в ‘Уяйну, а также наносить удары по наиболее враждебно настроенным местным эмирятам. Первая военная экспедиция под началом нового властителя состоялась сразу после провозглашения его эмиром в 1692 г. и коснулась оазисов Эль-Йамамы в Южном Недже⁵²⁰. Иные датировки этого рейда присутствуют лишь в трудах Ибн ‘Ибада (1684 г.) и аль-Манкура (1683 г.)⁵²¹. Спустя семь лет, в 1689 г. Мухаммад ибн Гурейр совершил еще один поход – на этот раз против городка Судайр в области Эль-Хардж, контролируемого родом Ааль Гази⁵²². По информации аль-

⁵¹⁶ Тарих Ибн Раби‘а С. 36.

⁵¹⁷ Тарих аль-Фахири. С. 99; Тарих Ибн Раби‘а С. 37; Тарих аль-Манкур. С. 48; Тарих Ибн Ла‘абун. 134; *Ибн Биир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 100; Тарих Ибн ‘Иса. С. 50.

⁵¹⁸ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 64.

⁵¹⁹ Тарих аль-Манкур. С. 48; Тарих Ибн Раби‘а С. 36-37; *Ибн Биир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 100; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 134; Тарих аль-Фахири. С. 99-100.

⁵²⁰ Тарих Ибн Раби‘а. С. 36-37; *Ибн Биир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 100; Тарих Ибн Ла‘абун. Там же; Тарих аль-Фахири. С. 99-100.

⁵²¹ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 64; Тарих аль-Манкур. С. 48.

⁵²² *Ибн Биир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 115; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 138.

Манкура, набег отличался жестокостью, окрестности были разграблены, а пальмовые рощи вырублены⁵²³.

При Мухаммаде ибн Гурейре продолжилось упорное противостояние халидидов с окрестными номадами. В частности, в отдельных летописях обнаруживаются сведения о разгроме в 1685 г. хасских войск под командованием племянника правящего эмира Суньяна ибн Барака ибн Гурейра в битве с зафиритами⁵²⁴. Добавим, что не все летописцы зафиксировали этот факт. Вероятно, их внимание было отвлечено состоявшейся в тот же год экспедицией мекканских шерифов в область Эль-Касым⁵²⁵. Спустя еще два года Мухаммад ибн Гурейр нанес тяжелое поражение кочевникам из племенных подразделений аль-Мугира и ‘Аиз⁵²⁶. Любопытным представляется отсутствие этого эпизода в сочинении Ибн ‘Исы. Вместо него автор приводит рассказ о датируемом тем же годом разграблении номадами каравана хаджа, следовавшего из Ирака⁵²⁷. Возможно, именно это событие послужило причиной рейда халидидов. Согласно труду Ибн Бишра, в ходе завязавшейся схватки был убит шейх племенного подразделения аль-Мугира по имени Мухаммад аль-Хияри. Летом 1685 г. со стороны Эль-Хасы последовали новые удары, навсегда лишившие бедуинов из племенных подразделений аль-Мугира и ‘Аиз былого могущества. Жертвой новой военной экспедиции стал род Ааль ‘Усман, обитавший в Эль-Хардже⁵²⁸.

Правление Мухаммада ибн Гурейра характеризовалось заметным ростом влияния Эль-Хасы в Южном Неджде. Впервые целью его набегов стали не только кочевые племена, но и оседлые области, хотя их размах по-прежнему оставался сравнительно небольшим. Смерть эмира в 1692 г. положила начало одной из наиболее кровавых междуусобиц в клане Ааль Хумайд. Как и в случае со многими конфликтами в центральноаравийских эмиратах, его причиной стал спор о

⁵²³ Тарих аль-Манкур. С. 53.

⁵²⁴ Тарих Ибн Раби‘а С. 37; Тарих аль-Фахири. С. 101; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 134.

⁵²⁵ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 106-107; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 135.

⁵²⁶ Тарих Ибн Раби‘а. С. 38; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 67; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 108; Тарих аль-Фахири. С. 103; Тарих аль-Манкур. С. 52; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 135.

⁵²⁷ Тарих ибн ‘Иса. С. 55.

⁵²⁸ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 110; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 38; Тарих аль-Фахири. С. 134; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 137.

наследовании. По установленной традиции, власть должна была перейти в руки упоминавшегося ранее племянника Мухаммада Суньяна ибн Барака, но тот был убит⁵²⁹. Некоторые хронисты также привязывают к этим событиям гибель некоторых Хасана ибн Джамала, Ибн ‘Абдана и Сархана. Однозначно идентифицировать этих трех персонажей не представляется возможным, но можно предположить, что они были членами семейства Суньяна.

Победителем из схватки вышел сын Мухаммада ибн Гурейра – Са‘адун (ум. в 1723 г.), под властью которого эмират Бану Халид стал одним из наиболее могущественных политических игроков Аравии. Отдельные летописцы утверждают, что свой первый набег он совершил уже в год восшествия на престол, разгромив кочевое племя За‘аб⁵³⁰. После этого триумфа в его деятельности наступила передышка в 8-9 лет. К этому периоду в хрониках относятся лишь два упоминания Эль-Хасы. Первое, датируемое в труде аль-Фахири 1694 годом, связано с неудачной попыткой родственника Са‘адуна по имени Наджм ибн ‘Убайдаллах организовать рейд против рода Ааль Кусайр⁵³¹. Второе сообщение, зафиксированное в хронике Ибн ‘Ибада, повествует о панике среди жителей Восточной Аравии, посейнной вторжением мекканского шерифа в 1698 г.⁵³²

В 1700 г. Са‘адун Ааль Гурейр вновь активизировался и в сопровождении бедуинского ополчения из племени аль-Фудуль и нескольких хиджазских родов вторгся в кочевья племени аз-Зафир, расположенные в районе Нафуд ас-Сирра к западу от горного массива Джебель Тувайк⁵³³. На этот раз правителя Эль-Хасы постигла неудача, и вождь зафиритов по имени Ибн Сувейт «сумел одолеть войска Са‘адуна»⁵³⁴. Однако после смерти победителя в следующем году последовал новый набег халидидов, на этот раз успешный⁵³⁵. Среди событий 1700 г. летописцы

⁵²⁹ Тарих аль-Манкур. С. 54; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 117; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 69; Тарих Ибн Раби‘а. С. 39; Тарих аль-Фахири. С. 107; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 138; Тарих Ибн ‘Иса. С. 55.

⁵³⁰ Тарих Ибн Рабиа. С. 39; Тарих аль-Фахири. С. 108; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 138.

⁵³¹ Тарих аль-Фахири. С. 108.

⁵³² Тарих Ибн ‘Ибад. С. 71.

⁵³³ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 129; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 69; Тарих Ибн Раби‘а. С. 40; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 142; Тарих аль-Фахири. С. 112; Тарих Ибн ‘Иса. С. 59.

⁵³⁴ Тарих аль-Манкур. С. 59.

⁵³⁵ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 130; Тарих аль-Манкур. С. 59; Тарих Ибн Раби‘а. С. 40.

упоминают, хотя и без деталей, очередной конфликт с племенем За‘аб⁵³⁶. Наконец, в 1710 г. хассцы вновь появились в землях племени аз-Зафир. Этот эпизод схожим образом отражен в большинстве источников, разнится лишь локализация битвы. В трудах Ибн Бишра и Ибн Ла‘абуна называется местечко аль-Худжра в вади Ханифа⁵³⁷. В остальных случаях речь идет о местности ан-Нафи, которая располагалась в Эль-Касыме⁵³⁸.

Отдельного внимания заслуживают успехи Са‘адуна ибн Гурейра в оседлых областях. На заре XVIII в. положение халидидов в Эль-‘Ариде стабилизировалось настолько, что они смогли начать продвижение в северные области Южного Неджда. В 1706 г. родственник эмира Наджм ибн ‘Убайдаллах осадил городок Садик, расположенный вблизи Судайра и Хураймалы⁵³⁹. Спустя год поход повторился и, по словам Ибн Бишра, нападавшим удалось убить одного из представителей местной знати ‘Абдаллаха ибн ‘Абд ар-Рахмана ибн ‘Исмаила⁵⁴⁰. Ряд летописей сообщают, что в то же время Са‘адун сумел проникнуть в Джебель-Шаммар и разграбить местное селение Эр-Рак⁵⁴¹. К этому периоду также относится начало описанного в первой главе противостояния халидидского клана Ааль Джаннах с ‘Унайзой.

Са‘адун ибн Гурейр стал первым эмиром Эль-Хасы, начавшим выстраивать дипломатические отношения с отдельными аравийскими городскими центрами. Так, в 1714 г. впервые союзником Бану Халид выступила ‘Уяйна. Вместе с ее правителем ‘Абдаллахом ибн Му‘аммаром Са‘адун совершил ряд карательных рейдов вглубь Эль-‘Арида и Эль-Харджа⁵⁴². Их совместная кампания отличалась особой жестокостью. По словам Ибн Бишра, нападавшие «убивали местных жителей и разрушали их жилища»⁵⁴³. Мотивы заключения союза между этими

⁵³⁶ Тарих Ибн Раби‘а. С. 41; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 72.

⁵³⁷ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 139; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 145.

⁵³⁸ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 72; Тарих Ибн Раби‘а. С. 42; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 145; Тарих аль-Манкур. С. 63.

⁵³⁹ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 74; Тарих Ибн Раби‘а. С. 41; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 132; Тарих аль-Фахири. С. 115.

⁵⁴⁰ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 137.

⁵⁴¹ Тарих Ибн Раби‘а. С. 41; Тарих аль-Фахири. С. 116; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 144.

⁵⁴² Тарих Ибн ‘Ибад. С. 72; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 144; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 126; Тарих аль-Фахири. С. 119; Тарих Ибн ‘Иса. С. 62.

⁵⁴³ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 126.

эмиратами понятны: главным из них являлась консолидация сил для поддержания порядка на южнонедждийской ветви трансаравийских торговых путей и установления контроля над северо-западным караванным маршрутом, пролегавшим через Эль-Вашм, Судайр, Эль-Касым и Джебель-Шаммар. Однако остаются неясными причины, по которым ‘Уяйна не подверглась полному подчинению как ‘Унайза. Вполне возможно, что постоянные конфликты с мелкими эмиратами Эль-‘Арида влекли за собой слишком много издержек, которые Са‘адун решил переложить на плечи ‘Абдаллаха. Правитель ‘Уяйны также был заинтересован в этом партнерстве, поскольку оно давало неоспоримые преимущества в неспокойной политической обстановке. Вывод об использовании вотчины клана Ааль Му‘аммар в качестве буфера между Эль-Хасой и враждебными политическими силами Южного Неджда поддерживается саудовским исследователем ‘Абд аль-Каримом аль-Вахби⁵⁴⁴.

Последующие пять лет характеризуются в летописях как временная передышка, которая нарушается лишь единичным сообщением аль-Фахири о нападении Са‘адуна на зафиритов и неназванные хиджазские племена в 1715 г. Однако в 1720 г. между эмиром Эль-Хасы и недждийскими кочевниками разгорелся очередной конфликт. На этот раз поход хасского владыки был нацелен на бедуинов из клана Мутайр⁵⁴⁵. Это столкновение предварило самую дальнюю из известных экспедиций халидидов. Уже в 1721 г. их войска вторглись в северные пределы Центральной Аравии и совершили серию набегов на племя Шаммар, обитавшее в окрестностях города Хаиль⁵⁴⁶. Согласно Ибн ‘Ибаду, в том же году произошло еще одно заслуживающее внимания событие – разорение племенем Бану Халид Эд-Дир‘ийи⁵⁴⁷. Это же сообщение приводит Ибн Бишр, но относит его к 1722 г.⁵⁴⁸ Хотя этот набег едва ли выделяется на фоне других аналогичных рейдов, его можно символически принять в качестве отправной точки противостояния хасского и дир‘ийского эмирата.

⁵⁴⁴ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатихим би Наджд. С. 224.

⁵⁴⁵ Тарих Ибн Раби‘а. С. 43; Тарих аль-Фахири. С. 121; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 149.

⁵⁴⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 146; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 149 Тарих Ибн Раби‘а. С. 43.

⁵⁴⁷ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 73.

⁵⁴⁸ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 147.

Стремительный взлет Эль-Хасы был прерван уходом из жизни Са‘адуна ибн Мухаммада Ааль Гурейра в 1723 г. Смерть настигла эмира в восточноаравийской местности, именуемой аль-Джандалия⁵⁴⁹. Период его властования по праву считается временем зенита халидидского могущества. Племена и оазисы Эль-‘Арида и Эль-Харджа оказались надолго усмирены, а союз с ‘Абдаллахом ибн Му‘аммаром позволил установить жесткий контроль над караванным путем между Эль-Хасой и ‘Уайной. Умиротворение Южного Неджда дало халидидам возможность начать подчинение других транспортных артерий. В сжатые сроки они поставили под прямое управление ‘Унайзу – главный торговый центр восточной части Аравийского полуострова. В то же время хасские войска стали регулярно наведываться в Центральный и Северный Неджд. Продолжая продвижение в этом направлении, род Ааль Хумайд вполне мог полностью подмять под себя всю трансаравийскую торговлю. Однако после смерти Са‘адуна Эль-Хаса вступила в период упадка.

В 1723 г. место покойного эмира занял его брат ‘Али ибн Мухаммад ибн Гурейр⁵⁵⁰. Его приход к власти дал начало очередному витку традиционного для архаичных политий Южного Неджда конфликта относительно наследования. Младшее поколение рода Ааль Хумайд, представленное сыновьями Са‘адуна – Даджином и Мани‘а и поддержанное знатными выходцами из их племени, попыталось оспорить право их дяди на лидерство в Эль-Хасе⁵⁵¹. Один из сыновей Са‘адуна по имени Сулейман, наоборот, выступил в поддержку ‘Али, и в итоге его братья потерпели поражение.

Тогдашнее положение Восточной Аравии значительно осложнилось катастрофической засухой и недородом, по информации Ибн Бишра, поразившими все земли, «лежащие между Сирией и Йеменом»⁵⁵². Внутренние области Аравийского полуострова практически обезлюдили. Толпы бедуинов и феллахов,

⁵⁴⁹ Там же. С. 150; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 149; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 78; Тарих Ибн Раби‘а. С. 43; Тарих аль-Фахири. С. 122; Тарих Ибн ‘Иса. С. 63-64.

⁵⁵⁰ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 147; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 149; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 78; Тарих Ибн Раби‘а. С. 43; Тарих аль-Фахири. С. 122; Тарих Ибн ‘Иса. С. 63-64.

⁵⁵¹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 147; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 149.

⁵⁵² Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 151.

как свидетельствует аль-Фахири, «хлынули в Эль-Хасу, предместья Басры и Ирак»⁵⁵³. В некоторых оазисах осталось всего 4-5 жителей⁵⁵⁴. Пострадали и кочевые подразделения халидидов⁵⁵⁵. Столь непростая обстановка подорвала могущество ‘Али ибн Мухаммада, и вскоре его племянник Даджин вновь попытался захватить власть, осадив Эль-Хуфуф⁵⁵⁶, но успеха не добился. Природные бедствия и внутренний кризис свели на нет экспансионистские замыслы рода Ааль Хумайд. Со смертью Са‘адуна распался некогда продуктивный альянс халидидов с ‘Уайной, а вскоре массовый голод вынудил ‘Абдаллаха ибн Му‘аммара начать пополнять свои запасы за счет грабительских набегов на владения бывших союзников⁵⁵⁷. Окончательную точку в разрушении выстроенных эмиром Са‘адуном договоренностей поставила эпидемия чумы, унесшая в 1726 г. жизнь самого хозяина ‘Уайны⁵⁵⁸.

Скатывание Эль-Хасы в кризисное состояние провоцировало новые мятежи со стороны племянников ‘Али ибн Мухаммада. В 1727 г., заручившись поддержкой зафиритов и кочевавшего на границе с Южным Ираком племени Мунтафик, Даджин во второй раз осадил Эль-Хуфуф⁵⁵⁹. Лишь подоспевшие вовремя подкрепления спасли эмира от расправы со стороны нападавших, которые к тому моменту уже начали разорение окрестных деревень⁵⁶⁰.

В последующие годы ‘Али ибн Мухаммад таинственным образом исчезает со страниц недждийских хроник. Ибн Бишр, аль-Фахири и Ибн ‘Иса, повествуя о дальнейших событиях, лишь называют имя нового правителя, а Ибн Раби‘а и Ибн ‘Ибад указывают на то, что ‘Али ибн Мухаммад был убит в 1730 г.⁵⁶¹ Вероятно, тоже событие фиксируется и Ибн Ла‘абуном, однако на страницах его труда погибший называется «Мухаммадом ‘Али ибн Мухаммадом ибн Гурейром»⁵⁶², что,

⁵⁵³ Тарих аль-Фахири. С. 123.

⁵⁵⁴ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 150.

⁵⁵⁵ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 152; Тарих аль-Фахири. С. 123.

⁵⁵⁶ Тарих Ибн Раби‘а. С. 43; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 151.

⁵⁵⁷ Тарих Ибн ‘Ибад. С. 78; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 151.

⁵⁵⁸ Тарих Ибн Раби‘а. С. 44; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 152; Тарих аль-Фахири. С. 124.

⁵⁵⁹ Тарих Ибн Раби‘а. С. 45; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 82.

⁵⁶⁰ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 158.

⁵⁶¹ Тарих Ибн Раби‘а. С. 45; Тарих Ибн ‘Ибад. С. 84.

⁵⁶² Тарих Ибн Ла‘абун. С. 154.

скорее всего, является опиской. Новым эмиром Эль-Хасы стал брат покойного ‘Али ибн Мухаммада – Сулейман ибн Мухаммад. Тяжелый кризис, постигший эмирят Бану Халид под властью двух последних лидеров, значительно снизил его влияние. В период после смерти Са‘адуна ибн Мухаммада хронистами не был зафиксирован ни один крупных поход халидидов за пределы Восточной Аравии. Установленный Са‘адуном контроль над трансаравийскими торговыми путями ослаб, и следовавшие по ним караваны вновь стали подвергаться хищническим разграблениям⁵⁶³.

Доваххабитская история вотчины Бану Халид свидетельствует о схожести царивших в ней порядков с укладом большинства эмирятов Центральной Аравии XVII–XVIII вв. Общие черты обнаружаются как в социальной структуре, так и в основных векторах политической деятельности его правителей. Халидидские эмиры, как и их недждийские собратья, с головой погрязли в беспрерывные набеги на соседние земли. При этом их целью был отнюдь не только грабеж, но и установление прямого контроля над основными ветвями караванных маршрутов, пересекавших Аравию с запада на восток. Постепенно хасские владыки усилили свое влияние в Неджде, одержав верх над местными кочевыми племенами и подчинив основные городские центры в этой части Аравийского полуострова – ‘Унайзу и ‘Уяйну.

Эль-Хаса под властью племени Бану Халид ничем не отличалась от ‘Уяйны или Эд-Дир‘ии, представлявших собой архаичные протогосударственные образования, отчасти напоминающие «номовые государства», описанные И.М. Дьяконовым и В.А. Якобсоном⁵⁶⁴. Примечательны лишь размер и богатство вотчины рода Ааль Хумайд, обусловленные исключительно ее выгодным географическим положением. Установление в Эль-Хасе их власти также стало возможным лишь благодаря политическому вакууму, образовавшемуся вследствие

⁵⁶³ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 2008. С. 150; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 152.

⁵⁶⁴ Дьяконов И.М., Якобсон В.А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империя». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. №2 С. 3-21; Дьяконов И.М. Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Восточная литература, 1994. С. 29-36; История древнего мира. Под ред. И.М. Дьяконова, И.С. Свеницкой. Т. 1. М.: Наука, 1989. С. 35-53.

отступления из Восточной Аравии Османской империи и отсутствия иных держав, заинтересованных в удержании контроля над этими землями.

На протяжении всего исследуемого отрезка времени хасское общество отличалось отсутствием консолидации, а также законодательно оформленной связи между прослойкой знати и простонародьем. Эта особенность не позволяла сформироваться эффективной социально-политической системе, которая бы обеспечила эмирату устойчивость в кризисные периоды. Стихийные бедствия или усобицы в правящих кругах зачастую оборачивались для Эль-Хасы тяжелыми потрясениями, нивелирующими большинство достижений мирного времени. Еще одной болевой точкой стала архаичная модель передачи власти, зиждущаяся на принципах сеньората. Анализ конфликтов, вспыхивавших в правящем семействе с завидной регулярностью, подтверждает то, что во всех случаях их отправной точкой служила вражда между разными поколениями наследников. При этом в течение почти векового правления рода Ааль Хумайд в Восточной Аравии так и не нашлось силы, которая бы инициировала позитивные изменения в этой сфере. По этой причине владычество потомков Барака ибн Гурейра завершилось катастрофическим снижением влияния их эмирата в Центральной Аравии, что создало необходимые условия для зарождения и восхождения к вершинам власти ваххабитского движения и первого государства Саудидов.

ГЛАВА III. ЗАРОЖДЕНИЕ И ЭВОЛЮЦИЯ УЧЕНИЯ МУХАММАДА ИБН ‘АБД АЛЬ-ВАХХАБА

§ 1. ИСЛАМ В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ НЕДЖДА И СОПРЕДЕЛЬНЫХ ТЕРРИТОРИЙ В XVII–XVIII вв.

Тесная связь между складыванием основ саудидской государственности и развитием ваххабитского движения неизбежно делает рассмотрение истории учения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба одной из ключевых задач данного исследования. В этой связи необходимо охарактеризовать особенности духовной жизни не только Неджда, но и прилегающих к нему областей – Ирака, Хиджаза, Йемена и Эль-Хасы.

Религиозная жизнь большинства областей, «опоясывающих» Неджд, в значительной степени определялась общей атмосферой, сложившейся в Османской империи в XVII – начале XVIII в. Особняком в их ряду стоит лишь Эль-Хаса, которая в силу географического положения и конфессиональной специфики больше тяготела к Сефевидскому Ирану, что издавна беспокоило стамбульские власти⁵⁶⁵. Официальным направлением ислама в султанских владениях был суннизм ханафитского толка, который А.М. Васильев называет «самым гибким»⁵⁶⁶ из четырех *мазхабов*⁵⁶⁷. Остальные богословско-правовые школы также сохраняли свой статус и пользовались широкой популярностью в отдельных областях арабского мира. В некоторых регионах они становились доминирующими толками, наглядными примерами чему служат преимущественно маликитский Магриб и оазисы Центральной Аравии, население которых отдавало предпочтение консервативному ханбализму. То же самое касалось и шиизма, занимавшего прочные позиции в Ираке, Эль-Хасе, Омане (ибадизм) и Йемене (зейдизм). Согласно сведениям, приведенным штабс-капитаном Абдулазизом Давлетшиным в его «Отчете о командировке в Хиджаз», “зеиди”, т.е. зейдиты и “исмаили”, т.е.

⁵⁶⁵ Mandaville J.E. The Ottoman Province of al-Hasa. P. 499. Сведения об этой грани истории Восточной Аравии малочисленны и обрывочны, поэтому этот аспект в работе опущен.

⁵⁶⁶ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 41.

⁵⁶⁷ Здесь *мазхаб* – богословско-правовая школа в суннитском исламе.

исмаилиты также часто встречались среди кочевников Восточного Хиджаза⁵⁶⁸.

Важной частью духовной жизни Османской империи являлся суфизм (*тасаввух*), различные вариации которого переживали расцвет во времена османского владычества на Арабском Востоке. Это мистико-аскетическое течение значительно разнообразило религиозный ландшафт исламского мира, в том числе Аравии и соседствующих с ней территорий. Именно с ним связано появление широкой палитры ритуалов, традиций и практик, отчетливо выделявшихся на фоне традиционного ислама. Некоторые из них были столь экзотичны, что их поборники часто назывались отступниками даже в целом лояльно относящимися к суфизму богословами. Примером этому служит пассаж из летописи ‘Абд ар-Рахмана аль-Джабарти, в котором египетский хронист прямо называет «еретиками» неких «дервишей⁵⁶⁹ – последователей аль-Афиши»⁵⁷⁰. Другие же adeptы тасаввуха были столь удачно вплетены в ткань нормативного ислама, что почитались его неотторжимой частью даже образованными людьми. Весьма ярко эта особенность прослеживается в антивахабитской полемике иракского летописца ‘Усмана ибн Санада, оправдывавшего многие суфийские «нововведения».

Одной из наиболее заметных традиций, развившихся на волне распространения суфизма, стал глубоко укоренившийся в арабо-мусульманском мире культ «святых» (аулия). В рамках данного исследования он представляет особый интерес, будучи главным объектом критики в трудах апологетов «очищения ислама», которые однозначно причисляли связанные с ним обычай к *биду*⁵⁷¹. В равной степени было распространено почитание как живых праведников, так и почивших. Последние чаще всего были представлены героями раннего ислама, выдающимися религиозными деятелями и наиболее авторитетными суфийскими шейхами. На их захоронениях нередко возводились архитектурные комплексы, притягивавшие вереницы паломников.

Перечень священных погребений, располагавшихся в соседствующих с

⁵⁶⁸ [Давлетшин А.]. Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз. С. 12.

⁵⁶⁹ Дервиш в широком смысле обозначает члена суфийского братства, аскета, приверженца суфизма.

⁵⁷⁰ Аль-Джабарти, ‘Абд ар-Рахман. Египет в период экспедиции Бонапарта. Пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильшинского. М.: Наука, 1962. С. 134.

⁵⁷¹ *Бид* ‘а (мн.ч. *биду*) – новшество религиозно-догматического характера в исламе.

Недждом областях, приводится в трудах ваххабитских богословов и историков, считавших их популярность среди мусульман признаком упадка религии⁵⁷². Так, в полемической переписке Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба постоянно фигурируют такие египетские и иракские святыни как мавзолеи ‘Абд аль-Кадира аль-Гилани (1078–1166)⁵⁷³, Ахмада аль-Бадави (ум. в 1276 г.)⁵⁷⁴, ‘Ади ибн Мусафира (ум. в 1162 г.)⁵⁷⁵ и Али ибн Абу Талиба (599–661)⁵⁷⁶. Аналогичные сведения приводятся в труде главного историка эпохи раннего ваххабизма Хусейна ибн Ганнама, дополнившего этот список могилами основателя ханафитского мазхаба Абу Ханифы (699–767), Хасана аль-Басри (642–728)⁵⁷⁷ и аз-Зубайра ибн аль-‘Аввама (594–656)⁵⁷⁸. В этом же источнике перечисляется ряд сакральных объектов Йемена. В частности, его автор повествует о культах, связанных с гробницами зейдитского имама Яхьи аль-Хади (897–911), суфийских поэтов ‘Абд ар-Рахима аль-Бура‘и (1368–1427) и Ахмада ибн ‘Алвана (ум. в 1715 г.), погребенных в селениях Бура‘а и Хиджрия, а также о мавзолее некого «шейха Сиддика»⁵⁷⁹, возведенного в порте Ходейда, и ряде схожих сооружений в Хадрамауте⁵⁸⁰. Отдельного описания в труде Хусейна ибн Ганнама удостаиваются такие почитаемые локации в святых землях ислама как захоронения Абу Талиба (539–619)⁵⁸¹, Ибн ‘Аббаса⁵⁸², Хамзы⁵⁸³, «могила Евы», за сооружение которой, по словам летописца, ответственны «шайтаны, воздвигшие ее в глубокой древности»⁵⁸⁴, и, наконец, мединская мечеть, в которое упокоен пророк Мухаммад⁵⁸⁵.

Значительно меньше известно о культовых местах Эль-Хасы. В хронике Ибн

⁵⁷² *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 1. С. 186.

⁵⁷³ ‘Абд аль-Кадир аль-Гилани – знаменитый проповедник и богослов, основатель суфийского братства кадирийя.

⁵⁷⁴ Ахмад ибн Али аль-Бадави – основатель суфийского братства бадавия.

⁵⁷⁵ ‘Ади ибн Мусафир – видный деятель суфизма и езидизма.

⁵⁷⁶ Али ибн Абу Талиб – сподвижник, двоюродный брат и зять пророка Мухаммада, четвертый «праведный халиф» и первый шиитский имам. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Муаллафат. Т. 7. С. 151.

⁵⁷⁷ Хасан аль-Басри – выдающийся исламский богослов и хадисовед.

⁵⁷⁸ Аз-Зубайр ибн аль-‘Аввам – двоюродный брат пророка Мухаммада и один из его сподвижников. *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 1. С. 186–188.

⁵⁷⁹ Там же. С. 182–184.

⁵⁸⁰ Там же.

⁵⁸¹ Абу Талиб ибн ‘Абд аль-Мутталиб – дядя пророка Мухаммада и отец имама Али.

⁵⁸² ‘Абдаллах ибн ‘Аббас (ум. в 687 г.) – исламский богослов, толкователь Корана, сподвижник и двоюродный брат пророка Мухаммада.

⁵⁸³ Хамза ибн ‘Абд аль-Мутталиб (ум. в 625 г.) – дядя пророка Мухаммада, один из его ближайших сподвижников.

⁵⁸⁴ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 1. С. 179.

⁵⁸⁵ Там же.

Ганнама сказано, что большинство из них было связано с «рафидитской»⁵⁸⁶ ересью»⁵⁸⁷, т.е. они почитались преимущественно шиитами⁵⁸⁸. Мало что сообщают о них другие ваххабитские хронисты. Так, Ибн Бишр лишь бегло упоминает святыни Восточной Аравии в повествовании об их разрушении во время походов Саудидов⁵⁸⁹. Крупица сведений о них обнаруживается в «Книге путешествий» Насира Хосрова, который, описывая Эль-Хуфуф, сделал следующее замечание: «Если спросишь жителей этого города, какой они секты, они отвечают: “Мы Бу-Сайдиты” (имеются ввиду карматы. – Ф.М.) <...> Абу-Сайд⁵⁹⁰ сказал им, что снова возвратится к ним, то есть после смерти. Могила его – посреди города Лахсы и вокруг нее выстроен красивый *мешхед*⁵⁹¹»⁵⁹². Вполне возможно, что это сооружение сохранилось вплоть до XVIII в. и было одним из важнейших сакральных объектов Эль-Хасы. Кроме того, эти сведения косвенно указывают на то, что немалая часть почитаемых могил могла принадлежать видным деятелям движения карматов.

Едва ли будет преувеличением сказать, что духовная жизнь на прилегающих к Центральной Аравии территориях имела схожие характеристики, хотя религиозный ландшафт в каждой отдельной области обладал своими особенностями. Совсем по-иному дела обстояли в самом Неджде.

Анализ религиозной ситуации в Центральной Аравии следует предварить замечанием об исключительной скучости и ограниченности доступных исследователям источникам. Большая их часть касается преимущественно Южного Неджда, в то время как положение на остальных территориях упоминается лишь вскользь. Более того, отдельные реплики историков и богословов того времени, подобные оговорке Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба о том, что в Эль-Касыме нет «куполов»⁵⁹³, т.е. гробниц святых, наводит на мысль об определенном

⁵⁸⁶ Рафидиты – одно из распространенных прозвищ шиитов, данное им суннитами.

⁵⁸⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.1. С. 188.

⁵⁸⁸ Подробнее о распространении шиизма в Восточной Аравии см.: Бодянский В.Л. Восточная Аравия. С. 147-148.

⁵⁸⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 178.

⁵⁹⁰ Абу Са’ид Хасан ибн Бахрам аль-Джаннаби (ум. в 913 г.) – основатель и первый правитель карматского государства.

⁵⁹¹ *Мешхед* (араб. *машхад*) – мавзолей, усыпальница.

⁵⁹² Насир Хосров. Сафар-намэ. С. 180.

⁵⁹³ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 322-323.

разнообразии религиозной жизни Внутренней Аравии. Тем не менее в данной работе, согласно устоявшейся среди исследователей традиции, будет сделано допущение о применимости выводов, касающихся Южного Неджда, в отношении Центральной Аравии в целом.

Как ни странно, недждийские просторы вплоть до широкого распространения ваххабизма оставались одним из наименее исламизированных уголков арабского мира⁵⁹⁴. Религия пророка Мухаммада в этих землях переживала глубокий упадок, причем это следует понимать в буквальном смысле, а не в ваххабитских категориях, подразумевающих, что любые практики, не одобренные Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом, автоматически переходили в разряд языческих. Нормативный ислам сохранялся лишь в немногочисленных городах. Составитель многотомного сборника «‘Алимы Неджда последних восьми веков» ‘Абдаллах Ааль Бассам, член знаменитой богословской династии, и вовсе обозначает всего три недждийских интеллектуальных центра – Ушайкар, ‘Уяйну и ‘Унайзу – родовое гнездо клана Ааль Бассам, корни которого, впрочем, также обнаруживаются в Ушайкаре⁵⁹⁵. При этом превращение ‘Уяйны в оплот исламского богословия по времени совпало с упадком Ушайкара и отъездом из него ряда ‘алимских кланов. Таким образом, по самым оптимистичным оценкам (если допустить, что исламскими интеллектуальными центрами были также Хаиль и Эль-Хардж), количество мест в Неджде, где теплилась интеллектуальная религиозная жизнь, едва ли достигало пяти⁵⁹⁶. При этом их подлинное влияние было мизерным. Так, по данным ‘Абдаллаха Ааль Бассама, максимальное количество единовременно пребывающих в Ушайкаре мусульманских ученых не превышало 40 человек, а в ‘Уяйне – 80⁵⁹⁷. Большинство местных ‘алимов получало на родине лишь базовое образование. После изучения основ религии молодые люди уезжали за пределы Центральной Аравии. ‘Абдаллах Ааль Бассам писал о том, что

⁵⁹⁴ Bayly R.W. Saudi Arabia in the Nineteenth Century. L.: Macmillan, 1965. P. 12–15.

⁵⁹⁵ Ааль Бассам, ‘Абдаллах. ‘Улама ан-Наджд. Т. 1. С. 15.

⁵⁹⁶ Саудовский исследователь ‘Абдаллах ас-Салих аль-‘Усаймин дополняет этот перечень городком Эр-Рияд, однако называет лишь одного сравнительно заметного ученого, обитавшего там. См.: Аль-‘Усаймин, ‘Абдаллах ас-Салих. Наджд кубейль зухур аш-шайх Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Неджд накануне появления шейха Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Эр-Рияд: Мактабат ар-рушд, 2010. С. 79–80.

⁵⁹⁷ Ааль Бассам, ‘Абдаллах. ‘Улама ан-Наджд. Т. 1. С. 15.

маликиты обучались в Эль-Хасе, ханафиты – в Эль-Хасе или Ираке, шаффиты – в Мекке, а ханбалиты отправлялись в Левант⁵⁹⁸. Схожие данные приводятся также в исследовании Д. Комминса⁵⁹⁹.

В этой связи обратим внимание на то, что, вопреки распространенному мнению, в Неджде были широко представлены все суннитские богословско-правовые школы, доказательством чему служат исследования архивов Эль-Харджа, проведенные ‘Абдаллахом Ааль Бассамом и выявившие доминирование в этой области Южного Неджда шафиитского и ханафитского мазхабов. Однако ведущим мазхабом среди локальных «островков» ислама все же был ханбализм. Исследователи по-разному отвечают на вопрос о причинах его популярности. А.М. Васильев считает, что таковой стала предельная простота жизненного уклада Центральной Аравии, который не отличался от социально-политического положения в Хиджазе эпохи пророка Мухаммада⁶⁰⁰. Опираясь на базовые установки марксистско-ленинского подхода, автор утверждает: «Так как ханбализм признавал в принципе только ранний ислам, то в целом он соответствовал потребностям центральноаравийского общества XVIII в.»⁶⁰¹. Данная позиция не лишена смысла, однако она скорее объясняет, почему ханбализм не был вытеснен с этих территорий с течением времени. ‘Абдаллах Ааль Бассам уделяет больше внимания историческому аспекту проблемы, подчеркивая, что истоки распространения этого религиозно-юридического толка лежат в тесных экономических связях Неджда и Леванта⁶⁰². Его мысль представляется вполне здравой, так как именно через внутренние районы Аравийского полуострова пролегали основные пути переправки в Сирию наиболее ценного аравийского товара – ездовых и гужевых животных, в особенности верблюдов. В целом же, приведенные взгляды дополняют друг друга.

Хотя недждийский ханбализм уходит корнями в Левант, его локальная

⁵⁹⁸ Там же. С. 20.

⁵⁹⁹ Commins D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. Р. 9.

⁶⁰⁰ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 75.

⁶⁰¹ Там же.

⁶⁰² Ааль Бассам, ‘Абдаллах. ‘Улама ан-Наджд. С. 21.

вариация, метко названная Д. Комминсом «провинциальным ответвлением»⁶⁰³, отличалась заметной примитивностью. Так, ‘Абдаллах Ааль Бассам, исходя из личного опыта знакомства с интеллектуальным наследием Центральной Аравии, подчеркивает, что интересы местных ‘алимов были ограничены исключительно прикладной стороной учения пророка Мухаммада. В первую очередь, ими изучались и разрабатывались вопросы, связанные с *фикхом*⁶⁰⁴ и грамматикой, в то время как аспекты, касающиеся обрядов или сложных богословских концепций, отходили на второй план⁶⁰⁵. Шариатские нормы соблюдались избирательно, а ограничения ритуального или этического плана часто игнорировались.

Об упадке ислама в Неджде свидетельствует большинство ваххабитских летописцев, однако наиболее полное представление об этом можно составить на основании ранних работ самого основателя ваххабизма Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба. Значительная их часть представляет собой не столько богословские труды, сколько подробные планы адресованных современникам проповедей, а также перечни тезисов и подкрепляющих их аргументов, применяемых в диспутах⁶⁰⁶. По этой причине именно эти материалы являются наиболее репрезентативными из всех доступных специалистам источников. При исследовании заявленного вопроса наибольшую ценность представляет сочинение «Аль-Усуль ас-саласа ва аддлятиха» («Три основы и их доказательства»), содержащее изложение элементарных основ исламского вероучения. В его первом разделе подробно разбирается важность богопознания и молитвы⁶⁰⁷. Второй посвящен пяти столпам ислама, понятиям «иман»⁶⁰⁸ и «ихсан»⁶⁰⁹. Заключительная глава «Трех основ» отведена раскрытию значения фигуры пророка Мухаммада⁶¹⁰. Иными словами, позиции ислама в Неджде XVII–XVIII вв. были столь слабы, что

⁶⁰³ Commins D. The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. P. 57.

⁶⁰⁴ *Фикх* – богословско-правовой комплекс в исламе.

⁶⁰⁵ Ааль Бассам, ‘Абдаллах. ‘Улама ан-Наджд. Т. 1. С. 17; Аль-‘Усаймин, ‘Абдаллах ас-Салих. Наджд кубейль зухур аш-шейх Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб. С. 80-82.

⁶⁰⁶ См. также: Cook M. Written and Oral Aspects of an Early Wahhabi Epistle. P. 161-178; Samin N. Poetry, Magic, and the Formation of Wahhabism. P. 3.

⁶⁰⁷ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 1. С. 185-189.

⁶⁰⁸ *Иман* – в широком смысле означает веру в истинность основных положений ислама.

⁶⁰⁹ *Ихсан* – искреннее, незамутненное сомнением поклонение Аллаху. Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. С. 189-192.

⁶¹⁰ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 1. Ч. 1. С. 192-196.

ваххабитские проповедники были вынуждены начинать распространение своего учения с объяснения сути его основополагающих доктрин и ритуалов. Показательны в этом смысле и такие работы Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба как «Усуль аль-иман» («Основы имана») и «Фадль аль-ислам» («Достоинство ислама»), являющиеся сборниками хадисов, которые касаются затрагиваемых в «Трех основах» тем. Нельзя обойти вниманием и сохранившиеся записи проповедей основателя ваххабизма, которые отличаются незамысловатостью. Более 70% из них представляют собой разъяснения относительно необходимости покаяния и изучения азов религии, 22% приурочены к праздничным дням, а в остальных верующие призываются к посту и уплате закята⁶¹¹. Хотя следует признать, что в данном случае простота содержания представляла собой скорее жанровую особенность⁶¹².

Соседство Центральной Аравии с более развитыми областями арабского мира едва ли имело какое-либо существенное воздействие на духовную жизнь недждейцев и никак не влияло на упадок ислама, наблюдавшийся на этих землях в XVII–XVIII вв. Абсолютным большинством местных жителей учение пророка Мухаммада воспринималось лишь в качестве источника правовых установлений, а не религии в полном смысле слова. Лакуны в этой сфере оказались заполнены местными культурами, не имевшими ничего общего с верой мусульман.

§ 2. ЯЗЫЧЕСКИЕ ПРАКТИКИ В РЕЛИГИОЗНОЙ ЖИЗНИ КОЧЕВЫХ И ОСЕДЛЫХ ЖИТЕЛЕЙ НЕДЖДА В XVII–XVIII ВВ.

Главными источниками, проливающими свет на вопрос о доминировавших в Неджде верованиях и культурах, служат исторические хроники ваххабитских авторов и интеллектуальное наследие самого Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, прежде всего его трактат «Китаб ат-таухид» («Книга единобожия»), который содержит номенклатуру религиозных практик жителей Эль-‘Арида, подвергавшихся критике

⁶¹¹ Там же. Т. 13. Ч. 5. С. 5-66.

⁶¹² Также Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб посвятил два трактата разъяснению особенностей совершения ежедневных молитв и связанных с ним обрядов – базовой составляющей исламской ортопраксии. См.: *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Муаллафат. Т. 3. Ч. 3. С. 3-45; Т. 3. Ч. 4. С. 2-12; Т. 3. Ч. 5. С. 3-58.

со стороны «единобожников», а также его переписка, в которой содержатся беглые о них упоминания. Исследователи, изучив основополагающие труды основателя ваххабизма, справедливо отмечают, что главным его «стержнем» была борьба с культом «святых»⁶¹³. Однако из этого не следует вывод о его особо широкой распространенности в Неджде или его ведущей роли в религиозной жизни недждийцев в даваххабитскую эпоху.

Обратимся к содержанию «Книги единобожия». Как уже было отмечено, большая часть книги, не считая краткого введения, представляющего собой изложение теории таухида, ряда назидательных пассажей и разбора некоторых этических вопросов, посвящена обличению устоявшихся в Центральной Аравии религиозных обычаев. При этом предварительные подсчеты показывают, что не менее 30% трактата отведено осуждению фетишизма, а также анимистических верований. Остальным блокам уделено куда меньше внимания – 18% рассуждений нацелены на порицание недобросовестного исполнения предписаний ислама, в 15% разоблачаются различные приметы, суеверия и бытовая магия, и не более 13% посвящается астрологии, ворожбе и прорицанию. Культ «святых» и отдельно их гробниц заслуживают лишь 15% и 6% процентов соответственно. Забегая вперед, подчеркнем, что почитание живых и почивших аулия в том виде, в котором они представлены в богословских и исторических трудах «единобожников», схожи скорее с чисто языческими практиками, чем с «девиантным» исламом.

Самой распространенной формой фетишизма в Центральной Аравии был культ различных природных объектов. Среди них Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб особо выделяет «поклонение растениям, скалам и другим сходным объектам»⁶¹⁴. Их подробное описание содержится в летописи Ибн Ганнама. Согласно приводимым в ней сведениям, недалеко от южнонедждийского городка Эль-Фада произрастала священная пальма, именуемая аль-Фаххаль⁶¹⁵. Летописец уверяет, что местные люди обожествляли ее и молились ей о ниспослании благодати,

⁶¹³ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 75.

⁶¹⁴ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид. С. 64.

⁶¹⁵ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.1. С. 174.

причем поток паломников с дарами не иссякал «от рассвета до заката»⁶¹⁶. По всем признакам это дерево было связано с культом плодородия. Тот же автор повествует о том, что особой популярностью оно пользовалось у молодых незамужних женщин, которые посещали эту пальму с подношениями и, «прижавшись к основанию ствола, произносили: “О, аль-Фаххаль, пусть в этом году я обрету мужа”»⁶¹⁷. К такому выводу подталкивает и название пальмы, представляющее собой превосходную форму арабского слова *фахль* (мн.ч. *фухуль*), одним из значений которого является «пальма мужского рода»⁶¹⁸. В том же районе, по словам Ибн Ганнама, произрастал священный тамариск, почитавшийся разрешившимися от бремени женщинами⁶¹⁹. После рождения ребенка они приходили к этому растению и украшали его молодые побеги цветными ленточками, пребывая в уверенности, что это защитит младенца от преждевременной смерти. Еще одно схожее святилище располагалось под стенами ‘Уяйны и представляло собой акациевую рощу⁶²⁰. Однако хроники не содержат описания этого объекта и связанных с ним обрядов, ограничиваясь сообщениями о ее уничтожении в ваххабитскую эпоху руками Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба и его ближайших сподвижников⁶²¹.

Отдельным типом недждийских фетишей были пещеры. Одна из них, носившая название Бинт аль-Амир, располагалась в небольшом вади в окрестностях Эд-Дир‘ии⁶²². У ее входа крестьяне регулярно оставляли подношения в виде хлеба и мяса. Согласно легенде, в стародавние времена Аллах разверз скалы в этом месте для того, чтобы спасти благочестивую женщину по имени Бинт аль-Амир, скрывавшуюся от разбойников⁶²³. Летописные сведения о пещере дополняются устными преданиями, собранными саудовским исследователем ‘Абд аль-Хакимом ибн ‘Абд ар-Рахманом аль-‘Авадом. Местные

⁶¹⁶ Там же.

⁶¹⁷ Там же.

⁶¹⁸ Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. С. 584.

⁶¹⁹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 175.

⁶²⁰ Ибн Бишир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 39.

⁶²¹ Там же.

⁶²² Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.1. С. 175.

⁶²³ Там же.

жители рассказывали ему, что в далеком прошлом «в пещере прятался шарлатан и, когда люди приходили к ней со своими дарами и излагали свои просьбы, он начинал издавать громкие звуки, и те по невежеству думали, что это пещера дает им свой ответ. [Благодарные молельщики] раскладывали подношения [у входа], а мошенник ждал, пока опускаются сумерки, и лишь тогда выходил»⁶²⁴.

Еще один такой объект располагался в местечке Ша‘иб Губейра и, несмотря на то что являлся природной пещерой, он именовался окрестными жителями «гробницей Диара ибн аль-Азвара⁶²⁵»⁶²⁶. Ибн Ганнам называет это «захоронение» «ложным и обретенным по наущению Иблиса»⁶²⁷ (усыпальница этого героя раннего ислама располагается на территории современной Иордании). Согласно ‘Абд аль-Хакиму аль-‘Аваду, это место едва ли походило на погребение. Автор пишет: «Это глубокая пещера, начинающаяся с просторного зала, от которого отходит западный коридор. Он вскоре сворачивает на юг, после чего свод начинает опускаться вплоть до того, что в пещере становится невозможно полностью выпрямиться. Далее проход вновь смещается к западу и становиться еще уже. Наконец, после очередного поворота на юг в нем можно перемещаться только ползком. Когда-то я пробовал проникнуть туда и обнаружил, что пещера кишила летучими мышами и смертельно ядовитыми змеями. Насколько я помню, помимо “гробницы” она когда-то называлась “пещера желаний”, так как многие простолюдины верили, что любое желание, произнесенное в ее глубинах, сбудется»⁶²⁸.

По всей вероятности, описанные выше святилища и сложившиеся вокруг них культуры генетически восходят к эпохе *джахилии*⁶²⁹. По крайней мере обращает на себя внимание схожесть связанных с ними обрядов с религиозными практиками доисламской Аравии, описанными в «Книге об идолах» Хишама ибн аль-Кальби

⁶²⁴ Аль-‘Авад, ‘Абд аль-Хаким. Амакин йатабаррику биха фи ад-Дирийя. URL: <https://www.al-jazirah.com/2007/20070311/wo1.htm> (доступ: 16.03.2023).

⁶²⁵ Диар ибн аль-Азвар (ум. предположительно в 640 г.) – один из сподвижников пророка Мухаммада.

⁶²⁶ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.1. С. 174.

⁶²⁷ Там же.

⁶²⁸ Аль-‘Авад, ‘Абд аль-Хаким. Амакин йатабаррику биха фи ад-Дирийя. URL: <https://www.al-jazirah.com/2007/20070311/wo1.htm> (доступ: 16.03.2023).

⁶²⁹ Джихалия – в исламе обозначение первобытной грубости и невежества, предшествовавших принятию ислама. Подробнее см.: Гольдциер И. Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). М.: Гаиз, 1938. С 63–72.

(738–819)⁶³⁰. Имея это в виду, расширим реконструкцию, проведенную на основе скучных аравийских хроникальных материалов XVIII в., за счет этого средневекового источника. Наиболее значимой составляющей его содержания, касающегося интересующей нас темы, является детальное описание капища богини аль-‘Уззы, располагавшегося в долине Нахла. Там произрастали три священные акации, к которым «являлся» дух богини⁶³¹. Этот пассаж позволяет предположить, что недждийские сакральные объекты лишь маркировали места обитания духов. Данное допущение помогает пролить свет на бегло упомянутые Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом ритуалы поклонения джиннам и связать фетиши Неджда с бытовавшими там анимистическими культурами⁶³².

По большей части в труде Хишама ибн аль-Кальби упоминаются лишь заурядные обряды, похожие на описанные Ибн Ганнамом моления, заклания жертвенных животных и подношения даров в священных местах⁶³³. Однако куда более любопытным выглядит сообщение Хишама ибн аль-Кальби о том, что в святилище аль-‘Уззы обитал оракул, голосу которого внимали верующие⁶³⁴. При ближайшем рассмотрении намеки на аналогичные практики обнаруживаются и в описаниях сакральных мест Эль-‘Арида. Обращает на себя внимание приведенная ‘Абд аль-Хакимом аль-‘Авадом фольклорная история о «шарлатане», имитировавшем голос духа, жившего в пещере. Не исключено, что это предание может быть отголоском некогда практиковавшихся здесь прорицаний. Не менее примечательным представляется пассаж из летописи Ибн Ганнама о почитаемом тамариске в окрестностях городка Эль-Фада. В нем хронист, перечисляя местные фетиши, пишет буквально следующее: «А к растению ат-тарфия (один из видов тамариска. – Ф.М.) приился шайтан»⁶³⁵. В данном контексте эта деталь исключительно важна, так как в ваххабитских хрониках, трактатах и переписках слово «шайтан» редко используется в отношении злых бесплотных духов. Куда

⁶³⁰ Абу-ль-Мунзир Хишам ибн Мухаммад аль-Калби – знаменитый мусульманский историк и генеалог.

⁶³¹ *Ибн аль-Калби, Хишам*. Книга об идолах. С. 22-23.

⁶³² *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Китаб ат-таухид. С. 43-44; *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Муаллафат. Т. 4. Ч. 2. С. 66.

⁶³³ *Ибн аль-Калби, Хишам*. Книга об идолах. С. 20.

⁶³⁴ Там же.

⁶³⁵ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т.1. С. 174.

чаще им обозначаются ложные аулия, противники ваххабизма и т.п. Исходя из этого, высажем предположение, что хронист подразумевал прорицателя, обитавшего недалеко от святилища, и заключим, что в Неджде XVIII в. вполне мог сохраняться культ оракулов, уходящий корнями в раннесредневековую религию аравитян⁶³⁶. Имея в виду вышеизложенное, рассмотрим подробнее особенности недждийского почитания «святых», описания которого также заставляют усомниться в его чисто исламском происхождении.

Предварительно акцентируем внимание на том, что Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб в «Книге единобожия» четко различает культ «святых» и культ их гробниц. При этом первый воспринимается автором и его последователями на порядок менее враждебно, чем второй. Избыточное поклонение живым и почившим праведникам, разумеется, осуждается, однако не отрицается полностью. Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб в переписке с одним из своих современников по имени Ибн Сайах многократно подчеркивал, что святой сам по себе не является идолом: «Разве виноват ‘Иса [ибн Марьям], что люди ему молятся?! Так же и Али ибн Абу Талиб не виновен в том, что перед ним падают ниц рафидиты!»⁶³⁷ Более того, во всех сочинениях ваххабитского вероучителя «святые» неизменно уважительно именуются «салихун» (араб. праведники) или «аулия». В случае с чрезмерным упоминанием на них со стороны верующих шейх применяет понятие «тагут»⁶³⁸, что в значительной мере перекладывает вину с самого божьего угодника на тех, кто ему поклоняется⁶³⁹. Вместо однозначного запрета Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб приводит в своих трудах рекомендации, как максимально обезопасить себя от греха при выражении уважения «святому», предлагая просьбу помолиться за просителя Аллаху как лучшую форму выражения почтения к угоднику божьему (позже невозможность обратиться с такой просьбой к мертвым праведникам будет одним из аргументов против поклонения их могилам).

К особой категории Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб относил ложных «аулия»,

⁶³⁶ Hoyland R.G. Arabia and the Arabs from the Bronze Age to the Coming of Islam. P. 153-155.

⁶³⁷ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Ад-Дурар ас-сания. С. 78.

⁶³⁸ Тагут – исламский термин для обозначения предмета идолопоклонства (ложного обожествления).

⁶³⁹ См. также: Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 13. Ч. 1. С. 97-98; Т. 5. Ч. 1. С. 42; 249.

мошенников, которые пользовались своим положением в честолюбивых или корыстных целях. Такие персонажи именуются им искусствителями и «шайтанами», которые «обманом вытягивают из верующих пожертвования и не следуют по пути Аллаха»⁶⁴⁰. Некоторые из них и вовсе имели мало общего с исламскими подвижниками и по описаниям больше походили на доисламских *кахинов*⁶⁴¹. Источники сохранили имена отдельных «святых» такого рода. В хронике Ибн Ганнама фигурирует уроженец Эль-Харджа по имени Тадж, который, будучи слепым, странствовал по всему Эль-‘Ариду без поводыря, поочередно посещая его селения⁶⁴². По словам летописца, местные жители (как простонародье, так и знать) боялись сверхъестественной силы Таджа и делали ему дорогие подарки в надежде, что тот дарует им счастье и убережет от бед⁶⁴³. Также автор уверяет, что его неземного могущества опасались даже эмиры, и что среди недждейцев о нем складывались разные удивительные истории и предания, которые, с точки зрения хрониста, «имели больше общего [со сказаниями] многобожников»⁶⁴⁴. На влиятельность этого персонажа указывают многократные упоминания о нем в трактатах и переписке Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба. В его труде «Кашф аш-шубухат» («Отведение сомнений») Тадж приводится в качестве одного из наиболее наглядных негативных примеров для мусульман⁶⁴⁵. В письмах вероучителя называется несколько других лжеправедников наподобие Таджа. В одном из посланий Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба содержатся поношения «шайтанов» Шамсана и Идриса⁶⁴⁶. В другом этот перечень пополняется именем некого Абу Худейды, причем в том же пассаже богослов уверяет, что все вышеперечисленные персоны почитались недждейцами так же, как некогда аравитяне поклонялись доисламским божествам Хубалу, Аллат, аль-‘Уззе и Манат⁶⁴⁷. К сожалению, сведений об этих персонажах гораздо меньше, чем о Тадже, а их упоминания в

⁶⁴⁰ Ад-Дурар ас-сания. С. 77.

⁶⁴¹ *Кахины* – прорицатели в доисламской Аравии, которым приписывалась способность общаться с миром духов, пребывая в состоянии транса.

⁶⁴² Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.1. С. 176.

⁶⁴³ Там же.

⁶⁴⁴ Там же.

⁶⁴⁵ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 1. С. 173.

⁶⁴⁶ Там же. Т. 7. С. 52-55.

⁶⁴⁷ Там же. С. 172.

задействованных материалах отличаются спорадичностью. Кроме того, основатель ваххабизма несколько раз поминал «сыновей Шамсана»⁶⁴⁸ и «сыновей Идриса»⁶⁴⁹. О них также практически ничего неизвестно, но содержание одного из писем Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба своим сторонникам подразумевает, что имеются в виду кланы потомков вышеперечисленных псевдоправедников, которые после их ухода из жизни воздвигли над их могилами мавзолеи и продолжали «обманом пожирать народные деньги»⁶⁵⁰. Вопрос о значении поклонения гробницам в Центральной Аравии XVII–XVIII вв. необходимо рассмотреть подробнее.

Применение обобщенного понятия «культ святых» в случае Неджда во многом навязывает искаженное представление о природе связанных с ним верований и практик. Как отмечалось выше, даже в случае с «истинными» салихун и аулия почитание живых праведников и их захоронений жестко разграничивалось ваххабитами. Размежевание такого рода прослеживается даже на терминологическом уровне – в отличие от отмеченного божьей благодатью угодника, именуемого тагутом, гробницу, купол или иное сооружение над местом его упокоения ваххабиты называют исключительно «фетишем» (араб. *vasan*). В этой, казалось бы, незначительной детали скрыта ключевая особенность понимания этого феномена основателем ваххабизма и его последователями. В одном из своих публичных посланий Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб выражает эту мысль следующим образом: «[Смута неизменно проистекает] из возведения куполов над местами упокоения божьих угодников и из поклонения им (причем грамматическая структура предложения не оставляет сомнения в том, что под местоимением “им” имеются в виду не праведники, а именно купола. – Ф.М.)»⁶⁵¹. Другими словами, с точки зрения ваххабитов, строительство надгробий не имело никакого отношения к культу «святых», а было одной из многочисленных вариаций широко распространенного в Неджде фетишизма. Таким образом, оно попадало в разряд чистого *ширка*⁶⁵², в то время как избыточное почитание аулия

⁶⁴⁸ Там же.

⁶⁴⁹ Там же.

⁶⁵⁰ Там же. С. 52.

⁶⁵¹ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 176.

⁶⁵² Ширк – многобожие.

считалось искажением исламских практик.

Грань между природными фетишами и их рукотворными аналогами всегда была тонка в реалиях духовной жизни оседлых жителей Неджда. Одним из наглядных примеров служит упомянутая нами ранее «гробница» Диара ибн аль-Азвара. Ваххабитские идеологи четко подмечали, что в глазах непросвещенных религией Пророка жителей Центральной Аравии всякий объект такого рода неизменно превращался в место отправления языческого культа. Зачастую недждийцы утрачивали память о том, кто и когда был погребен под тем или иным «куполом», но продолжали его посещать как самостоятельный сакральный объект – источник *бараки*⁶⁵³. Переосмыслинию подверглись даже гробницы Зейда ибн Хаттаба (584–632)⁶⁵⁴ и сподвижников пророка Мухаммада, погибших в ‘Уайне в сражении с силами Мусайлимы (ум. в 634 г.)⁶⁵⁵ и захороненных в окрестностях города⁶⁵⁶. Эта особенность религиозной жизни во внутренних областях Аравии в дальнейшем окажет колossalное влияние на формирование ваххабитской идеологии и специфического отношения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба к культу «святых» и бида‘ в целом.

Установление факта слияния поклонения гробницам с почитанием других фетишей в массовом сознании также позволяет пересмотреть предложенную изначально тематическую разбивку «Книги единобожия». В случае отнесения этих двух видов духовных практик к одному типу обнаруживается, что практически половина критического содержания этого трактата (около 47%) посвящена фетишизму. При этом наиболее пространный из оставшихся блоков, посвященный недобросовестному исполнению предписаний ислама, займет не более 25,5% текста. Из всего этого заключаем, что ведущей формой религиозной жизни на территории Центральной Аравии в XVII – первой половине XVIII в. был именно фетишизм, ритуалы и обычаи которого коренятся в доисламской эпохе. Нормативный и «девиантный» ислам были уделом сравнительно небольшой части

⁶⁵³ *Барака* – божественная благодать.

⁶⁵⁴ Зейд ибн Хаттаб – сподвижник пророка Мухаммада и брат ‘Умара ибн Хаттаба – второго «праведного халифа».

⁶⁵⁵ Мусайлима аль-Каззаб – согласно исламской традиции, один из лжепророков.

⁶⁵⁶ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 1. С. 173.

населения. Кроме того, следует иметь в виду, что подобные выводы касаются исключительно оседлых областей Неджда, в то время как кочевья отличались еще меньшей исламизированностью.

Описание религиозного ландшафта доваххабитской Аравии было бы неполным без обзора верований номадов, отличавшихся архаичностью даже на фоне языческих практик феллахов. Племена, руководствуясь установлениями Корана и сунны⁶⁵⁷, были относительно редки, теряясь на фоне основной массы жителей пустыни. В своем большинстве они придерживались гораздо более примитивных форм религиозности. Очевидно, что социально-политический и экономический уклад кочевников совершенно не согласовывался с исламской этикой и правом.

Близко знакомый с особенностями бедуинского быта Дж.Л. Буркхардт писал: «В течение долгих лет (до распространения ваххабизма. – Ф.М.) среди бедуинов невозможно было найти ни священнослужителя, ни муллу, ни имама <...> у них не принято произносить хутбы по праздничным дням, а молитва никогда не была для них поводом прервать путешествие. Наверное, лишь смерть может заставить их сделать это»⁶⁵⁸. Впрочем, распространение учения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба едва ли изменило ситуацию. Дж.Л. Буркхардт подчеркивает, что даже принявшие ислам номады имели крайне слабое представление об основополагающих принципах своей веры⁶⁵⁹. Другие европейские путешественники, познакомившиеся с жизненными устоями бедуинов, писали о том, что номады без почтения относятся к религиозным табу. Если верить записям К. Нибура, употребление алкоголя, строжайшим образом запрещенное в исламе, было нормой во многих племенах. Нельзя не отметить, что некоторые пищевые ограничения ими все же соблюдались – по словам Дж.Л. Буркхардта, в среде кочевников было не принято вкушать «свинину, мертвчину и кровь»⁶⁶⁰.

⁶⁵⁷ Сунна – исламское священное предание, состоящее из хадисов, описывающих различные поступки и высказывания пророка Мухаммада.

⁶⁵⁸ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahabys. Vol. 1. P. 98-99.

⁶⁵⁹ Ibid. P. 281.

⁶⁶⁰ Ibid. P. 99-100.

Большинство аутентичных религиозных обычаяев жителей пустыни было связано с почитанием членами племени или племенного подразделения его полулегендарного основателя. Это находило отражение не только в разнообразных ритуалах и традициях бедуинов, но и в наименовании родовых групп, эпонимами которых зачастую становились знаменитые герои древности, воспетые поэтами.

Вопрос о классификации верований номадов остается спорным. Ярко выраженная сакрализация праородителей и кровного родства подталкивает к тому, чтобы определить ее как вариант культа предков. С другой стороны, с этим заключением связан ряд проблем, в том числе неопределенность границ этого обобщающего понятия, а также недостаток в бедуинской среде представлений и практик, характерных для этого типа верований.

В первую очередь, обращает на себя внимание отсутствие у номадов развитой концепции посмертного существования. Часто она заимствовалась из более развитых религиозных систем. Однако в этом случае номады значительно ее упрощали, зачастую полностью опуская содержательную часть. Пример такой деградации находим в рассказе У. Палгрева о его беседе с неким молодым бедуином, который, отвечая на вопрос о том, чего он ожидает от встречи с Аллахом после жизни, проведенной в войнах и грабительских набегах, ответил: «Мы подъедем к Аллаху и пожелаем ему мира, и, если Он проявит радушие, угостив нас мясом и табаком, мы остановимся у Него. Если же нет, то мы ускажем прочь»⁶⁶¹.

В связи с этим в среде кочевников не были распространены погребальные ритуалы, о чем свидетельствовал Дж.Л. Буркхардт: «Обычно умершего бедуина сразу же предают земле без каких-либо обрядов. Когда почил брат <...> главы племени ‘Аназа <...> его тело было передано для погребения одному из местных феллахов. Никто из близких, включая вождя, при этом не присутствовал»⁶⁶². Что касается примитивных каменных надгробий, воздвигаемых над предполагаемыми захоронениями почитаемых праородителей, то они не несли глубокого символического значения, выступая лишь маркером сакрального пространства, в

⁶⁶¹ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 24.

⁶⁶² Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahabys. Vol. 1. P. 100-101.

котором совершались различные ритуалы. Как правило, они проводились в определенное время года, определявшееся циклом сезонных перекочевок. Наиболее распространенной церемонией было жертвенное заклание скота, кровью которого кропились другие животные, а также члены племени и их имущество. Жертвоприношения могли совершаться и при других обстоятельствах – свадьбах, заключении мира, рождении ребенка, в начале военных кампаний и т.д.

В трудах путешественников и исследователей также упоминается широко распространенный среди бедуинов культ маркабов – переносных конструкций из длинных шестов, пальмовых листьев и тростника, которые декорировались страусиными перьями, звериными шкурами и т.п.⁶⁶³ Маркаб расценивался кочевниками как обиталище духов предков, обладавших властью над потомками. Эти сакральные объекты чаще всего хранились в закрытых от посторонних глаз уголках шатров и тщательно оберегались. Их утрата в результате набега считалась величайшим позором и признаком того, что праотцы более не благоволят племени. То же самое касалось потери маркаба во время военных действий, где он брал на себя функции боевого знамени. Перед битвой собирающиеся под ним воины произносили различные заклинания и молитвенные формулы, одну из которых приводит в своем труде А.И. Першиц: «О, Аллах, вот верблюдица для маркаба, дай [Бог], чтобы Абу-д-Духур (основатель племени, о котором шла речь в оригинальном тексте. – Ф.М.) взглянул на нее благосклонно»⁶⁶⁴. Дж.Л. Буркхардт также подчеркивал, что упование на подобные сооружения было столь сильно, что их захват противником означал поражение⁶⁶⁵. Отметим, что совокупность перечисленных выше специфических черт бедуинского культа предков больше походит на примитивные формы тотемизма, описанные отечественным религиоведом С.А. Токаревым⁶⁶⁶.

Оставшиеся лакуны в духовной жизни бедуинов занимало поклонение Солнцу и Луне, а также отдельным планетам и звездам, которые служили скотоводам

⁶⁶³ Ibid. P. 136.

⁶⁶⁴ Першиц А.И. Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 82.

⁶⁶⁵ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahabys. Vol. 1. P. 137.

⁶⁶⁶ Токарев С.А. Ранние формы религии. С. 255.

ориентирами во время перекочевок⁶⁶⁷. Немалое значение имели также различные магические практики. Так, европейские путешественники Ч. Доути и Дж.Л. Буркхардт независимо друг от друга описали диковинный обряд, связанный с принесением судебных клятв. Дж.Л. Буркхардт именует его «клятвой скрещивающихся линий»⁶⁶⁸ и воспроизводит процедуру следующим образом: «После выбора места на некотором удалении от лагеря <...> с помощью ножа с изогнутым лезвием на песке рисуется круг, внутри которого отмечается множество пересекающих друг друга линий <...> после этого истец приказывает ответчику наступить на круг правой ногой, и сам делает также. Затем он произносит [полагающуюся словесную формулу] <...> С целью придания церемонии большей торжественности внутри круга могут размещаться изображения верблюжьего вымени и муравья (относящиеся к сложной символической системе, отражающей чистоту помыслов клянущегося и его намерение придерживаться обета. – Ф.М.)»⁶⁶⁹.

Подводя итоги рассуждениям о религиозной жизни Центральной Аравии и прилегающих к нему территорий, еще раз подчеркнем доминирование преимущественно неисламских практик и верований среди как кочевого, так и оседлого населения. Ислам же оказался вытеснен практически из всей сельской округи и «загнан» за стены крупных городских центров. Однако и там учение Пророка редуцировалось до некого подобия юридическо-правовой системы, в то время как его духовный аспект практически не интересовал местных ‘алимов. Наиболее широко практикуемые в земледельческих областях Неджда культы были связаны с обожествлением природных объектов, а также некоторых рукотворных сооружений, в особенности гробниц местных «святых», причем последние чаще всего почитались именно в качестве самостоятельных вотивных объектов без оглядки на их исламское происхождение. Еще дальше от веры мусульман отстояли традиции бедуинов, представлявшие собой смесь примитивного тотемизма и

⁶⁶⁷ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 96; Подробнее об истоках культа небесных светил в Аравии см.: Hoyland R.G. Arabia and the Arabs from the Bronze Age to the Coming of Islam. P. 154-155.

⁶⁶⁸ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahabys. Vol. 1. P. 127.

⁶⁶⁹ Ibid. P. 128-129.

бытовой магии, однако их влияние на религиозный прорыв середины XVIII в. был минимален. В то же время именно широкое распространение фетишистских культов в земледельческих областях Внутренней Аравии стало одним из определяющих факторов в формировании идеологии раннего ваххабизма.

§ 3. ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ МУХАММАДА ИБН ‘АБД АЛЬ-ВАХХАБА ДО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ В ‘УЯЙНУ И ЭД-ДИР‘ИЮ

Жизнь основателя ваххабитского движения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба до его переселения в ‘Уяйну и Эд-Дир‘ию во многом покрыта тайной. Единственным более или менее достоверным источником, проливающим свет на этот период его биографии, является хроника одного из его ближайших сподвижников Хусейна ибн Ганнама. Из этого сочинения жизнеописание шейха заимствуется Ибн Бишром и рядом более поздних недждийских историков. Главной проблемой, связанной с использованием этого труда, остается его отчетливая тенденциозность. По причине преданности Ибн Ганнама своему духовному лидеру многие сообщения о его судьбе представляются излишне приукрашенными, а отдельные выдержаные в восторженном духе описания исторических событий и вовсе расходятся с воспоминаниями самого Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, приводимыми им в частной переписке. Поздние сводные хроники Ибн Ла‘абуна и аль-Фахири и вовсе запечатлели биографию вероучителя лишь в виде нескольких лапидарных сообщений⁶⁷⁰.

В конце XX в. в научный оборот была введена анонимная хроника «Блеск метеора», содержащая пространную версию биографии Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, в том числе массив неизвестных ранее сведений о его путешествиях по исламскому миру. Однако обнаруживаемая в ней информация совершенно не выдерживает критики. Множество ошибок обнаруживается в верифицируемой по другим источникам фактологии. Также сомнения вызывает хронология «Блеска метеора». Приведем несколько примеров таких неувязок. Повествуя о возвращении

⁶⁷⁰ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 201; Тарих аль-Фахири. С. 114, 129, 131.

Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба из странствий, анонимный автор утверждает, что оно совпало с «правлением шерифа Сурура в Мекке»⁶⁷¹, хотя до середины XVIII в. ни один из правителей Хиджаза не носил такого имени. Вероятно, речь идет о шерифе Суруре ибн Муса‘иде, однако он пришел к власти лишь в 1773 г. – спустя 29 лет после бегства вероучителя в Эд-Дир‘иию. Вопросы вызывает и возраст основателя ваххабизма, на котором настаивает составитель этой летописи. По его подсчетам, богослов совершил переселение, когда ему было около 55 лет⁶⁷². Исходя из того, что все авторитетные хроники датируют его кончину 1792 г.⁶⁷³, выходит, что Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб прожил не меньше 103 лет, что выглядит совершенно нереалистично. Поэтому данная хроника будет задействоваться фрагментарно и лишь в качестве второстепенного источника.

Большинство хронистов Центральной Аравии относят рождение Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба к 1703 г.⁶⁷⁴ Его полное родовое имя, содержащееся в «Истории» Ибн Ганнама, выглядит следующим образом: «Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб ибн Сулейман ибн ‘Али ибн Мухаммад ибн Ахмад ибн Рашид ибн Бурайд ибн Мухаммад ибн Бурайд ибн Мушарраф»⁶⁷⁵. Аналогичная информация приводится в биографическом сборнике ‘Абдаллаха Ааль Бассама⁶⁷⁶.

О судьбе предков шейха известно сравнительно немного. В большинстве источников сообщается, что они происходили из клана аль-Вухба, относящегося к одному из подразделений племени Бану Тамим. На момент рождения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба его семейство проживало в ‘Уяйне. Согласно труду ‘Абдаллаха Ааль Бассама, дед вероучителя Сулейман ибн ‘Али (ум. в 1668 г.) переехал в этот город в первой половине XVII в. из селения Раудат ас-Судайр, куда он раньше мигрировал из Ушайкара⁶⁷⁷. Главной причиной переезда называется потребность жителей ‘Уяйны в кади, который был бы «опытен в

⁶⁷¹ Лам‘а аш-шихаб. С. 61.

⁶⁷² Там же. С. 52-73.

⁶⁷³ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 900; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 180; Тарих аль-Фахири. С. 153; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 201.

⁶⁷⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 33; Тарих аль-Фахири. С. 114; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 201; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 208.

⁶⁷⁵ Там же.

⁶⁷⁶ Ааль Бассам, ‘Абдаллах. ‘Улама ан-Наджд. Т. 1. С. 125.

⁶⁷⁷ Там же. С. 366.

юриспруденции»⁶⁷⁸. Сулейман ибн ‘Али, действительно, считался современниками одним из наиболее авторитетных ханбалитских богословов Внутренней Аравии. Тем не менее, его деятельность, как и в случае большинства недждийских ‘алимов, концентрировалась преимущественно на фикхе и смежных дисциплинах. Его отбытие из Вашма пришлось на период упадка этих земель и перехода лидерства в Южном Неджде к эмирам из рода Ааль Му‘аммар.

После смерти Сулеймана пост судьи в ‘Уяйне унаследовал его сын ‘Абд аль-Ваххаб (ум. в 1740 г.), отец будущего основателя ваххабизма. Жизнь ‘Абд аль-Ваххаба ибн Сулеймана была малопримечательна – как и большинство недждийских ученых он посвятил ее изучению прикладных аспектов фикха, практически не уделяя внимания вопросам, связанным с догматикой и ритуалом. Единственное упоминание этого персонажа в большинстве недждийских хроник связано с конфликтом, разгоревшимся между ним и эмиром Харфашем, после чего богослов переселился в Хураймалу, где и почил в 1740 г.⁶⁷⁹

Сам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб родился у ‘Уяйне в период ее политического и экономического зенита под властью ‘Абдаллаха ибн Му‘амара. С раннего возраста он обучался под руководством отца, преподавшем ему основы исламских наук⁶⁸⁰. Если верить летописцам, юный Мухаммад был весьма способным учеником и к 12 годам освоил множество книг по *тафсир*⁶⁸¹, сборников хадисов и трудов великих знатоков ислама. В свете знакомства с трудами veroучителя, отличающимися довольно скучным языком и не всегда стройной аргументацией, может показаться, что данные хронистами оценки чрезмерно восторженны. Однако вполне вероятно, что на фоне скромных достижений современных ему ‘алимов его дарования действительно были примечательны.

Большую часть детства Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб провел в

⁶⁷⁸ Там же.

⁶⁷⁹ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 153; Тарих аль-Фахири. С. 125; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 38.

⁶⁸⁰ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 1. С. 209.

⁶⁸¹ *Тафсир* – толкование священных исламских текстов.

Центральной Аравии⁶⁸². В 12 лет, закончив освоение азов богословия, он вместе с отцом совершил паломничество к святыням Хиджаза и продолжил образование в Медине⁶⁸³. По информации Ибн Бишра и Ибн Ганнама, его главным наставником в этот период был шейх ‘Абдаллах ибн Ибрахим ибн Сайф, представитель эмирской династии Ааль Сейф, под чьим покровительством находился оазис Эль-Маджма‘а в Судайре⁶⁸⁴. Эта деталь примечательна, поскольку не совсем согласуется с утверждениями ‘Абдаллаха Ааль Бассама о том, что главные центры обучения недждийских ханбалитов располагались в Леванте. В хронике Ибн Бишра вскользь упоминается, что новый учитель ознакомил Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба с неким «духовным оружием»⁶⁸⁵, под которым, вероятно, понимались идеи очищения ислама⁶⁸⁶. Даже в случае полной вымышенности этой ситуации этот эпизод является наглядным отражением общей атмосферы, царившей в интеллектуальной жизни этих земель: идеи «перестройки» религии Пророка, витали в воздухе.

Завершив обучение в Медине, Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб отправился в странствия по Аравии и прилегающим областям арабского мира⁶⁸⁷. Первым пунктом назначения будущего veroучителя стала Басра. Согласно Ибн Ганнаму, здесь он продолжил совершенствовать свои знания в области фикха и грамматики⁶⁸⁸. К этому же временному отрезку относят его первые проповеди, направленные против «многобожия» и религиозных нововведений, хотя точно определить были ли его речи воспроизведением идей средневековых богословов-

⁶⁸² Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 208-209; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 33; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 143-144.

⁶⁸³ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 35; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 209; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 143-144.

⁶⁸⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 35; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 210.

⁶⁸⁵ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 35.

⁶⁸⁶ Некоторые исследователи предполагают, что в период пребывания Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в Медине на его мировоззрение повлияло обучение у знаменитого мусульманского ученого Мухаммада ас-Синди (ум. в 1750 г.). Такая позиция, по сей день остающаяся спорной, отстаивалась американским исследователем Дж. Воллом и в меньшей степени его британским коллегой Баширом Нафи. Взгляды Дж. Волла решительно критиковались американским исламоведом Ахмадом Далалем. Подробнее о спорах вокруг фигуры Мухаммада Синди в контексте становления ваххабизма см.: Voll J. Muhammad Hayya al-Sindi and Muhammad ibn ‘Abd al-Wahhab. P. 32-39; Nafi, Basheer. A Teacher of Ibn ‘Abd al-Wahhab. P. 208-241; Dallal, Ahmad. The Origins and Objectives of Islamic Revivalist Thought. P. 341-359.

⁶⁸⁷ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 201.

⁶⁸⁸ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 212.

консерваторов, или же они несли специфически ваххабитские черты, практически невозможно⁶⁸⁹. Среди жителей Басры Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб не нашел сочувствующих. Более того, по его собственным словам, многие басрийцы поносили его, заявляя, что он «обращается с текстами Корана и хадисов как ему вздумается»⁶⁹⁰. В итоге шейх стал докучать горожанам, и они его изгнали⁶⁹¹. Тогда богослов попытался проповедовать в Эз-Зубайре. По пути в это селение он чуть не погиб в пустыне от жажды. Не обнаружив поддержки в Ираке, Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб отправился в Восточную Аравию и, пробыв некоторое время в Эль-Хасе, вернулся в Южный Неджд⁶⁹².

Кажущаяся совершенно невероятной история путешествий Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба обнаруживается на страницах «Блеска метеора». Согласно этому источнику, после провала в Басре он двинулся на север, посетив Багдад и Курдистан⁶⁹³. Затем Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб повернулся на восток и несколько лет прожил в иранских городах, в частности в Хамадане, а также в Исфахане, где провел больше года в обществе суфиев, отличительным элементом облачения которых были «зеленые одежды и зеленый головной убор»⁶⁹⁴ (скорее всего имеются в виду adeptы суфийского братства кадирийя). Спустя еще два года Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб достиг «страны румов (Малой Азии. – Ф.М.)»⁶⁹⁵. Ближе к концу своего путешествия он посетил Сирию и Египет, после чего вместе с караваном хаджа добрался до Хиджаза и лишь затем, совершив обряды паломничества, вернулся в Эль-‘Арид. Фантастичность этой версии очевидна по многим причинам. Маловероятно, что придерживавшийся категорического неприятия бида‘ шейх обучался в суфийских обителях Ирана. Кроме того, в трудах Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба отсутствуют ссылки к реалиям Ирана, Малой Азии, Сирии и Египта, которые могли бы стать репрезентативным материалом для

⁶⁸⁹ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 36; *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 1. С. 213.

⁶⁹⁰ Там же. С. 212.

⁶⁹¹ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 36; *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 1. С. 212.

⁶⁹² Заметим, что отдельные исследователи высказывают сомнения относительно достоверности сообщений о миссионерской деятельности Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в этот период. См.: *Mouline N. The Clerics of Islam: Religious Authority and Political Power in Saudi Arabia*. Р. 52-53.

⁶⁹³ *Лам‘а аш-шихаб*. С. 52-57.

⁶⁹⁴ Там же. С. 58.

⁶⁹⁵ Там же. С. 59.

демонстрации распространения в исламском мире ширка и бида⁶. Иракский же «опыт» вероучителя в полной мере представлен в его трактатах и переписке.

Вновь оказавшись в Неджде, шейх Мухаммад поселился при дворе правителя Хураймалы, где на тот момент судействовал его отец⁶⁹⁶. Именно в это время кристаллизовалась идейная платформа ваххабизма. Ибн Ганнам уверяет, что именно в период пребывания в Хураймале богослов составил свой самый знаменитый труд «Китаб ат-таухид»⁶⁹⁷. В «Блеске метеора» также содержится привлекающий внимание, хотя и сомнительный рассказ о том, как этот небольшой трактат появился на свет: «Я слышал от знающих людей, что он (Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб. – Ф.М.) удалился в свой дом и не выходил оттуда более 8 месяцев. Все это время он ни с кем не общался, единственной его компанией были книги. Наконец, он вышел из затвора с тонкой книжицей в руках («Книгой единобожия». – Ф.М.)»⁶⁹⁸. Вероятнее всего, именно тогда были составлены и другие ранние сочинения шейха. Из краткой заметки ‘Усмана ибн Бишра следует, что примерно к этому времени относится работа «Аль-Усуль ас-саласа ва адлятиха» («Три основы и их доказательства»)⁶⁹⁹. Кроме того, исходя из жанровой, стилистической, композиционной и содержательной схожести, можно предположить, что в Хураймале шейхом были написаны еще три книги – «Кашф аш-шубухат» («Отведение сомнений»), «Аль-Кава‘ид аль-арба‘а» («Четыре опоры») и «Масаиль аль-джахилия» («Вопросы джахилии»). Последняя, однако, несколько выделяется на фоне остальных по ряду параметров и могла быть завершена значительно позже.

Подходя к рассмотрению интеллектуального наследия Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, сделаем несколько замечаний относительно круга затрагиваемых в них тем, а также дадим общую характеристику вероучителя как проповедника и мыслителя. Его фигура представляется исключительно примечательной на фоне тотального вырождении ислама в Центральной Аравии. Среди своих собратьев-‘алимов шейх был одним из немногих, кто сохранял на протяжении жизни

⁶⁹⁶ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 212; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 37.

⁶⁹⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. С. 215.

⁶⁹⁸ Лам‘а аш-шихаб. С. 64.

⁶⁹⁹ Ибн Бишр, ‘Усман ибн ‘Абдаллах. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд. С. 45.

неподдельный интерес к духовной стороне религии. Показателен анализ содержания его фетв и решений, вынесенных по различным вопросам, когда он стоял во главе ‘Уяйны и Эд-Д’ирий: около 35,7% из них относятся к культово-обрядовому комплексу, таухиду и ‘акиде⁷⁰⁰. Большой сегмент занимают лишь заключения, связанные с дольными потребностями обитателей подвластных ему территорий, – правилами аренды, наследования и т.д. При этом необходимо учитывать, что это превалирование – «издержки» должности кади, занимаемой Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом. Обращает на себя внимание и энергичная деятельность аравийского шейха на богословском поприще. Даже беглое знакомство с биографиями недждийских ученых того времени позволяет заключить, что наследие большинства из них, как правило, ограничивалось несколькими незначительными трактатами, а также немногочисленными учениками столь же непродуктивными, как и их наставники. В то же время Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб оставил после себя тысячи последователей и полноценную образовательную систему. «Тот, ктоенным образом подготовлен, победит тысячу многобожников», – читаем на страницах одного из его трудов⁷⁰¹. Одни лишь верифицированные и одобренные семейством Ааль аш-Шейх труды основателя ваххабизма занимают 13 объемных томов и служат овеществленным свидетельством его неиссякаемой энергии. Вполне вероятно, шейх обладал и изрядными ораторскими навыками, что стало одной из составляющих успеха его проповеди.

Все же при присущих ему живом уме и дарованиях Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб оставался глубоким провинциалом, чему способствовала общая деградация религии Пророка в родных землях шейха⁷⁰². Его приобщение к богословской и интеллектуальной культуре происходило в одном из самых захудальных уголков мусульманского мира. Большинство работ вероучителя отличаются простым и

⁷⁰⁰ ‘Акыда – совокупность вероучительных основ ислама. См.: *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Муаллафат. Т. 4. Ч. 2. С. 6-129.

⁷⁰¹ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 161.

⁷⁰² Провинциальность Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в значительной мере отразилась на его творчестве. Американский исследователь его наследия Надав Самин отмечал, что стилистика текстов вероучителя несет явный отпечаток специфики аравийской литературной традиции. Подробнее об этом см.: *Samin N. Poetry, Magic, and the Formation of Wahhabism*. Р. 1–26.

монотонным языком. Они не поражают читателя ни образностью, ни лексическим разнообразием. Особенно контрастно их блеклость выглядит на фоне трудов его современников, в частности, его последователя Хусейна ибн Ганнама, посвятившего значительную долю своего труда «История Неджда» изложению ваххабитской доктрины. Хотя Ибн Ганнам полностью дублирует в нем позиции и аргументы своего духовного учителя, его слог на порядок более изящен. К аналогичному выводу можно прийти, ознакомившись с хутбами вероучителя. Большая их часть укладывается в 400-500 слов, при этом от четверти до трети общего объема занимают вводные и ритуальные формулы. Сами проповеди прямолинейны, незатейливы и предельно однообразны. Впрочем, последнее, скорее всего, связано с неискушенностью слушателей. Кругозор Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба также нередко кажется в определенной степени ограниченным в сравнении с его коллегами из более развитых областей Аравийского полуострова. На фоне относительно поверхностного образования, полученного шейхом в юности, приобщение к идеям обновления ислама во время обучения в Хиджазе окончательно стигматизировало в его глазах многие альтернативные течения исламской мысли. Это в значительной степени способствовало «замыканию» его мировоззрения в рамках близких ханбалитскому Неджду идей так называемых «протосалафитов», которые в дальнейшем стали богословской основой радикальной идеологии ваххабитов.

§ 4. ИДЕОЛОГИЯ РАННЕГО ВАХХАБИЗМА И ЕЕ ИСТОКИ

Анализ ранних трудов Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба позволяет выявить важную деталь – в раннем ваххабизме практически полностью отсутствуют элементы политической доктрины. В них также редко фигурируют ставшие позднее хрестоматийными пассажи о джихадизме и необходимости проливать кровь на пути Аллаха. Львиная доля вниманияделена в них теории таухида, критике «девиантного» ислама и языческих практик, а также призыву к обновлению и очищению религии, даже если это потребует неподчинения властям.

Заметим, что упомянутые ранее работы вероучителя представляют собой не столько полноценные богословские трактаты, сколько сборники тезисов и аргументов, которые надлежало использовать в миссионерских целях. Из этого ряда в определенной степени выбивается книга «Вопросы джахилии», однако даже если она и была написана позже, изложенные в ней идеи практически не отличаются от содержащихся в «Китаб ат-таухид».

Хотя «Книга единобожия» является самым известным сочинением Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, и о ней бытует представление как о его основополагающем труде, систематическое изложение ваххабитской доктрины обнаруживается в другом источнике – «Кашф аш-шубухат» («Отведение сомнений»). В сущности, эта работа представляет собой подробную инструкцию для пропагандистов ваххабизма, включающую перечень его основных идей, рекомендуемую последовательность их изложения во время религиозных диспутов, а также набор аргументов и контраргументов, уместных в богословских спорах. По этой причине именно этот трактат неизбежно становится главным ориентиром в рассуждениях об идеологии раннего ваххабизма.

Анализ его содержания позволяет констатировать, что богословская основа учения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба практически полностью заимствована из ханбализма⁷⁰³. История этого мазхаба берет начало в Ираке времен Аббасидского халифата и связана с фигурой одного из крупнейших ученых и знатоков хадисов VIII–IX вв. Ахмада ибн Ханбала (780–855)⁷⁰⁴. Уже тогда, в период острого противостояния с му‘тазилитами⁷⁰⁵ им активно проповедовалась идея недопущения рационалистического и аллегорического прочтения священных текстов с опорой на принцип *биля кайф* (не задавай себе вопрос “как?”)⁷⁰⁶. В этой связи ханбализм стал главным прибежищем сторонников «очищения» ислама от

⁷⁰³ Иванов Н.А. Труды по истории исламского мира. С. 440.

⁷⁰⁴ Ахмад ибн Ханбаль – мусульманский правовед и богослов, основатель и эпоним ханбалитского мазхаба.

⁷⁰⁵ Му‘тазилиты – представители одного из крупных направлений средневекового спекулятивного богословия – калама. См. подробнее: Корбен А. История исламской философии. Пер. с франц. А.А. Кузнецова; Научн. ред. Р.М. Шукуров. М.: Прогресс-Традиция, 2010. С. 55–58.

⁷⁰⁶ Makdisi G. The Significance of the Sunni Schools of Law in Islamic Religious History. Р. 1–8; Ислам. Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. С. 271.

наслоившихся за столетия бида⁷⁰⁷. Подразумевалось, что главным шагом на этом пути должно стать возвращение к «неповрежденным» Корану и сунне. Нововведения допускались лишь при наличии их документированного единогласного одобрения (*иджма*) со стороны *саляфов*⁷⁰⁸. В качестве наиболее очевидного обоснования своих позиций ханбалиты часто использовали 3 аят суры 5 «Аль-Маида» («Трапеза»), в котором Аллах устами Пророка говорил: «Я ради вас усовершенствовал вашу религию, довел до конца Мою милость к вам и одобрил для вас в качестве религии ислам»⁷⁰⁹. Из этого заключалось, что ниспосланная вера не нуждается в модификациях и должна практиковаться в том виде, в котором она была зафиксирована ее ранними adeptами. По оценке А.М. Васильева, данный подход превратил ханбализм в «самую негибкую форму ортодоксального ислама»⁷¹⁰. При этом отнести Ибн Ханбала к радикалам можно лишь с большой натяжкой, в пользу чего свидетельствует его довольно мягкое отношение ко многим бида[‘] (вроде почитания аулия и священных реликвий или мистических практик суфиеv)⁷¹¹. Упор в его трудах делался скорее на внимательное отношение к источнику тех или иных новшеств и необходимости проверки их происхождения. Слепое же следование сложившемся обычаям (*таклид*) без их верификации считалось порочным.

Более очевидна связь поздних радикальных течений с богословием известного ханбалитского ученого XIII в. Таки ад-Дина ибн Таймии (1263–1328), обычно именуемого по его насабу Ибн Таймия⁷¹². Именно его труды и работы его ближайшего ученика Ибн Кайима аль-Джаузийи (1292–1350), полные не столь свойственной для Ахмада ибн Ханбала критики бида[‘] (вроде отдельных мистических ритуалов суфиеv и культа «святых»), чаще всего называются идеологической основой салафизма. Влияние высказанных ими идей на Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, который многократно обращается к

⁷⁰⁷ Makdisi G. The Significance of the Sunni Schools of Law in Islamic Religious History. P. 8; Cook M. On the Origins of Wahhabism. P. 191-202.

⁷⁰⁸ Саляфы (араб. *саляф*, букв. предки, предшественники) – первые три поколения мусульман, начиная со сподвижников пророка Мухаммада.

⁷⁰⁹ Здесь и далее Коран цит. по: Коран. Перевод смыслов. Пер. Э.Р. Кулиева. М.: Эксмо, 2013.

⁷¹⁰ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 48.

⁷¹¹ Подробнее см.: Кныш А.Д. Мусульманский мистицизм. С. 152-153.

⁷¹² The Cambridge Companion to Classical Islamic Theology. Ed. by Tim Winter. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. P. 69.

творческому наследию Ибн Кайима и Ибн Таймии в собственных сочинениях, очевидно⁷¹³. Однако радикальный ханбализм далеко отстоит от бескомпромиссности ваххабитов. Даже Ибн Таймия никогда не отрицал некоторые нововведения. В частности, его отношение к суфизму в значительной степени варьировалось в зависимости от конкретного течения и присущих ему практик. Наглядным примером служит его близость к последователям ‘Абд аль-Кадира аль-Гилани, который в дальнейшем стал одним из главных объектов нападок «единобожников»⁷¹⁴. Критика Ибн Таймиией культа «святых» также характеризовалась определенной гибкостью, поскольку во многом она касалась внутренней мотивации верующих при совершении тех или иных религиозных действий. В целом подход протосалафитов к оценке бида‘ подразумевал возможность дискуссии относительно их запретности или допустимости, что разительно отличает его от общеизвестного радикализма ваххабитского учения. Для обнаружения расхождения между взглядами теоретиков ханбализма и учением, предложенным Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом, обратимся к текстам «Отведений сомнений» и «Четырех опор».

В зчине первого трактата основатель ваххабизма определяет главной своей задачей борьбу за бескомпромиссное следование единобожию. Непреодолимым препятствием на этом пути он провозглашает культ аулия, который, в рамках его классификации, является тяжелейшим из бида‘, поскольку самим своим существованием оскверняет таухид. «Любой, кто взывает к кому-то кроме Аллаха, невежествен и лишь укрепляется в своем невежестве, думая, что он приближается к Богу», – наставляет шейх своих последователей⁷¹⁵. К этому направлению критики и его особенностям мы вернемся несколько позже, прежде восстановив методологию, на основании которой вероучитель пришел к подобным убеждениям.

Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб, как и ханбалиты, подчеркивает

⁷¹³ Некоторые работы Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба представляют собой краткие изложения ханбалитских и протосалафитских трактатов, которые сопровождаются комментариями самого шейха. См: *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Муаллафат. Т. 6. С. 3-351.

⁷¹⁴ Makdisi G. Ibn Taymiyya: A Sufi of the Qadiriya Order // American Journal of Arabic Studies. 1973. No. 1. P. 118–129.

⁷¹⁵ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 1. Ч. 1. С. 159.

необходимость возвращения к «неповрежденным» Корану и сунне. Это убеждение наглядно выражено в следующих словах шейха: «Если люди спорят о чем-либо, то пусть обратятся к Книге и сунне, и я убежден, что, они обнаружат то, что разрешит их спор»⁷¹⁶. При этом, следуя традиции своего мазхаба, он отвергает любой нетрадиционалистский подход к священному писанию⁷¹⁷. Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб порицает «философов» и «красноречивцев», призывая не слушать их увещевания и снисходительно добавляя: «У врагов единобожия может быть сколько угодно книг и [рациональных] аргументов <...> но именно люди знания, красноречия и доводов – главные враги, подстерегающие [верующих] на пути к Аллаху. Ваш (последователей ваххабизма. – Ф.М.) долг – изучать религию Аллаха и выделить из нее то, может стать для вас оружием в борьбе с этими шайтанами»⁷¹⁸. В аналогичных формулировках он высказывает эту мысль в некоторых своих личных письмах⁷¹⁹.

Затем шейх продолжает излагать свою версию основ ханбалитской коранической экзегетики, вводя понятия аятов категорий *мухкамат*⁷²⁰ и *муташабихат*⁷²¹. Само по себе разграничение этих двух типов аятов – один из сложнейших вопросов исламской теологии. Следуя за своими предшественниками, Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб находит подтверждение этому разграничению в 7 аяте суры 3 «Аль Имран» («Семейство Имрана»): «Он – Тот, Кто ниспоспал тебе Писание, в котором есть ясно изложенные аяты, составляющие мать Писания, а также другие аяты, являющиеся иносказательными». Употребленное в данном кораническом стихе неоднозначное понятие «матерь Писания» (*умм аль-Китаб*) вероучитель определенно трактует как предвечно существующее откровение Аллаха, имеющее земное воплощение в виде совокупности аятов категории *мухкамат*, и отвергает сложные метафизические концептуальные построения,

⁷¹⁶ Там же. Т. 3. Ч. 1. С. 11.

⁷¹⁷ См. подробнее: Bunzel C.M. Wahhabism: The History of a Militant Islamic Movement. Р. 48-59.

⁷¹⁸ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 1. Ч. 1. С. 159.

⁷¹⁹ Там же. Т. 7. С. 156; 176-180.

⁷²⁰ *Мухкамат* – понятие в исламской экзегетике, обозначающее коранические аяты, значение которых ясно без толкования.

⁷²¹ *Муташабихат* – понятие в исламской экзегетике, обозначающее коранические аяты, которые нуждаются в толковании.

которые отождествляют это понятие с Хранимой скрижалью (*аль-лаух аль-махфуз*)⁷²². Исходя из этих принципов, Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб фиксирует ключевой метод работы с кораническим текстом, заключающийся в трактовке «неоднозначных» аятов лишь в строгом соответствии с картиной мира, заданной «однозначными» аятами. Причем последние должны составлять целостную и непротиворечивую мировоззренческую систему, так как, по словам шейха, «верные доказательства [никогда] не противоречат друг другу!»⁷²³ Однако критерии демаркации этих двух групп аятов спорны вплоть до того, что под сомнение ставится даже упомянутый в начале абзаца пассаж, непосредственно касающийся самих понятий мухкамат и муташабихат.

Решая вопрос об их дифференциации, вероучитель придерживается подхода, согласно которому все не требующие трактовки аяты должны так или иначе относиться к главному посылу Корана и быть совершенно ясны по смыслу. Таковым он и его идеиные предтечи считают весть о единобожии – именно таухид признается ядром священного писания. Все сакральные тексты должны восприниматься через призму этой установки, а в спорных ситуациях необходимо опираться исключительно на картину мира, выстроенную на основании этих аятов в их буквалистском прочтении. В дальнейшем это найдет свое отражение в подборке шейхом аргументов в дискуссиях с оппонентами. Кроме того, именно особенности принципа «очевидности» (*биля кайф*) сыграют ключевую роль в формировании ваххабитского радикализма. Такой метод работы со священными текстами Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб считает единственным правильным. Эта позиция в дальнейшем была еще раз подтверждена в его труде «Четыре опоры», в котором все вышесказанное выражается в четырех тезисах: «1. Если говоришь, не имея [о сказанном] достаточного представления, – ты грешишь против Аллаха <...> 2. Все, о чем умолчал Законотворец (Аллах. – *Ф.М.*), – милость <...> 3. Игнорировать [в своих рассуждениях] очевидные формулировки и прибегать к иносказанию – путь отклонившихся [от истины]. Таковыми являются, например,

⁷²² Хранимая скрижаль (араб. *аль-лаух аль-махфуз*) – в исламской традиции олицетворение божественного знания, источник всех откровений и священных писаний, несущий в себе полноту знания о вселенной и ее судьбе.

⁷²³ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 3. Ч. 1. С. 11.

рафидиты и хариджиты⁷²⁴ <...> 4. Пророк говорил: “Что дозволено, то ясно, что запрещено – тоже ясно, а между этими крайностями лишь сомнительные дела” <...> Итак, [знайте], что эти четыре принципа – неотъемлемые спутники религии, говорим ли мы о тафсире, фикхе или духовных деяниях»⁷²⁵.

Разъяснив методику работы с основополагающими вероучительными источниками, Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб переходит к положению о необходимости пересмотра религиозной жизни его современников и приближения ее к эталонам, заданным Кораном и сунной. Им утверждается острая потребность в «очищении» практики таухида. Этот тезис многократно повторяется основателем ваххабизма во всех его сочинениях и служит идеологическим стержнем его доктрины. «Единобожие – это поклонение Аллаху и никому больше», – писал он в одном из своих трудов⁷²⁶. В «Книге единобожия» он конкретизирует: «Если кто-то предстанет перед Аллахом, не придав Ему сотоварищей, то ему уготован рай. Тот же, кто предстанет перед Ним, уподобляя Его кому-либо, попадёт в ад»⁷²⁷. На пути утверждения таухида главной задачей вероучителя становится очищение ислама от «элементов многобожия», которыми он называет практически все бида‘ без исключения, в чем разительно отличается даже от воззрений радикальных последователей Ибн Таймими. «Всякая новоизобретенная практика – нововведение, всякое нововведение – заблуждение, а всякое заблуждение [пребывает] в адском огне», – такова универсальная формула, применяемая Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом⁷²⁸.

Основным нововведением, безоговорочно относимым ваххабитами к ширку, являлись все формы почитания «святых», или, как их называет сам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб, «заступников»⁷²⁹. Свою критику он начинает с общего низведения салихун, аулия и пророков до уровня существ, полностью подчиненных воле Аллаха и не имеющих возможности ходатайствовать за молящихся.

⁷²⁴ Хариджиты – последователи самой ранней в истории ислама религиозно-политической группировки, образовавшейся в ходе борьбы за власть в Халифате между ‘Али ибн Абу Талибом и Му‘авией ибн Абу Суфьяном.

⁷²⁵ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 3. Ч. 1. С. 3-6.

⁷²⁶ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Аль-усуль ас-саляса. С. 8.

⁷²⁷ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид. С. 48.

⁷²⁸ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 3. Ч. 1. С. 11.

⁷²⁹ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 159.

Переосмыслению подверглась также фигура самого пророка Мухаммада, что явствует из содержания «Краткой сирры Пророка», вышедшей из-под пера вероучителя⁷³⁰. На ее страницах он уделяет минимальное внимание чудесам и сверхъестественным событиям, связанным с жизнью основателя ислама, и всячески пытается подчеркнуть его земную природу и подвластность божественному промыслу. Отдельно Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб фокусируется на традиции паломничества к могиле Мухаммада в Медине, посвящая этому вопросу двадцать вторую главу «Китаб ат-таухид»⁷³¹. В ней он называет практику такого рода избыточной, приводя в качестве аргумента известный хадис в передаче Малика ибн Анаса⁷³², в котором Пророк говорил: «О Аллах! Не делай мою могилу идолом, которому поклоняются. Поистине, силён гнев Аллаха, обращенный на людей, которые превращают могилы своих пророков в мечети»⁷³³. Подобное позиционирование пророка Мухаммада в ваххабитской картине мира отмечалось многими исследователями и путешественниками⁷³⁴. При этом сложившийся вокруг посланника Аллаха культивировался ваххабитами сравнительно мягко на фоне других схожих обычая.

Хотя ваххабиты почтительно относились к живым и почившим праведникам, они жесточайшим образом пресекали поклонение им в качестве источника получения бараки. Единственный допустимый способ выражения уважения к ним Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб описывает в «Отведении сомнений»: «Дозволено лишь прийти к праведнику <...> и попросить его: “Помолись за меня”, как это делали сподвижники, общаясь с Пророком <...> при его жизни»⁷³⁵. При этом он особо подчеркивает: «Что же касается [таких действий] после его (праведника. – Ф.М.) смерти, то салафы не одобряли молитвы Аллаху на его захоронении, что уж говорить о молитвах, адресованных ему (праведнику. – Ф.М.) самому!»⁷³⁶

⁷³⁰ См.: там же. Т. 4. Ч. 1.

⁷³¹ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид. С. 110.

⁷³² Абу ‘Абдаллах Малик ибн Анас (711–795/6) – факих, мухаддис, основатель маликитского мазхаба.

⁷³³ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид. С. 102.

⁷³⁴ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 47; Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahabys. Vol. 1. P. 102.

⁷³⁵ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 1. Ч. 1. С. 178.

⁷³⁶ Там же.

Последняя цитата особенно ярко оттеняет одну из главных отличительных черт ваххабизма – категорическое неприятие практики воздвижения погребальных сооружений на могилах «святых» и любых связанных с ними ритуалов⁷³⁷. Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб приравнивает их к языческим обычаям вроде обожествления природных объектов: «Памятники, построенные на могилах, есть идолы, которым поклоняются помимо Аллаха, они точно такие же как камни и деревья, перед которыми <...> приносятся обеты»⁷³⁸. «Молиться на могилах – такая же мерзость, как входить в расписанные синагоги и церкви», – с гневом восклицает богослов⁷³⁹. Ненависть Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба к этому обычанию ясно прослеживается и в разнообразии подходов к его дискредитации. Так, в одном из своих пространных комментариев он призывает запретить подобные практики, ссылаясь на то, что кладбища являются ритуально нечистым местом, непригодным для совершения богослужений⁷⁴⁰.

Все возможные рациональные аргументы в пользу их сохранения опровергаются ссылками на «ясные» аяты⁷⁴¹. «Если язычник начинает сыпать цитатами о том, что угодникам божиим неведомы страх и печали, что они имеют право на то, чтобы быть заступниками, или о том, что пророки находятся на особом положении, скажи им, что это – “игра” с неоднозначными аятами, а затем процитируй им 18 аятов суры «Юнус» <...>, который относится к однозначным <...> Если же многобожник скажет тебе о том, что эти аяты повествуют исключительно об идолопоклонниках, то признай, что всякий, молящийся идолам, – неверный, и укажи на [очевидную] схожесть вознесения молений святым с идолопоклонством», – наставляет Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб своих последователей⁷⁴². Именно последняя цитата является ключом к пониманию истоков столь бескомпромиссной позиции основателя ваххабизма.

⁷³⁷ Там же.

⁷³⁸ Там же. Т. 4. Ч. 1. С. 221.

⁷³⁹ Там же. Т. 2. С. 110.

⁷⁴⁰ Там же.

⁷⁴¹ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 161-163.

⁷⁴² Там же. С. 162-163.

Частое взвывание к «очевидности» в богословской аргументации Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба заставляет вновь обратиться к реалиям духовной жизни Неджда XVIII–XVII вв. и обратить внимание на тот факт, что в этом уголке арабского мира почитание аулия действительно сливалось с языческими практиками. В одном из своих писем вероучитель сокрушается: «Некоторые из числа самых презренных простолюдинов имеют привычку приходить на могилу какого-нибудь праведника и говорить: “О мой господин, если ты исполнишь мое желание, благословишь меня или удовлетворишь мою нужду, то я отплачу тебе золотом, едой или воском”»⁷⁴³. Сложно не заметить, насколько данное описание соответствует ритуалам, которые недждийские феллахи проводили у пальмы аль-Фаххаль или в пещере Бинт аль-Амир.

Именно специфика центральноаравийского культа «святых» убедила Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в однозначной тождественности традиций почитания аулия с идолопоклонством. По-видимому, на момент первого путешествия за пределы Неджда эта составляющая мировоззрения шейха уже устоялась, и все, что ему довелось увидеть за границами своей родины, воспринималось им исключительно сквозь эту призму. На страницах своих трудов он прямым текстом приравнивает примитивный недждийский фетишизм к практикам, имеющим куда более сложную природу вроде тех, что бытовали среди христиан, шиитов или последователей ‘Абд аль-Кадира аль-Джилани⁷⁴⁴. «Неужели вы думаете, что вера в Али ибн Абу Талиба – богохульство, а вера в Таджа и ему подобных не причиняет вреда?» – восклицает он в споре с оппонентами⁷⁴⁵.

В отношении шиизма критика Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба не ограничивалась нападками на почитание Али и его потомков, хотя они составляли немалую часть главного антишиитского трактата шейха «Рисаля фи ар-радд ‘аля ар-рафида» («Послание об опровержении рафидитов»)⁷⁴⁶. В нем содержится красноречивое свидетельство отношения шейха к последователям шиизма: «Они

⁷⁴³ Там же. Т. 7. С. 176-180.

⁷⁴⁴ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 162, 168.

⁷⁴⁵ Там же. С. 172.

⁷⁴⁶ Там же. Т. 13. Ч. 4. С. 28, 32-33, 44-45.

почти уподобились христианам, превознося Али и Фатиму⁷⁴⁷ также, как те превозносят Иисуса и Марию»⁷⁴⁸. Однако львиная доля обличений направлена на совсем другие составляющие шиизма, связанные с политической историей возникновения этого течения. Речь идет об «отрицании легитимности халифата [Абу Бакра] ас-Сиддика⁷⁴⁹»⁷⁵⁰, «обязанности проклинать сподвижников, в частности трех “[праведных] халифов”»⁷⁵¹, «призывах к поношению ‘Аиши⁷⁵²»⁷⁵³, «вынесении *takfira*⁷⁵⁴ всем, кто боролся против Али»⁷⁵⁵, и «ограничении круга лиц, имеющих право на преемство власти [в халифате] потомками Хусейна⁷⁵⁶»⁷⁵⁷.

Немало внимания уделяется опровержению сформировавшихся несколько позже доктринальных положений шиизма, среди которых вероучитель называет «практику *takiyyi*⁷⁵⁸, принятую из страха перед людьми»⁷⁵⁹, «веру в непогрешимость 12 имамов⁷⁶⁰»⁷⁶¹, «убежденность в скором возвращении имама Махди⁷⁶²»⁷⁶³, «отрижение божественного предопределения»⁷⁶⁴, «подражание магам (в данном случае имеются в виду зороастрийцы. – *Ф.М.*) в рассуждениях о двух богах – свете и тьме»⁷⁶⁵. «Эти люди (шииты. – *Ф.М.*) говорят: – конкретизирует Мухаммад ибн Абд аль-Ваххаб, – “Бог – Творец добра, а сатана – творец зла”»⁷⁶⁶. Недоверие основателя ваххабизма вызывает ряд шиитских религиозных обычаев,

⁷⁴⁷ Фатима бинт Мухаммад (ум. в 632 г.) – младшая дочь пророка Мухаммада, жена Али ибн Абу Талиба и мать имамов Хасана и Хусейна.

⁷⁴⁸ *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Mухаммад*. Муаллафат. Т. 13. Ч. 4. С. 46.

⁷⁴⁹ Абу Бакр ас-Сиддик (573–634) – один из ближайших сподвижников пророка Мухаммада, первый «праведный халиф».

⁷⁵⁰ *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Mухаммад*. Муаллафат. Т. 13. Ч. 4. С. 8.

⁷⁵¹ Там же. С. 15.

⁷⁵² ‘Аиша бинт Абу Бакр (614–678) – жена пророка Мухаммада, дочь Абу Бакра.

⁷⁵³ *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Mухаммад*. Муаллафат. Т. 13. Ч. 4. С. 22.

⁷⁵⁴ *Takfir* – обвинение в неверии.

⁷⁵⁵ *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Mухаммад*. Муаллафат. Т. 13. Ч. 4. С. 26.

⁷⁵⁶ Хусейн ибн Али (626–680) – внук пророка Мухаммада, младший сын Али ибн Абу Талиба, третий шиитский имам.

⁷⁵⁷ *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Mухаммад*. Муаллафат. Т. 13. Ч. 4. С. 29.

⁷⁵⁸ *Takiyyi* – концепция благоразумного утаивания своей веры. Подробнее см.: Беляев Е.А. Мусульманское сектантство (Исторические очерки). М.: Издательство восточной литературы, 1957.

⁷⁵⁹ *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Mухаммад*. Муаллафат. Т. 13. Ч. 4. С. 20-21.

⁷⁶⁰ Двенадцать имамов – в шиитской традиции наследники духовной и политической власти пророка Мухаммада из числа его потомков.

⁷⁶¹ *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Mухаммад*. Муаллафат. Т. 13. Ч. 4. С. 27.

⁷⁶² Мухаммад аль-Махди – двенадцатый имам в традиции шиитов-двунаадесятников, отождествляемый ими с махди.

⁷⁶³ *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Mухаммад*. Муаллафат. Т. 13. Ч. 4. С. 31.

⁷⁶⁴ Там же. С. 42-23.

⁷⁶⁵ Там же. С. 46.

⁷⁶⁶ Там же.

таких как «совмещение молитв»⁷⁶⁷, «отказ от коллективной пятничной молитвы и предпочтение ей индивидуального поклонения»⁷⁶⁸, «допустимость обтирания, а не омовения ног»⁷⁶⁹ и «любовь к [религиозным] изображениям»⁷⁷⁰. Последней составляющей этого полемического труда является перечень традиций, отражающих, по мнению вероучителя, излишнюю сладострастность и развращенность шиитов, каковыми он считает «временный брак»⁷⁷¹, «заключение брака без свидетелей и опекуна»⁷⁷², «допустимость полового акта с чужой наложницей»⁷⁷³, «развод одним словом»⁷⁷⁴, «совокупление с женщиной в период менструации»⁷⁷⁵ и т.д.

Очевидно, что критика ваххабитами шиизма отличается большей вариативностью на фоне порицания им различных форм бида' в рамках суннизма. В системе ценностей Мухаммада ибн 'Абд аль-Ваххаба шииты автоматически ставятся ниже adeptов традиционалистского суннитского ислама. «Любой рафидит, даже если он искренне верующий, <...> более грешен, чем суннит, совершающий самые тяжкие прегрешения», – рассуждает шейх⁷⁷⁶. Кроме того, он вменяет в обязанность мусульманам отказаться от шиитских культовых практик в силу полного отсутствия их обоснования в Коране и сунне.

С учетом столь радикального отмежевания ваххабизма от немалого количества принятых в нормативном исламе традиций кажется очевидным решительное отвержение вероучителем чуждых религии Пророка магических практик. В «Книге единобожия» строжайшим образом запрещается использование талисманов. «Носящий амулеты, кольца и шнурки для того, чтобы отвести от себя беду, – многобожник», – уверяет шейх⁷⁷⁷. В то же время ваххабиты допускали

⁷⁶⁷ Там же. С. 33.

⁷⁶⁸ Там же. С. 44.

⁷⁶⁹ Там же. С. 40.

⁷⁷⁰ Там же. С. 44-45.

⁷⁷¹ Там же. С. 34.

⁷⁷² Там же. С. 36.

⁷⁷³ Там же. С. 38.

⁷⁷⁴ Там же. С. 42.

⁷⁷⁵ Там же. С. 46.

⁷⁷⁶ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 315.

⁷⁷⁷ Ибн 'Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид. С. 55.

использование в качестве оберега написанных на бумаге коранических аятов. То же самое касалось заклинаний. Так, по словам богослова, посланник Аллаха дал добро на применение заговоров, направленных на защиту от сглаза и ядовитых укусов.

Подходя к завершению анализа идеологии раннего ваххабизма, следует заключить, что на первых порах учение Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в своей основе представляло собой вариацию взглядов средневековых ханбалитских ученых, таких как Ибн Таймия и Ибн Кайим. Как и его предшественники, вероучитель призывал к возвращению к нормам раннего ислама, а также выстраиванию религиозной жизни на основе буквального прочтения священных текстов. Тщательный анализ его трудов позволяет уяснить, что основным новшеством ваххабизма стало не столько предложение новых богословских идей, сколько предельная радикализация изначально жестких позиций протосалафитов. Главным фактором формирования этого подхода стала специфика духовной жизни Центральной Аравии в XVII–XVIII вв., для которой была характерна диффузия «девиантного» ислама и языческих традиций⁷⁷⁸.

Необходимо также подчеркнуть, что в начале своего пути ваххабизм представлял собой преимущественно религиозную доктрину, лишенную социально-политического измерения. Ни один из ранних трудов Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба не содержит печально известных призывов к вооруженной борьбе против «неверных» или указаний распространять «истинный ислам» силой меча. Нет в них и представлений об имamate, обнаруживаемых в его более поздних трактатах. Возникновение этих составляющих было обусловлено радикализацией ваххабитского движения в результате неоднократных попыток реализовать его идеалы на практике.

§ 5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАДИКАЛИЗАЦИЯ ВАХХАБИТСКОГО ДВИЖЕНИЯ И ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МУХАММАДА ИБН ‘АБД АЛЬ-ВАХХАБА В ЭД-ДИР‘ИЙЮ

⁷⁷⁸ Диффузия такого рода не была специфически недждийским явлением. Этот феномен в деталях исследовался В.Н. Басиловым на примере центральноазиатских религиозных традиций (*Басилов В.Н. Культ святых в исламе. С. 119-137.*)

Для понимания дальнейшей судьбы ваххабитского движения обратим внимание на тот факт, что, несмотря на отсутствие в ранней доктрине джихадистских мотивов, его сторонники отнюдь не отличались терпимостью и пассивностью. Радикализм ваххабитской идеологии подразумевал, что всякий, кто не разделяет убеждений Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, должен быть причислен к неверующим. Под угрозой такфира оказывались не только шииты или суфии, но и сунниты, не вставшие на сторону «единобожников». Всех мусульман, отказавшихся от участия во вдохновленном вероучителем движении, он обвинял в «совершении благих дел лишь ради земной выгоды»⁷⁷⁹. В одном из своих писем, адресованных правителю Манфухи Мухаммаду ибн Фарису шейх заявлял: «[К кафирам относится тот], кто не признает многобожников однозначно неверующими, либо колеблется в этом, либо высказывает одобрение их учению <...>, [а также тот], кто водит дружбу с многобожниками и поддерживает их действия против мусульман <...>, исповедуя религию, но не поступая по ее заповедям»⁷⁸⁰. Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб многократно повторял тезис о том, что его современники хуже язычников эпохи джахилии, поскольку они дерзнули ввести многобожие в религию Аллаха, «взываая в благоденствии к ангелам и пророкам, а в нужде – к Богу»⁷⁸¹.

Особенно яростным нападкам со стороны ваххабитов подвергались ‘алимы, которые отказывались следовать указаниям шейха Мухаммада. При этом им решительно отвергалась всякая иерархия в богословской среде, а носители пышных титулов вроде «верховного кади» на страницах ваххабитских трактатов называются «наибольшими ничтожествами в глазах Аллаха <...> который один есть Судья, и лишь Ему принадлежит власть принимать решения»⁷⁸². Религиозная идентичность ставилась Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом превыше социальных и родственных связей. «Всякий покорившийся Пророку и

⁷⁷⁹ Там же. С. 153, 154.

⁷⁸⁰ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 212-214.

⁷⁸¹ Там же. С. 124-127.

⁷⁸² Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид. С. 176.

поклоняющийся одному лишь Аллаху, не должен потворствовать их врагам даже среди своей родни», – восклицает вероучитель в одном из своих трактатов⁷⁸³.

В обычных условиях такие идеологические установки должны были способствовать превращению ваххабитов в маргинальную закрытую общину, однако этому воспрепятствовала проповедуемая их лидером идея об обязательности «призыва» к принятию его учения всеми, кто не признавал его доктрину. Уже в самых ранних трактатах, например, в «Трех основах», он прямо называет «призыв [к монотеизму]» не просто обязанностью каждого верующего, но неотъемлемой составляющей таухида⁷⁸⁴. Эта же идея звучит на страницах «Книги единобожия», причем в первых ее главах⁷⁸⁵. Фактически даже проявлявшие сочувствие к ваххабизму мусульмане, которые не участвовали в его распространении, могли быть причислены к многобожникам.

Из пособий, составленных шейхом для разделявших его взгляды проповедников, также яствует, что их пропагандистская риторика отличалась агрессивностью. Ожесточенной критике подвергались практически все слои недждийского общества, что придавало «единобожникам» ореол неуживчивости в глаза большей части аравитян. Однако Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб был непреклонен и многократно подчеркивал важность стойкости и жертвенности на пути проповеди ислама⁷⁸⁶. В случае конфронтации со светскими и духовными властями вероучитель требовал от своих последователей «выказывать неповинование [наделенным полномочиями] ученым и властителям, которые запрещают то, что было дозволено Аллахом, и дозволяют все, что было Им запрещено»⁷⁸⁷. «Будьте терпеливы, братья мои, и благодарите Господа за то, что Он открыл вам путь к истинному познанию <...> знайте, что у Него есть причины испытать вашу стойкость и верность прямому пути», – подбадривал он последователей в одном из своих публичных посланий⁷⁸⁸. Истовые ваххабиты

⁷⁸³ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Аль-усуль ас-саляса. С. 3.

⁷⁸⁴ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 1. Ч. 1. С. 185.

⁷⁸⁵ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид. С. 49.

⁷⁸⁶ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Аль-усуль ас-саляса. С. 4.

⁷⁸⁷ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Китаб ат-таухид. С. 154.

⁷⁸⁸ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 270-271.

порой превосходили своего учителя в радикализме вплоть до того, что он был вынужден сдерживать их порывы. Показательна в этом плане его переписка с двумя сторонниками из Эд-Дир‘ии – Мухаммадом иbn Сувайлином и Суньяном иbn Саудом (ум. в 1747 г.), братом правившего тогда эмира Мухаммада иbn Сауда. В ней приверженцы шейха похвалялись тем, что отказались целовать руку одному из потомков пророка Мухаммада, прогнав его со словами: «Твоя рука презренна, а твой зеленый тюрбан⁷⁸⁹ – ничто»⁷⁹⁰. В ответ вероучитель заметил, что их поведение было излишне резким, поскольку в сунне есть прецедент, обосновывающий приемлемость этого жеста, однако затем добавил: «Но проявлять в этом инициативу, действительно, не нужно, поскольку вокруг много самозванцев»⁷⁹¹.

Наряду с массовой агитацией Мухаммад иbn ‘Абд аль-Ваххаб использовал более утонченные методы пропаганды своих взглядов. В частности, он вел активную переписку со многими богословами Неджда и сопредельных земель, призывая их покаяться и стать его сторонниками. Адресатами посланий также были власть имущие, такие как правители Йемена и Хиджаза⁷⁹². Ранние публичные и частные послания шейха были бескомпромиссны в доктринальных вопросах, однако не отличались ультимативностью более поздних писем. Поначалу вероучитель пытался вступать в диалог с оппонентами и доказывать свою точку зрения, часто завершая свои рассуждения следующей фразой: «Если же я что-то упустил, говоря об истине, или в моих словах обнаружилась ошибка, то вы можете указать мне на это»⁷⁹³. Во многих посланиях он предпринимал попытки защититься от нападок недоброжелателей и развеять многочисленные мифы и слухи, сопутствовавшие его движению⁷⁹⁴. В других посланиях Мухаммад иbn ‘Абд аль-Ваххаб стремился добиться от недждийских ‘алимов издания фетв, осуждающих ненавистные ваххабитам религиозные практики, примером чему служит его

⁷⁸⁹ Зеленый тюрбан считался одним из отличительных знаков принадлежности к сообществу потомков пророка Мухаммада – шерифов.

⁷⁹⁰ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 284.

⁷⁹¹ Там же. С. 285.

⁷⁹² Там же. С. 94-98, 100-101, 312.

⁷⁹³ Там же. С. 42.

⁷⁹⁴ См.: там же. С. 52-55, 60, 62-76, 94-98, 100-101.

длительное общение с кади Эд-Дир‘ийи⁷⁹⁵.

Несмотря на непримиримость и жесткую риторику, проповеди Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба принесли плоды, и многие жители Хураймалы присоединились к его движению. Ибн Бишр писал о них: «Эти мужи были преданы шейху и [поддерживали] его во всех начинаниях»⁷⁹⁶. Вскоре, по словам того же летописца, «весть о новом учении донеслась до обитателей ‘Уяйны, Эд-Дир‘ийи, Эр-Рияда и Манфухи»⁷⁹⁷. Однако перечень географических областей свидетельствует о том, что ареал распространения ваххабизма на раннем этапе был весьма ограниченным: его влияние слабо затронуло территории за пределом Эль-‘Арида (за исключением самой Хураймалы). Кроме того, недждийские богословы, на поддержку которых делал ставку шейх, едва ли испытывали энтузиазм по отношению к его призывам начать «очищение веры». На это указывает его переписка с учеными Эд-Дир‘ийи, которых он пытался убедить официально осудить местные культы: «[Мне стало известно], что вы испытываете трудности с тем, чтобы издать фетву, выносящую такфир тагутам вроде сынов Шамсана и сынов Идриса, а также их поклонникам <...> надеюсь, что ситуация прояснится, и вы сможете донести это до любого, кто причастен к сему преступлению»⁷⁹⁸. Однако призывы Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба не возымели эффекта, и безрезультатный обмен посланиями длился вплоть до его переселения в Эд-Дир‘ию. Любопытным представляется тот факт, что в данном случае вероучитель общался с дружески настроенными ‘алимами, которые однако не были готовы бок о бок с ним ступить на путь воинственного прозелитизма.

Импульсом к реализации ваххабитского проекта стала смерть отца Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба – кади Хураймалы ‘Абд аль-Ваххаба ибн Сулеймана в 1740 г., после чего шейх незамедлительно занял его место. Получив необходимые полномочия, он начал претворять в жизнь свои представления о «чистом» исламе, издав указ об уничтожении всех фетишей и гробниц «святых» в

⁷⁹⁵ Там же. С. 240-242.

⁷⁹⁶ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 214.

⁷⁹⁷ Там же.

⁷⁹⁸ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 240-241.

округе. В качестве обоснования своих деструктивных действиях он приводил многочисленные истории об уничтожении по приказу пророка Мухаммада языческих капищ первыми мусульманами, особенно заостряя внимание на роли Али ибн Абу Талиба в этой кампании⁷⁹⁹. В дальнейшем акции такого рода станут отличительной чертой ваххабизма, а их «жертвами» окажутся многие знаменитые архитектурные комплексы, например «прекрасная гробница аль-‘Аббаса⁸⁰⁰» в Таифе, о плачевной судьбе которой сокрушался Дж.Л. Буркхардт⁸⁰¹.

Одновременно шейх Мухаммад стал тщательнее следить за посещением горожанами мечетей в молитвенное время, а также впервые за долгие годы обязал местных жителей выплачивать закят, чем они ранее пренебрегали. «Моей рукой [в этих землях] были восстановлены ежедневные молитвы, выплата закята и выполнение других обязанностей, возложенных на нас Аллахом», – писал он иракскому ‘алиму ‘Абд ар-Рахману ас-Сувайди⁸⁰². В том же послании вероучитель добавляет, что им также был наложен строжайший запрет на ростовщичество, употребление одурманивающих веществ и «иные непристойности»⁸⁰³. Также были подвергнуты ревизии многие обычаи, связанные с повседневной жизнью горожан, – свадебные обряды, увеселительные мероприятия и т.д.

Уже в первые годы судейства Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в Хураймале молодая ваххабитская община оказалась противопоставлена всей тамошней социально-политической и житейской реальности. Большинству горожан попросту докучало навязывание «единобожниками» своих пуританских нравов. Не меньшее вящее недоумение вызывало уничтожение священных объектов, почитание которых было неотъемлемой частью местной духовной жизни. ‘Алимы Неджда в большинстве своем были равнодушны к новому движению, однако появились и те, кто был уязвлен напористой риторикой вероучителя и начал активно очернять его и его сторонников в глазах единоверцев. Шейх едва успевал отбиваться от обвинений в культе личности, сектантстве или призывах разрушить купол над

⁷⁹⁹ Там же. Т. 1. Ч. 1. С. 172.

⁸⁰⁰ ‘Аббас ибн Абд аль-Мутталиб (566–653) – дядя пророка Мухаммада.

⁸⁰¹ Burckhardt J.L. Travels in Arabia. P. 159.

⁸⁰² Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 36.

⁸⁰³ Там же.

могилой Пророка, то и дело восклицая в своих письмах: «Это клевета, о которой и говорить стыдно <...> как такое могло прийти в голову здравомыслящему человеку!»⁸⁰⁴ Однако главная опасность исходила от местной знати, авторитет которой значительно пошатнулся под воздействием обличительных проповедей Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, а также его активного вмешательства в социально-политическую жизнь. Не меньшее значение имело упорядочивание им сбора закята. Все это в совокупности заметно смещало баланс сил в оазисе и лишало «аристократию» былого влияния. Особенно контрастно это выглядело на фоне старых порядков, царивших в недждийских оазисах, в рамках которых кади в лучшем случае был вторым лицом после эмира, а чаще всего состоял у него на службе в качестве придворного судьи и законоведа.

Народное возмущение и недовольство элит, вызванное деятельностью Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, способствовало его скорому отъезду из города. Согласно сочинению Ибн Бишра, вероучитель был вынужден бежать из оазиса, поскольку местные ‘абды⁸⁰⁵ организовали заговор с целью его убийства⁸⁰⁶. В хронике Ибн Ганнама этот эпизод опущен, хотя автор фиксирует тот факт, что шейх покинул город, чтобы странствовать и проповедовать⁸⁰⁷. Неудача в Хураймале заставила основателя ваххабизма переосмыслить свой подход к распространению своего учения. Отныне одной из главных его целей стало налаживание отношений с военной прослойкой. Силовая поддержка позволила бы «единобожниками» реализовывать их проекты без опасений расправы со стороны оппонентов.

Новым пристанищем Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба стала ‘Уяйна, куда его пригласил эмир ‘Усман ибн Му‘аммар. Ваххабитские летописцы уверяют, что он был принят в городе с великими почестями⁸⁰⁸. Ибн Бишр добавляет, что правитель отдал богослову в жены свою тетю⁸⁰⁹. Вероятно, он захотел восстановить

⁸⁰⁴ Там же. С. 36-38.

⁸⁰⁵ ‘Абды – гвардия рабов, выполнявшая военные, полицейские и другие функции.

⁸⁰⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджид фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 38.

⁸⁰⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 215.

⁸⁰⁸ Там же. С. 216.

⁸⁰⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджид фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 38.

со знаменитым богословским кланом отношения, которые были разорваны его предшественником. Заняв пост кади, вероучитель продолжил распространение своего учения, и вскоре, по словам летописца, «под его знаменами сплотилось великое множество обитателей ‘Уяйны»⁸¹⁰.

Период его пребывания в этом оазисе стал временем окончательного складывания социально-политической доктрины ваххабизма. Произошла заметная радикализация отношения его адептов к идеяным оппонентам. Если до переселения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в ‘Уяйну «единобожники» делали упор на их обличение и агрессивную пропаганду, то в его более поздних трудах отвергается всякая возможность диалога с ними. «Не спорьте с заблудшими. Поистине, они могут заразить вас своим заблуждением и запутать вас в том, что вы знаете», – писал шейх в трактате «Муфид аль-мустафид фи куфр тарик ат-таухид» («О куфре тех, кто презрел единобожие»)⁸¹¹. В подтверждение этой позиции он приводит хадис, восходящий к Абу Бакру. В нем первый «праведный халиф» отказался от спора с одним из язычников, поскольку тот «мог поселить в его сердце то, от чего потом трудно будет избавиться»⁸¹². Иными словами, бескомпромиссность ваххабитов стала распространяться не только на идеологическую, но и на социально-политическую сферу. Аравийские мусульмане вынуждены были либо присоединяться к ваххабитскому движению, либо не стоять на пути у его сторонников. Эта трансформация отношений с противниками обнаруживается и в письмах вероучителя. Так, именно в рассматриваемый период он прерывает многие из своих полемических переписок. Особенно эмоциональными были его завершающие послания дир‘ийскими ‘алимами. В последнем письме ‘Абд аль-Ваххабу ибн ‘Абдаллаху ибн ‘Исе шейх сокрушался: «Я молюсь о тебе, совершая земные поклоны, ведь и ты, и твой отец – самые почтенные и дорогие для меня люди! И ваши дела ранят меня больше, чем то, что творят жители Эль-Хасы. Ты будешь нести ответственность за то, что погубил и

⁸¹⁰ Там же. С. 38.

⁸¹¹ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 1. С. 318.

⁸¹² Там же. С. 318-319.

себя, и своего отца»⁸¹³.

Сопротивление интеллектуальной элиты, военной верхушки и рядовых жителей деятельности ваххабитов усиливало стремление «единобожников» противопоставить себя неваххабитскому большинству. «Хранители истины всегда в меньшинстве», – так Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб объяснял своим сторонникам усилившимся на них гонения⁸¹⁴.

Занчительные сложности реализации ваххабитских идей на практике в условиях внешнего давления вынудили шейха пойти на два решительных шага. Первым из них стало объявление о желательности, если не обязательности переселения ваххабитов из земель, где их притесняют, в более лояльные по отношению к шейху области⁸¹⁵. В своих комментариях к одному из трудов средневекового ханбалитского ученого ‘Абд ар-Рахмана аль-Мукаддаси (1200–1283) Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб уточняет детали: «Переселение (хиджра) обязательно для тех, кто не может открыто практиковать свою религию. <...> После занятия этих земель мусульманами (т.е. ваххабитами. – Ф.М.), переселение перестает быть обязательным»⁸¹⁶. В сборнике фетв вероучителя также есть отдельный документ, постулирующий необходимость перемещения детей из неблагоприятных для ваххабитов районов⁸¹⁷. Такого рода инструкции во многом помогли Мухаммаду ибн ‘Абд аль-Ваххабу «стянуть» в ‘Уяйну большое количество своих последователей из всех уголков Аравии и превратить движение в политическую силу, способную конкурировать с традиционной властью «аристократии».

Еще одним важным нововведением стало внедрение в ваххабизм доктрины священной войны. Заранее оговорим, что как в источниках, так и в литературе этот аспект часто подается в излишне упрощенном виде. К примеру, саудовская исследовательница Мадави ар-Рашид подчеркивала: «Его (Мухаммада ибн ‘Абд

⁸¹³ Там же. Т. 7. С. 280-281.

⁸¹⁴ Там же. Т. 1. С. 284.

⁸¹⁵ Там же. Т. 4. Ч. 2. С. 11.

⁸¹⁶ Там же. Т. 2. С. 361-362.

⁸¹⁷ Там же. Т. 4. Ч. 2. С. 18.

аль-Ваххаба. – Ф.М.) последователи были обязаны обличать всех тех, кто придавал Аллаху сотоварищей <...> и участвовать в священной войне против тех, кто не внимал их увещеваниями»⁸¹⁸. Задолго до нее Дж.Л. Буркхардт констатировал, что «отличительной чертой ваххабитов является распространение ими своей веры мечом»⁸¹⁹. Не менее показателен в этом смысле эпизод из хроники «Блеск метеора», согласно которому вероучитель в ответ на вопрос одного из своих родственников о способе увещевания «неверных» ответил: «Принуди этих неверных многобожников силой меча»⁸²⁰. Главное искажение в данном случае состоит в том, что ваххабитская программа не содержала установки на силовое навязывание веры. По большей части джихад в понимании Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба был лишь инструментом для завоевания «единобожниками» жизненного пространства. Однако в действительности неуживчивость ваххабитов почти всегда вынуждала вставать под их знамена даже тех, кто этого не желал.

Правила джихада были строго регламентированы. Участие в нем было обязательно для большей части мужчин, проживавших на подконтрольных ваххабитам территориях⁸²¹. Основными требованиями считались «мусульманское вероисповедание, половая зрелость, ясность ума, свобода, физическое здоровье и возможность финансово обеспечить [собственное участие в кампании]»⁸²². В своих работах основатель ваххабизма также уделил немало внимания комментариям к запрещенным способам ведения войны. В частности, не позволялось расстреливать пехоту противника из стенобитных орудий, лишать осаждаемые крепости источников воды, убивать женщин и детей, сжигать или затапливать пальмовые рощи⁸²³.

Мобилизация войск производилась в трех случаях – при прямом столкновении с силами «безбожников», при их вторжении на подконтрольные ваххабитам территории и при отдаче соответствующего приказа имамом, который

⁸¹⁸ Al-Rasheed, Madawi. A History of Saudi Arabia. P. 15.

⁸¹⁹ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahabys. Vol. 1. P. 103.

⁸²⁰ Лам‘а аш-шихаб. С. 67.

⁸²¹ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 2. С. 359.

⁸²² Там же.

⁸²³ Там же. С. 363.

являлся их военным предводителем. Фигура имама была теснейшим образом связана с постепенной кристаллизацией в учении Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба концепции имамата. Хотя ее окончательное оформление произошло позже – после переселения шейха в Эд-Дир‘ийю, курс на сотрудничество с военной элитой был задан вероучителем уже в период его пребывания в ‘Уяйне.

По информации ваххабитских летописей, с первых дней пребывания богослова в оазисе его правитель ‘Усман ибн Му‘аммар вызвался быть помощником шейха в распространении ваххабитского учения и претворении его в жизнь⁸²⁴. Он дал добро на уничтожение одного из сакральных мест в окрестностях города – священной рощи, часто посещаемой местными жителями⁸²⁵. В описании Ибн Бишра это событие выглядит следующим образом: «Все началось с того, что шейх сам отправился [к священным деревьям] и стал собственными руками рубить их. Постепенно к нему присоединились другие мужи, и вскоре их число достигло 70, причем многие из участовавших в этом действе принадлежали к знатным семействам»⁸²⁶. Учитывая приведенные в хронике «Блеск метеора» сведения о населении ‘Уяйны в 300 семей, можно заключить, что сторонники ваххабизма составляли весомую прослойку в городе⁸²⁷. Скорее всего именно многочисленность движения, вдохновленного идеей хиджры, а также влиятельность его отдельных членов позволили Мухаммаду ибн ‘Абд аль-Ваххабу навязать свою политику эмиру ‘Усману ибн Му‘аммару. Сформировавшееся в соответствии с джихадистской идеологией ваххабитское ополчение отныне представляло серьезную военную угрозу для правителя.

Силовой баланс в оазисе сместился не в пользу ‘Усмана ибн Му‘амара, что вынудило его пойти на сотрудничество с вероучителем. Следующая показательная акция «единобожников» состоялась при непосредственной поддержке правящего семейства. На этот раз их целью стало кладбище неподалеку от селения Эль-Джубейля, на котором были погребены сподвижники пророка Мухаммада, павшие

⁸²⁴ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 1. С. 216.

⁸²⁵ Там же.

⁸²⁶ *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 39.

⁸²⁷ *Лам‘а аш-шихаб*. С. 67.

в битве со сторонниками лжепророка Мусайлимы. Согласно хронике Ибн Ганнама, это место было усеяно мавзолеями и иными надгробными сооружениями⁸²⁸. Ибн Бишр же упоминает лишь гробницу Зейда ибн аль-Хаттаба, что, впрочем, можно объяснить наибольшей значимостью этой святыни на фоне остальных⁸²⁹. В его же труде содержится подробное описание этого эпизода недждийской истории: «Тогда шейх обратился к эмиру: “Жители Эль-Джубейли могут помешать нам [совершить задуманное] и подняться на защиту гробницы. Лишь при твоей поддержке я смогу сравнять его с землей”. Услышав эти слова, ‘Усман немедленно выдвинулся к [Эль-Джубейле] во главе отряда, насчитывавшего шесть сотен копий»⁸³⁰. Этот марш-бросок не был единственным, так как Ибн Ганнам добавляет, что в дальнейшем эмир участвовал в еще нескольких акциях по уничтожению святынь⁸³¹.

Численность войск, приведенная Ибн Бишром, косвенно указывает на специфику роли, отведенной ‘Усману ибн Му‘аммару. Обычно эмирская дружины даже в таких благополучных городах, как ‘Уайна, редко насчитывала больше сотни человек. В данном случае количество воинов указывает на то, что значительная их часть была представлена мобилизованными участниками ваххабитских отрядов, подчиненных непосредственно Мухаммаду ибн ‘Абд аль-Ваххабу. Это позволяет заключить, что правитель оазиса и его подчиненные скорее играли роль организующей силы для пока еще аморфного ваххабитского ополчения. Такая модель отношений между эмирской властью и вероучителем в дальнейшем ляжет в основу саудидско-ваххабиской синергии и более развитой концепции имамата.

События в ‘Уайнне не могли не привлечь внимания жителей Эль-‘Арида. Весть о новом религиозном учении быстро достигла сопредельных территорий, и ряды ваххабитов стали стремительно пополняться новыми сторонниками. К этому времени относится активизация переписки Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба со знатными семействами оазисов Южного Неджда, в том числе Эд-Дир‘ии.

⁸²⁸ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 216.

⁸²⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 39.

⁸³⁰ Там же.

⁸³¹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 1. С. 216.

Несмотря на это, популярность движения на тот момент не стоит переоценивать. Хроники Ибн Бишра и Ибн Ганнама зачастую намеренно преувеличивают число сторонников шейха, в то время как сам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб в своих письмах признавался, что в ‘Уайне «до четверти населения составляли многобожники и лицемеры»⁸³². Все же силовое доминирование его последователей в оазисе при потакании этому со стороны эмира поддерживало лидирующие позиции ваххабитской общинны. Так было до тех пор, пока это шаткое равновесие не оказалось нарушено вмешательством более могучей силы – эмирата Бану Халид под предводительством Сулеймана ибн Мухаммада.

Летописцы сходятся на том, что поводом к этому послужило произошедшее в ‘Уайне побиение камнями обвиненной в прелюбодеянии женщины⁸³³. Одним из участников казни был сам ‘Усман ибн Му‘аммар⁸³⁴. Эта расправа стала потрясением для местных жителей, в сердцах которых, по словам Ибн Ганнама, поселились «ужас и трепет»⁸³⁵. Хронист также утверждает, что именно недовольные горожане направили в Эль-Хасу коллективное письмо с просьбой помочь усмирить ваххабитов⁸³⁶. В ответ Сулейман ибн Мухаммад потребовал от ‘Усмана ибн Му‘амара избавить оазис от дерзкого ‘алима любым способом.

Мотивация халидидского эмира слабо освещена в хрониках. Вполне возможно, его вмешательство в дела Неджда стало одним из шагов на пути к восстановлению присутствия Эль-Хасы в Эль-‘Ариде, а борьбой с радикалами правитель Восточной Аравии намеревался снискать популярность среди жителей ‘Уайны. Также следует брать в расчет влияние на эмира шиитского духовенства⁸³⁷. Шииты, составлявшие до половины населения Эль-Хуфуфа, подвергались нападкам со стороны ваххабитов и вполне могли воспользоваться этим шансом для того, чтобы свести счеты с Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом. Нельзя также исключать возможность сговора между Сулейманом ибн Мухаммадом и ‘Усманом

⁸³² Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 212.

⁸³³ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 39.

⁸³⁴ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 669.

⁸³⁵ Там же.

⁸³⁶ Там же. С. 670.

⁸³⁷ Здесь и далее понятие «духовенство» применяется условно, поскольку в исламе отсутствует иерархия священнослужителей, а религиозные лидеры не обладают абсолютной духовной властью.

ибн Му‘аммаром, которого, вероятно, тяготило постоянное присутствие «единобожников» в городе, однако эта версия отвергается Ибн Ганнамом и Ибн Бишром. С их точки зрения, ‘Усман был искренне предан вероучителю, однако Сулейману удалость надавить на него, пригрозив экспроприировать земли, которыми он владел в Эль-Хасе⁸³⁸. Еще одной болевой точкой ‘Уяйны были торговые отношения с Восточной Аравией, которые понесли бы ущерб в случае отказа изгнать шейха. Также племя Бану Халид было вполне в состоянии совершить карательный поход в Южный Неджд. Именно нежелательная перспектива военного конфликта, по словам Ибн Бишра, подтолкнула ‘Усмана ибн Му‘амара к разрыву отношений с лидером ваххабитов. «Мы не способны оказать сопротивление, у нас слишком мало сил», – оправдывался правитель перед вероучителем⁸³⁹.

‘Уяйна оказалась неподходящим «инкубатором» для взращивания ваххабитской государственности, и проект ее идеолога провалился. Но именно в период пребывания вероучителя в этом оазисе произошла политическая радикализация ваххабитского учения и постепенная кристаллизация в нем идей джихадизма и имамата. Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб был изгнан из города в 1744 г.⁸⁴⁰ В сопровождении отряда всадников, выделенных ‘Усманом, он отправился к новому пристанищу, которым стала Эд-Дирийя⁸⁴¹.

§ 6. ПЕРЕСЕЛЕНИЕ МУХАММАДА ИБН ‘АБД АЛЬ-ВАХХАБА В ЭД-ДИРИЙЮ И СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИНЯТИЯ ВАХХАБИЗМА КЛАНОМ ААЛЬ САУД

Почва для переселения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в Эд-Дир‘ийю готовилась задолго до его изгнания ‘Усманом ибн Му‘аммаром. Еще в период судейства в Хураймале и ‘Уяйне вероучитель вел переписку с представителями знатных родов вотчины Ааль Сауд, одним из которых был брат эмира Мухаммада

⁸³⁸ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 40; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т.2. С. 670.

⁸³⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 40.

⁸⁴⁰ Там же; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 671; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 157.

⁸⁴¹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 41.

ибн Сауда по имени Суньян. Судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, он относился к числу наиболее преданных учеников шейха. Одно из самых ранних писем, отправленных ему вероучителем, свидетельствует о знакомстве Суньяна с текстом «Книги единобожия»⁸⁴². Более того, адресованная ему рекомендация Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба «обратиться ко второй главе»⁸⁴³ трактата для прояснения ряда вопросов, связанных с таухидом, позволяет утверждать, что Суньян ибн Сауд обладал собственной копией этого труда. Участие этого представителя рода Ааль Сауд в ранее упоминавшемся скандале, связанном с отказом целовать руку одному из потомков Пророка, указывает на его щепетильность в вопросах религии. Среди почитателей основателя ваххабизма были также супруга правителя и его брат Мишари⁸⁴⁴. Второй опорой богослова в Эд-Дир‘ийе стал знатный род Ааль Сувайлим (двою членов – Ахмад ибн Мухаммад и ‘Абдаллах ибн ‘Абд ар-Рахман – были адресатами его писем⁸⁴⁵). Когда шейх прибыл в оазис, именно ‘Абдаллах поселил его в своем доме на первое время.

Вслед за Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом в Эд-Дир‘ию потянулись вереницы его последователей. Следуя его установке на обязательную миграцию из недружественных ваххабитам земель, они продавали свое имущество и перебирались на территории, подконтрольные роду Ааль Сауд. В хронике Ибн Бишра сказано, что прибывших было так много, что вскоре Эд-Дир‘ия столкнулась с перенаселением⁸⁴⁶. На первых порах многие «единобожники» страдали от недоедания и отсутствия крыши над головой.

На новом месте Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб, как и в ‘Уяйне, начал налаживать отношения с эмиром. В этом ему помогли последователи из числа родственников правителя. Ибн Бишр писал, что первой к Мухаммаду ибн Сауду обратилась его жена со следующими словами: «Сам Аллах послал тебе этого человека, он – подлинное сокровище, не упускай это дар Господень»⁸⁴⁷. Вслед за

⁸⁴² Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 161-163.

⁸⁴³ Там же. С. 162.

⁸⁴⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 42.

⁸⁴⁵ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 7. С. 284-285, 288-289.

⁸⁴⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 44.

⁸⁴⁷ Там же. С. 42.

ней аналогичные соображения высказали Суньян и Мишари, после чего дир'ийский правитель дал добро на назначение вероучителя кади оазиса. Увы, ни один из источников не сообщает о том, что случилось с ‘алимами, занимавшими этот пост до него и находившимися с ним в длительной полемической переписке – упоминания о них после 1744 г. отсутствуют. Встреча Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба с эмиром Мухаммадом ибн Саудом подробно описана в летописи Ибн Ганнама, бывшего очевидцем этого эпизода. По его словам, Ибн Сауд лично явился в дом к новому судье в сопровождении братьев и «поприветствовал шейха, объявив его почетным гостем <...>, после чего добавил, что, отныне он и его семья будут следовать всем его заветам»⁸⁴⁸. В ответ Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб пообещал осесть в оазисе и никогда не покидать его пределы⁸⁴⁹. Большинство хронистов уверяют, что взаимная присяга на верность имела место сразу после переселения шейха в 1744 г.⁸⁵⁰ Также сообщается, что вслед за Саудидами клятву верности шейху принесла большая часть местной «аристократии»⁸⁵¹. Заключение союза между Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом и родом Ааль Сауд стало одним из поворотных моментов в истории всего Аравийского полуострова, однако осмысление этого события отечественной и зарубежной историографии не кажется нам вполне корректным.

Советские исследователи ориентировались в своих рассуждениях на поиск экономических предпосылок складывания саудидско-ваххабитской синергии. Согласно их логике, соответствующей марксистско-ленинскому подходу, основной запрос на заключение этой коалиции исходил от дир'ийской знати, страдавшей от недостатка ресурсов и нуждавшейся для решения этой проблемы в интенсификации внешней экспансии. Таким образом, ваххабизм являлся лишь инструментом, которым умело воспользовался Мухаммад ибн Сауд и лояльные ему знатные семейства. Низовая поддержка ваххабизму была обеспечена феллахами,

⁸⁴⁸ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 671.

⁸⁴⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 42; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 671.

⁸⁵⁰ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. Там же; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 42; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 157.

⁸⁵¹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 672.

желавшими ограничить эксплуатацию со стороны «феодалов»⁸⁵².

Поразительным образом схожие мотивы обнаруживаются в западной специализированной литературе⁸⁵³. Хотя формально фигуре Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба отводится ведущая позиция в деле формирования основ первого государства Саудидов, в действительности западные исследователи подспудно делают упор на выявление сугубо прагматических причин принятия ваххабитского учения кланом Ааль Сауд. Соответственно, предложенная шейхом доктрина считается пассивным орудием в руках правящего класса, желающего расширить ресурсную базу за счет захвата новых торговых узлов, земледельческих районов и военной добычи⁸⁵⁴.

Единственным летописным свидетельством, на которое могут опираться авторы этой оценки, является знаменитый отрывок из хроники Ибн Бишра, в котором он приводит расширенную версию взаимных клятв, принесенных вероучителем и эмиром Мухаммадом ибн Саудом: «Тогда [шейх] сказал: “Ты видишь, что Неджд и его пределы погрязли в ширке, невежестве, междуусобицах и убийствах, так стань же имамом, вокруг которого сплотятся мусульмане. Да смокнут они ряды под твоим знаменем и знаменем твоих потомков!”»⁸⁵⁵. В еще более эмоциональном ключе этот посыл транслируется анонимным автором «Блеска метеора», передавшего ее таким образом: «[И сказал шейх]: “Знайте же, вы (Саудиды. – Ф.М.) поддержали религию, а потому не уступаете рангом сподвижникам Пророка и халифам”»⁸⁵⁶. Эти отрывки наталкивают на мысль о привлекательности для Мухаммада ибн Сауда условий «сделки», предложенной шейхом. Однако к этим высказываниям следует относиться с большой долей осторожности по нескольким причинам.

⁸⁵² Подробнее см.: *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. С. 83-85, 88; *Луцкий В.Б.* Новая история арабских стран. С. 69-71; *Першиц А.И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии. С. 107-108; *Иванов Н.А.* Труды по истории исламского мира. С. 441-442.

⁸⁵³ Подробнее см.: *Commins D.* The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. P. 3, 19; *Al-Rasheed, Madawi.* A History of Saudi Arabia. P. 14-18; *Wynbrandt J.S.* A Brief History of Saudi Arabia. N.Y.: Facts on File, 2010. P 118-120; *Kjorlien L.M.* State and Religion in Saudi Arabia // The Arab Studies Journal. 1994. No. 1. P. 36-37.

⁸⁵⁴ Описанный подход часто механически заимствуется в арабской исследовательской литературе. См., например: *Аль-Джасир, Хамад.* Эд-Дир‘ия ка‘идат ад-дауля ас-са‘удия аль-уля. С. 46-50.

⁸⁵⁵ *Ибн Бишр.* ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 42.

⁸⁵⁶ *Лам‘а аш-шихаб.* С. 72-73.

Обратим внимание на то, что ни Ибн Бишр, ни анонимный составитель «Блеска метеора» не были свидетелями встречи лидера ваххабитов и правителя Эд-Дир‘ии. В труде же Ибн Ганнама, который лично присутствовал при принесении клятв, эти детали отсутствуют, что свидетельствует в пользу того, что мы имеем дело с позднейшей вставкой. На эту же мысль наводит тот факт, что в поздних хрониках делаются попытки концептуального осмысления истории первого государства Саудидов, в то время как труд Ибн Ганнама является лишь описанием истории ваххабитских войн сквозь призму учения шейха Мухаммада. Исходя из этого, можно предположить, что детали рассказа о заключении союза были измышлены уже после того, как ход истории выявил подлинное значение этого события в становлении дир‘ийского эмирата. Вероятнее всего, взаимная присяга владельца Эд-Дир‘ии и Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в реальности была заурядной церемонией утверждения нового кади на этом посту – такие сообщения в изобилии встречаются в недждийских хрониках XVII–XVIII вв. В текстах анонимного автора «Блеска метеора» и Ибн Бишра содержится еще один сомнительный момент – упоминание о введении новой традиции передачи власти. Фактически наследование от отца к сыну, совершенно нетипичное для эмиротов Центральной и Восточной Аравии, было провозглашено лишь в 1788 г. и закреплено отдельной фетвой.

Кроме того, авторы проваххабитских источников зачастую склонны проводить скрытые параллели между судьбой их движения и историей общины пророка Мухаммада⁸⁵⁷. Так, бегство из Хураймалы отождествляется ими с хиджрой первых мусульман в Эфиопию⁸⁵⁸, изгнание из ‘Уаяны мыслится в качестве аналога хиджры в Медину и т.д. Договор между вероучителем и дир‘ийцами рассматривается как проекция акабских соглашений⁸⁵⁹, нуждающаяся в пышной подаче⁸⁶⁰.

⁸⁵⁷ Mouline N. The Clerics of Islam: Religious Authority and Political Power in Saudi Arabia. P. 53-55.

⁸⁵⁸ Хиджра в Эфиопию – первое переселение мусульман из Мекки, имевшее место в 615 г.

⁸⁵⁹ Акабские соглашения – первая (621 г.) и вторая (622 г.) присяги представителей племён Йасриба пророку Мухаммаду.

⁸⁶⁰ Сравнения такого рода часто встречаются в современной арабской историографии. Отдельные авторы прямо предлагают отсчитывать историю установления власти Саудидов от переселения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба

Принимая в расчет все вышеизложенное, можно усомниться в способности Мухаммада ибн Сауда в полной мере оценить ваххабизм в качестве инструмента укрепления его власти. Добавим к этому то, что сама концепция имамата едва оформилась к моменту переселения шейха в Эд-Дир‘ийю и на первых порах оставалась крайне аморфной. Наглядных примеров практической пользы учения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба на тот момент также не существовало – вся история ранней ваххабитской общины представляла собой серию разрушений культовых объектов на территории Эль-‘Арида и конфликтов с недждейской знатью.

У нас нет оснований отводить инициирующую роль в формировании первого государства Саудидов правящему семейству или дир‘ийской «аристократии». Доминирующее положение ваххабитов в оазисе дает больше поводов считать, что подлинным источником складывания системы, трансформировавшейся затем в государство, стала сама община сторонников Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба. Как и в случае с ситуацией в ‘Уяйне, политическая радикализация движения и укоренение в его идеологии джихадизма подтолкнули шейха к привлечению местных эмиров в качестве организующей силы ополчения «единобожников». Причем на новом месте условия оказались гораздо более оптимальным, чем в Хураймале или во владениях рода Ааль Му‘аммар. Эд-Дир‘ийя при своих скромных размерах приняла на себя одну из самых масштабных волн ваххабитской миграции, и в итоге радикалы составили абсолютное большинство в оазисе. Более того, призыв богослова к переселению сторонников из неблагоприятных для них областей в место его обитания все еще действовал, и в городок продолжали стягиваться новые адепты⁸⁶¹. Заметное силовое доминирование подкреплялось отсутствием каких-либо внешнеполитических игроков, заинтересованных во вмешательстве в дела вотчины Саудидов. Все это в совокупности открывало перед Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом широкие возможности для начала религиозных и социально-политических реформ.

в Эд-Дир‘ийю (по аналогии с мусульманским летоисчислением). См., например: *Саид, Амин. Тарих ад-дауля ас-саудия (История Саудовского государства)*. Т. 1. Бейрут: Дар аль-катиб аль-араби, 1964. С. 41.

⁸⁶¹ *Ибн Ганнам. Тарих Наджд*. Т. 2. С. 673.

С первых дней судейства в Эд-Дир‘ийе вероучитель начал устанавливать шариатские порядки и обязал местных жителей строго следовать всем религиозным установлениям ислама. Ибн Бишр сообщает: «Осев в Эд-Дир‘ийе, шейх [Мухаммад] обратил внимание на то, что ее жители поражены скверной многобожия. Они предавались малому и великому ширку, не молились и не выплачивали закят»⁸⁶². Автор «Блеска метеора» добавляет, что для контроля над религиозной жизнью обитателей оазиса богослов прибег к помощиластей. На страницах источника зафиксировано следующее: «Тогда [шейх] обратился к правителю: “Ты должен возвести просторную мечеть, чтобы все твои подданные могли приходить сюда для молитвы, ведь это – суть религии <...> и будет подвергнут осуждению всякий, кто, имея возможность посещать ее, не станет этого делать”»⁸⁶³. В том же источнике говорится, что, обретя постоянную аудиторию, Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб начал интенсивно проповедовать свое учение, и вскоре почти все дир‘ийцы стали его последователями⁸⁶⁴. Хотя эта констатация кажется явным преувеличением, отрицать стремительное распространение ваххабизма среди населения этих земель невозможно. Одну из ключевых ролей в этом сыграла близость нарратива шейха жителям Эль-‘Арида, для которых картина, описанная в его трудах и хутбах, во многом отражала действительность. Постоянные сравнения текущего положения ваххабитской общины с судьбой ранней общины пророка Мухаммада также вселяли энтузиазм в их сердца⁸⁶⁵. Нельзя списывать со счетов и личную харизму вероучителя, которой очаровывались многие его слушатели – от простых людей до высокообразованных ‘алимов, таких как Хусейн ибн Ганнам.

Со временем рост масштабов пропаганды обусловил налаживание системы подготовки профессиональных проповедников, что привело к прорыву в сфере образования и науки. Население стало массово обучаться грамоте и основам исламского вероучения. По словам Дж.Л. Буркхардта, «ваххабиты основывали

⁸⁶² Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 45.

⁸⁶³ Лам‘а аш-шихаб. С. 74-75.

⁸⁶⁴ Там же. С. 73-74.

⁸⁶⁵ См. например.: Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 13. Ч. 3. С. 3-17.

школы и налагали на родителей обязанность обеспечить образование своим детям»⁸⁶⁶. Сам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб также не жалел сил на этом поприще и дважды в день читал лекции о таухиде в городской мечети⁸⁶⁷. На волне культурного подъема многие знатные семейства Эд-Дир‘ии собирали впечатительные библиотеки, крупнейшей из которых стала личная книжная коллекция Саудидов⁸⁶⁸. Качественное изменение претерпело неджийское летописание – впервые за долгие столетия местные хронисты начали создавать сложные с языковой и композиционной точки зрения труды, которые не были простой фиксацией произошедших событий, но также содержали попытки комплексного осмыслиения текущих исторических процессов. Главными памятниками этого прорыва стали капитальные труды Ибн Ганнама и Ибн Бишра.

Еще одним результатом внедрения шариатских норм в оазисе стало введение обязательной выплаты закята – первого в истории эмирата централизованного налога. Дж.Л. Буркхартд констатировал: «Сбор закята был одним из краеугольных камней ваххабитской идеологии»⁸⁶⁹. Действительно, это нововведение служило одним из столпов новой эффективной системы распределения ресурсов государства. Упорядочиванию подверглись поборы, взимаемые эмирами со своих подданных. На смену не соответствовавшим исламским правовым нормам налогам пришли стандартная десятина (*‘ushr*), а в случае с немусульманами поземельный налог (*харадж*) и подушная подать (*джизья*). Любые попытки Саудидов ввести самочинные повинности неизменно пресекались.

Однако главным итогом реализации положений ваххабитской доктрины на практике стала тотальная перестройка традиционного социально-политического уклада дир‘ийского эмирата, вся жизнь которого отныне должна была обеспечивать экспансионистские амбиции «единобожников». Именно в период пребывания Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба во владениях рода Ааль Сауд в

⁸⁶⁶ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahabys. Vol. 1. P. 250.

⁸⁶⁷ Лам‘а аш-шихаб. С. 75.

⁸⁶⁸ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol. 1. P. 252.

⁸⁶⁹ Ibid. P. 104.

рамках его учения формируется целостная концепция имамата⁸⁷⁰. Во время пребывания вероучителя в ‘Уяйне представления о месте светской власти в деятельности ваххабитов были чересчур абстрактны и воплощались лишь в ситуативном сотрудничестве с ‘Усманом ибн Му‘аммаром. Однако, живя в Эд-Дир‘ийе, вероучитель тщательно разработал этот аспект. Согласно одному из его юридических комментариев, первоочередной задачей имамов было руководство ополчениями ваххабитов. При этом им была предоставлена гораздо более широкая автономия в принятии военных решений. Подобной ей не обладал даже поддерживавший походы сторонников шейха ‘Усман ибн Му‘аммар. «Руководство джихадом возлагается на имама, и подданные обязаны подчиняться всем его указаниям <...> бойцы должны быть преданы своему военачальнику», – писал Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб⁸⁷¹. Контроль имама над находящимися в его распоряжении военными силами был беспрецедентен, ему принадлежало право проводить мобилизацию для участия в походах, без его одобрения нельзя было казнить пленных, покидать лагерь и вступать в поединки перед битвами⁸⁷². Он также единолично принимал решения о заключении мира с противником и распределении добычи⁸⁷³. Этот пост также подразумевал определенные обязательства по управлению государством, в частности, распоряжение казной, организацию приведения в исполнение приговоров шариатского суда, распределение милостыни и фиксацию размера джизьи.

Тем не менее власть имама вне поля боя была строго ограничена рамками ваххабитской идеологии и решениями ее носителей – ‘алимов. Судя по отдельным репликам Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, недостойные правители могли быть смешены (однако подробности и правила процедуры смещения не уточняются)⁸⁷⁴.

⁸⁷⁰ Заметим, что отдельные составляющие этой концепции схожи со взглядами Ибн Таймии. Однако полное отождествление его политической модели с ваххабитским подходом кажется явным преувеличением. Подробнее об истоках ваххабитских представлений об имамате см.: Ayubi N. Political Islam: religion and politics in the Arab world. P. 50; Black A. The History of Islamic Political Thought. P. 158-163; Kechichian J. The Role of the Ulama in the Politics of an Islamic State: The Case of Saudi Arabia // International Journal of Middle East Studies. 1986. No. 1. P. 53-71.

⁸⁷¹ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 2. С. 360, 375.

⁸⁷² Там же. С. 360, 366, 376; В поздних работах Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба неподчинение имаму и вовсе называется грехом. См.: Ибн ‘Абд Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 1. Ч. 2. С. 45; Т. 12. С. 56-57.

⁸⁷³ Там же. С. 401-402; См. также: Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 13. Ч. 2. С. 3-29.

⁸⁷⁴ Там же. С. 404, 755-756; В некоторых исследованиях западных специалистов встречается в корне неверное утверждение о проповедовавшимся Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом принципиальном запрете противиться

Кроме того, дир'ийский правитель должен был активно участвовать в распространении «единобожия», назначая в покоренные области одобренного вероучителем кади, который мог быть отстранен от должности лишь духовными авторитетами. Тем самым ликвидировался многовековой разрыв между недждийскими элитами и рядовыми жителями. Впервые за долгое время на смену племенной идентичности пришло новое самосознание, вдохновленное ваххабитским учением. В результате установления имамата власть эмиров была закреплена законодательно, а их права и обязанности упорядочены в соответствии с исламскими законами. Все это в совокупности превратило расколотое общество, терзаемое противоречиями, в единый социально-политический организм.

Сразу же после принесения взаимных клятв Мухаммадом ибн 'Абд аль-Ваххабом и Мухаммадом ибн Саудом дир'ийский правитель (эмир) был провозглашен имамом всех мусульман⁸⁷⁵. В последствии этот титул стал наследственным и передавался в семействе Саудидов. Окончательное закрепление имамата за родом Ааль Сауд произошло во время правления 'Абд аль-'Азиза ибн Мухаммада (1765–1803). В 1788 г. Мухаммад ибн 'Абд аль-Ваххаб издал указ, обязывавший все жители государства присягнуть в верности старшему сыну эмира⁸⁷⁶. Само по себе это событие – веха в истории Центральной и Восточной Аравии XVII–XVIII вв., поскольку оно стало первым законодательно закрепленным отказом от сеньората в пользу патрилинейного принципа наследования⁸⁷⁷. Установление этой системы обеспечило исключительную устойчивость дир'ийского эмирата перед лицом политических кризисов, регулярно переживавшихся недждийскими политиями во время смены правителя. Закрепление поста имама за членами клана Саудидов положило начало постепенной централизации государства вокруг этой династии. Поначалу этот процесс шел медленно, но в период ваххабитских войн произошла его

даже тиранической власти (См. напр.: *Kjorlien L.M. State and Religion in Saudi Arabia. P. 36; Al-Yassini A. Religion and State in the Kingdom of Saudi Arabia. P. 23–25*).

⁸⁷⁵ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 673.

⁸⁷⁶ Ибн Бишр. 'Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 162; Тарих аль-Фахири. 151; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 198–199; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 867.

⁸⁷⁷ Васильев А.М. История Саудовской Аравии С. 94–95.

интенсификация.

Джихадистские установки ваххабитов вызывали коренные изменения во внешней политике дир'ийского эмирата. После провозглашения Саудидов имамами ее цели больше не ограничивались захватом военной добычи в ходе отдельных грабительских рейдов. Под давлением «единобожников» правители стали ориентироваться на полное и безоговорочное подчинение тех земель, где, по словам Мухаммада ибн 'Абд аль-Ваххаба, «презирают и оскверняют таухид»⁸⁷⁸, т.е. территорий, на которых не признавалась его доктрина.

Масштабы поставленных задач предопределили преобразования в военной сфере. Властями Эд-Дир'ии было окончательно закреплена предписанная вероучителем обязанность участия в военных кампаниях всего мужского населения «в возрасте от 18 до 60 лет»⁸⁷⁹. Дж.Л. Буркхардт сообщал о том, что всякий отказавшийся от ведения джихада должен был передать казне одного верблюда или лошадь в качестве штрафа⁸⁸⁰. Такая совершенно новая для Центральной и Восточной Аравии практика обеспечила Саудидам преимущество в численности войск. По подсчетам А.М. Васильева, на пике могущества Эд-Дир'ии ее владельцы могли единовременно мобилизовать до 50 тыс. человек⁸⁸¹.

Вовлечение в джихад большого количества горожан и феллахов, плохо знакомых с военным делом, потребовало пересмотра традиционной системы организации вооруженных сил и привычной недждийцам тактики боя. В большинстве источников и научных работ этот вопрос освещается слабо, но ряд обрывочных сведений, обнаруживаемых в летописях и записках европейских путешественников, позволяет частично восстановить ход реформ в этой сфере. Согласно труду Ибн Бишра, на первых порах Саудиды пытались задействовать крестьян и ремесленников в кавалеристских подразделениях, однако те «не были

⁸⁷⁸ Ибн Бишр. 'Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 46.

⁸⁷⁹ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahabys. Vol. 2. P. 163.

⁸⁸⁰ Ibid. P. 164.

⁸⁸¹ Васильев А.М. История Саудовской Аравии С. 94-95; Возросшие масштабы военных экспедиций подвигли вероучителя к разработке вопроса о почитании шахидов. В частности, рассуждения об этом обнаруживаются в его сравнительно позднем трактате «Суждения об ищущих смерти». Подробнее см.: Ибн 'Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 3. Ч. 6. С. 47-58.

способны удержаться в седле»⁸⁸². К этому хронист иронически добавляет: «Полагаю, что они завидовали бедуинам»⁸⁸³. Еще одним слабым местом этой идеи была дороговизна ездовых животных, обладание которыми оставалось привилегией состоятельных горожан и профессиональных военных.

Более удачным решением стало вооружение ополчения огнестрельным оружием, что косвенно подтверждается многими письменными источниками. По уверениям Дж.Л. Буркхартда, посвятившего часть одного из своих трудов военному делу жителей Аравии, именно пехота с мушкетами была ядром ваххабитских сил⁸⁸⁴. Схожее описание народных дружин эпохи второго государства Саудидов обнаруживаются в заметках У. Палгрева, называвшего «ружья и копья» самым массовым оружием «единобожников»⁸⁸⁵. Военные реформы также нашли отражение в рассказе анонимного автора «Блеска метеора», согласно которому Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб лично приложил руку к обучению стрелков⁸⁸⁶. Некоторые ученые, в частности А.М. Васильев, высказывают версию о том, что шейх стал первым человеком, познакомившим местных жителей с огнестрельным оружием⁸⁸⁷. Схожий посыл содержится и в статье американского исследователя Леора Халеви, который называл распространение в Неджде мушкетов главным фактором успеха «единобожников»⁸⁸⁸. Однако источники содержат информацию о том, что огнестрельное оружие было распространено в Эль-‘Ариде задолго до этого. В любом случае, все вышеперечисленные преобразования превратили ваххабитские ополчения в одну из самых грозных сил Аравийского полуострова.

Переселение Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в Эд-Дир‘ийю стало переломным моментом в истории Центральной и Восточной Аравии, запустив цепь событий, которые привели к формированию коалиции саудидских имамов и

⁸⁸² Ибн Бишир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 46.

⁸⁸³ Там же. С. 47.

⁸⁸⁴ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahabys. Vol. 1. P. 235.

⁸⁸⁵ Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year’s Journey. P. 183.

⁸⁸⁶ Лам‘а аш-шихаб. С. 80.

⁸⁸⁷ Васильев А.М. История Саудовской Аравии С. 97.

⁸⁸⁸ См. Halevi L. Arabians for Guns: Wahhabi Matchlocks, World Trade, and the Rise of the First Saudi State // Journal of the Royal Asiatic Society. 2023. Vol. 33. P. 401-442.

лояльных шейху служителей ислама. Причем на протяжении значительной части истории этого политического образования именно ‘алимам принадлежала ведущая роль в определении курса его развития. Складывание этой синергии имеет сложную природу, уходящую корнями в особенности ваххабитской доктрины джихада, получившей окончательное оформление именно в рассматриваемый период. Массовая миграция последователей вероучителя в сравнительно небольшой оазис позволило ему обрести полное силовое доминирование в Эд-Дир‘ийе и сопредельных землях и навязать местным элитам ряд реформ, заложивших основы первого государства Саудидов.

Развивая идеологию священной войны, Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб уделил особое внимание разработке концепции имамата и связанной с ней социально-политической теории. Реализация сформулированных им установок положила начало сплочению дир‘ийского общества под знаменами рода Ааль Сауд. Постепенно в эмиратах была введена упорядоченная система налогообложения, которая в совокупности с остальными реформами привела к слому традиционного жизненного уклада. В последующие годы эти трансформации сформировали условия для стремительного развития культуры, образования, военного дела и т.д. К началу эпохи ваххабитских завоеваний вотчина Мухаммада ибн Сауда полностью преобразилась, выйдя на недждийскую политическую арену в качестве централизованного государства.

ГЛАВА IV. САУДИДСКАЯ ГОСУДАРСТВЕННОСТЬ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АРАВИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII – НАЧАЛЕ XIX В.

§ 1. ЦЕНТРАЛИЗАЦИЯ ЗЕМЕЛЬ ‘ЭЛЬ-АРИДА, СУДАЙРА И ЭЛЬ-ВАШМА ВОКРУГ ЭД-ДИР‘ИЙИ

Вопрос о том, как складывалось базовое ядро первого государства Саудидов, относится к числу дискуссионных. Формально уже в 1745 г. имам Мухаммад ибн Сауд принял присягу владыки ‘Уяйны Усмана ибн Му‘аммара и эмира Хураймалы Мухаммада ибн ‘Абдаллаха ибн Мубарака⁸⁸⁹. На деле же их правители были совершенно независимы, а их объединение больше напоминало коалицию эмирятов, чем единый социально-политический организм. Также не до конца понятно, считали ли они себя вассалами рода Ааль Сауд, или, по крайней мере, участниками какого-то серьезного политического альянса. Вполне вероятно, что принесенные клятвы воспринимались аравитянами в качестве рядового выражения дружбы и благорасположения между лидерами этих владений. В то же время нельзя исключать тот факт, что к заключению этого союза правителей подтолкнули проживавшие в этих краях сторонники Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, остававшиеся все еще многочисленными, несмотря на принятую вероучителем доктрину о переселении. Еще одной спорной деталью остается статус оазиса Манфуха, правитель которого поддерживал власть династии Ааль Сауд, но, исходя из данных летописей, не приносил клятву верности.

Также не менее остро стоит вопрос об отправной точке истории ваххабитских войн. Первым противником новоявленного государства Саудидов стал эмир Эр-Рияда Дахам ибн Давас. Уже в 1746 г., почти через год после заключения соглашения между Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом и Мухаммадом ибн Саудом кланом Ааль Сауд была организована первая военная экспедиция в эти земли. Согласно хронике Ибн Бишра, жертвами этого похода стали лишь четверо воинов из Эр-Рияда⁸⁹⁰. В том же году произошли еще два сражения, одно из

⁸⁸⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 48.

⁸⁹⁰ Там же.

которых было названо летописцами «битва аш-Шаяб»⁸⁹¹ или «аш-Шабаб»⁸⁹² (в честь одного из погибших воинов), а другое – «аль-‘Абид»⁸⁹³, поскольку большинство павших в ней принадлежали к эмирской гвардии. Но и эти столкновения не были ни результативны, ни масштабны, что нашло отражение в их названиях. Эти, по сути, рядовые грабительские набеги Ибн Сауда положили начало его длительному и куда более интенсивному противостоянию с Дахамом ибн Давасом. В ходе ответной экспедиции, организованной эмиром Эр-Рияда против Эд-Дир‘ии в 1747 г., были убиты два сына имама Мухаммада – Сауд и Фейсал. В поздних сводных хрониках Ибн Ла‘абуна, аль-Фахири и Ибн ‘Исы ранние столкновения с Эр-Риядом вовсе опущены словно с намеком на то, что эпоху ваххабитской экспансии следует начинать лишь с событий 1747 г.⁸⁹⁴ Такой подход представляется справедливым в силу того, что именно после описанных событий Мухаммад ибн Сауд нанес первый серьезный удар по вотчине Дахама ибн Даваса. На этот раз в походе приняли участие военные силы четырех оазисов – Эд-Дир‘ии, ‘Уяйны, Хураймалы и Манфухи. В ваххабитских хрониках также уточняется, что среди воинов из Манфухи оказался предатель, заранее предупредивший риядцев о приближении Саудидов⁸⁹⁵. Экспедиция нанесла значительный ущерб Эр-Рияду, в бою пало множество знатных воинов, а эмир Дахам ибн Давас, вышедший на поединок с ваххабитом по имени Хамад ибн Мухаммад ибн Мунис, едва избежал смерти, получив ранения в голову и грудь⁸⁹⁶.

В этой битве впервые проявили себя издержки недостаточной централизации власти вокруг рода Ааль Сауд – наметился раскол между Саудидами и правителем ‘Уяйны ‘Усманом ибн Му‘аммаром. Хотя его войска и участвовали в походе на Эр-Рияд, сам эмир остался в своей резиденции. По словам Ибн Ганнама, для всех это послужило явным признаком того, что Ибн Му‘аммар вступил в сговор с Эр-

⁸⁹¹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 677.

⁸⁹² Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 52.

⁸⁹³ Значение понятия ‘абд/‘абид см.: гл. 1, § 4. Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 53; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 678.

⁸⁹⁴ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 158; Тарих аль-Фахири. С. 132; Тарих Ибн ‘Иса. С. 75.

⁸⁹⁵ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 679, Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 54.

⁸⁹⁶ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 679.

Риядом⁸⁹⁷. Ибн Бишр свидетельствует о том, что после разгрома Дахама ибн Даваса эмир Хураймалы Мухаммад ибн Мубарак в сопровождении большого отряда отправился в ‘Уяйну, чтобы обвинить ее правителя в измене. ‘Усман ибн Му‘аммар поспешил принести извинения за свое отсутствие и назвал свои действия досадной ошибкой⁸⁹⁸. Кроме того, ему удалось заверить союзников в своей лояльности и повторно принести клятву верности Мухаммаду ибн Сауду и Мухаммаду ибн ‘Абд аль-Ваххабу. Тем не менее конфликт не был исчерпан. Его обострение пришлось на 1748 г., когда объединенные войска ваххабитской коалиции осадили селение Сурмида в Судайре⁸⁹⁹. После кровопролитного по неджийским меркам сражения, в котором пало 70 человек, оставшиеся воины и жители оазиса забаррикадировались в касре. Возглавлявший поход ‘Абд аль-‘Азиз ибн Мухаммад решил подвергнуть оставшиеся без защиты земли разграблению и отдал соответствующее распоряжение ‘Усману ибн Му‘аммару, но тот внезапно отказался его выполнить. ‘Абд аль-‘Азиз, по словам Ибн Ганнама, «пристыдил и обругал его <...> и сам отправился [разорять оазис], приказав своим сторонникам последовать его примеру»⁹⁰⁰. Вышедший из повиновения ‘Усман ибн Му‘аммар демонстративно увел свои войска обратно в ‘Уяйну. Подлинную мотивацию его решения восстановить невозможно: таковой могли быть как личные трения эмира с властителями Сурмиды, так и его недовольство вторжением Саудидов в сферу влияния рода Ааль Му‘аммар. Этот прецедент наглядно иллюстрирует слабость и рыхлость первого государства Саудидов в течение первых пяти лет его существования. В глазах рода Ааль Сауд ‘Уяйна и Хураймала были неотъемлемой частью их владений. Правители этих городов, согласно ваххабитской политической концепции, должны были беспрекословно следовать воле имамов. Однако на практике они проявляли полную самостоятельность.

Аморфность нового политического образования не позволяла ваххабитам начать полноценную экспансию. Большая часть зафиксированных хронистами

⁸⁹⁷ Там же; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 54-55.

⁸⁹⁸ Там же. С. 55.

⁸⁹⁹ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 680; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 55; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 157; Тарих аль-Фахири. С. 132.

⁹⁰⁰ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 684.

военных эпизодов этого периода представляла собой типичные для доваххабитской Эд-Дир'ии газвы. Для перехода завоевательной политики на новый качественный уровень требовалось установить безусловный контроль над союзными землями. Подчеркнем, что применительно к рассматриваемому временному отрезку успешные набеги и внутренняя мобилизация первого государства Саудидов позволили им накопить достаточно ресурсов для начала поглощения территорий бывших союзников. Признаки этого просматриваются не только в резко возросшем количестве налетов ваххабитов, что само по себе свидетельствует о наращивании их ресурсной базы, но и в изменении характера военных экспедиций. Уже в первые пять лет произошло значительное увеличение численности войск, преданных роду Ааль Сауд, а также появились первые летописные свидетельства об использовании ими огнестрельного оружия⁹⁰¹. Заметно расширилась и география походов – к концу 1748 г. под угрозой оказались северные пределы горной гряды Джебель Тувайк, в частности, оазис Садик⁹⁰².

Решающим событием в процессе консолидации государства Саудидов и покорения ими Южного Неджда стал окончательный распад проваххабитского союза в середине XVIII в. Все началось с убийства эмира ‘Уййны ‘Усмана ибн Му‘аммара в 1749 или в 1750 г. в результате заговора городской знати⁹⁰³. В хрониках бегло упоминается о том, что именитые горожане считали ‘Усмана ибн Му‘аммара предателем и нечестивцем, попирающим первоосновы веры⁹⁰⁴. Протестные настроения могли зародиться еще во времена изгнания из Уййны Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, который имел немало сочувствующих в среде местной «аристократии». Не исключено, что брожения такого рода целенаправленно подпитывались властями Эд-Дир'ии, стремившимися расширить свое влияние в этом ключевом городском центре Южного Неджда. Место ‘Усмана занял его племянник Мишари ибн Му‘аммар, явившийся лишь

⁹⁰¹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 59; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 685-686.

⁹⁰² Там же. С. 685; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 59.

⁹⁰³ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 687; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 60; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 157; Тарих аль-Фахири. С. 133.

⁹⁰⁴ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 686; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 60; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 158; Тарих аль-Фахири. С. 133.

марионеткой в руках Саудидов. С этого момента ‘Уяйна лишилась независимости почти на сотню лет.

Трагическая судьба ‘Усмана ибн Му‘амара обеспокоила других членов коалиции, начавших искать пути к отделению от рода Ааль Сауд. Уже к началу 1750 г. они стремились выйти из сферы влияния Эд-Дир‘ии. В 1752 г. это вылилось в крупное восстание в Хураймале, жители которой изгнали проваххабитски настроенного правителя и его семейство⁹⁰⁵. В ответ Саудиды предприняли несколько рейдов на город, но восстановить порядок им так и не удалось⁹⁰⁶. Ваххабитские летописцы приписывают роль инициатора мятежа Сулейману ибн ‘Абд аль-Ваххабу – брату шейха Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба⁹⁰⁷. Противостояние двух богословов нашло отражение в «апокрифических» сюжетах, подобных содержащейся в хронике «Блеск метеора» истории о непосредственной попытке убийства Сулейманом вероучителя.

Восстание, подобное народному возмущению в Хураймале, несколько позже произошло в селении Манфуха, обитатели которого также выдворили своего эмира Мухаммада ибн Салиха и начали гонения на ваххабитов. По меньшей мере 70 adeptov ваххабизма были вынуждены бежать под покровительство имама⁹⁰⁸. Новый правитель Манфухи Мухаммад ибн Фарис вступил в открытое военное противостояние с Саудидами, организовав в 1755 г. против них несколько походов. Выти из-под крыла «единобожников» попытался и оазис Дурма: по различным данным, это произошло в 1750 или 1751 г.⁹⁰⁹ Хотя союзы между эмирятами Неджда никогда не отличались надежностью и чаще всего распадались после смерти одного из их лидеров, в этом случае разрыв носил явный антиваххабитский характер.

Организация первого государства Саудидов в виде коалиции проваххабитски настроенных эмиров не оправдала себя. Союзники Эд-Дир‘ии, которые, согласно

⁹⁰⁵ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 160.

⁹⁰⁶ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 66; Тарих аль-Фахири. С. 134; *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 691; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 164.

⁹⁰⁷ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 66; *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 691.

⁹⁰⁸ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 66; Тарих аль-Фахири. С. 134; *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 691; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 164.

⁹⁰⁹ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 63; Тарих аль-Фахири. С. 133.

ваххабитской политической доктрине, должны были занять положение вассалов имама, в действительности оставались в значительной степени независимыми. Во многом этому способствовала тесная связь правящих родов с местными элитами. По этой причине начиная со второй половины XVIII в. Саудиды взяли курс на организацию в покоренных оазисах прямого управления посредством собственных марионеток. В 1755 г., через три года после восстания Сулеймана ибн ‘Абд аль-Ваххаба ‘Абд аль-‘Азизу ибн Мухаммаду удалось собрать представительное войско, насчитывающее около 20 всадников и 800 пехотинцев, и разгромить силы эмира Хураймалы⁹¹⁰. Земли эмирата подверглись хищническому разорению⁹¹¹. Позднее такие карательные акты станут одной из отличительных черт саудидских завоеваний, нехарактерной ни для доваххабитского Неджда, ни для ранней истории эмирата Ааль Сауд. В 1758 г. правителем Хураймалы был поставлен некий Мубарак ибн ‘Адван, однако вскоре ‘Абд аль-‘Азиз ибн Мухаммад сместил его, заподозрив в возведении укреплений «для обороны от [небегов] Эд-Дир‘ии»⁹¹². Новым наместником был назначен племянник Мубарака Хамад ибн Наср ибн ‘Адван. С этого момента Хураймала полностью утратила независимость и больше не фигурировала на политической арене в качестве самостоятельного игрока.

Покончив с сильнейшим противником на севере Южного Неджда, в 1760 г. саудовцы приступили к реорганизации власти в ‘Уяйне. Основной удар был нанесен по местным элитам. Несмотря на то, что эмир Мишари ибн Му‘аммар не выказывал признаков непокорности, Ибн Сауд предпочел заменить его полностью лояльным Саудидам наместником. Согласно трудам Ибн Ганнама, Ибн Бишра и Ибн Ла‘абуна, новый назначенец носил имя «Султан ибн Мухсин аль-Му‘аммар»⁹¹³. При этом, несмотря на насаб, он, скорее всего, не был членом рода Ааль Му‘аммар. После смещения Мишари Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб

⁹¹⁰ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 736; Тарих аль-Фахири. С. 135.

⁹¹¹ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 736; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 70.

⁹¹² *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 749; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 79.

⁹¹³ Там же. С. 84; *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 754; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 169.

приказал разрушить родовой замок бывших эмиров и, таким образом, символически завершил многовековую историю правления этого клана в ‘Уяйне’⁹¹⁴.

Утверждение Саудидов в Хураймале и ‘Уяйне’ означало установление их господства над большей частью северных областей Южного Неджда. Оставшиеся в этих краях независимые оазисы были слишком слабы чтобы противостоять ваххабитскому натиску. Тем не менее территории, прилегающие к центральным и южным пределам вади Ханифа, по-прежнему были самостоятельны и враждебно настроены по отношению к Саудидам. Так, в 1755 г. эмир Манфухи Ибн Фарис и правитель Эр-Рияда Дахам ибн Давас заключили союз и попытались отбить Хураймалу у ваххабитов⁹¹⁵. К их походу присоединился ряд мелких селений Эль-Вашма и Судайра. Но к тому моменту Абд аль-‘Азиз уже обладал солидным ополчением, и атака была отбита. В последующие два года имам предпринял ряд карательных походов в Эль-‘Арид⁹¹⁶. Ослабив противников, ваххабиты возвели недалеко от Эр-Рияда новую крепость, названную Эль-Газвана, которой, по словам Ибн Ганнама, надлежало стать «опорой мусульман»⁹¹⁷ на южных рубежах саудидского государства⁹¹⁸. Этот эпизод показателен по двум причинам. В первую очередь, обращает на себя внимание тот факт, что к середине XVIII в. род Ааль Сауд уже обладал достаточными ресурсами для возведения столь дорогостоящих сооружений, что представляет собой яркий контраст полуголодному существованию, которое влачили владыки Эд-Дир‘ийи всего за два десятилетия до этого. Кроме того, строительство фортов для контроля обширных пустынных территорий станет еще одной отличительной чертой ваххабитской экспансии, совершенно чуждой доваххабитскому периоду. В дальнейшем именно Эль-Газвана служила базой для набегов на юг Эль-‘Арида, наиболее заметным из которых стало разграбление столицы Эль-Харджа Дилама в 1760 г.⁹¹⁹

⁹¹⁴ Тарих аль-Фахири. С. 138; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 84; *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 754; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 169.

⁹¹⁵ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 739; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 72-73; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 162-163; Тарих аль-Фахири. С. 136.

⁹¹⁶ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 740; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 73.

⁹¹⁷ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 749.

⁹¹⁸ Там же. С. 78-79; Тарих аль-Фахири. С. 137.

⁹¹⁹ Там же. С. 691; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 64-65.

Обезопасив южное направление, ‘Абд аль-‘Азиз принял решение покончить с мелкими эмиратаами Эль-Вашма и Судайра, поддержавшими набег Дахама ибн Даваса и Ибн Фариса. Ко второй половине 1750-х годов эти территории, включая некогда богатый и благополучный город Ушайкар, оказались под властью ваххабитских имамов, а дир‘ийские войска вышли к пределам Эль-Касыма⁹²⁰. На западе Саудидам удалось продвинуться до местечка Эль-Кувей‘ия⁹²¹. Привлекает внимание тот факт, что хроники не содержат упоминаний о назначении в этих землях ваххабитских наместников. Возможно, именно этот шаг приведет в будущем к переходу местных элит на сторону Эль-Хасы в ходе экспедиции Бану Халид 1759 г.⁹²²

Таким образом, к началу 1760-х годов первое государство Саудидов совершило качественный скачок и из дисперсного союза четырех относительно самостоятельных эмираторов превратилось в консолидированное государство, где власть на местах была отдана на откуп саудидским креатурам. В этот период также был накоплен солидный объем ресурсов, позволивших приступить к активному покорению территорий, прилегающих к Эль-‘Ариду. В это же время начали проступать отличительные черты ваххабитской экспансии – возведение опорных крепостей, перестановки в элитах покоренных оазисов, а также превращение населения подконтрольных областей в полноценных саудидских подданных путем принесения соответствующих клятв. В результате этого коренного перелома влияние первого государства Саудидов в Центральной и Восточной Аравии заметно возросло.

§ 2. ПОПЫТКА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ЭМИРАТА БАНУ ХАЛИД В ЮЖНОМ НЕДЖДЕ

⁹²⁰ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 742, 744, 745; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 78, 80; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 165-166; Тарих аль-Фахири. С. 136.

⁹²¹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 740; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 73; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 164.

⁹²² Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 751-752; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 82; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 168; Тарих аль-Фахири. С. 137.

На протяжении первых лет становления ваххабитского государства эмират Бану Халид проявлял пассивность, основными причинами чему послужили политический кризис и голод, серьезно подорвавшие благополучие и военный потенциал Эль-Хасы. Складывание ваххабитской коалиции и первые завоевательные походы Саудидов оказались вне поля зрения рода Ааль Хумайд. Реакции с его стороны не последовало даже после убийства ‘Усмана ибн Му‘амара и силового присоединения Хураймалы. Вполне вероятно, что халидидов вполне удовлетворила фигура Мишари ибн Му‘амара, с родом которого их связывали давние отношения. Кроме того, политическая нестабильность и насильственная смена власти не были редкостью в Южном Неджде, поэтому едва ли лидеры Бану Халид чувствовали серьезную угрозу своей самостоятельности.

Тем не менее с наступлением 1750-х годов хасская внешняя политика заметно оживилась, что было связано с личными качествами нового деятельного эмира Эль-Хасы ‘Арайра ибн Дуджайна ибн Са‘адуна Ааль Гурейра. Занятие им лидирующих позиций в халидидских владениях было связано с переворотом, в результате которого был смешен Сулейман ибн Мухаммад Ааль Гурейр, властвовавший в Эль-Хасе на протяжении двух десятков лет⁹²³. Выдворив предшественника в Южный Неджд, ‘Арайр начал укреплять свои позиции, расправляясь с возможными соперниками из рода Ааль Хумайд. Одной из его жертв стал некий За‘ир ибн ‘Усман ибн Гурейр ибн ‘Усман, принадлежавший к побочной ветви потомков Барака ибн Гурейра⁹²⁴. Это убийство взволновало халидидскую знать, которая взбунтовалась и изгнала ‘Арайра ибн Дуджайна, передав бразды правления его сыну Хамаду⁹²⁵. Сам ‘Арайр был вынужден скрываться в Южном Неджде – в местечке Джаяджиль⁹²⁶. Однако вскоре в результате нового заговора Хамад ибн ‘Арайр был свергнут, а главенство его отца вновь было признано местной

⁹²³ Ибн Бишир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 66-67; Тарих аль-Фахири. С. 134-135; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 161.

⁹²⁴ Тарих Ибн Ла‘абун. С. 160-161; Ибн Бишир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 66-68; Тарих аль-Фахири. С. 134.

⁹²⁵ Ибн Бишир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 67.

⁹²⁶ Джаяджиль – небольшое селение в северных пределах Южного Неджда у границ Эль-Касыма.

знатью⁹²⁷. В поздних сводных летописях утверждается, что «аристократия» попросила его вернуться, «чтобы он вновь установил свою власть надnomадами и феллахами»⁹²⁸. Имелись ли в виду хасские владения или кочевья Южного Неджд, остается неясным.

В год своего возвращения в Эль-Хуфуф ‘Арайр ибн Дуджайн организовал первый за четверть века поход в Неджд для усмирения зафиритов, которые к этому времени успели оправиться от ударов, нанесенных им родом Ааль Хумайид в предшествующие десятилетия⁹²⁹. Неизвестно, насколько эта военная экспедиция, возглавленная родственником эмира ‘Абдаллахом ибн Турки Ааль Хумайидом, оказалась удачной, однако вернувшись в Южный Неджд, халидиды обнаружили значительное смещение баланса сил в пользу первого государства Саудидов. Набеги на Эль-Хардж, участившиеся после возведения крепости Эль-Газвана, также начали беспокоить Эль-Хасу, для которой эти земли всегда были «вратами» в Центральную Аравию. Не могло оказаться незамеченным и приближение ваххабитов к границам Эль-Касыма, что в совокупности с установлением саудидского контроля над северной частью вади Ханифа ставило под угрозу все южное ответвление трансаравийских торговых путей. Согласно хронике Ибн Ганнама, уже в 1758 г. по вотчине Саудидов поползли слухи о том, что эмир ‘Арайр ибн Дуджайн намеревается идти на Неджд войной, поэтому местные жители начали «спешно готовиться [к обороне] и возводить укрепления [вокруг] своихселений»⁹³⁰. Подготовка к столкновению с силами Бану Халид легла на плечи ‘Абд аль-‘Азиза ибн Мухаммада. Если верить сведениям Ибн Ганнама, всего за год ‘Абд аль-‘Азиз сумел не только воздвигнуть ряды валов у важнейших стратегических пунктов, но и окружить Эд-Дир‘ийю массивными стенами, «укрепленными башнями»⁹³¹. Примечательна не только беспрецедентная и эффективная

⁹²⁷ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 67.

⁹²⁸ Тарих аль-Фахири. С. 135; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 161.

⁹²⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 67; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 161; Тарих аль-Фахири. С. 135.

⁹³⁰ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 748.

⁹³¹ Там же. С. 751-752.

организация обороны ваххабитских владений от нашествия неприятеля, но и обеспеченность ресурсами, позволившими провести ее в столь сжатые сроки.

Очевидно, что принятие лидером халидидов окончательного решения о вторжении в Центральную Аравию последовало вслед за отстранением рода Ааль Му‘аммар от власти в ‘Уяйне. По крайней мере первое выступление ‘Арайра ибн Дуджайна против ваххабитов совпадает по времени с этим событием. В 1759 г. объединенные войска Эль-Хасы, Эр-Рияда и Эль-Харджа вступили на земли Эль-‘Арида и осадили Эль-Джубейлю⁹³². Одновременно на севере государства Саудидов началось восстание «оазисов Судайра и Эль-Вашма»⁹³³, возглавленное бывшим эмиром Хураймалы Мубараком ибн ‘Адваном. Рассчитывая на быстрое поражение ваххабитов на юге, его силы окружили город и попытались взять его штурмом. Ваххабиты отбили первую атаку, и Мубарак ибн ‘Адван, потеряв множество воинов, обратился за помощью к ‘Арайру ибн Гурейру, который послал ему отряды халидиского рода Ааль ‘Убайдаллах и бедуинов из подразделения ‘Аназа под руководством шейха по имени Ибн Газаль⁹³⁴. Разделение сил стало фатальной ошибкой для правителя Эль-Хасы. Вскоре к Эль-Джубейле подоспело подкрепление из Эд-Дир‘ии и обратило хассцев в бегство⁹³⁵. Мубарак ибн ‘Адван и его союзники оказались отрезаны от халидидов и, предприняв очередной неудачный штурм, также скрылись с поля боя «униженные и опозоренные»⁹³⁶. Поражение, нанесенное ‘Арайру ибн Дуджайну, оказалось крайне тяжелым, и в ближайшие пять лет он не предпринимал новых попыток силой подчинить саудидские земли.

После того, как угроза по стороны Эль-Хасы миновала, перед ваххабитскими властями остро встал вопрос о судьбе взбунтовавшихся против них оазисов Эль-Вашма и Судайра. Сразу же после отступления ‘Арайра ибн Дуджайна их правители поспешили связаться с Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом и

⁹³² Там же; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 82; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 168; Тарих аль-Фахири. С. 137.

⁹³³ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 82.

⁹³⁴ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 751; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 82.

⁹³⁵ Тарих аль-Фахири. С. 137.

⁹³⁶ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 752.

Мухаммадом ибн Саудом, передать им просьбы о помиловании и заверения в верности «единственно истинной вере»⁹³⁷. На большинство участников волнений селений была наложена большая контрибуция, стоившая их жителям значительной части урожая⁹³⁸. Саудиды не ограничились взиманием дани, и вскоре все местные эмиры были смешены. Их земли были объединены в отдельную административную территорию, контролируемую неким Сари ибн Яхьей ибн ‘Абдаллахом ибн Сувайлимом⁹³⁹. Новый наместник имел отношение к клану ас-Сувайлим, многие представители которого являлись верными последователями Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба еще до его переселения в Эд-Дир‘ийю. После восстания северных областей ваххабиты окончательно перешли к тактике назначения на руководящие позиции в покоренных городах своих протеже.

Полученная контрибуция и увеличение контролируемых территорий позволили Саудидам расширить экспансию и интенсифицировать набеги на соседей. Разгром военной экспедиции Эль-Хасы дал им возможность безнаказанно совершать рейды в Эль-Хардж. В 1760 г. ваххабиты разбили войска эмира Дилама, после чего разорили деревушку На‘аджан, расположенную в его окрестностях. При этом потери диламцев достигали 80 человек, что является весомым количеством в недждийских реалиях⁹⁴⁰. Более того, в том же году силы Мухаммада ибн Сауда продвинулись еще глубже в традиционную зону влияния Бану Халид и разграбили кочевья рода Ааль ‘Аскар из племени Ааль Зафир. Жертвами рейда стали 10 бедуинов, а их шатры и стада были захвачены в качестве трофеев⁹⁴¹. Со временем халидиды ослабли до предела, и 1763 г. ваххабитские войска впервые ступили на землю Восточной Аравии⁹⁴². Нападению подверглись окрестности Эль-Хуфуфа – сердца владений рода Ааль Хумайд. В ходе серии вылазок ‘Абд аль-‘Азиз разорил деревню аль-Мутайрифи, убив около 70 местных крестьян, а также огнем и мечом

⁹³⁷ *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 82.

⁹³⁸ Там же; *Тарих Ибн Ла‘абун*. С. 168.

⁹³⁹ Там же.

⁹⁴⁰ *Иbn Ганнам*. *Тарих Наджд*. Т. 2. С. 753-754; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 83; *Тарих Ибн Ла‘абун*. С. 169; *Тарих аль-Фахири*. С. 137.

⁹⁴¹ *Иbn Ганнам*. *Тарих Наджд*. Т. 2. С. 755; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 84; *Тарих Ибн Ла‘абун*. С. 169; *Тарих аль-Фахири*. С. 137.

⁹⁴² *Иbn Ганнам*. *Тарих Наджд*. Т. 2. С. 762-763; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 90, *Тарих Ибн Ла‘абун*. С. 171-172; *Тарих аль-Фахири*. С. 139.

прошелся по селениям, прилегающим к Мубарразу, лишив жизни еще одного феллаха⁹⁴³. В Эд-Дир‘ийю отряд вернулся с богатой добычей – скотом, деньгами и оружием.

Одновременно с этим род Ааль Сауд начал расправляться с оставшимися несогласными с ними в Эль-‘Ариде. Был нанесен ряд сокрушительных ударов по Манфухе. В 1760 г. отряды ‘Абд аль-‘Азиза ибн Мухаммада, фактически принявшего бразды правления из рук стареющего отца, опустошили окрестности оазиса и предали огню пальмовые рощи и поля местных жителей⁹⁴⁴. Набег повторился год спустя, когда ваххабитские воины, «появившиеся в предрассветных сумерках»⁹⁴⁵, вновь уничтожили посевы феллахов. Положение селения становилось отчаянным, а скучные запасы не могли покрыть убытки от двух подряд неурожайных лет. В 1762 г. силы эмира попытались дать отпор нападавшим, однако ваххабитам удалось разбить их, убив при этом наследника правителя по имени Са‘ад ибн Мухаммад ибн Фарис⁹⁴⁶.

С 1761 г. войска Саудидов начали регулярно появляться под стенами Эр-Рияда. Жертвами первого набега стали четверо представителей знати и «множество простолюдинов»⁹⁴⁷. Через год количество павших родовитых горожан уже достигало 9, при этом среди них оказался брат Дахама ибн Даваса – Фахд, рискнувший возглавить вылазку во время очередного рейда дир‘ийцев⁹⁴⁸. На исходе того же года Дахам ибн Давас, собрав все свои силы, выдвинулся на север и застал ‘Абд аль-‘Азиза в форте Эль-Газвана.

Для ваххабитов, в это время занимавшихся укреплением и расширением крепости, атака большого конного отряда стала неожиданностью. Риядцы не смогли одержать верх, и обе стороны, понеся тяжелые потери, были вынуждены

⁹⁴³ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 763.

⁹⁴⁴ Там же. С. 754; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 84, Тарих Ибн Ла‘абун. С. 169-170; Тарих аль-Фахири. С. 137.

⁹⁴⁵ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 757; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 84; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 169-170.

⁹⁴⁶ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 758; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 86; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 170.

⁹⁴⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 755.

⁹⁴⁸ Там же; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 85; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 169-170; Тарих аль-Фахири. С. 138.

разойтись⁹⁴⁹. Осознавая безвыходность своего положения, в 1764 г. эмир Эр-Рияда принял решения покориться Эд-Дир‘ийе и выплатить ее правителям контрибуцию. В том же году им были принесены клятвы верности Мухаммаду ибн ‘Абд аль-Ваххабу и Мухаммаду ибн Сауду⁹⁵⁰.

На первую половину 60-х годов XVIII в. пришлось расширение власти Саудидов в северных пределах горной гряды Джебель Тувайк. В 1764 г. в области Судайр был подчинен одноименный городок⁹⁵¹. Кроме того, в хрониках упоминаются саудидские походы на оазисы Джаладжиль и Зульфи⁹⁵². На западе ваххабиты продолжали распространять свое влияние в области Эль-Вашм. В 1762 г. Ибн Сауд принял клятву верности жителей местного городка аль-Фура⁹⁵³. Однако утверждению его власти в этой части Неджда сопутствовали определенные издержки. Расположение местных селений на караванном пути, пролегающем вдоль «внутреннего кольца» аравийских оазисов, неизбежно обрекало владения Саудидов на соседство с кочевавшими в окрестностях вади Давасир многочисленными воинственно настроенными племенами, которых летописцы называют «обитателями Йемена»⁹⁵⁴. Ибн Ганнам сообщает, что первые набеги бедуинов на Эль-Вашм имели место в 1764 г.⁹⁵⁵ Другие историографы уточняют, что они были совершены членами подразделения ‘Аджман⁹⁵⁶. Узнав о нападении, ‘Абд аль-‘Азиз ибн Мухаммад спешно направился на запад во главе большого отряда. Войска сошлись в местечке аль-Касля неподалеку от оазиса Эль-Кувей‘ия. Исходом молниеносной битвы стал полный разгром ‘аджманов, потерявших около

⁹⁴⁹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 755-58; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 86; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 170.

⁹⁵⁰ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 764; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 87; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 172; Тарих аль-Фахири. С. 177.

⁹⁵¹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 764-765; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 91; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 172; Тарих аль-Фахири. С. 139.

⁹⁵² Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 755-56; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 84; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 169-170; Тарих аль-Фахири. С. 138.

⁹⁵³ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 759; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 87; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 170.

⁹⁵⁴ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 765.

⁹⁵⁵ Там же.

⁹⁵⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 91; Тарих аль-Фахири. С. 139.

50 человек убитыми и до 240 плененными⁹⁵⁷. Ваххабитам же удалось захватить множество оружия и лошадей.

Оставшиеся в живых номады бежали на юг и обратились за помощью к правителю Наджрана Хасану Хибатуллаху, о котором нам практически ничего неизвестно. Возглавив объединенное войско ‘аджманов, оседлых жителей Наджрана и местных бедуинских кланов, Хасан Хибатуллах выступил в сторону вади Ханифа. Узнав об этом, ‘Абд аль-Азиз успел собрать собственные силы из жителей «Эд-Дир‘ии, Манфухи, ‘Уяйны, Хураймалы, Дурмы и Садика»⁹⁵⁸ и выдвинуться навстречу наджранцам. Оборонительные планы Саудидов были нарушены трагической ошибкой. Основным опорным пунктом ваххабитов должен был стать располагавшийся в устье вади Ханифа небольшой город Хаир, хорошо укрепленный и способный выдержать длительную осаду. Однако его жители приняли отряды Хасана Хибатуллаха за ожидаемое подкрепление из Эд-Дир‘ии и открыли им городские ворота. К моменту прибытия ‘Абд аль-‘Азиза главный оборонительный рубеж Саудидов оказался без боя занят неприятелем, и в попытке его отбить дир‘ийцы потеряли убитыми и плененными около 850 человек⁹⁵⁹. В дальнейшем в ваххабитских источниках этот невиданный ранее разгром стал именоваться не иначе как «попущением божьим и испытанием непоколебимости [единобожников]»⁹⁶⁰. Закрепившись в Эль-Хардже, Хасан Хибатуллах начал продвигаться на северо-запад вдоль вади Ханифа и, добравшись до окрестностей Эр-Рияда, осадил город и находящийся неподалеку форт Эль-Газвана.

Поражение ваххабитов вновь активизировало центробежные силы в районах, которые к тому моменту еще не находились под прямым управлением имама. Первым отношения с Эд-Дир‘ией разорвал Дахам ибн Давас, который при подходе войск Хасана Хибатуллаха отправил к нему посланников с богатыми дарами и заверениями в дружбе⁹⁶¹. Вслед за Эр-Риядом покорность ему выразили

⁹⁵⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 766; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 92; Тарих аль-Фахири. С. 139.

⁹⁵⁸ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 93-94.

⁹⁵⁹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 766; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 93-94; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 172-173; Тарих аль-Фахири. С. 140.

⁹⁶⁰ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 767.

⁹⁶¹ Там же. С. 769; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 95.

оазисы Эль-Харжда во главе с владыкой Дилама по имени Зейд ибн Замиль. Кроме того, Хасан Хибатуллах получил подношения от шейха зафиритов Фейсала ибн Сувейта, племя которого в 1765 г. потеряло в столкновениях с Саудидами около 30 человек⁹⁶².

Считая, что дни дир'ийских властителей сочтены, Дахам ибн Давас также оповестил эмира Эль-Хасы 'Арайра ибн Дуджайна об уязвимом положении имама и призвал халидитов немедленно прибыть с войсками в Южный Неджд, чтобы совместными усилиями восстановить на этих землях даваххабитские порядки. 'Арайр ибн Дуджайн отнесся к предложению риядского эмира со всей серьезностью и начал готовить масштабную военную экспедицию. Обращает на себя внимание наличие в войске хассцев артиллеристских подразделений, что было исключительной редкостью в Центральной и Восточной Аравии того времени⁹⁶³. Понимая, что ему представилась возможность расправиться с врагом одним ударом, 'Арайр ибн Дуджайн попытался связаться с Хасаном Хибатуллахом и убедить его не прерывать наступление до подхода основных сил Эль-Хасы, к которым на пути следования присоединялись недждейские отряды из Эль-Харджа, Эр-Рияда и Манфухи⁹⁶⁴.

Однако надежды лидера халидитов оказались тщетны. Его сообщение достигло Хибатуллаха уже после того, как ваххабитские власти, чувствуя нависшую над их вотчиной угрозу со стороны Восточной Аравии, спешно предложили наджранцам мир, провели обмен пленными и выплатили запрошенную их предводителем дань⁹⁶⁵. Об уходе войск Хасана Хибатуллаха на юг 'Арайр ибн Дуджайн узнал, уже находясь «среди песков Дахны»⁹⁶⁶, т.е. пересекая Малый Нефуд. Потеря союзника не оставила халидидскому эмиру времени для маневра, и, несмотря на риски, он принял решение продолжить поход. Не исключено, что затраты на столь широкомасштабную военную кампанию

⁹⁶² *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 766-767; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 92-93; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 172; Тарих аль-Фахири. С. 140.

⁹⁶³ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 773; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 95.

⁹⁶⁴ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 769.

⁹⁶⁵ *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 95; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 173; Тарих аль-Фахири. С. 140.

⁹⁶⁶ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 771.

оказались так велики, что ее срыв мог подорвать политическое и экономическое положение рода Ааль Хумайд. По словам Ибн Бишра, подошедшие к Эд-Дир‘ии отряды вселили панику в защитников «многочисленностью воинов, знамен и пушек»⁹⁶⁷. На деле эффект от массового вторжения оказался лишь психологическим. Слабая организованность войск хассцев не позволила им полностью реализовать свой потенциал. Не оправдала себя и артиллерия, которую халидидские войска не могли эффективно использовать. Ярким свидетельством тому служат уверения Ибн Ганнама и Ибн Бишра в том, что даже при стрельбе в упор осаждающие «не смогли нанести ни единого повреждения укреплениям [Эд-Дир‘ии]»⁹⁶⁸. Укрывшись за городскими стенами, ваххабиты изматывали осаждающих ежедневными вылазками, понеся почти за месяц незначительные потери – от 6 до 12 человек⁹⁶⁹. Существенным подспорьем в обороне послужило использовавшееся жителями Эд-Дир‘ии огнестрельное оружие. Владыка Эль-Хасы осознавал неминуемость провала экспедиции и готовился увести своих людей обратно в Восточную Аравию, но эмиры Эль-Харджа и Эр-Рида, для которых поражение означало неотвратимую месть со стороны Саудидов, уговорили его на еще одну попытку штурма. Однако она провалилась (ее жертвами стали 50 хасских воинов). В итоге ‘Арайр ибн Дуджайн был вынужден покинуть Эль-‘Арид, оставив мятежные оазисы беззащитными перед Саудидами.

Предчувствуя скорую расправу, Дахам ибн Давас попытался выиграть время, выразив покорность Мухаммаду ибн Сауду и заверив его в дружбе. Предложение Дахама ибн Даваса о мире было формально принято, однако власти Эд-Дир‘ии не питали иллюзий относительно лукавства риядского эмира. Ибн Ганнам и вовсе назвал его обращение к Саудидам «предпринятым в панике и циничным [шагом]»⁹⁷⁰.

Обезопасив себя, ваххабиты приступили к постепенной смене элит в Эр-Рияде и Манфухе. В конце 1765 г. Саудиды приложили руку к организации переворота в

⁹⁶⁷ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 97.

⁹⁶⁸ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 773; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 97.

⁹⁶⁹ Там же. С. 98; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 173; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 776.

⁹⁷⁰ Там же. С. 778.

Манфухе. Его жертвами стали эмир Мухаммад ибн Фарис и его наследник ‘Абд аль-Мухсин⁹⁷¹. Во главе заговора стояли племянники правителя и представители местной «аристократии», возмущенные предательством Мухаммада ибн Фариса во время набега наджранцев и экспедиции халидидов. Примечательно, что, несмотря на очевидную заинтересованность Саудидов в этом мятеже, большинство хроник о нем умалчивают, а наиболее тенденциозные источники и вовсе уверяют, что ваххабитские лидеры «просили заговорщиков воздержаться от задуманного»⁹⁷².

С убийством Мухаммада ибн Фариса Дахам ибн Давас лишился последнего союзника в Эль-‘Ариде, и вместо того, чтобы попытаться образовать новую коалицию с эмирами Дилама и Эль-Харджа, в 1765 г. предпринял отчаянную попытку захвата Манфухи. На этот раз в переговорах с риядским владыкой от лица Саудидов выступил сам шейх Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб, отправивший ему ультимативное письмо со следующими словами: «Если ты был искренен, когда заключал с нами мир (после провала экспедиции Бану Халид. – *Ф.М.*), имей ввиду, что ты на грани [его разрыва]. Если же ты выбрал войну, можешь продолжать в том же духе»⁹⁷³. Согласно летописям Ибн Ганнама и Ибн Бишра, гонец с этим посланием запоздал. Когда он прибыл, под стенами города уже начали происходить первые стычки⁹⁷⁴. Как только письмо было передано Дахаму ибн Давасу, тот поспешил вернуться в свои земли. Реакция ‘Абд аль-‘Азиза не заставила себя долго ждать – он быстро перебросил значительную часть своих войск к форту Эль-Газвана и, закрепившись там, установил жесткий контроль над подступами к риядским владениям⁹⁷⁵. На протяжении 1766 г. ваххабиты успешно блокировали ряд отчаянных попыток Дахама ибн Даваса прорваться к Манфухе. Лишь в начале 1767 г. при поддержке эмира Дилама Зейда ибн Замиля ему все же удалось

⁹⁷¹ Там же; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 98; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 174; Тарих аль-Фахири. С. 140.

⁹⁷² *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 98; *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 778.

⁹⁷³ Там же.

⁹⁷⁴ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 779; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 99.

⁹⁷⁵ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 779; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. Т. 1. С. 99; Тарих аль-Фахири. С. 140.

подвести к ней свои войска, однако осаду прервала внезапная атака ваххабитов на Эр-Рияд⁹⁷⁶.

В 1767 г. ‘Абд аль-‘Азиз вступил в династический брак с одной из представительниц правящего рода Манфухи, значительно укрепив свои позиции в оазисе и лишив Дахама ибн Даваса ценного союзника⁹⁷⁷. Оставшийся один на один с военной машиной ваххабитов Эр-Рияд стал подвергаться ежегодным набегам. Вместо захвата города штурмом ваххабиты приняли на вооружение тактику его постепенного истощения. Город неуклонно разорялся на протяжении шести лет – сельское хозяйство пришло в упадок, а оставшихся ресурсов едва хватало для сдерживания натиска неприятеля. К моменту его присоединения к первому государству Саудидов многие окрестные селения почти полностью опустели⁹⁷⁸. Согласно недждийским летописям, точкой перелома стал поход 1773 г., когда ваххабитам удалось сравнять с землей большую часть фортификаций Эр-Рияда⁹⁷⁹. Этот удар окончательно подорвал оборонительный потенциал Дахама ибн Даваса, и он покинул город вместе со своим семейством. В хронике Ибн Бишра сообщается, что последнее военное столкновение с Саудидами «сковало сердце Дахама ужасом и трепетом, <...> поэтому он собрал всех знатных жителей своих владений и объявил о том, что собирается [бежать из Эр-Рияда]»⁹⁸⁰. Такое решение посеяло панику в рядах знати, опасавшейся расправы со стороны ваххабитов. Тот же источник повествует, что «аристократия» умоляла эмира остаться, восклицая: «Мы – твои верные слуги!»⁹⁸¹, но он, оставаясь непреклонным, отвечал им: «Оставьте меня в покое, это больше не мой дом! Нет здесь мне пристанища и нет плеча, на которое я мог бы опереться!»⁹⁸² Во второй половине февраля 1773 г. саудидский отряд, появившийся в городе с целью очередного разграбления, обнаружил его полностью покинутым. Риядский эмиррат навсегда исчез с политической карты

⁹⁷⁶ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 780; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 100; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 174.

⁹⁷⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 782; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 102.

⁹⁷⁸ Там же. С. 119.

⁹⁷⁹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 794; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 118-119; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 177; Тарих аль-Фахири. С. 144.

⁹⁸⁰ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 119.

⁹⁸¹ Там же.

⁹⁸² Там же.

Южного Неджда. Его подчинение завершило присоединение области Эль-‘Арид к первому государству Саудидов. Тогда же в его состав были включены территории Эль-Вашма и Судайра. Несколько хуже в источниках прослеживается экспансия Эд-Дир‘ии в Эль-Хардже – редкие сообщения о походах в эти земли перебиваются упоминаниями о более поздних завоеваниях.

Особое внимание необходимо уделить еще одному событию, пришедшемуся на период экспансии Саудидов в Южном Неджде, – смерти Мухаммада ибн Сауда⁹⁸³. Его преемником стал его сын ‘Абд аль-‘Азиз ибн Мухаммад, который к тому моменту вел дела в Эд-Дир‘ии от имени своего престарелого отца. Смена власти в доваххабитских эмиратах Центральной и Восточной Аравии всегда представляла собой одну из главных точек политического напряжения, однако первое государство Саудидов прошло этот этап без малейшего намека на кризис. Согласно Ибн Бишру, как только ‘Абд аль-‘Азиз стал «имамом всех мусульман»⁹⁸⁴, «все до последнего бедуина и феллаха ему присягнули»⁹⁸⁵. Плавность передачи власти была обусловлена комплексом факторов. Свою роль сыграла ваххабитская идеология, цементирующая общество и поддерживающая династию Ааль Сауд. И все же окончательный переход от сеньората к патрилинейному наследованию произошел в саудидском государстве несколько позже, поэтому отсутствие борьбы за власть между братьями почившего эмира представляется весьма любопытным. Вероятнее всего, немалое значение в этой связи имел личный авторитет ‘Абд аль-‘Азиза ибн Мухаммада, успевшего к тому моменту снискать славу покорителя Южного Неджда.

Таким образом, к середине 70-х годов XVIII в. владения первого государства Саудидов значительно расширились, достигнув Эль-Касыма на севере и Малого Нефуда и Эль-Хасы на востоке. Традиционно ранний период его существования принято считать временем коалиций эмираторов во главе с Мухаммадом ибн Саудом.

⁹⁸³ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 779-780; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 99-100; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 174; Тарих аль-Фахири. С. 141.

⁹⁸⁴ *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 99.

⁹⁸⁵ Там же.

Подобной точки зрения придерживаются Г. Филби⁹⁸⁶ и А.М. Васильев⁹⁸⁷. Хотя эта оценка и справедлива для 1740-х – 1750-х годов, однако уже в 60-х годах XVIII в. произошла трансформация ваххабитского государства из аморфного союза отдельных эмиров в централизованную структуру, в рамках которой власть на местах осуществлялась креатурами Саудидов. Видное положение на недждийской политической арене продолжал занимать Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб, оказывавший существенное влияние на политическую жизнь государства. Хотя хронисты редко акцентируют внимание на его роли в исследуемых процессах, отдельные эпизоды, такие как его переговоры с Дахамом ибн Давасом, позволяют предположить, что первые саудидские имамы все еще находились в тени его персоны и выполняли преимущественно военные функции.

В первые годы существования государства Саудидов проявились на практике все преимущества ваххабизма. Прежде всего обращает на себя внимание консолидация дир‘ийцев вокруг правящего семейства, обеспечившая устойчивость эмирата в кризисных ситуациях. Несомненна плодотворная роль ваххабитского движения в успешной экспансии Саудидов. Ни тяжелое положение эмирата во время военных экспедиций наджранцев и хассцев, ни смерть Мухаммада ибн Сауда не привели к коллапсу новообразованного государства. Ваххабизм также оказался существенным подспорьем в укреплении идеологического влияния Эд-Дир‘ии на население покоряемых оазисов. В летописях нередко встречаются упоминания об ‘алимах, отправлявшихся «единобожниками» в соседние области, а сообщества, возникавшие вокруг их фигур, зачастую напрямую влияли на социально-политический климат в тамошних эмиратах, подтверждением чему является проваххабитский переворот 1765 г. в Манфухе, завершившийся убийством ее правителя.

В ходе вооруженной борьбы с политическими соперниками на руку Саудидам играла их способность эффективно мобилизовать ресурсы для военных нужд, ярким примером чему служит небывалое по масштабу строительство

⁹⁸⁶ Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol 2. P. 48.

⁹⁸⁷ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 92.

фортификаций на покоренных землях, а также частотность и хорошая оснащенность большинства военных экспедиций. Наиболее рельефно сила ваххабитской военной машины проявилась в начавшемся противостоянии с Эль-Хасой, властители которой, вне всякого сомнения, были самыми могущественными фигурами на политической арене Центральной и Восточной Аравии в XVII – первой половине XVIII в. Ни один из крупных рейдов, организованных халидиским лидером ‘Арайром ибн Дуджайном, не оказался успешным, включая поход 1765 г., предпринятый в момент ослабления Эд-Дир‘ии набегом Хасана Хибатуллаха. Некоторые ученые, в частности ‘Абд аль-Карим аль-Вахби, и вовсе считают, что в это время во внутренних районах Аравийского полуострова сложился силовой паритет между родами Ааль Сауд и Бану Халид⁹⁸⁸.

§ 3. ПОКОРЕНИЕ ВАХХАБИТАМИ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АРАВИИ И БОРЬБА С ПЛЕМЕНЕМ БАНУ ХАЛИД

Земли, присоединенные к первому государству Саудидов в 40-х – 70-х годах XVIII в., стали надежной опорой для их дальнейшей экспансии в Центральной и Восточной Аравии. Захватом ‘Уяйны и ряда прилегающих территорий ваххабитам удалось не только приобрести обширные плодородные сельскохозяйственные угодья, но и получить контроль над ключевыми транспортными узлами Южного Неджда. Овладение городами и селениями Эль-‘Арида и Судайра также открыло ‘Абд аль-‘Азизу путь на Эль-Хардж, Эль-Хасу и Эль-Касым.

По неясной причине ход завоевания ваххабитами Эль-Касыма совершенно не освещен в важнейшем источнике, касающемся его истории, – «Краткой истории ‘Унайзы» ‘Абд ар-Рахмана аль-Бассама. Как следствие, события реконструируются на основании сведений, почерпнутых из ваххабитского летописания. Впервые саудидские войска вступили в пределы Эль-Касыма в 1769 г.⁹⁸⁹ Этот поход,

⁹⁸⁸ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатахим би Наджд. С. 285.

⁹⁸⁹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 786; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 105-106; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 177.

который возглавил Сауд ибн ‘Абд аль-‘Азиз (сын имама ‘Абд аль-‘Азиза ибн Мухаммада) коснулся предместий ‘Унайзы, где ваххабиты столкнулись с местным ополчением⁹⁹⁰. Исход сражения в летописях детально не описывается, однако, судя по тому, как разворачивалось дальнейшее противостояние, в ходе этой военной кампании Сауду ибн ‘Абд аль-‘Азизу удалось закрепиться в городке Бурайда к северу от ‘Унайзы⁹⁹¹. Также не до конца понятно, оставил ли он в этом селении свой гарнизон, или удовлетворился присягой верности местного правителя ‘Абдаллаха ибн Хасана.

Военные действия в Эль-Касыме ознаменовали очередное вторжение Саудидов в зону влияния Эль-Хасы, что потребовало от ее эмира ‘Арайра ибн Дуджайна активизации ответных действий. В 1774 г. он выдвинулся из Эль-Хуфуфа во главе большого войска, к которому, по словам Ибн Ганнама, присоединились жители ‘Унайзы⁹⁹². При этом остается загадкой, имел ли летописец в виду локальные подразделения племени Бану Халид, или же, невзирая на вековую вражду, союзниками ‘Арайра стали сторонники рода Ааль Джаррах. В ходе экспедиции силы ‘Арайра ибн Дуджайна разорили Бурайду и в течение нескольких дней грабили ее окрестности⁹⁹³. Покидая Эль-Касым, халидиды поставили во главе покоренной Бурайды марionеточного правителя по имени Рашид аль-Дурайби, а свергнутый ‘Абдаллах ибн Хасан скрылся и спустя некоторое время объявился в Эд-Дир‘ийе при дворе ‘Абд аль-‘Азиза, где остался на правах почетного гостя⁹⁹⁴. В итоге ненадолго Эль-Касым оказался полностью подконтролен племени Бану Халид. Бурайда должна была стать базой хассцев для броска в сторону Судайра и далее в направлении вади Ханифа⁹⁹⁵. Однако в 1774 г. накануне выступления ‘Арайр ибн Дуджайн внезапно скончался⁹⁹⁶. Без

⁹⁹⁰ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 786; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 106; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 178.

⁹⁹¹ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 802; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 121-122; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 182; Тарих аль-Фахири. С. 145-146.

⁹⁹² *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 802.

⁹⁹³ Там же; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 121-122; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 182; Тарих аль-Фахири. С. 145-146.

⁹⁹⁴ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 122.

⁹⁹⁵ Там же.

⁹⁹⁶ Там же.

преувеличения в его лице Восточная Аравия потеряла своего самого активного и успешного правителя ваххабитской эпохи. Смерть ‘Арайра привела к типичному для социально-политической истории Эль-Хасы витку кровавой борьбы за власть среди членов рода Ааль Хумайд. Первым взошел на трон сын покойного правителя Батин ибн ‘Арайр, однако не прошло и года, как он пал жертвой заговора, организованного его братьями Са‘адуном и Дуджайном. Хронисты отмечают, что они сами с ним расправились, задушив в его собственном шатре. Место покойного занял Дуджайн, которому была уготована роль разменной фигуры. В том же 1774 г. он скончался при невыясненных обстоятельствах. Ходили слухи о том, что он был отравлен братом Са‘адуном. Впрочем, легитимность последнего также оспаривалась, и уже в 1775 г. жители Эль-Хасы попытались поднять восстание, но безрезультатно⁹⁹⁷.

На фоне очередного кризиса наследования в племени Бану Халид неджийскую военную экспедицию свернули. Внимание халидидов также отвлекли внезапно начавшиеся набеги восточноаравийского племени Ка‘аб на окрестности Эль-Катифа, которые поставили под угрозу транзитную торговлю в портах Персидского залива⁹⁹⁸. Вывод хасских отрядов из Эль-Касыма открыл путь войскам Саудидов, и вытесненный из Центрального Неджд‘Абд аль-‘Азиз начал готовиться к масштабному вторжению. В год смерти ‘Арайра ибн Дуджайна он сумел полностью подчинить аз-Зульфи, самый северный из оазисов Судайра, приведя в нем к власти своего ставленника Адама ибн Сувейри⁹⁹⁹. Воспользовавшись междуусобицей сыновей ‘Арайра, ваххабитские силы вновь появились в окрестностях Бурайды. Следуя излюбленной тактике истощения вражеских селений, Саудиды выстроили около города крепость, разместив в ней гарнизон под командованием беглого ‘Абдаллаха ибн Хасана¹⁰⁰⁰. Отсюда небольшие отряды начали совершать непрерывные набеги на Бурайду. При этом халидиды по-прежнему не предпринимали никаких усилий для того, чтобы

⁹⁹⁷ Там же. С. 126-127; Тарих аль-Фахири. С. 146; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 182.

⁹⁹⁸ Аль-Вахби, ‘Абд аль-Карим. Бану Халид ва алякатахим би Наджд. С. 285.

⁹⁹⁹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 803-804; Ибн Биир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 123.

¹⁰⁰⁰ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 809; Ибн Биир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 126-127.

прорвать блокаду. В конце концов отчаянное положение вынудило Рашида ад-Дурайби вступить в переговоры с ‘Абд аль-‘Азизом, который обещал отпустить его с миром в случае сдачи города. «Аристократию», поддержавшую Рашида ад-Дурайби, ждала жестокая расправа. Лишь только наместник покинул Бурайду, ‘Абдаллах ибн Хасан учинил там резню, уничтожив около 50 представителей местной знати. К 1776 г. большинство политий Центрального Неджда признало власть Саудидов. Ибн Бишр описал эти события таким образом: «После того, как это (изгнание Рашида ад-Дурайби. – Ф.М.) произошло, все жители Эль-Касыма решили склонить голову и принести клятву верности. ‘Абдаллах [ибн Хасан] собрал посольство из всех властителей провинции и представил их шейху [Мухаммаду ибн ‘Абд аль-Ваххабу] и [имаму] ‘Абд аль-‘Азизу. Они присягнули религии Аллаха и его Пророка от имени всех касымских селений. Тогда их эмиром был назначен ‘Абдаллах [ибн Хасан]»¹⁰⁰¹. Таким образом, к концу 1776 г. ваххабиты установили полный контроль над большей частью этих мест. В дальнейшем именно Бурайда получит статус главной ваххабитской «столицы» Эль-Касыма.

Ваххабитское наступление разворачивалось также на юго-восточных рубежах первого государства Саудидов. Ликвидация риядского эмирата в первой половине 1770-х годов позволила ‘Абд аль-‘Азизу начать покорение Эль-Харджа. Согласно хроникам Ибн Ганнама и Ибн Бишра, послание с требованием присяги на верность было отправлено эмиру Зейду ибн Замилю сразу же после бегства Дахама ибн Даваса¹⁰⁰². Однако Зейд ибн Замиль был уверен в том, что основные силы имама «завязнут» в Эль-Касыме, и отказался подчиниться Эд-Дир‘ийе. На фоне активизации халидидов на северном фронте, он вступил в переговоры с Хасаном Хибатуллахом, прося его о помощи в борьбе с ваххабитами, а также заручился финансовой поддержкой лидеров Эль-Хасы¹⁰⁰³. Эмирам удалось прийти к соглашению лишь к исходу конфликта в Центральном Неджде. За это время

¹⁰⁰¹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 127.

¹⁰⁰² Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 801; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 120-121.

¹⁰⁰³ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 806; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 125.

ваххабиты успели несколько раз объявиться в Эль-Хардже и разграбить местные оазисы¹⁰⁰⁴.

Войска антиваххабитской коалиции вторглись в Эль-‘Арид в 1775 г.¹⁰⁰⁵ Первый удар принял на себя крепость Хаир. После этого нападающие перебросили основные силы в область Эль-Вашм через вади аль-Аусат. В результате под ударом оказалось селение Дурма, оказавшее наступающим ожесточенное сопротивление. Измотанные в кровавых стычках с саудидскими отрядами Хасан Хибатуллах и Зейд ибн Замиль предпочли вернуться в свои владения. Поражения и политический кризис в Эль-Хасе вынудили Зейда ибн Замиля просить ‘Абд аль-‘Азиза о мире, и в том же 1775 г. он принес имаму вассальную присягу, обязавшись повиноваться ваххабитским законам¹⁰⁰⁶. Тогда же клятвы верности были получены от эмира йамамского оазиса Хасана ад-Даджали.

Перемирие в Эль-Хардже не продлилось и года, и в 1776 г. Зейд ибн Замиль вновь попытался выступить против имама¹⁰⁰⁷. Мятеж оказался неудачным, и эмир Дилама вместе с большинством знатных семейств Эль-Харджа был вынужден бежать в Эль-Хасу. На его место ‘Абд аль-‘Азиз назначил одного из своих приближенных по имени Сулейман ибн ‘Уфайсан¹⁰⁰⁸. Тем временем в Эль-Йамаме поползли слухи о готовившемся Хасаном ад-Даджали физическом уничтожении сторонников ваххабизма и их полномочного представителя, присланного из Эд-Дир‘ии. Как только весть о задуманной бойне дошла ‘Абд аль-‘Азиза, он направил в Эль-Йамаму войска под предводительством своего сына Сауда. От разорения город спасло лишь обещание йамамского владыки выдать главных заговорщиков¹⁰⁰⁹.

¹⁰⁰⁴ Там же. С. 122-123, 124; *Иbn Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 803-805; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 184.

¹⁰⁰⁵ *Иbn Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 805; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 125; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 184-185; Тарих аль-Фахири. С. 141.

¹⁰⁰⁶ *Иbn Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 811; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 127-128; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 185.

¹⁰⁰⁷ *Иbn Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 812; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 128; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 185.

¹⁰⁰⁸ *Иbn Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 812; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 128; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 185.

¹⁰⁰⁹ *Иbn Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 814; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 129-130; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 186.

Уход Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза послужил сигналом для антиваххабитских сил. Эмир Хасан Хибатуллах поспешил блокировать йамамскую крепость ас-Саламию, а жители Дилама подняли восстание. Тем временем в Эль-Хардж вернулся Зейд ибн Замиль и изгнал из погрязшего в мятеже города ваххабитского ставленника. Многочисленные ответные набеги, предпринятые Саудидами, не возымели эффекта, хотя за один только 1777 г. они шесть раз разоряли сельскую округу Эль-Харджа и прилагающие к ней кочевья. Во многом внимание ваххабитов отвлекала тяжелая обстановка в Эль-Касыме, в стабилизации которой принимали участие их главные ударные силы.

В 1778 г. кризис в Восточной Аравии вкупе с провальными кампаниями сыновей ‘Арайра ибн Дуджайна вынудил халидидов заключить с первым государством Саудидов временное перемирие. Тем не менее Са‘адун ибн ‘Арайр не отказался от планов по восстановлению былого влияния в Центральной Аравии¹⁰¹⁰. Усыпив бдительность ваххабитов, он вероломно атаковал ряд оазисов Южного Неджда. Их осада не принесла видимого успеха, но ознаменовала новый этап противостояния Эль-Хасы и Эд-Дир‘ии¹⁰¹¹. Ибн Ла‘абун считает, что развернуть широкое наступление халидидам не позволил начавшийся «жестокий зной»¹⁰¹².

Невзирая на неудачу первой атаки хассцев, ряд оазисов в том числе расположенные на севере Судайра Эз-Зульфи и Харма изменили присяге Саудидам и в 1779 г. перешли на сторону Са‘адуна ибн ‘Арайра¹⁰¹³. Вероятнее всего, причиной этого шага стало сохранение у власти в этих землях доваххабитских элит, которые жаждали освободиться от диктата ‘Абд аль-‘Азиза. В том же году халидиды блокировали судайрийскую крепость Эль-Маджма‘а и предложили местному эмиру перейти на их сторону. Он попросил у захватчиков дать ему две недели для принятия решения, одновременно отправив гонца с просьбой о помощи

¹⁰¹⁰ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 823-824; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 136-137; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 188.

¹⁰¹¹ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 136.

¹⁰¹² Тарих Ибн Ла‘абун. С. 188.

¹⁰¹³ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 824; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 138; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 189-190; Тарих аль-Фахири. С. 147.

в Эд-Дир‘ийю. Сауд ибн ‘Абд аль-‘Азиз отреагировал мгновенно, и, не теряя времени, его войска выдвинулись в Судайр. Потерпев поражение в нескольких стычках, халидиды спешно отступили, и освобожденная Эль-Маджма‘а стала базой для карательных походов Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза. Завладев крепостью, он сравнял с землей стены нескольких восставших против него городов, после чего начал изматывать остальные мятежные оазисы постоянными набегами. За 1780 г. Сауд ибн ‘Абд аль-‘Азиз трижды нападал на окрестности Эз-Зульфи и Хармы. К концу года правители истощенных эмиратов вынуждены были вновь присягнуть саудидскому имаму¹⁰¹⁴.

Сразу после подавления восстания на севере Южного Неджда ваххабиты продолжили усмирение волнений в Эль-Хардже. 1781 г. был отмечен крупным походом Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза на Дилам и Эль-Йамаму. Йамамский эмир попытался дать отпор, но его сторонники понесли серьезные потери и вынуждены были отступить. Для предотвращения новых мятежей Сауд воздвиг недалеко от этих городов опорную крепость Эль-Бид‘а¹⁰¹⁵.

Потерпев поражение на южных границах государства Саудидов, хасцы предприняли очередную попытку захвата Эль-Касыма с севера. В течение всего 1781 г. халидиды готовились к последней масштабной экспедиции в Центральную Аравию и совершили опустошительные набеги на лояльные ваххабитам оазисы и кочевые племена. Несколько раз воины Са‘адуна ибн ‘Арайра появлялись под стенами ‘Унайзы. Наконец, в 1782 г. он двинул свои войска в сердце Неджда, причем его вторжение сопровождалось массовыми антиваххабитскими волнениями в Эль-Касыме¹⁰¹⁶. Согласно «Истории» Ибн Ганнама, в которой автор назвал случившееся «великим отступничеством»¹⁰¹⁷, в касымских городах началась резня сторонников ваххабизма и их лидеров¹⁰¹⁸.

¹⁰¹⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 141.

¹⁰¹⁵ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 829-830; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 143; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 192-193; Тарих аль-Фахири. С. 148.

¹⁰¹⁶ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 837-838; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 146-147; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 194; Тарих аль-Фахири. С. 149.

¹⁰¹⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 837.

¹⁰¹⁸ Там же.

Верность ‘Абд аль-‘Азизу сохранили лишь три селения, располагавшиеся вдоль границы Эль-Касыма и Южного Неджда – Бурайда, ар-Рас и ат-Танума. Именно Бурайда, будучи оплотом ваххабизма уже несколько десятилетий, стала первоочередной целью хасского эмира. Однако халидиды опять оказались бессильны перед ваххабитскими фортификациями. При этом сложно понять, было ли это связано со скачком в развитии военного строительства в первом государстве Саудидов или с упадком военного дела в Эль-Хасе.

Осада Бурайды затянулась, и тогда противники Саудидов решили отлить циклопическую бомбарду для того, чтобы сравнять ее стены с землей. По информации Ибн Бишра, для этого со всего Эль-Касыма были собраны «металлисты, медники, кузнецы и литейщики»¹⁰¹⁹, однако работы так и не были закончены, и задумка провалилась¹⁰²⁰. Невзирая на бесперспективность, блокада города продолжалась еще полгода, хотя за это время состоялся всего один штурм, да и тот неудачный¹⁰²¹. Поскольку от антиваххабитской коалиции начали откалываться ее участники, к концу 1782 г. кампания была свернута, и города Эль-Касыма повторно принести присягу верности имаму ‘Абд аль-‘Азизу.

Наибольшими издержками отступление племени Бану Халид из Центральной Аравии обернулось для Эль-Харджа, жители которого лишились последнего покровителя. Решающим событием на пути его присоединения к первому государству Саудидов стала смерть на поле боя владыки этих земель Зейда ибн Замиля в 1783 г.¹⁰²² Свою лепту внес и разразившийся в том же году голод¹⁰²³. После этих бедствий местные эмиры могли позволить себе лишь робкие попытки ответных ударов по Саудидам. Их неудачный рейд на Манфуху привел к серии опустошительных походов со стороны Эд-Дир‘ии. Людские потери Эль-Харджа

¹⁰¹⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 148.

¹⁰²⁰ Там же.

¹⁰²¹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 845-846; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 150-151; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 194.

¹⁰²² Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 848-849; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 152-153; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 195; Тарих аль-Фахири. С. 149.

¹⁰²³ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 153-154; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 195; Тарих аль-Фахири. С. 149.

исчислялись сотнями¹⁰²⁴. Финальная осада Дилама состоялась в конце 1785 г. В ходе штурма были убиты двое сыновей Зейда ибн Замиля – Барак и Турки. Эмират оказался «обезглавлен»: в том же году его жители присягнули ‘Абд аль-‘Азизу ибн Мухаммаду, и наместником этих земель вновь был назначен Сулейман ибн ‘Уфайсан¹⁰²⁵.

Таким образом, к середине 80-х годов XVIII в. Саудиды превратились в наиболее влиятельную политическую силу Центральной Аравии, потеснив правителей Эль-Хасы. Под их властью оказалась большая часть земель Эль-Касыма и Южного Неджда. В течение нескольких последующих лет ваххабиты продвинулись на юг вдоль горного хребта Джебель Тувайк, завоевав оазисы Эль-Афладж и Эд-Давасир. К концу 1780-х годов они покорили Джебель-Шаммар и его столицу Хаиль, завершив объединение Центральной Аравии вокруг Эд-Дирийи.

В ходе завоевания Неджда дир‘ийский эмират окончательно оформился в мощное централизованное государство. Власть династии Ааль Сауд продемонстрировала исключительную устойчивость перед лицом многочисленных кризисов и серьезных военных катаклизмов. Любопытной представляется прослеживающаяся в летописном повествовании практика, согласно которой имам делегировал все военные полномочия своему наследнику в то время, как сам большую часть времени оставался в Эд-Дир‘ийе. В пользу этого свидетельствует ведущая роль ‘Абд аль-‘Азиза ибн Мухаммада в командовании войсками в период властования его отца Мухаммада ибн Сауда и передача этого поста Сауду ибн ‘Абд аль-‘Азизу после воцарения ‘Абд аль-‘Азиза. Эта, казалось бы, несущественная деталь имела немаловажное значение в стабилизации политической обстановки в ваххабитском государстве – на поле боя преемники имамов завоевывали признание в среде знати и в дальнейшем принимали власть при поддержке не только ваххабитского духовенства, но и «аристократии».

¹⁰²⁴ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 851-852; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 155; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 196.

¹⁰²⁵ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 854-855; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 156; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 196.

Особая роль в управлении первым государством Саудидов принадлежала Мухаммаду ибн ‘Абд аль-Ваххабу. Основатель ваххабизма оставался исключительно влиятельной фигурой вплоть до своей смерти в 1792 г. По своему авторитету он значительно превосходил всех Саудидов, правивших на протяжении его жизни, на что указывает структура клятв, приносимых покоренными эмирами, – имя Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в них всегда предшествовало имени имама. В письмах-ультиматумах, адресованных политическим противникам, шейх демонстрирует полное владение ситуацией в государстве. Все же к концу покорения Центральной Аравии Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб появляется на страницах хроник куда реже, что связано с двумя факторами – его старением (в разгар покорения Неджда ему было уже около 85 лет) и ростом престижа династии Ааль Сауд в свете их триумфальных завоеваний.

Кроме того, в описываемый период отчетливо обозначились характерные черты стратегии ваххабитской экспансии. Обращает на себя внимание тот факт, что после распада коалиции Саудидов с ‘Уайной и Хураймой» «единобожники» постепенно перешли к тактике полной замены правящей элиты в покоренных землях на своих приближенных. Эти «властные рокировки» Саудиды реализовывали по-разному – путем демонстративных убийств, заговоров или же посредством браков, как это произошло в случае с Манфухой. Заслуживает внимания способ завоевания новых территорий, сводившийся к возведению в окрестностях стратегических центров противника крепостей, которые становились опорными пунктами для многочисленных мелких набегов, постепенно истощавших военный и экономический потенциал врага. На юге такими твердынями стали форты Эль-Газвана и Эль-Бид‘а, а также укрепленное поселение Хаир. В Эль-Касыме эта роль была отведена селению Эль-Маджма‘а и городу Бурайда. Как правило, после нескольких лет непрерывных рейдов ваххабиты наносили по противнику завершающий удар, представлявший собой либо штурм вражеских оазисов, либо генеральное сражение с их властителями. Отметим, что их продвижение в Эль-Касыме и Джебель-Шаммаре задокументировано гораздо хуже, и по этой причине утверждения о том, что описанные выше черты были

свойственны Саудидам при покорении этих областей, достаточно условны. Значительный прирост территории беспрецедентно расширил их ресурсную базу и обеспечил исключительно благоприятные условия для дальнейшей экспансии на соседствующие области Аравийского полуострова, в том числе Эль-Хасу.

§ 4. ЗАВОЕВАНИЕ ЭЛЬ-ХАСЫ И ЛИКВИДАЦИЯ ПРАВЛЕНИЯ ПЛЕМЕНИ БАНУ ХАЛИД

Грабительские рейды на восток Аравийского полуострова организовывались ваххабитами на протяжении всего периода борьбы за господство в Центральной Аравии, типичным примером чему служит экспедиция 1784 г., коснувшаяся предместий Эль-Хуфуфа¹⁰²⁶. Однако лишь падение области Эль-Касым и города Хаиль дало толчок полномасштабным завоеваниям ваххабитами восточноаравийских городов. Успешность грядущих кампаний в значительной мере была подпитана очередным внутриполитическим кризисом в вотчине племени Бану Халид – Эль-Хасе. В 1786 г. хасская знать организовала заговор против своего правителя Са‘адуна ибн ‘Арайра, который окончательно утратил авторитет в ее глазах после серии провальных вторжений на подконтрольную Саудидам территорию¹⁰²⁷. Ибн Ганнам посвятил этому событию отдельное сообщение: «В тот год произошел раскол между халидидами – ненависть заклокотала в их сердцах <...> и тогда благородные мужи-халидиды пришли на поклон к вождю [племени] Сувайни ибн ‘Абдаллаху и попросили поддержать [задуманный ими переворот] <...> и [вместе они] изгнали Са‘адуна и его дружину [из Эль-Хасы]»¹⁰²⁸. Новым владыкой Восточной Аравии стал некий Дивайхис ибн ‘Арайр, вероятно, брат Са‘адуна ибн ‘Арайра. Этот переворот мало чем отличался от распрай, бушевавших в клане Ааль Хумайд в прежние времена, однако обращает на себя внимание участие в нем племени Мунтафик. В свете дальнейших

¹⁰²⁶ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 849-850; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 154; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 195-196; Тарих аль-Фахири. С. 150.

¹⁰²⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 856; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. С. 156-157; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 196-197; Тарих аль-Фахири. С. 151.

¹⁰²⁸ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 856.

событий становится ясно, что эта деталь представляет собой симптом глубокого упадка могущества халидидов, неспособных самостоятельно противостоять натиску с запада. Примечательно также то, что беглый эмир Са‘адун ибн ‘Арайр попросил убежища в Эд-Дир‘ийе и по настоянию Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба оказался под протекцией имама ‘Абд аль-‘Азиза.

Осенью 1787 г. началась совместная экспедиция халидидов и мунафиков в Неджд. Сувайни ибн ‘Абдаллах стремительно пересек Малый Нефуд по вади Эр-Румма и осадил Бурайду. В отличие от дружин многих недждейских эмиров, его войска были хорошо снабжены и вооружены огнестрельным оружием. По сообщениям летописцев, он также переправил в Эль-Касым несколько пушек¹⁰²⁹. Одновременно Дивайхис ибн ‘Арайр начал переброску сил в Южный Неджд, рассчитывая на то, что вторжение в Эль-Касым оттянет силы ‘Абд аль-‘Азиза с юга. Однако в самый разгар кампании Сувайни ибн ‘Абдаллах был вынужден вернуться в свои владения для усмирения вспыхнувшего там бунта. Весть об уходе союзника достигла Дивайхиса ибн ‘Арайра уже после пересечения его отрядами пустыни Дахна. Памятуя о поражении своего отца, принявшего некогда неверное решение в аналогичной ситуации, он отвел свои отряды обратно в Эль-Хасу.

В 1788 г. Саудиды приступили к покорению Восточной Аравии, начав истощать силы халидидов набегами на хасские торговые города. В 1788 г. наместник Эль-Харджа Сулейман ибн ‘Уфайсан сжег порт ‘Укайр и опустошил его окрестности¹⁰³⁰. Проведенная им разведка боем продемонстрировала беспомощность халидидов, и уже в 1789 г. Сауд ибн ‘Абд аль-‘Азиз организовал четыре новые военные экспедиции, причем их география была значительно шире, чем когда-либо, – округ Суман на северо-западе Эль-Хасы, ее центральные районы ат-Тафф и Фудуль, а также селение Мубарраз в главном хасском оазисе¹⁰³¹. Набеги сопровождались кровавыми стычками, в которых хассцы потеряли сотни человек. Красноречивым свидетельством растущего масштаба ваххабитской экспансии в

¹⁰²⁹ Там же. С. 860-861; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 158-159; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 197; Тарих аль-Фахири. С. 151.

¹⁰³⁰ *Иbn Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 877; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 162-163.

¹⁰³¹ *Иbn Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 877-882; *Иbn Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 167-169; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 199; Тарих аль-Фахири. С. 152.

этой области служат упоминания о них в иракских источниках, в частности в труде «История Ирака и Неджда» придворного ученого правителя Ирака Дауд-пави – ‘Усмана ибн Санада. На страницах его летописи читаем: «В дни правления султана Селима (Селима III. – Ф.М.) простерлась рука побиваемого камнями демона [над этими землями], и возросло могущество ‘Абд аль-‘Азиза ибн Сауда. Все пути и дороги заполонили воины <...>, призывая к принятию ереси Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, распространявшего ее пламя во всяком месте и селении <...> Он одобрял пролитие крови мусульман, обвиняя их в многобожии <...> и уверяя, что сам он близок к Богу. Сколько же верующих было убито его воинами! <...> Сколько раз их мечи и копья обагрялись кровью верных и благочестивых! <...> Бесчислены несчастья, которые он обрушил на Эль-Хасу и ее жителей!»¹⁰³²

Влияние Саудидов в Восточной Аравии росло стремительными темпами. Начиная с 1790 г. к ваххабитским набегам начали присоединяться их бывшие противники – зафириты и даже отдельные подразделения халидидов. Один из походов этого года оказался фатальным для рода Ааль Хумайд. Выдвинувшиеся из Неджда силы Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза внезапно были атакованы Дивайхисом ибн ‘Арайром, пытавшимся предотвратить разграбление Эль-Хуфуфа и окрестных деревень¹⁰³³. В результате трехдневного противостояния у горы Гураймиль на границе областей Джаяф и Бадд аль-Асис халидидские отряды были сломлены и рассеяны. Террор со стороны победителей вынудил местных жителей принести клятву верности имаму ‘Абд аль-‘Азизу. На место бывшего владыки Эль-Хасы был назначен ваххабитский ставленник по имени Зейд ибн ‘Арайр, приходившийся младшим братом Са‘адуну и Дивайхису. Однако его власть не признавалась селениями и кочевьями северных областей Эль-Хасы. Главным антисаудидским центром сопротивления стал Эль-Катиф. Его покорение «единобожниками» затянулось еще на два года, после чего город и его предместья постигла участь Эль-Хуфуфа¹⁰³⁴. Ибн Бишр включает в свою хронику фактурные детали этого разгрома:

¹⁰³² ‘Усман ибн Санад. Тарих аль-Ирак ва Наджд. С. 264-265.

¹⁰³³ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 883-884; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 169-170; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 199; Тарих аль-Фахири. С. 152.

¹⁰³⁴ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 899-900; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 178; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 201; Тарих аль-Фахири. С. 153.

«Мусульмане низвергли всех идолов, сравняли с землей все капища и святилища [Эль-Катифа], предали огню все неугодные Аллаху книги, [которые там обнаружили]»¹⁰³⁵. Север Эль-Хасы был присоединен несколько позже. Главным событием в этой связи стало убийство шейха ‘Абд аль-Мухсина ибн Сардаха – лидера независимых халидидов. Новым подконтрольным ваххабитам вождем стал его сын Барак ибн ‘Абд аль-Мухсин.

Вплоть до конца существования первого государства Саудидов его властители так и не сумели добиться от завоеванных территорий Эль-Хасы полной лояльности. Именно в этих землях чаще всего вспыхивали мятежи против власти имама. Обширность провинции, а также тот факт, что члены племени Бану Халид составляли до 20% ее населения, требовали его длительного и последовательного вытеснения, которое было продолжено в эпоху второго государства Саудидов¹⁰³⁶. Однако начало этому процессу было положено именно ‘Абд аль-‘Азизом ибн Мухаммадом. Опасаясь брожений в Восточной Аравии, в 1793 г. он снарядил против Барака ибн ‘Абд аль-Мухсина крупную экспедицию во главе с сыном Саудом. Потери халидидов в боях достигли тысячи человек, что означало полный разгром их военной мощи¹⁰³⁷. Беззащитные жители Эль-Хуфуфа были вынуждены вновь присягнуть ваххабитам, которые задержались в хасском оазисе на месяц, разрушая шиитские святыни¹⁰³⁸. Для утверждения своей власти Саудиды значительно усилили контроль за соблюдением религиозных предписаний и обязательным посещением мечети.

Несмотря все попытки «единобожников» стабилизировать обстановку, уже через месяц после ухода недждийских войск Зейд ибн ‘Арайр организовал в Эль-Хасе резню ваххабитских богословов и их сторонников¹⁰³⁹. Не вызывает сомнений, что причиной этих трагических событий стало беспрецедентное идеологическое

¹⁰³⁵ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 178.

¹⁰³⁶ Во второй половине XIX в. Саудиды активно поддерживали миграцию в Эль-Хасу представителей племенного союза ‘Аджман, которые вытеснили большую часть халидидов с их исконных территорий.

¹⁰³⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 908-910; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 200-201; Тарих Ибн Ла‘абун. 202; Тарих аль-Фахири. С. 155.

¹⁰³⁸ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 910; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 202.

¹⁰³⁹ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 911-912; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 203-204; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 202; Тарих аль-Фахири. С. 155.

давление со стороны Саудидов, которое остро негативно воспринималось хассцами, половина которых исповедовала шиизм. Карательный поход Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза не заставил себя долго ждать, и в 1794 г. он прошелся огнем и мечом по хасским оазисам¹⁰⁴⁰. Повсюду на своем пути саудидские отряды вырубали пальмовые рощи и сжигали плодовые деревья. Робкие попытки Зейда ибн ‘Арайра дать отпор оказались безуспешными. Кульминацией рейда стал штурм Мубарраза – крупнейшего земледельческого поселения Эль-Хасы – и его падение. За ним капитулировал Эль-Хуфуф. На этот раз Саудиды не удовлетворились новыми клятвами верности и изгнали не только самого Зейда ибн ‘Арайра, но и всех его братьев. Место эмира было отдано Бараку ибн ‘Абд аль-Мухсину, выступившему в этой кампании на стороне Эд-Дир‘ийи¹⁰⁴¹. Ваххабиты рассчитывали на то, что правитель, не связанный с родом Ааль Хумайд, но окруженный преимущественно халидитской знатью, будет вынужден проявлять к ним лояльность. Подобная уверенность ясно читается в хронике Ибн Бишра, который назвал события 1794 г. «завершением эпохи царствования рода Ааль Хумайд в Эль-Хасе, Эль-Катифе и их окрестностях»¹⁰⁴². Однако активное развертывание наступления на Хиджаз вынудило Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза вывести часть своих сил из Восточной Аравии, чем незамедлительно воспользовались члены племени Бану Халид и хасские элиты.

В 1796 г. Барак ибн ‘Абд аль-Мухсин возглавил последнее крупное выступление против дир‘ийского имама¹⁰⁴³. Сауду ибн ‘Абд аль-‘Азизу потребовались месяцы на то, чтобы подготовить поход возмездия, жестокость которого превзошла большинство военных кампаний прошлого¹⁰⁴⁴. Селения стирались с лица земли, а на их месте захватчики возводили собственные крепости. Малейшее выражение неблагонадежности каралось смертью. Лишь спустя

¹⁰⁴⁰ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 915; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 204-205; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 203; Тарих аль-Фахири. С. 155.

¹⁰⁴¹ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 921-922; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 206; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 203; Тарих аль-Фахири. С. 155.

¹⁰⁴² *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 206.

¹⁰⁴³ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 931; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 215; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 205.

¹⁰⁴⁴ *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 217.

несколько месяцев ваххабиты остановили кровопролитие и вступили в переговоры с хассцами. Судьба Барака ибн ‘Абд аль-Мухсина остается неизвестной: вероятно, он погиб в одной из многочисленных стычек под стенами Эль-Хуфуфа. Главными условиями мира стали невероятная по размеру контрибуция, которая окончательно подорвала могущество хасской знати, и полное разоружение местного населения. Поборы были столь велики, что потребовали от многих продажи личного имущества¹⁰⁴⁵. Покидая Эль-Хасу, Сауд поставил в ней наместником свою очередную креатуру – местного жителя Наджима ибн Духайнима, не связанного с племенем Бану Халид. Подавление восстания 1796 г. поставило точку в истории независимого халидского эмирата в Восточной Аравии: его территории были окончательно присоединены к саудидским владениям. В дальнейшем антиваххабитские выступления хассцев происходили с завидной регулярностью, но их скромные масштабы не могли угрожать Эд-Дир‘ийе, которой впервые за несколько веков удалось объединить под своим началом центральные и восточные области Аравийского полуострова.

В 1792 г., в период серьезных столкновений между халидами и Саудидами скончался основатель ваххабитского движения Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб¹⁰⁴⁶. В летописном материале, освещавшем 80-е и 90-е годы XVIII в., он упоминается довольно редко, из чего можно заключить, что к концу жизни шейх отошел от дел, а роль идеологов ваххабизма была подхвачена его сыновьями, образовавшими знаменитый богословский клан Ааль аш-Шейх. Исключительное влияние этой неординарной личности на историю первого государства Саудидов несомненно. Учение, созданное Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом, породило глубочайшие трансформации в социально-политическом и духовном ландшафте Аравии, а его установки сохраняют свою актуальность и в наши дни. Некоторые исследователи склонны рассматривать этого богослова в качестве «серого кардинала»¹⁰⁴⁷ при дворе Саудидов, однако в предыдущей главе была наглядно продемонстрирована

¹⁰⁴⁵ Там же.

¹⁰⁴⁶ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 900-902; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 180-181; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 201; Тарих аль-Фахири. С. 153-154.

¹⁰⁴⁷ *Васильев А.М.* История Саудовской Аравии. С. 97.

его ведущая роль в формировании основ саудидской государственности. На протяжении всей своей жизни он оставался неоспоримым лидером ваххабитского движения, являвшегося основой выстроенной в Эд-Дир‘ийе политической системы. Судебная и законодательная власть были полностью сосредоточены в руках вероучителя – фактически лишь он имел право толковать священные тексты, что открывало перед ним неограниченные возможности в разработке государственной идеологии.

Кончина Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба обозначила принципиальный перелом в распределении власти в государстве. Его отпрыски были весьма почитаемыми персонами, но ни один из них не обладал теми же правами в формировании идеологической повестки, как Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб. Они также не унаследовали ни харизму отца, ни его неиссякаемую энергию. Все это в совокупности не отвечало естественной потребности ваххабитов и саудидских подданных в персонификации власти. В сложившихся условиях их внимание переключилось на фигуры имамов. Единоличные предводители ваххабитских воинств, каждый из которых зарабатывал свой авторитет в победоносных войнах, закономерно стали личностным воплощением государственности, укрепив свои позиции как светских лидеров. Все же следует иметь в виду, что ваххабитское движение в силу своей многочисленности и «пассионарности» все еще оставалось одной из ведущих политических сил, и вплоть до падения дир‘ийского эмирата клан Ааль Сауд вынужден был считаться с его интересами.

§ 5. ЗНАЧЕНИЕ И ПОСЛЕДСТВИЯ ОБЪЕДИНЕНИЯ ЭЛЬ-ХАСЫ И НЕДЖДА ПОД ВЛАСТЬЮ САУДИДОВ

Падение власти рода Ааль Хумайд в Эль-Хасе стало кульминацией противостояния отсталого и архаичного социально-политического уклада Центральной и Восточной Аравии и новоявленной саудидской государственности, эффективность которой наглядным образом проявилась в ходе захватнических походов 1744–1796 гг. Небывалым явлением для недждийской истории стали

последовательные планирование и осуществление внешней политики имамов, главные векторы которой коренились в основах ваххабизма. Ставшая следствием реализации его социально-политической доктрины консолидация общества вокруг Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба и имамов Мухаммада ибн Сауда и ‘Абд аль-‘Азиза ибн Мухаммада позволила создать в Эд-Дир‘ийе исключительно надежную систему власти, проявившую устойчивость перед лицом политических и экономических потрясений. На протяжении всей истории первого государства Саудидов не было и намека на ожесточенные междуусобицы среди представителей правящего рода, что было типичным явлением в других локальных политиях. Наглядной иллюстрацией могут служить халидийский эмират и доваххабитский Эль-‘Арид.

Законодательное закрепление прав и обязанностей имама и его подданных, а также их объединение под знаменами ваххабизма впервые позволили устраниТЬ традиционный раскол между рядовым населением и элитами и превратить их в целостное сообщество. Подобные прорывы также положили начало созданию эффективной системы распределения людских и материальных ресурсов. Благодаря этому дир‘ийский эмират сумел избежать целого ряда экономических потрясений, например, последствий масштабного голода 1783 г. (во время него по приказу Абд аль-‘Азиза ибн Мухаммада государственная казна выделила средства на поддержку пострадавшего населения).

Мобильность ресурсов ощутимо сказалась на успехе ваххабитской экспансии. Именно постоянное и солидное материальное обеспечение военных кампаний позволяло Саудидам достаточно быстро подчинять соседние эмирата, реализуя стратегию строительства новых крепостей для контроля над захваченными территориями и изматывания противника непрестанными набегами. При этом ни разу поражение ваххабитов на поле боя не становилось катастрофой для Эд-Дир‘ии. В то же время всякая проигранная их соперниками битва была чревата серьезными экономическими последствиями, поскольку их военные экспедиции снаряжались по большей части на личные средства власть имущих, а расходы покрывались за счет военной добычи. В частности, это было характерно для Эль-

Хасы, военный потенциал которой надолго снижался после каждого провального похода халидидов. Даже в случае тактического успеха они оказывались обречены на неудачу в более крупном временном масштабе. Впрочем, и малые военные удачи антиваххабитских сил были редкостью благодаря ряду нововведений Саудидов в военной сфере.

Влияние рассмотренных в данной главе событий на дальнейшую историю Аравии также весьма значительно. Объединение Центральной и Восточной Аравии открыло ваххабитским воинствам путь в соседние, более развитые области арабского мира – Хиджаз, Ирак, Оман, Йемен и даже в Сирию. Природные богатства Эль-Хасы и полный контроль над трансаравийской торговлей позволили сформироваться крепкой ресурсной базе, за счет которой были обеспечены все грядущие военные кампании ‘Абд аль-‘Азиза и его наследников. В сущности, экспедиция 1796 г. против восставших жителей Эль-Хуфуфа стала рубежным событием, обозначившим начало расцвета первого государства Саудидов.

К концу XVIII в. угроза со стороны дир‘ийского имама стала остро ощущаться в Хиджазе. Смерть могущественного мекканского шерифа Сурура (1773–1788), который, по словам знаменитого египетского летописца ‘Абд ар-Рахмана аль-Джабарти, «осуществлял политику сильной руки и обеспечивал спокойствие» в Хиджазе¹⁰⁴⁸, привела к политическому кризису в священных землях ислама. Если раньше мекканские владыки лишь неохотно выслушивали поучения ваххабитских богословов, иногда посещавших Хиджаз, то к концу XIX в. преемник Сурура шериф Галиб (ум. в 1814 г.) был вынужден налаживать контакты с набравшими силу «единобожниками». Согласно данным Ибн Бишра, уже в 1790 г. он впервые проявил инициативу и попросил имама ‘Абд аль-‘Азиза прислать ему «нескольких ученых, чтобы они прояснили ему суть учения, которое они проповедуют»¹⁰⁴⁹. Однако набравшую обороты экспансию было уже не остановить.

Начатые в 1791 г. вялые военные действия на недждийском фронте не

¹⁰⁴⁸ Аль-Джабарти, ‘Абд ар-Рахман. Египет в канун экспедиции Бонапарта. С. 172.

¹⁰⁴⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 171.

принесли Хиджазу успеха¹⁰⁵⁰. Ответные походы Саудидов также не отличались интенсивностью, так как вплоть до конца XVIII в. их внимание было полностью поглощено борьбой с халидидами. Однако уже к 1798 г. священные земли ислама начинали содрогаться под ударами ваххабитских воинств, и в 1799 г. Галиб вынужденно заключил мир с ‘Абд аль-‘Азизом¹⁰⁵¹. Положение шефифа было столь отчаянным, что он впервые за долгое время предпринял попытку заручиться помощью Порты, хотя, по словам А.М. Васильева, на волне центробежных тенденций мекканские элиты предпочитали не привлекать внимание османского султана¹⁰⁵².

Кульминацией походов дир‘ийцев в Хиджаз стало его полное подчинение. Их войска заняли священные города Мекку (1803 г.) и Медину (1805 г.), причем шефиф Галиб не оказал сопротивления и бежал в Джидду¹⁰⁵³. Несмотря на то, что в 1805 г. ему удалось ненадолго вытеснить силы недждийцев из Мекки, им потребовалось всего два года, чтобы снова оказаться под ее стенами и установить полную блокаду города, итогом которой стала его добровольная сдача¹⁰⁵⁴. Показательно, что в ходе завоевания этих земель напор ваххабитов не ослаб даже после убийства ‘Абд аль-‘Азиза в 1803 г. Личность нападавшего так и не была установлена. Известно лишь, что он поселился при дворе имама под личиной иракского дервиша¹⁰⁵⁵ и напал на правителя во время совершения коллективной молитвы в мечети¹⁰⁵⁶. Знамя отца подхватил Сауд ибн ‘Абд аль-‘Азиз, успешно завершивший начатое его родителем присоединение Хиджаза.

Одновременно с этим контроль над Эль-Хуффом открыл Саудидам путь в Оман и сопредельные ему территории. Начиная с 1790-х годов их военные контингенты стали регулярно пересекать пустыню Джрафура. Оманский правитель

¹⁰⁵⁰ Там же. С. 179.

¹⁰⁵¹ Там же. С. 255; Тарих ибн Ла‘абун. С. 217; Тарих аль-Фахири. С. 149.

¹⁰⁵² Васильев А.М. История Саудовской Аравии С. 193.

¹⁰⁵³ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 259-260; Тарих ибн Ла‘абун. С. 218-19; Тарих аль-Фахири. С. 163.

¹⁰⁵⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 285; Тарих ибн Ла‘абун. С. 219; Тарих аль-Фахири. С. 165-166.

¹⁰⁵⁵ Дервиш – аскет, приверженец суфизма.

¹⁰⁵⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 264; Тарих ибн Ла‘абун. С. 221-222; Тарих аль-Фахири. С. 163.

Султан ибн Ахмад (1755–1804) с целью создания буфера между своими владениями и ваххабитским государством попытался в 1801 г. оккупировать Бахрейн, но в ходе ответных действий ваххабитов потерпел сокрушительное поражение, потеряв около двух тыс. человек¹⁰⁵⁷. В том же году дир'иццы присоединили к своим владениям небольшой, но удачно расположенный приморский город Рас-эль-Хайма, приняв присягу верности от местного эмира по имени Сакр.

Очередная попытка остановить продвижение «единобожников», предпринятая Султаном ибн Ахмадом в 1804 г., закончилась для оманцев полным разгромом их войска, а сам оманский правитель был убит во время сражения у Рас-эль-Хаймы¹⁰⁵⁸. Описание его гибели содержится в хронике Ибн Бишра: «[Когда Султан ибн Ахмад] атаковал Рас-эль-Хайму <...> [ее жители] выдвинулись ему навстречу на небольших судах <...> и один из моряков смертельно ранил (лидера оманцев. – Ф.М.) выстрелом из ружья, даже не поняв, кто пал от его руки, пока кто-то из свиты не начал громко выкрикивать его имя»¹⁰⁵⁹. Кончина Султана ибн Ахмада вызвала ряд перестановок во власти в Омане, что дало возможность ваххабитам навязать этим землям вассалитет.

Продвижение ваххабитов вдоль побережья Персидского залива было остановлено лишь ближе к закату первого государства Саудидов и только благодаря вмешательству Британии¹⁰⁶⁰. Ее вторжение во владения Саудидов началось еще в 1805 г., а в 1809 г. в результате совместной экспедиции Ост-Индской торговой компании и правителя Омана Рас-эль-Хайма была стерта с лица земли¹⁰⁶¹. Ее окрестности находились под ваххабитской властью недолго, и поэтому уклад их жизни практически не претерпел изменений, а социально-политическая история прилегающих к Персидскому заливу территорий в XIX в.

¹⁰⁵⁷ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 258; Тарих ибн Ла‘абун. С. 217-218; Тарих аль-Фахири. С. 162.

¹⁰⁵⁸ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 281; Тарих ибн Ла‘абун. С. 220-221; Тарих аль-Фахири. С. 164.

¹⁰⁵⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 281.

¹⁰⁶⁰ Подробнее о политике Британии в Персидском заливе на рубеже XVIII–XIX вв. см.: Туманович Н.Н. Европейские державы в Персидском заливе в 16-19 вв. С. 94-128; Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива. С. 9-153.

¹⁰⁶¹ Там же. С. 305-306; Тарих ибн Ла‘абун. С. 232; Тарих аль-Фахири. С. 169-170.

определялась скорее европейским влиянием, чем трансформирующей силой ваххабитской доктрины.

Схожая ситуация наблюдалась в Ираке, который оставался уязвим в силу неустойчивости его политического и экономического положения. В конце 90-х годов XVIII в. власти Багдада не раз организовывали военные экспедиции в северные области Эль-Хасы с целью предупредить вторжение аравитян. Среди них выделяется своим масштабом поход 1799 г.¹⁰⁶² Однако ни численность войск, ни их оснащенность «осадными механизмами»¹⁰⁶³ не принесли иракскому паше желаемой победы. Рассчитывать на помощь Порты он не мог, поскольку многолетние попытки отложитьсь от Османской державы в значительной мере ослабили связи Ирака с имперским центром. Кроме того, внимание османских падишахов отвлекало другое ключевое событие эпохи – оккупация французами Египта в конце XVIII – начале XIX в.

Власти Ирака были вынуждены искать дипломатические пути разрешения назревшего конфликта. После бесплодных переговоров с ваххабитами в Багдаде в Эд-Дир‘ийю прибыл один из приближенных иракского паши Буюк Сулеймана (ум. в 1802 г.) по имени ‘Абд аль-‘Азиз ибн ‘Абд Аллах ибн аш-Шави. В ответ на изложенные им предложения имам ‘Абд аль-‘Азиз, ощущая свое превосходство, «рассмеялся в голос»¹⁰⁶⁴. В дальнейшем набеги на Ирак привели к одной из самых трагических страниц в истории шиизма Нового времени – разгрому ваххабитами Кербелы в 1802 г.¹⁰⁶⁵

Прямым следствием объединения Центральной и Восточной Аравии под властью Саудидов стало небывалое усиление влияния ваххабитского государства на аравийской политической арене. Предложенная ваххабитами эффективная социально-политическая модель не просто на порядок превосходила архаичный уклад эмиратов Эль-Хасы и Неджда, но и могла составить конкуренцию гораздо более развитым областям арабского мира.

¹⁰⁶² *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 251; *Тарих ибн Ла‘абун*. С. 208.

¹⁰⁶³ ‘Усман ибн Санад. *Тарих аль-Ирак ва Наджд*. С. 331.

¹⁰⁶⁴ Там же. С. 328-329.

¹⁰⁶⁵ Там же. С. 333-334; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 257-258; *Тарих аль-Фахири*. С. 162.

Колоссальные прибыли в виде многочисленных поборов с поданных и военной добычи позволили Саудидам превратить Эд-Дир'илю, некогда один из беднейших поселков Неджда, в процветающий город, экономический, политический и интеллектуальный центр Внутренней Аравии. О масштабах разрастания ваххабитской столицы позволяют судить описания ее руин, составленные европейскими путешественниками, посетившими ее уже после того, как она была практически стерта с лица земли войсками Мухаммада Али во время египетской экспедиции 1811–1818 гг.¹⁰⁶⁶ Взору Дж. Сэдлиера, побывавшего в пределах Эд-Дир'иля вскоре после ее разрушения войсками египтян, открылись «обширные развалины <...> и остатки стен, сложенные из желтой глины и частично облицованные камнем, которые очерчивали границы города с тесной застройкой, покрывающей естественное возвышение»¹⁰⁶⁷. В дневниках Дж. Сэдлиера упоминаются многочисленные разоренные сады, в которых некогда выращивались абрикосы, инжир, виноград, гранаты, финики, цитрусовые и многие другие плодоносящие растения¹⁰⁶⁸. Город, разделенный надвое протянувшимся с севера на юг ущельем, окружали мощные фортификации¹⁰⁶⁹. Г. Филби сообщал, что в восточной его части были сосредоточены рынки, мечети, общественные здания и жилища членов правящей династии¹⁰⁷⁰. У. Палгрев, побывавший на развалинах Эд-Дир'иля в 1862 г., восхищался ее грандиозными масштабами в период расцвета. Он писал: «Ровные лучи заходящего солнца струились по равнине, когда мы приблизились к руинам Эд-Дир'иля, заполнившим все пространство раскинувшейся внизу долины <...> Исходя из огромных размеров города, длина и ширина которого составляют около полутора километров, я могу оценить ее население более чем в 40 тыс. жителей»¹⁰⁷¹. Заметим, что У. Палгрев несколько завысил площадь Эд-Дир'иля, о чем свидетельствуют современные спутниковые снимки этой

¹⁰⁶⁶ Подробнее об аравийской кампании Мухаммада Али см.: *Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 154-174; Кириллина С.А. Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. С. 292-307; Sabin J. Armies in the Sand: The Struggle for Mecca and Medina. P. 65-178.*

¹⁰⁶⁷ *Sadlier G.F. Diary of a Journey across Arabia. P. 65-66.*

¹⁰⁶⁸ *Ibid.*

¹⁰⁶⁹ *Ibid. P. 65.*

¹⁰⁷⁰ *Philby H.St.J.B. The Heart of Arabia. Vol. 1. P. 111.*

¹⁰⁷¹ *Ibid.*

местности. Кроме того, нереалистичной кажется и приведенная им численность населения саудидской столицы, которая едва ли могла всего за несколько десятилетий превзойти по количеству жителей крупнейший город Центральной и Восточной Аравии Эль-Хуфуф и приблизится к священным городам Хиджаза – Мекке и Медине. Тем не менее масштабность ее расширения по сравнению с даваххабитской эпохой неоспорима.

Возышение Эд-Дир‘ии привело к упадку многих селений Эль-‘Арида. Наибольший ущерб был нанесен ‘Уайне, которая так и не смогла оправиться от ударов ваххабитов. У. Палгрев, удрученный бедственным состоянием некогда величественного города, записал в своем путевом журнале: «В приближающихся сумерках мы оказались среди руин ‘Уайны. На протяжении примерно полулиги местность была заполнена разрушенными стенами и валами <...> “Обезглавленные” пальмы отмечали места с пересохшими колодцами и забитыми песком цистернами. За то время, пока мы продвигались сквозь груды мусора, тянущиеся вдоль заброшенных улиц, <...> ни одна живая душа не вышла нам навстречу <...> вечное запустение – вот как можно описать состояние этого лишенного воды безнадежного места»¹⁰⁷². Показателен тот факт, что возрождению города не помогло даже щедрое финансирование в период египетской оккупации 1818–1840 гг.

Снижение влияния бывших владений рода Ааль Му‘аммар способствовало превращению Эд-Дир‘ии в главный торговый центр юга Внутренней Аравии. Именно она стала основным перевалочным пунктом для караванов, следовавших в Эль-Хасу из Хиджаза, вади Эд-Давасир и Эль-Касыма. Также к началу XIX в. ваххабиты сумели установить контроль над большинством трансаравийских транспортных маршрутов, включая их западные участки, пролегавшие через Хиджаз и Асир.

Возросшее благосостояние позволило Саудидам довести до совершенства свою военную машину. Долгое время ваххабитское воинство оставалось грозой

¹⁰⁷² Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year’s Journey. P. 223.

всей Аравии¹⁰⁷³. Идеологическая непримиримость и неуемные аппетиты саудидской знати, изрядно наживавшейся на непрекращающихся войнах, подстегивали их к организации все новых и новых военных походов, достигавших даже окрестностей Дамаска¹⁰⁷⁴.

Вопрос о месте военной добычи в экономике первого государства Саудидов остается дискуссионным. В отечественной литературе закрепился стереотип, согласно которому захваченные в рейдах сокровища составляли основной доход дир'ийской казны и финансовый «костяк» ее экономики. Разделяющий этот взгляд А.М. Васильев характеризует ваххабитскую державу как «военно-экспансионистское государство»¹⁰⁷⁵. В подтверждение этого тезиса исследователь приводит сообщение Ибн Бишра о том, что большая часть богатств, стекавшихся в Эд-Дир'ию, представляла собой военные трофеи, а также ссылается на труд Дж.Л. Буркхардта, который якобыставил добычу на первое место в доходах саудидского государства¹⁰⁷⁶. С нашей точки зрения, этот тезис уязвим по двум причинам. Во-первых, анализируя данные Ибн Бишра, А.М. Васильев прибег к произвольному обобщению, поскольку запись хрониста посвящена конкретному сравнительно краткому периоду истории ваххабитских войн, на который пришлось разграбление богатейших городов Аравии и Южного Ирака, а не описанию экономической системы дир'ийского эмирата в целом. То же самое касается составленного Дж.Л. Буркхардтом списка, в котором захваченные в набегах ценности стоят на первом месте. В этом перечне Дж.Л. Буркхардт лишь перечисляет источники дохода Саудидов, не делая акцента на порядке их очередности¹⁰⁷⁷. Во-вторых, даже если принять тезис о том, что трофеи составляли львиную долю поступавших в казну средств, утверждение о системообразующей роли этого вида доходов в экономике ваххабитского государства кажется чрезмерно категоричным.

¹⁰⁷³ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 149.

¹⁰⁷⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 278; Тарих аль-Фахири. С. 170; Тарих ибн Ла‘абун. С. 234.

¹⁰⁷⁵ Васильев А.М. История Саудовской Аравии. С. 123.

¹⁰⁷⁶ Там же. С. 122.

¹⁰⁷⁷ Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys. Vol 2. P. 151-155.

Иными словами, вывод о военно-экспансионистском характере державы Саудидов имеет под собой достаточно шаткую основу. При этом нами ни в коей мере не отрицается тот факт, что стремительность расширения Эд-Дир‘ии и налаживание ее инфраструктуры в немалой степени подпитывались обилием добычи, привезенной из таких богатых областей как Ирак, Эль-Хаса и Хиджаз. Добавим, что этот вопрос требует отдельного, более глубокого исследования экономической истории саудидских владений, что выходит за рамки настоящей работы.

§ 6. ЦЕНТРОБЕЖНЫЕ И ЦЕНТРОСТРЕМИТЕЛЬНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ И ВОСТОЧНОЙ АРАВИИ В КОНЦЕ XVIII – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.

Успехи Саудидов в развитии Южного Неджда в XVIII в. несомненны и хорошо задокументированы в большинстве источников. Однако ситуация на остальных территориях Центральной и Восточной Аравии, входивших в состав их государства, освещена гораздо менее подробно. Анализ редких упоминаний о положении дел в этой части Аравийского полуострова указывает на то, что Саудиды практически не уделяли внимания развитию областей за пределами Эль-‘Арида и окрестных земель. Редкие летописные сообщения о строительных работах в Эль-Касыме, Джебель-Шаммаре или Эль-Хасе касаются лишь отдельных крепостных сооружений. Более того, вплоть до падения власти рода Ааль Сауд наблюдался обратный процесс – отток средств из этих богатых торгово-экономических узлов в столицу и ее предместья. На ранних этапах схожая ситуация сложилась и в прилегающих к горному массиву Джебель Тувайк Эль-Вашме, Судайре и Эль-Хардже, однако в более поздний период географическая близость к Эд-Дир‘ии способствовала заметному росту их благосостояния. Одна лишь эта особенность наводит на мысль о неравнозначности экономического и политического положения разных частей державы Мухаммада ибн Сауда и его наследников.

В пользу гетерогенности дир‘ийского эмирата также свидетельствуют результаты анализа списков эмиров – наместников различных областей

Аравийского полуострова эпохи правления Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза и его сына ‘Абдаллаха¹⁰⁷⁸. Атрибутирование этих персонажей помогает реконструировать способ управления той или иной территорией, а также выявить степень ее интегрированности в первое государство Саудидов. Рассмотрим отдельно каждую из них.

После окончательного утверждения ваххабитской власти в вади Ханифа практически весь Эль-‘Арид был превращен в личный домен правящей династии (исключение составил только небольшой оазис Эль-Махмаль, пожалованный ‘Абд аль-‘Азизом клану Ааль Сувайлим¹⁰⁷⁹). И без того немногочисленная местная знать была полностью уничтожена в ходе военных кампаний «единобожников». Те ее представители, которые пережили экспансию 40-х – 70-х годов XVIII в., либо бежали за пределы Центральной Аравии, либо присоединились к Саудидам, скрепив союзнические отношения брачными договорами, как это произошло, например, с эмирами Манфухи¹⁰⁸⁰. Некоторые отпрыски благородных домов оставили мысль о борьбе за власть, пополнив ряды ваххабитского ‘алимского корпуса, примером чему служит Хамад ибн Наср ибн ‘Усман ибн Му‘аммар – потомок правителей ‘Уяйны, занимавший пост кади в Эд-Дир‘ийе в последние десятилетия ее существования¹⁰⁸¹.

Большая часть «опоясывающих» вотчину имама территорий управлялась их протеже из числа местных именитых горожан, которые добровольно поддержали установление дир‘ийской власти в родных оазисах. Эль-Хардж был отдан в руки рода Ааль ‘Уфайсан из городка Саламия – потомков покорителя Эль-Йамамы и Дилама Сулеймана ибн ‘Уфайсана¹⁰⁸². В правление Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза и ‘Абдаллаха ибн Сауда (ум. в 1818 г.) наместниками этой области поочередно были сыновья Сулеймана ибн ‘Уфайсана Ибрахим (ум. в 1814 г.) и ‘Абдаллах. Клан ‘Уфайсанов пользовался особым доверием владык Неджда вплоть до XX в.¹⁰⁸³

¹⁰⁷⁸ *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 278, 362.

¹⁰⁷⁹ Там же. С. 278.

¹⁰⁸⁰ *Ибн Ганнам*. Тарих Наджд. Т. 2. С. 782; *Ибн Бишр*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 102.

¹⁰⁸¹ Там же. С. 363.

¹⁰⁸² Там же. С. 278.

¹⁰⁸³ *Philby H.S.J.B.* The Heart of Arabia. Vol. 2. P. 30-31.

Креатурой Саудидов в Эль-Вашме был один из его жителей по имени ‘Абдаллах ибн Хамад ибн Гайгаб, резиденция которого располагалась в оазисе Шакра¹⁰⁸⁴. Политический центр Судайра был перенесен из Хураймалы в Джаядиль, эмиром которого также был поставлен выдвиженец Саудидов, местный уроженец по имени ‘Абдаллах ибн Джаядиль¹⁰⁸⁵.

Таким образом, территории Южного Неджда контролировались либо самими Саудидами, либо преданными им людьми. Дальнейшая история ваххабитского государства показала, что подавляющее большинство правителей и жителей этих областей были искренними сторонниками дир‘ийских властителей и оставались таковыми даже в кризисные периоды. Этому способствовали три основных фактора. Во-первых, как и при завоевании Эль-‘Арида, ваххабитские войны заметно подорвали могущество враждебно настроенной «аристократии» Судайра, Эль-Вашма и Эль-Харджа. Во-вторых, в силу географической близости к Эд-Дир‘ийе после разрастания первого государства Саудидов эти земли начали получать выгоду от соседства с его столицей. Наконец, не будем упускать из виду провозглашенную Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом установку на обязательную хиджру «единобожников» в ваххабитские селения. Следуя этой директиве, на протяжении 40-х–70-х годов XVIII в. adeptы вероучителя наводнили раскинувшиеся в отрогах горного массива Джебель Тувайк оазисы, превратив Южный Неджд в область с преобладающим проваххабитским настроенным населением.

По-иному ситуация выглядела в землях Центрального Неджда и Восточной Аравии. На ранних этапах их покорения Саудиды пытались делать ставку на местную знать – в первые годы после присоединения Эль-Хуфуфа его правителями были сначала халидиды, а затем видные представители хасских суннитов¹⁰⁸⁶. Аналогичное решение было принято в отношении Эль-Касыма, первым наместником которого стал его уроженец ‘Абдаллах ибн Хасан¹⁰⁸⁷.

¹⁰⁸⁴ Ибн Бишир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 278.

¹⁰⁸⁵ Там же.

¹⁰⁸⁶ Там же. С. 178, 203-204, 217; Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 911-912; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 202; Тарих аль-Фахири. С. 155.

¹⁰⁸⁷ Ибн Ганнам. Тарих Наджд. Т. 2. С. 809; Ибн Бишир. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 126-127.

Однако позже завоеватели стали опираться не на местную элиту, а на своих назначенцев, которые либо происходили из Южного Неджда, либо принадлежали к племенам Бану Ханифа и Бану Тамим (предпочтение отдавалось подразделениям, которые были родственны клану аль-Вухба). Так, Эль-Касымом правил тамимит по имени Хаджилян ибн Хамад (ум. в 1818 г.), разместивший свой двор в Бурайде¹⁰⁸⁸. Эль-Хуфуф был отдан на откуп неджджицу Сулейману ибн Мухаммаду ибн Маджиду ан-Насири, а Эль-Катиф – выходцу из племени Бану Ханифа Ахмаду ибн Ганиму¹⁰⁸⁹. В период властования имама ‘Абдаллаха ибн Сауда право на руководство всей Эль-Хасой было передано главе клана ‘Уфайсанов Ибрахиму ибн Сулейману¹⁰⁹⁰.

Сложность покорения этих областей и периодически вспыхивавшие на их просторах бунты несомненно свидетельствовали о неспособности ваххабитской державы «переварить» эти земли. Скорее всего, позиции завоевателей были недостаточно устойчивы для проведения массовых чисток в среде многочисленной хасской и касымской знати. Рядовые же жители не питали симпатий к Саудидам, облагавшим их тяжелыми поборами. Власть ваххабитов в этих краях держалась исключительно на военной силе. В этом смысле назначаемые из Эд-Дир‘ийи марионетки более походили на предводителей ваххабитских оккупационных войск. Тем не менее этого вполне хватало для удержания постоянного контроля над Эль-Хасой и Эль-Касымом.

Что касается области Джебель-Шаммар, в которой правил знатный род Ааль Али, то она принадлежала к отдельной группе владений первого государства Саудидов, которую составляли наименее интегрированные в дир‘ийский эмират территории Аравийского полуострова. Как правило, они либо опережали Центральную Аравию по уровню социально-политического и экономического развития, либо располагались на большом удалении от Южного Неджда. К ним наряду с Джебель-Шаммаром относились Тихама, Хиджаз, Йемен, Оман, Бахрейн и Эз-Зубара (Северный Катар) и вади Эд-Давасир. Все они в свое

¹⁰⁸⁸ Там же. С. 278.

¹⁰⁸⁹ Там же.

¹⁰⁹⁰ Там же. С. 362.

время пали под натиском недждийской военной силы, однако контроль над ними не был стабильным. Взаимодействие Саудидов с их населением ограничивались сбором дани и надзором за соблюдением религиозных предписаний. Подобно Эль-Хасе и Эль-Касыму, власть в этих местах поддерживалась недждийскими гарнизонами, но бразды правления оставались в руках полунезависимых местных элит, добровольно или поневоле присягнувших Эд-Дир‘ийе.

Так, Тихама и ее окрестности оказались в распоряжении местного вождя ‘Абд аль-Ваххаба по прозвищу Абу Нукта (ум. в 1810 г.), который по доброй воле принес клятву верности Саудидам¹⁰⁹¹. Хиджаз управлялся шерифом Галибом, который опирался на своего визира ‘Усмана ибн ‘Абд ар-Рахмана аль-Мудайфи¹⁰⁹². На территории так называемого «Пиратского берега»¹⁰⁹³ властвовали шейхи Сакр ибн Рашид и Хасан ибн Рашид – хозяева крупного порта Рас-эль-Хайма. Эз-Зубарой и Бахрейном руководили члены клана Ааль Халифа во главе с эмиром Сулейманом ибн Халифой (1795–1821). Окрестности вади Эд-Давасир оказались в руках некого Раби‘а ибн Зейда ад-Давасири¹⁰⁹⁴.

Одной из сил, претендовавших на роль главной скрепы «лоскутной империи» династии Ааль Сауд, было сообщество ваххабитских ‘алимов. В процессе покорения Центральной и Восточной Аравии Саудиды неизменно направляли в порабощенные селения и оазисы богословов и кади из числа учеников и последователей Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба¹⁰⁹⁵. В больших городах судей могло быть несколько как, например, в Эд-Дир‘ии. В период правления Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза за духовную жизнь столицы отвечали сыновья основателя ваххабизма Хусейн ибн Мухаммад (ум. в 1841 г.) и ‘Абдаллах ибн Мухаммад (1751–1828)¹⁰⁹⁶. В ближайших к Эль-‘Ариду территориях должности, связанные с религиозной и правовой сферой, занимали местные ‘алимы, такие как ‘Абд аль-‘Азиз ибн ‘Абдаллах ибн аль-Хасын (1741–1822), ставший кади в родном Эль-

¹⁰⁹¹ Там же. С. 278, 362.

¹⁰⁹² Там же.

¹⁰⁹³ Пиратский берег – одно из исторических наименований юго-восточного побережья Персидского залива.

¹⁰⁹⁴ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 278, 362.

¹⁰⁹⁵ Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 2. С. 755–56.

¹⁰⁹⁶ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 278–279.

Вашме¹⁰⁹⁷. В более отдаленных областях Саудиды отдавали предпочтение ‘алимам, происходившим из Южного Неджда. В Эль-Касыме пост кади был отдан ‘Абд аль-‘Азизу ибн Сувайлиму¹⁰⁹⁸. В Эль-Хасе судействовали уроженец судайрийского оазиса Садик по имени Мухаммад ибн Султан аль-‘Аусаджи и его преемник ‘Абд ар-Рахман ибн Нами из ‘Уяйны, в Джебель-Шаммаре – ‘Абдаллах ибн Сулейман ибн ‘Убайд, прибывший в Хаиль из Джалаяджиля¹⁰⁹⁹. Так же дела обстояли в большинстве других областей Аравийского полуострова. Исключение составлял Эль-Катиф, кади которого был «выходец из страны персов» Махмуд аль-Фариси¹¹⁰⁰.

Присутствие ваххабитских богословов в покоренных областях и поддержка их деятельности властями предержащими, казалось бы, должны были привести к повсеместному распространению «единобожия». Однако в действительности учение Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба за пределами Южного Неджда популярностью не пользовалось и часто воспринималось аравитянами с равнодушием или враждебностью. У. Палгрев, гость у эмира Эль-Джауфа, столкнулся в его дворце с ‘алимом, присланным туда Саудидами для наставления местного населения в вопросах «истинной веры». «Это был престарелый джентльмен с кислой физиономией <...>, – описывал его путешественник, – любовью к нему не пылали ни [здесь] ученые, ни придворные, что еще больше ожесточило этого человека с и без того дурным характером»¹¹⁰¹.

Среди причин досадных неудач ваххабитской пропаганды можно выделить три основные. Во-первых, в землях с более развитой интеллектуальной и религиозной культурой проповеди «единобожия» попросту не резонировали с окружающей действительностью. Если в Южном Неджде, духовная жизнь которого была пропитана фетишизмом и анимизмом, призывы к «очищению» ислама звучали вполне убедительно, то в Эль-Касыме, Джебель-Шаммаре и тем

¹⁰⁹⁷ Там же. С. 279.

¹⁰⁹⁸ Там же.

¹⁰⁹⁹ Там же. С. 363-364.

¹¹⁰⁰ Там же. С. 364.

¹¹⁰¹ *Palgrave W.G. Personal Narrative of a Year's Journey. P. 53.*

более в Эль-Хасе, где языческие культуры не были распространенным явлением, ваххабитские воззвания воспринимались с куда меньшим энтузиазмом.

Вторая причина тесно связана с установкой на обязательную хиджу, провозглашенную Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом после бегства из Хураймалы. Касымские, шаммарские и хасские сторонники вероучителя к моменту присоединения их родных областей к первому государству Саудидов в своем большинстве уже их покинули, переселившись в окрестности вади Ханифа. Таким образом, во второй половине XVIII в. количество адептов ваххабизма за пределами Южного Неджда резко сократилось.

Наконец, раздражающим фактором оставались агрессивность и неуживчивость последователей Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба. Не добавляла «единобожникам» привлекательности и практика уничтожения культовых объектов, приравнивавшихся ими к идолам и фетишам. Все это снижало эффективность ваххабитского прозелитизма в большинстве внутренних и восточных районов Аравии и стало серьезным препятствием на пути полной интеграции этих областей Аравийского полуострова в державу Саудидов. Лишь Эль-‘Арид, Эль-Вашм, Судайр и Эль-Хардж оказались в достаточной мере восприимчивы к ваххабитскому призыву, «сплавившему» их в единое политическое пространство, тяготевшее к Эд-Дир‘ийе без силового принуждения.

Неоднородность дир‘ийского эмирата и ограниченность преобразующей силы ваххабитской «революции» наиболее четко проявились во время аравийской экспедиции 1811–1818 гг., предпринятой правителем Египта Мухаммадом Али, а также в ходе последовавшей за ней оккупации Аравии, продлившейся вплоть до начала 1840-х годов. Вторжение египетского войнства в Центральную Аравию активизировало дремавшие там центробежные силы и положило начало активному дроблению первого государства Саудидов. Первый шаг к отложению был предпринят знатью Эль-Касыма, представители которой в начале 1815 г.

вступили в сговор с командованием египетских войск и без боя сдали им стратегически важное селение Эр-Расс – западные «врата» Неджда¹¹⁰².

Хотя поход египтян не принес видимых результатов и окончился заключением перемирия, брожения среди касымских элит не прекратились¹¹⁰³. Власть Саудидов в этих краях была столь шатка, что имам ‘Абдаллах ибн Сауд, наследовавший скончавшемуся в 1814 г. Сауду ибн ‘Абд аль-‘Азизу, в течение всего периода противостояния с Египтом вынужден был держать немалую часть своих отрядов в тылу для предотвращения возможных волнений в местных оазисах¹¹⁰⁴. Опасения ваххабитского правителя были не напрасны – знатные семейства Эль-Касыма активно налаживали контакты с Мухаммадом Али и всячески убеждали его предпринять новую экспедицию вглубь Аравийского полуострова¹¹⁰⁵. Их предательство оказалось фатальным: в итоге возглавленного сыном Мухаммада Али – Ибрахим-пашой вторжения египтян в Центральный Неджд (1817 г.) он был Саудидами утрачен¹¹⁰⁶. При этом ни в одном из задействованных источников нет упоминаний о каких-либо проваххабитских антиегипетских выступлениях на этих территориях.

Не больше преданности Саудидам проявили эмиры Джебель-Шаммара. В период после завоевания Эль-Касыма хронисты перестали фиксировать участие в ваххабитских кампаниях шаммарских ополчений. Лидеры рода Ааль Али воспользовались военным поражением своего «сюзерена» и поспешили разорвать с ним отношения.

Дольше всех в орбите влияния Саудидов оставалась Эль-Хаса, однако это было возможно лишь благодаря многочисленным гарнизонам, размещенным в Эль-Катифе и Эль-Хуфуфе. После падения Эд-Дир‘ии в 1818 г. власть в Восточной Аравии практически сразу была захвачена доваххабитскими элитами – потомками Барака ибн Гурейра – Мухаммадом ибн ‘Арайром и его сыном

¹¹⁰² *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 376-377; Тарих аль-Фахири. С. 177-178; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 242.

¹¹⁰³ *Аль-Джабарти*, ‘Абд ар-Рахман. Египет под властью Мухаммеда Али. С. 510; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 378-379; Тарих аль-Фахири. С. 178; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 242.

¹¹⁰⁴ Там же. С. 377.

¹¹⁰⁵ Там же.

¹¹⁰⁶ Там же; Тарих аль-Фахири. С. 180.

Са‘адуном ибн Мухаммадом¹¹⁰⁷. Судя по дневникам Дж. Сэдлиера, племени Бану Халид понадобилось меньше года, чтобы вновь стать ведущей политической силой в этой части Аравийского полуострова¹¹⁰⁸. Установление доминирования халидидов на хасских просторах завершило дробление первого государства Саудидов и ознаменовало окончательную победу центробежных сил в большинстве провинций Центральной и Восточной Аравии.

Иные тенденции наблюдались только в Южном Неджде. В период аравийского похода Мухаммада Али земли Эль-‘Арида, Эль-Вашма, Судайра и Эль-Харджа сплотились под знаменем Саудидов. Ни одна из этих территорий не пыталась отложитьсь от гибнущего под напором египтян дир‘ийского эмирата; напротив, их жители до конца оставались верны Эд-Дир‘ийе. Одним из красноречивых свидетельств тому стало упорное сопротивление городка Шакра, осажденного египтянами в 1818 г.¹¹⁰⁹ Несмотря на непрекращающиеся обстрелы, разрушившие большую часть жилых кварталов, и последовавшую капитуляцию оазиса, многие его защитники продолжили борьбу с оружием в руках¹¹¹⁰. Вероятнее всего, схожим образом события развивались в Судайре, о чем косвенно свидетельствует террор войск Мухаммада Али в отношении его селений (этого не наблюдалось при покорении добровольно сдавшихся территорий Северного и Центрального Неджда). Наконец, подтверждением монолитности Южного Неджда в этот кризисный период стала полная драматизма многомесячная оборона Эд-Дир‘ийи, для участия в которой в Эль-‘Арид стянулись сторонники ваххабизма со всех уголков Аравийского полуострова¹¹¹¹.

Несмотря на то, что падение первого государства Саудидов в 1818 г., а также последовавшая за ним египетская оккупация ввергли Южный Неджд в пучину хаоса, наследие ваххабитской эпохи и центростремительные тенденции, порожденные событиями второй половины XVIII в., сохранились. В период

¹¹⁰⁷ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 429-430; Тарих аль-Фахири. С. 184.

¹¹⁰⁸ Sadlier G F. Diary of a Journey across Arabia. P. 43.

¹¹⁰⁹ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 389-390; Тарих аль-Фахири. С. 184.

¹¹¹⁰ Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 392-393.

¹¹¹¹ Там же. С. 636; Ибн Бишр. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 396, 416-417; Тарих аль-Фахири. С. 181; Тарих Ибн Ла‘абун. С. 243; ‘Усман ибн Санад. Тарих аль-Ирак ва Наджд. С. 436-437.

властвования в этих землях эмиссаров Мухаммада Али юг Внутренней Аравии несколько раз объединялся в единое политическое пространство с центром в Эль-‘Ариде. Причем на протяжении большей части этого временного отрезка его лидерами являлись бежавшие из египетского плена представители клана Ааль Сауд – Мишари ибн Сауд (ум. в 1820 г.), Турки ибн ‘Абдаллах (1755–1834) и Фейсал ибн Турки (1785–1865), главенство которых единодушно признавалось жителями Судайра, Эль-Вашма и Эль-Харджа¹¹¹².

Динамика такого рода принималась во внимание и оккупационными властями, которые упорно добивались объединения этих земель под руководством своих назначенцев. Первая попытка была предпринята ими в 1819 г., когда владыкой Южного Неджда был провозглашен выходец из клана Ааль Му‘аммар по имени Мухаммад ибн Мишари, избравший своей резиденцией полуразрушенную Эд-Дир‘ийю¹¹¹³. Вторая имела место в 1837–1838 гг., на излете эпохи владычества египтян в Аравии, когда с их подачи на дир‘ийский престол был возведен Халид ибн Сауд – один из братьев ‘Абдаллаха ибн Сауда ибн ‘Абд аль-‘Азиза¹¹¹⁴.

Вопреки стремлению египтян искоренить ваххабитское наследие Южный Неджд первой половины XIX в. не стал аморфным образованием, подобным эмирятам XVII–XVIII вв., унаследовав социально-политическую структуру первого государства Саудидов. Его правители неизменно принимали титул имама со всеми сопутствующими ему правами и обязанностями. Показательно, что на этот статус претендовал даже Мухаммад ибн Мишари ибн Му‘аммар, не имевший отношения к клану Ааль Сауд¹¹¹⁵.

Также важно подчеркнуть, что, если во второй половине XVIII в. главной движущей силой собирания недждейских земель было ваххабитское движение, то в период египетского владычества этот процесс протекал автономно. После экспедиции Ибрахим-паши 1817–1818 гг., в ходе которой был существенно

¹¹¹² *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 443, 445; *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 2. С. 40, 100–102; *Тарих аль-Фахири*. С. 187.

¹¹¹³ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 1. С. 441; *Тарих аль-Фахири*. С. 185; *Тарих Ибн Ла‘абун*. С. 243.

¹¹¹⁴ *Ибн Бишир*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд, 1982. Т. 2. С. 147–148.

¹¹¹⁵ Там же. Т. 1. С. 441; *Тарих аль-Фахири*. С. 185; *Тарих Ибн Ла‘абун*. С. 243.

подорван боевой потенциал ваххабитов, они практически полностью утратили свое социально-политическое влияние. И хотя история ваххабизма на этом не прервалась, в эпоху второго государства Саудидов ему была отведена лишь скромная роль идеологии, легитимирующей власть правителей Эр-Рияда¹¹¹⁶.

События первой половины XIX в. наглядно продемонстрировали неравномерность развития различных областей Центральной и Восточной Аравии, входящих в состав первого государства Саудидов. Анализ источникового материала позволяет констатировать, что результаты фундаментальных социально-политических трансформаций XVIII в. коренным образом повлияли лишь на судьбу Южного Неджда, положив начало собиранию разрозненных оазисов Эль-‘Арида, Эль-Вашма, Судайра и Эль-Харджа в мощное централизованное государство. Пробужденные ваххабитским «призывом» центростремительные силы не ослабли даже после трагического крушения дир‘ийского эмирата и многолетней оккупации Аравии египетскими войсками, открыв путь возрождению саудидского государства в 1843 г. во главе с имамом Фейсалом ибн Турки. В то же время инициированные ваххабитским движением преобразования практически не затронули социально-политический уклад таких территорий, как Джебель-Шаммар, Эль-Касым и Эль-Хаса, отличавшихся слабой интегриированностью в дир‘ийский эмирят. На протяжении второй половины XVIII – начала XIX в. власть династии Ааль Сауд в этих землях поддерживалась исключительно силой оружия.

¹¹¹⁶ В эпоху второго государства Саудидов имам Турки ибн ‘Абдаллах перенес столицу из лежащей в руинах Эд-Дир‘ии в Эр-Рияд.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Период с середины XVII по начало XIX в. стал определяющим этапом в истории Центральной и Восточной Аравии. Происходившие в это время социально-политические процессы, связанные с зарождением и триумфом первого государства Саудидов, навсегда изменили ход истории не только этих пустынных земель, но и всего арабского мира. Под влиянием религиозно-политического движения, основанного шейхом Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом, на них впервые за многие века расцвела аутентичная государственность, полностью преобразившая местный традиционный уклад. К началу XIX в. практически вся Аравия склонилась перед могуществом ваххабитской державы, и лишь столкновение с многократно превосходящей ее по моци военной машиной Египта положило конец саудидской экспансии. Однако скорое возрождение владычества рода Ааль Сауд после падения Эд-Дир‘ии в полной мере отразило фундаментальность и глубину изменений, порожденных ваххабитской эпохой.

Проведенный в диссертации анализ событий, связанных со становлением ряда эмиратов Центральной и Восточной Аравии, а также зарождением и территориальным расширением первого государства Саудидов, позволяет сделать ряд заключений относительно процессов, определивших главные векторы исторического развития этих земель во второй половине XVII – начале XIX в.

На протяжении всего исследованного временного отрезка главным видом хозяйствования среди оседлых жителей Неджда было поливное земледелие, ведение которого отличалось высокой трудоемкостью в силу тяжелых климатических условий. Основные аграрные мощности были сосредоточены в малочисленных оазисах, неравномерно распределенных по территории Внутренней Аравии. В большинстве из них применяемые земледельческие технологии характеризовались предельной простотой, которая не способствовала развитию кооперации и складыванию сложной социальной-политической системы – среди феллахов господствовала редуцированная форма родоплеменных отношений.

Еще большей примитивностью отличался быт аравийских кочевников, населявших бескрайние просторы пустынь Центральной и Восточной Аравии. Традиции грабительского набега – газва, тесно переплетенные с экономическим укладом бедуинов, во многом определили специфику их мировоззрения и этики, которые существенно отличались от морали и обычаев оседлых жителей. Это, как и природная боевитость номадов, сказалось на закреплении тянувшейся сквозь века взаимной неприязни между этими двумя группами населения.

Обширные и хорошо обеспеченные водными ресурсами земледельческие районы Аравии чаще всего становились перевалочными пунктами на трансаравийских торговых и паломнических маршрутах. В этих локациях возникали крупные селения, которые нередко превращались в полноценные города с развитой инфраструктурой, торговлей и ремеслом. Зачастую именно они оказывались главными центрами религиозной и интеллектуальной жизни, будучи местом обитания видных ‘алимских’ кланов. Городская среда способствовала более интенсивному разложению родоплеменных отношений и формированию сложных социально-политических структур, однако глубокий разрыв между знатью и рядовыми жителями оазисов в значительной мере этому препятствовал.

Центральноаравийская «аристократия» по большей части состояла из богатых землевладельцев и профессиональных военных. Подавляющее большинство родовитых кланов имели кочевое происхождение. Наиболее могущественные из них со временем устанавливали единоличный контроль над областями своего проживания, а их главы становились эмирами, бравшими на себя полицейские, военные и арбитрские функции. Однако какая-либо законодательная фиксация положения правителей и их подданных отсутствовала. Элиты неохотно участвовали в общественной жизни городов и деревень, а кооперация с рядовым населением не была налажена.

Недждийские эмиратаe довахабитской эпохи представляли собой сравнительно небольшие по площади территориальные образования, могущество которых напрямую зависело от богатства и силовых ресурсов правящих династий. Эти аморфные политии практически не взаимодействовали друг с другом;

исключение составляли лишь совместные грабительские набеги отдельных эмиров на другие оазисы или кочевые племена. Отсутствие сотрудничества между центральноаравийскими правителями и доминирование на этих землях архаичного уклада делали их уязвимыми перед лицом более могущественных политических игроков (Хиджаза, Османской империи и европейских держав). Таким образом, на протяжении второй половины XVII – первой половины XVIII в. ни в одном из здешних эмиратах не обнаруживалось признаков централизации или зарождения государственности.

Особенно ярко эти черты прослеживаются на примере доваххабитских политий Южного Неджда, в том числе могущественного эмирата, сложившегося вокруг оазиса ‘Уяина. Несмотря на то, что влияние правившей в этих местах династии Ааль Mu‘аммар распространялось на сопредельные территории, их вотчина по-прежнему разделяла с соседями примитивное социально-политическое устройство. Еще более остро эта проблема ощущалась во внутренних районах области Эль-‘Арид, в том числе в небольшом и довольно бедном дир‘ийском эмирате. Урожаев, собираемых на местных полях, едва хватало для того, чтобы прокормить его жителей, а положение будущей саудидской столицы относительно караванных путей не способствовало ее обогащению за счет торговли. Влияние властвовавшего на этих территориях рода Ааль Мукрин, из которого со временем выделился клан Ааль Сауд, было весьма невелико, вся деятельность его лидеров сводилась к традиционным грабительским рейдам на соседствующие оазисы. Знать Эд-Дир‘ии была немногочисленна, а между представителями правящего семейства постоянно вспыхивали междуусобицы.

Схожим образом развивалась история Восточной Аравии, в частности наиболее обширной ее области – Эль-Хасы. Несмотря на то, что именно здесь находились одни из крупнейших аграрных и торговых центров Аравийского полуострова (Эль-Хуфуф и Эль-Катиф), расположение которых облегчало установление единого контроля над этими землями, хасские просторы так и не стали местом вызревания государственности. Лидеры могущественного клана Ааль Хумайид из племенного союза Бану Халид, покорившие эти территории в середине

XVII в. и основавшие один из крупнейших эмиратов Аравии, не инициировали перестройку традиционного местного уклада. Как и неджийские оазисы, вотчина халидидов представляла собой аморфное политическое образование.

Единственной заботой халидидских правителей Эль-Хасы вплоть до появления на исторической арене первого государства Саудидов было установление контроля над транспортными артериями Центральной и Восточной Аравии. Первоочередной задачей для достижения этой цели стало усиление присутствия на маршруте, связывавшем Эль-Хуфуф и ‘Уяйну. В ходе нескольких экспедиций войска рода Ааль Хумайд разгромили ряд недружественных кочевых племен и эмиратов Южного Неджда. Пик укрепления их влияния в этой области пришелся на заключение союза с династией Ааль Mu‘аммар, лидеры которой обязались обеспечивать безопасность хасских караванов, следующих через Эль-Арид.

С той же целью эмиры Эль-Хасы развернули кампанию по присоединению к своим владениям Эль-Касыма. После покорения его главного города – ‘Унайзы – в 1741 г. власть в Центральном Неджде также оказалась в руках племени Бану Халид, установившего полное доминирование над большей частью торговых путей Центральной и Восточной Аравии. Конец ему был положен лишь наступлением глубокого кризиса в эмиратах. Неэффективная социально-политическая система не позволила хасским владыкам справиться с последствиями природных бедствий, обрушившихся на их земли, а архаичные порядки наследования спровоцировали очередную междоусобицу в правящем клане. Влияние халидидов за пределами Эль-Хасы значительно сократилось, открыв путь к восхождению Саудидов к вершинам власти.

Зарождение саудидской государственности тесно связано с деятельностью ваххабитского движения, основанного в середине XVIII в. богословом Мухаммадом ибн ‘Абд аль-Ваххабом родом из в ‘Уяйны. Реализация его идейных установок стала отправной точкой социально-политических реформ в дир‘ийском эмирете. Становление ваххабитской идеологии происходило на фоне глубокого упадка традиционного ислама в Неджде. Интеллектуальная жизнь теплилась лишь

в немногочисленных центральноаравийских городах, таких как ‘Уяйна, Ушайкар и ‘Унайза. Местные ‘алимы, придерживавшиеся в основном ханбалитского мазхаба, почти не уделяли внимания изучению богословия или культово-обрядового комплекса, ограничиваясь филологическими науками и фикхом.

В сельской местности и вовсе доминировали языческие верования, зачастую смешанные с мусульманскими традициями. Львиная доля популярных среди недждийских селян культов уходила корнями в эпоху джахилии и была связана с анимизмом, а также поклонением природным (деревья, пещеры, скалы) и рукотворным (гробницы «святых» – аулия) фетишам. В Южном Недже традиции такого рода практически полностью вытеснили ислам. В кочевьях ведущей формой духовной жизни с глубокой древности оставались примитивный культ предков и тотемизм.

Взгляды Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба формировались под влиянием интеллектуального наследия ханбалитских богословов, в особенности протосалафитов Таки ад-Дина ибн Таймии и Ибн Кайима аль-Джаузийи. Именно у них он позаимствовал базовые приемы коранической экзегезы и идею очищения ислама от вековых «наслоений» – бида^{‘1117}. Окружавшая основателя ваххабизма недждийская религиозная действительность стала для него эмпириическим подтверждением истинности фундаменталистских установок Ибн Таймии и Ибн Кайима, что способствовало радикализации его консервативных взглядов. Однако в учении шейха на раннем этапе его формирования практически полностью отсутствовали характерные для его более поздней версии джихадистские мотивы, а также элементы политической доктрины. Единственной обязанностью его сторонников была жизнь согласно букве священного писания и активный прозелитизм.

Начало превращению ваххабизма в религиозно-политическое было положено развертыванием гонений на его сторонников. Агрессивная проповедь «единобожия», навязывание ими шариатских норм и усилившееся влияние

^{‘1117} Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад. Муаллафат. Т. 3. Ч. 2. С. 5-42.

Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба враждебно воспринимались как рядовыми жителями Неджда, так и эмирской властью. После изгнания из Хураймалы вероучитель осознал, что без силового доминирования пропагандируемые им идеалы никогда не будут воплощены в жизнь. Непростое положение общины подвигло Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба к активному внедрению в свое учение джихадистских установок. Кроме того, им был издан указ, обязывающий всех его сторонников переселиться из враждебных оазисов на подконтрольные ваххабитам территории.

Окончательное закрепление положения об обязательном ведении джихада против «неверных» произошло в период судейства Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба в ‘Уяйне. Возросшая численность последователей позволила вероучителю навязывать свою волю роду Ааль Mu‘аммар. Со временем абстрактные представления о необходимости сотрудничества с эмирами начали оформляться в цельную концепцию имамата, согласно которой организация джихада и руководство боевыми действиями возлагались на имама – военачальника ваххабитских ополчений.

Однако лишь после изгнания Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба из ‘Уяйны и его бегства в Эд-Дир‘ию ваххабитский политический проект был претворен в жизнь. Вслед за вероучителем в Эль-‘Арид и прилегающие районы перебралось значительное число его сторонников. В небольшом дир‘ийском эмирате община «единобожников» быстро заняла ведущие позиции, и Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб начал реорганизовывать власть в соответствии с принципами имамата, что положило начало складыванию первого государства Саудидов. Принявший титул имама Мухаммад ибн Сауд фактически стал первым за долгие столетия законным правителем этих земель. Начиная с этого момента, имам превратился во влиятельную фигуру, обладающую беспрецедентно широкими полномочиями как в военной, так и в социально-политической сфере. Однако в первые десятилетия существования ваххабитского государства лидеры рода Ааль Сауд существенно уступали по авторитету Мухаммаду ибн ‘Абд аль-Ваххабу, который вплоть до

своей смерти активно руководил социально-политической и религиозной жизнью Эд-Дир‘ийи.

Ряд нововведений в военной сфере, а также закрепленное в ваххабитском учении право эмиров на мобилизацию ресурсов для нужд джихада позволили Мухаммаду ибн Сауду и его потомкам начать масштабную экспансию, жертвами которой пали сперва мелкие оазисы Эль-‘Арида и Южного Неджда, а затем и более могущественные эмирата Эль-Касыма и Джебель-Шаммара. Новая социально-политическая система проявила поразительную устойчивость перед лицом экономических потрясений и спорадических неудач на поле боя и стала залогом военных успехов династии Ааль Сауд.

Покорение Неджда открыло ваххабитам путь на Эль-Хасу. Противостояние первого государства Саудидов и племени Бану Халид заняло большую часть второй половины XVIII в. На первых порах наступательная инициатива оставалась за хасскими эмирами, но ряд поражений, нанесенных им дир‘ийскими владыками, со временем истощил ресурсы эмирата и вверг его в тяжелый кризис, окончательно подорвавший обороносспособность халидидов. К 1796 г. восточноаравийские земли оказались полностью подчинены роду Ааль Сауд.

Установление единой власти в Неджде и Эль-Хасе имело далеко идущие последствия. Первым из них стало обретение Саудидами контроля над большей частью караванных маршрутов, пролегавших через Центральную и Восточную Аравию, что наряду с военной добычей обеспечило Эд-Дир‘ийю колоссальными доходами, еще больше укрепившими ее ведущие позиции на аравийской политической арене. Кроме того, ликвидация угрозы со стороны племени Бану Халид позволила им интенсифицировать наступление на Хиджаз и начать продвижение в Оман и Южный Ирак.

К началу XIX в. ваххабитское государство контролировало большую часть Аравийского полуострова, а Эд-Дир‘ийя стала одним из ключевых торговых, политических и культурных центров Центральной и Восточной Аравии. Тем не менее саудидская держава была крайне неоднородна. Явная склонность к централизации наблюдалась лишь в Южном Неджде – в областях Эль-‘Арид, Эль-

Вашм, Судайр и Эль-Хардж, где большая часть местных элит и рядового населения симпатизировала Саудидам и ваххабитам. Этому способствовало несколько факторов, важнейшими из которых стало переселение в местные оазисы значительного числа последователей Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба, а также практически полное уничтожение обитавших в этих краях оппозиционных династии Ааль Сауд знатных родов в ходе завоевательных походов второй половины XVIII в. Также следует учитывать экономический подъем в южнонедждийских селениях, сопутствовавший расцвету ваххабитской столицы.

В других областях государства доминировали центробежные тенденции. Рядовые жители Эль-Касыма и Эль-Хасы, а также многочисленная хасская и касымская знать были настроены по отношению к завоевателям крайне негативно. Власть «единобожников» над этими землями, где постоянно вспыхивали восстания, держалась исключительно на военной силе. Еще меньше влияние Эд-Дир‘ийи ощущалось в центральноаравийской области Джебель-Шаммар, принадлежавшей к числу полунезависимых владений первого государства Саудидов, правление в которых было передано в руки доваххабитской «аристократии», присягнувшей династии Ааль Сауд.

Гетерогенность державы Саудидов в полной мере проявилась в период вторжения войск Мухаммада Али в Неджд, активизировавшего сепаратистские выступления в хасских, касымских и шаммарских эмиратах. Верность дир‘ийскому владыке сохранили лишь селения Эль-‘Арида, Эль-Вашма, Судайра и Эль-Харджа, где тенденция к политическому объединению оставалась замкнута даже после падения Эд-Дир‘ийи в 1818 г. Пробужденные ваххабитскими реформами центростремительные силы в Южном Недже оказались достаточно устойчивы и стали одним из главных факторов складывания второго государства Саудидов в середине XIX в.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Источники

1. *Аль-‘Асаджи, Мухаммад ибн Хамад ибн ‘Ибад.* Тарих Ибн ‘Ибад (История Ибн ‘Ибада). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (на араб. яз.). 138 с.
2. *Аль-‘Асаджи, Мухаммад ибн Раби‘а ибн Мухаммад.* Тарих Ибн Раби‘а (История Ибн Раби‘а) // Хизанат ат-таварих ан-надждия (Сокровищница недждейских летописей). Т. 3. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (на араб. яз.). С. 25-46.
3. *Ааль Бассам, ‘Абдаллах ибн ‘Абд ар-Рахман.* ‘Улама ан-Наджд хиляля самания курун (‘Алимы Неджда восьми минувших веков). Т. 1. – 582 с.; Т. 2. – 575 с.; Т. 3. – 587 с.; Т. 4. – 528 с.; Т. 5. – 576 с.; Т. 6. – 565 с. Эр-Рияд: [б.и.], 1998 (на араб. яз.).
4. *Аль-Бассам, ‘Абдаллах ибн Мухаммад ибн ‘Абд аль-‘Азиз ибн Мухаммад.* Тарих ‘Абдаллах аль-Бассам (История ‘Абдаллаха ибн Бассама) // Хизанат ат-таварих ан-надждия (Сокровищница недждейских летописей). Т. 5. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (на араб. яз.). С. 5-64.
5. *Аль-Бассам, ‘Абд ар-Рахман ибн Салех ибн Хамад ибн Мухаммад.* Нубса тарихия ‘ан мадинат ‘Унайза (Очерк истории города ‘Унайза) // Хизанат ат-таварих ан-надждия (Сокровищница недждейских летописей). Т. 5. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (на араб. яз.). С. 65-96.
6. *Аль-Вали, ‘Усман ибн Санад.* Тарих аль-Ирак ва Наджд (История Ирака и Неджда). Бейрут: Ад-Дар аль-‘арабия ли-ль-мавсу‘ат, 1993 (на араб. яз.). 678 с.
7. [Давлетшин А.]. Отчет штабс-капитана Давлетшина о командировке в Хиджаз // Хадж российских мусульман № 2. Ежегодный сборник путевых заметок о хадже. Н. Новгород: ИД «Медина», 2009. 136 с.
8. *Аль-Джабарти, ‘Абд ар-Рахман.* ‘Аджаиб аль-асар фи-т-тараджим ва-ль-ахбар («Удивительная история прошлого в жизнеописаниях и хронике

- событий»). Т. 1. – 786 с.; Т. 2. – 487 с.; Т. 3. – 678 с.; Т. 4. – 587 с. Каир: Дар аль-кутуб аль-мисрия, 1997 (на араб. яз.).
9. *Аль-Джабарти, ‘Абд ар-Рахман*. Египет в период экспедиции Бонапарта. Пер. с араб., предисл. и примеч. И.М. Фильшинского. М.: Наука, 1962. 540 с.
10. *Аль-Джабарти, ‘Абд ар-Рахман*. Египет под властью Мухаммеда ‘Али. Пер. с араб., предисл. и примеч. Х.И. Кильберг. М.: Наука, 1963. 790 с.
11. *Аль-Джабарти, ‘Абдаллах ибн ‘Абд ар-Рахман*. Шарх усуль ас-сунна (Разъяснение относительно основ сунны). Эр-Рияд: [б.и.]. 1999 (на араб. яз.). 152 с.
12. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Адаб аль-маси иля ас-сала (Этикет молящегося) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 3. Ч. 5. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-58.
13. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Арба‘а кава‘ид тадуру аль-ахкам ‘алейха (Четыре правила, на основании которых выносятся заключения [по религиозным вопросам]) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 3. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-15.
14. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Ахадис фи аль-фитан ва аль-хавадис (Хадисы о смутах и бедствиях) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 12. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-291.
15. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Ахкам тамани аль-маут (Суждения об ищащих смерти) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 3. Ч. 6. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-82.

16. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Ба‘ад фаваид сульх аль-худайбия (О значении Худайбийского мирного договора) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 13. Ч. 3. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-17.
17. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Аль-Кава‘ид аль-арба‘а (Четыре опоры) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 197-202.
18. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Кашф аш-шубухат (Отведение сомнений) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 153-181.
19. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Китаб аль-кабаир (Книга великих грехов) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1. Ч. 2. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 1-63.
20. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Китаб ат-таухид (Книга единобожия). Эр-Рияд: [б.и.], 2012 (на араб. яз.). 240 с.
21. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Китаб ат-таухид (Книга единобожия) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 7-151.
22. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Китаб ат-такхара (Книга об омовении) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения

- Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 3. Ч. 3. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-45.
23. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Ар-Расаиль аш-шахсия (Личная переписка) // Ад-Дуран ас-сания фи аль-аджвиба ан-надждия (Высочайшие жемчужины недждийского дискусса). Т. 1. Под ред. ‘Абд ар-Рахмана ибн Мухаммада ибн Касима аль-Асми ан-Наджди. Эр-Рияд: [б.и.], 1996 (на араб. яз.). 607 с.
24. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Мабхас аль-иджтихад ва-ль-хиляф (Исследование об иджтихаде и религиозных разногласиях) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 3. Ч. 2. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 5-42.
25. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Маджму‘а ар-расаиль фи-т-таухид (Собрание посланий о таухиде) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 331-399.
26. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Масаиль ([Различные] вопросы) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 13. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-209.
27. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Муфид аль-мустафид фи куфр тарик ат-таухид (О куфре тех, кто презрел единобожие) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 279-329.

28. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Мухтасар аль-Иснаф ва аш-Шарх аль-кабир (Краткое изложение [трактатов] «аль-Иснаф» и «аш-Шарх аль-кабир») // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 2. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-791.
29. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Мухтасар Зад аль-ма‘ад (Краткое изложение [трактата] «Припасы к судному дню») // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 6. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-351.
30. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Мухтасар сират ар-расуль (Краткое изложение жизнеописания пророка Мухаммада) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 4. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-340.
31. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Мухтасар тафсир сурат аль-Анфаль (Краткий тафсир суры «Трофеи») // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 13. Ч. 2. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-29.
32. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Ар-расаиль аш-шахсия (Личные письма) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 7. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-328.
33. *Ибн ‘Абд аль-Ваххаб, Мухаммад*. Рисаля фи-р-радд ‘аля ар-рафида (Послание об опровержении рафидитов) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн

- ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 13. Ч. 4. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-58.
34. *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Muhammad*. Тафсир айат мин аль-куран аль-карим (Толкование коранических аятов) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 5. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми, Мухаммада Бальтаджи и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-395.
35. *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Muhammad*. Усуль аль-иман (Основы имана) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 229-277.
36. *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Muhammad*. Аль-Усуль ас-саляса ва-аль-адилятиха (Три основы и их доказательства) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 183-196.
37. *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Muhammad*. Аль-Усуль ас-саляса ва-аль-адилятиха (Три основы и их доказательства). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (на араб. яз.). 48 с.
38. *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Muhammad*. Фадль аль-ислам (Достоинство ислама) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 1. Ч. 1. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 203-227.
39. *Иbn ‘Abd al-Vahhab, Muhammad*. Фатава ва масаиль (Фетвы и [ответы] на вопросы) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 4. Ч. 2. Под ред. ‘Абд аль-

- ‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-144.
40. *Иbn ‘Abd aль-Bаххаб, Мухаммад*. Аль-хутаб аль-минбария (Проповеди) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 13. Ч. 5. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 3-69.
41. *Иbn ‘Abd aль-Bаххаб, Мухаммад*. Шурут ас-сала ва аркануха ва ваджабатуха (Условия для совершения молитвы и ее обязательные правила) // Муаллафат аш-шайх аль-имам Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Сочинения Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Т. 3. Ч. 4. Под ред. ‘Абд аль-‘Азиза ибн Зейда ар-Руми и др. Эр-Рияд: Джами‘ат аль-имам Мухаммад ибн Сауд аль-исламия, 1976 (на араб. яз.). С. 2-12.
42. *Иbn ‘Альван, Муртаза*. Ар-Рихля аль-маккия (Путешествие в Мекку) // Джашннаме-йе оstad-e Сейед Ахмад Хосейни Ашкавари (Сборник памяти профессора Сейеда Ахмада Хосейни Ашкавари). Тегеран: Нашр-е элм, кетабхане-йе тахсиси-йе тарих-е эслам ва Иран, 1972 (на араб. яз.). С. 1097-1119.
43. *Иbn Бишр, ‘Усман ибн ‘Абдаллах*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд (Символ славы в истории Неджда). Т. 1. – 485 с.; Т. 2. – 598 с. Эр-Рияд: Дарат аль-малик ‘Абд аль-‘Азиз, 1982 (на араб. яз.).
44. *Иbn Бишр, ‘Усман ибн ‘Абдаллах*. ‘Унван аль-маджд фи тарих Наджд (850–1156). Бейрут: Дар аль-башаир аль-исламия ли-н-нашр, 2008 (на араб. яз.). 219 с.
45. *Иbn Ганнам, Хусейн*. Тарих Наджд аль-мусамма раудат аль-афкар ва-ль-афхам (История Неджда, называемая садом мыслей и понятий). Т. 1 – 665 с.; Т. 2 – 438 с. Эр-Рияд: Дар аш-шурук, 2010 (на араб. яз.).
46. *Иbn ‘Иса, Ибрахим ибн Салих*. Тарих Ибн ‘Иса (История Ибн ‘Исы) // Хизанат ат-таварих ан-надждия. Т. 2. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (на араб. яз.). 306 с.

47. *Ибн аль-Калби, Хишиам*. Книга об идолах. Пер. с араб., предисл. и примеч. Вл.В. Полосина. М.: Наука, 1984. 64 с.
48. *Ибн Ла‘абун Хамад, ибн Мухаммад ибн Наср*. Тарих Ибн Ла‘абун (История Ибн Ла‘абуна) // Хизанат ат-таварих ан-надждия. Т. 1. Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (на араб. яз.). С. 9-254.
49. *Аль-Ка‘аби, Фатхаллах ибн ‘Альван*. Ахдас аль-Басра фи-ль-карн аль-хади ашар аль-хиджри (События, произошедшие в Басре в XI в. по хиджре). Бейрут: Ад-Дар аль-‘арабия ли-ль-маусу‘ат, 2002 (на араб. яз.). 68 с.
50. Коран. Перевод смыслов. Перевод Э.Р. Кулиева. Изд. 10-е, стереотипное. М.: Эксмо, 2013. 688 с.
51. Лам‘а аш-Шихаб фи сират Мухаммад ибн ‘Абд аль-Ваххаб (Блеск метеора в житии Мухаммада ибн ‘Абд аль-Ваххаба). Эр-Рияд: Дарат аль-малик ‘Абд аль-‘Азиз, 2005 (на араб. яз.). 352 с.
52. *Аль-Манкур, Ахмад ибн Мухаммад*. Тарих аш-шайх Ахмад ибн Мухаммад аль-Манкур (История шейха Ахмада ибн Мухаммада аль-Манкура). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (на араб. яз.). 104 с.
53. *Nasir Хосров*. Сафар-намэ. Книга путешествия. Пер. и вступ. статья Е. Бертельса. Под общ. ред. В. Гордлевского и И. Крачковского. М.; Л.: Academia, 1933. 206 с.
54. *Аль-Фахири, Мухаммад ибн ‘Умар*. Тарих аль-Фахири (История аль-Фахири). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (на араб. яз.). 319 с.
55. *Burckhardt J.L. Travels in Arabia: Comprehending an Account of those Territories in Hedjaz which the Mohammedans Regard as Sacred*. Vol. 1 – 452 p.; Vol. 2 – 432 p. L.: Henry Colburn, New Burlington street, 1829.
56. *Burckhardt J.L. Notes on the Bedouins and Wahábys*. Vol 1. – 382 p.; Vol. 2. – 390 p. L.: Henry Colburn and Richard Bentley, New Burlington street, 1831.
57. *Doughty Ch.M. Travels in Arabia Deserta*. Vol. 1. L.: The Medici Society Ltd, 1925. 623 p.

58. *Doughty Ch.M.* Travels in Arabia Deserta. Vol. 2. L.: The Medici Society Ltd, 1921. 690 p.
59. *Guarmani C.* Northern Najd a Journey from Jerusalem to Anaiza in Qasim. L.: Argonaut Press, 1938. 128 p.
60. *Niebuhr C.* Travels through Arabia, and Other Countries in the East. Vol. 1. Edinburgh: Birchin Lane, 1792. 455 p.
61. *Palgrave W.G.* Personal Narrative of a Year's Journey through Central and Eastern Arabia. L.: MacMillan, 1869. 421 p.
62. *Philby H.St.J.B.* The Heart of Arabia: A Record of Travel & Exploration. Vol. 1 – 386 p.; Vol 2 – 354 p. L.: Constable & Co Ltd, 1922.
63. *Sadlier G. F.* Diary of a Journey across Arabia from El Khatif in the Persian Gulf. Bombay: Education Society's Press, 1866. 158 p.

ЛИТЕРАТУРА

64. *Аль-'Абидин, Башир Зейн.* Тарих аль-Бахрейн аль-хадис (Современная история Бахрейна). Манама: Марказ ад-дирасат ат-тарихия джами‘ат аль-Бахрейн, 2009 (на араб. яз.). 247 с.
65. *Аль-'Абуди, Мухаммад ибн Наср.* Му‘аджам усар Бурайда (Словарь кланов Бурайды). Т. 1 – 534 с.; Т. 2 – 596 с.; Т. 3 – 554 с.; Т. 4 – 763 с.; Т. 5 – 482 с.; Т. 6 – 475 с.; Т. 7 – 521 с.; Т. 8 – 503 с.; Т. 9 – 660 с.; Т. 10 – 667 с.; Т. 11 – 431 с.; Т. 12 – 472 с.; Т. 13 – 447 с.; Т. 14 – 622 с.; Т. 15 – 641 с.; Т. 16 – 557 с.; Т. 17 – 579 с.; Т. 18 – 422 с.; Т. 19 – 670 с.; Т. 20 – 542 с.; Т. 21 – 505 с.; Т. 22 – 443 с.; Т. 23 – 470 с. Эр-Рияд: Дар ас-сулусия ли-н-нашр ва-т-тавзи‘а, 2010 (на араб. яз.).
66. *Аль-'Авад, 'Abd аль-Хаким.* Амакин йатабаррику биха фи ад-Дир‘ийя (Культовые места в окрестностях Эд-Дир‘ии). URL: <https://www.al-jazirah.com/2007/20070311/w01.htm> (доступ: 16.03.2023). (на араб. яз.).

67. Аль-'Аджляни, Мунир. Тарих аль-Мамляка аль-'Арабия ас-Саудия (История Королевства Саудовская Аравия). Т. 1 – 470 с.; Т. 2 – 287 с. Эр-Рияд: Дар аш-шиблъ ли-н-нашр ва-т-тавзи‘а ва-т-тиба‘а, 1993 (на араб. яз.).
68. Аль-Башар, Бадрия. Наджд кабля ан-нафт (Неджд до нефтяной эпохи). Бейрут: Джадавил ли-н-нашр ва-т-тавзи‘а, 2013 (на араб. яз.). 256 с.
69. Бальфур Дж.П. Османская империя. Шесть столетий от возышения до упадка. XIV–XX вв. Пер. с англ. Л.А. Игоревского. М.: ЗАО Центрполиграф, 2017. 639 с.
70. Баранов Х.К. Арабско-русский словарь. М.: Костин, 2007. 944 с.
71. Басилов В.Н. Культ святых в исламе. М.: Мысль, 1970. 144 с.
72. Беляев Е.А. Мусульманское сектантство (Исторические очерки). М.: Издательство восточной литературы, 1957. 102 с.
73. Бодянский В.Л. Восточная Аравия. М.: Наука, 1986. 344 с.
74. Бодянский В.Л. Княжества Персидского залива. М.: Мысль, 1970. 127 с.
75. Большаков О.Г. История Халифата. Т. 1. Ислам в Аравии (570–633). М.: Восточная литература, 2000. 312 с.
76. Бондаревский Г.Л. Английская политика и международные отношения в бассейне Персидского залива (конец XIX – начало XX в.). М.: Главная редакция восточной литературы, 1968. 542 с.
77. Босворт К.Э. Мусульманские династии. Справочник по хронологии и генеалогии. Пер. с англ. П.А. Грязневича. М.: Наука, 1971. 324 с.
78. Аль-Вазинани, Халаф ибн Даблан. Аль-Ахса фи-ль-карн аль-сани 'ашар аль-хиджри (Эль-Хаса в XII в. по хиджре). Мекка: Джами‘ат Умм аль-кура, 1984. 454 с.
79. Аль-Вахби, 'Абд аль-Карим. Бану Халид ва аляктихим би Наджд (Племя Бану Халид и его отношения с Недждом). Эр-Рияд: Дар ас-сакиф ли-н-нашр ва-т-та'лиф, 1989. 456 с.
80. Васильев А.М. История Саудовской Аравии. М.: Наука, 1982. 612 с.
81. Гольдциер И. Культ святых в исламе (Мухаммеданские эскизы). М.: Гаиз, 1938. 180 с.

82. *Аль-Джасир, Хамад*. Эд-Дир‘ийя ка‘идат ад-дауля ас-са‘удия аль-уля (Эд-Дир‘ийя: твердыня первого государства Саудидов). Эр-Рияд: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1995. 122 с.
83. *Дьяконов И.М., Якобсон В.А.* «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империя». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2 С. 3-21.
84. *Дьяконов И.М.* Пути истории. От древнейшего человека до наших дней. М.: Восточная литература, 1994. 384 с.
85. *Жантиев Д.Р., Орлов В.В.* Судьбы ваххабитского учения в предколониальном арабском мире (на примере сирийской и марокканской региональных моделей) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1997. № 4. С. 11-28.
86. *Иbn Mu‘ammar, ‘Abd aль-Muhsin ibn Muhammад*. Имара аль-‘Уайна ва тарих Ааль Му‘аммар (Эмират ‘Уайны и история рода Ааль Му‘аммар). Эр-Рияд: Дар аль-мариҳ ли-н-нашр ва-т-тавзи‘а, 2004 (на араб. яз.). 635 с.
87. *Иbn Сунайтан, Muhammад*. ас-Саудия ас-сияси ва-аль-кабиля (Племена в политической жизни Саудовской Аравии). Бейрут: Шабакат аль-‘арабия ли-ль-абхас ва ан-нашр, 2008 (на араб. яз.). 151 с.
88. *Иванов Н.А.* Османское завоевание арабских стран. М.: Восточная литература, 2001. 287 с.
89. *Иванов Н.А.* Труды по истории исламского мира. М.: Институт востоковедения РАН, 2008. 500 с.
90. Ислам: историографические очерки. Под общей ред. С.М. Прозорова. М.: Наука, 1991. 228 с.
91. Ислам: Энциклопедический словарь. М.: Наука, 1991. 315 с.
92. Исследования по арабо-мусульманской культуре и философии: Избранные статьи А.В. Сагадеева. Под ред. Н.С. Кирабаева, Р.В. Псху. М.: РУДН, 2009. 455 с.
93. История арабо-мусульманской философии. Под ред. А.В. Смирнова. М.: Академический Проект, 2013. 255 с.

94. История древнего мира. Под ред. И.М. Дьяконова, И.С. Свеницкой. Т. 1. М.: Наука, 1989. 470 с.
95. *Касим, Джамаль Закария*. Тарих аль-Халидж аль-‘Араби аль-хадис ва-аль-му‘асир (Новая и новейшая история Персидского залива) (на араб. яз.). Т. 1. Каир: Дар аль-фикр аль-‘араби, 1997. 464 с.
96. *Аль-Кахтани, ‘Абд аль-Кадир Хамуд*. Дирасат фи тарих аль-Халидж аль-‘Араби аль-хадис ва-аль-му‘асир (Исследования истории Персидского залива Нового и Новейшего времени). Доха: аль-Маджлис аль-ватани ли-с-сакафа ва-аль-фунун ва-т-турас, 2008 (на араб. яз.). 216 с.
97. *Каххала, ‘Умар Рида*. Му‘аджам кабаиль аль-араб аль-кадима ва аль-хадиса (Словарь современных и древних арабских племен). Т. 1 – 408 с.; Т. 2 – 460 с.; Т. 3 – 413 с.; Т. 4 – 346 с.; Т. 5 – 379 с. Бейрут: Muassasat ar-Risala li-t-Tiba‘a wa-n-naashr wa-t-Tawzi‘a, 1997 (на араб. яз.).
98. *Кириллина С.А.* Исламские институты Османского Египта в XVIII – первой трети XIX века. Lewiston; Queenston; Lampeter: The Edwin Mellen Press, 2000. 466 с.
99. *Кныш А.Д.* Мусульманский мистицизм: краткая история. М.; СПб.: Диля, 2004. 464 с.
100. *Корбен А.* История исламской философии. Пер. с франц. А.А. Кузнецова; Научн. ред. Р.М. Шукров. М.: Прогресс-Традиция, 2010. 360 с.
101. *Луцкий В.Б.* Новая история арабских стран. М.: Наука, 1966. 372 с.
102. *Матвеев Ф.Ю.* Дир‘ийский эмират накануне зарождения саудовской государственности (по материалам недждийских хроник XVII–XVIII вв.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2022. № 3. С. 73-81.
103. *Матвеев Ф.Ю.* Религиозный фетишизм в жизни земледельческих общин Центральной Аравии в первой половине XVIII в. (по материалам ранних богословских и исторических трудов ваххабитских ученых) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2023. Т. 67. № 3. С. 77-85.

104. *Матвеев Ф.Ю.* Зарождение Саудидской государственности и ее связь с основами ваххабитского вероучения // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 2024. Т. 68. № 1. С. 62-75.
105. *Матвеев Ф.Ю.* Основные векторы внешней политики эмирата бану халид во второй половине XVII – первой половине XVIII в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 2. С. 187-200.
106. *Мейер М.С.* Османская империя в XVIII веке. Черты структурного кризиса. М.: Наука, 1991. 261 с.
107. *Аль-Мутава‘а, ‘Абдаллах ибн Мухаммад ибн Ибрахим.* Муджтама‘а ад-Дир‘ийя фи ‘ахд ад-дауля ас-саудия аль-уля (Социальная жизнь Эд-Дир‘ии в эпоху первого государства Саудидов). Эр-Рияд: аль-Джам‘ия ат-тарихия ас-саудия, 2003 (на араб. яз.). 177 с.
108. *Мюллер А.* История ислама с основания до новейших времен. Пер. с нем. под ред. Н. А. Медникова. Т. 1 – 412 с.; Т. 2 – 364 с. М: Директ-Медиа, 2021.
109. *Нахла, Мухаммад ‘Араби.* Тарих аль-Ахса ас-сияси (Политическая история Эль-Хасы). Эль-Кувейт: Дар зат ас-салясиль, 2009 (на араб. яз.). 131 с.
110. *Орлов В.В.* Крах ваххабитской модели в Магрибе: реформы марокканского султана Мулай Слимана (1792–1822 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 13. Востоковедение. 1993. № 4. С. 249-261.
111. Основы религиоведения. Под ред. И. Н. Яблокова. 2-е изд. перераб. и доп. М.: Высшая школа, 2006. 568 с.
112. *Першиц А.И.* Хозяйство и общественно-политический строй Северной Аравии в XIX – первой трети XX в. М.: АН СССР, 1961. 224 с.
113. *Першиц А.И.* Хозяйственный быт кочевников Саудовской Аравии // Советская этнография. 1952. № 1. С. 104-112.
114. *Прошин Н.И.* Страны Аравийского полуострова. М.: Географгиз, 1958. 200 с.

115. *Пирен, Жаклин*. Открытие Аравии. Пять веков путешествий и исследования. Пер. с франц. И.Г. Мягковой. М.: Наука, 1970. 360 с.
116. *Саид, Амин*. Тарих ад-дауля ас-саудия (История Саудовского государства). Т. 1. Бейрут: Дар аль-катиб аль-араби, 1964 (на араб. яз.). 184 с.
117. *Ас-Салман, Мухаммад ибн 'Абдаллах*. Тарих Эль-Касым ас-сияси (Политическая история Эль-Касыма). 'Унайза: Фахрасат мактабат аль-малик Фахд аль-ватания аснаа ан-нашр, 1999 (на араб. яз.). 465 с.
118. *Синан, Махмуд Бахджат*. Тарих Катар аль-'ам (Общая история Катара). Багдад: [б.и.], 1966 (на араб. яз.). 304 с.
119. *Токарев С.А.* Ранние формы религии. М.: Политиздат, 1990. 622 с.
120. *Токарев С.А.* Религия в истории народов мира. М.: Политиздат, 1986. 576 с.
121. *Туманович Н.Н.* Европейские державы в Персидском заливе в 16-19 вв. М.: Наука, 1982. 190 с.
122. *'Убайд, Джабар Яхья*. Ат-Тарих ас-сияси ли-имара Хаиль (Политическая история эмирата Хаиль). Бейрут: Ад-дар аль-'арабия ли-маусу'ат, 2003 (на араб. яз.). 264 с.
123. *Аль-'Усаймин, 'Абдаллах ас-Салих*. Аль-'асыма ат-тарихия ли-да'ава ас-салафия (Колыбель салафитского призыва). Эр-Рияд: [б.и.], 1999 (на араб. яз.). 100 с.
124. *Аль-'Усаймин, 'Абдаллах ас-Салих*. Наджд қубейль зухур аш-шайх Мухаммад ибн 'Абд аль-Ваххаб (Неджд накануне появления шейха Мухаммада ибн 'Абд аль-Ваххаба). Эр-Рияд: Мактабат ар-рущд, 2010 (на араб. яз.). 99 с.
125. *Фильшинский И.М.* История арабов и халифата (750–1517 гг.). 3-е изд., испр. и доп. М.: АСТ: Восток-Запад, 2006. 349 с.
126. *Фролова Е.А.* История арабо-мусульманской философии. Средние века и современность. М.: ИФ РАН, 2006. 199 с.
127. *Шакир, Мухаммад*. Маусу'а тарих аль-Халидж аль-'Араби (Энциклопедия истории Персидского залива). Амман: Дар аль-усама ли-н-нашр ва-т-тавзи'а, 2005 (на араб. яз.). 968 с.

128. *Шодкевич М.* Модели совершенства в исламе и мусульманские святые // Бог – человек – общество в традиционных культурах Востока. М.: Наука, 1993. С. 199-217.
129. *Algar H.* Wahhabism: A Critical Essay. N.Y.: Islamic Publications International, 2001. 96 p.
130. *Ayubi N.* Political Islam: Religion and Politics in the Arab World. L.; N.Y.: Routledge, 1991. 291 p.
131. *Black A.* The History of Islamic Political Thought: from the Prophet to the Present. N.Y.: Routledge, 2001. 366 p.
132. *Bayly R.W.* Saudi Arabia in the Nineteenth Century. L.: Macmillan, 1965. 312 p.
133. *Bunzel C.M.* Wahhabism: The History of a Militant Islamic Movement. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2023. 408 p.
134. The Cambridge Companion to Classical Islamic Theology. Ed. by Tim Winter. Cambridge: Cambridge University Press, 2008. 337 p.
135. *Cook M.* On the Origins of Wahhabism // Journal of the Royal Asiatic Society. 1970. No. 2. P. 191-202.
136. *Cook M.* The Historians of Pre-Wahabi Najd // Studia Islamica. 1992. No. 76. P. 163–76.
137. *Cook M.* Written and Oral Aspects of an Early Wahhabi Epistle // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 2015. No. 1. P. 161-178.
138. *Commins D.* The Wahhabi Mission and Saudi Arabia. N.Y.: I.B. Tauris, 2006. 288 p.
139. *Commins D.* Islam in Saudi Arabia. Ithaca: Cornell University Press, 2015. 214 p.
140. *Cornwall P.B.* Ancient Arabia: Explorations in Hasa, 1940-41 // The Geographical Journal. 1946. No. 1. P. 28-50.
141. *Dallal, Ahmad.* The Origins and Objectives of Islamic Revivalist Thought, 1750–1850 // Journal of the American Oriental Society. 1993. No. 3. P. 341-359.
142. *Freeth Z.D.* Explorers of Arabia from the Renaissance of the End of the Victorian Era. N.Y.: Holmes & Meier, 1978. 308 p.

143. *Halevi L.* Arabians for Guns: Wahhabi Matchlocks, World Trade, and the Rise of the First Saudi State // *Journal of the Royal Asiatic Society*. 2023. Vol. 33. P. 401-442.
144. *Hawting G.R.* The Idea of Idolatry and the Emergence of Islam: from Polemic to History. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 168 p.
145. *Hodgson M.G.* The Venture of Islam. Conscience and History in a World Civilization. Vol. 3. The Gunpowder Empires and Modern Times. Chicago: The University of Chicago Press, 1974. 469 p.
146. *Hogarth D.G.* The Penetration of Arabia: A Record of the Development of Western Knowledge Concerning the Arabian Peninsula. N.Y.: Strokes, 1904. 359 p.
147. *Hoyland R.G.* Arabia and the Arabs from the Bronze Age to the Coming of Islam. L.: Routledge, 2001. 324 p.
148. *Hoyland R.G.* In God's Path: the Arab Conquests and the Creation of an Islamic Empire. Oxford: Oxford University Press, 2015. 320 p.
149. The Hajj: Piligrimage in Islam. Cambridge: Cambridge University Press, 2015. 343 p.
150. *Kechichian J.* The Role of the Ulama in the Politics of an Islamic State: The Case of Saudi Arabia // *International Journal of Middle East Studies*. 1986. No. 1. P. 53-71.
151. *Kepel G.* Jihad: The Trail of Political Islam. Cambridge: The Belknap Press of Harvard University Press, 2002. 464 p.
152. *Kjorlien L.M.* State and Religion in Saudi Arabia // *The Arab Studies Journal*. 1994. No. 1. P. 36-43, 64.
153. *Longrigg S.H.* Four Centuries of Modern Iraq. Oxford: Clarendon Press, 1925. 378 p.
154. *Lorimer J.G.* Gazetteer of the Persian Gulf, Oman and Central Arabia. Vol. 1 – 1624 p.; Vol. 2 – 1952 p. Calcutta: Superintendent Government Printing, 1915.
155. *Mackie J.B.* Hasa: An Arabian Oasis // *The Geographical Journal*. 1924. No. 3 P. 189-207.

156. *Makdisi G.* Ibn Taymiyya: A Sufi of the Qadiriya Order // American Journal of Arabic Studies. 1973. No. 1. P. 118-129.
157. *Makdisi G.* The Significance of the Sunni Schools of Law in Islamic Religious History // International Journal of Middle East Studies. 1979. No. 1. P. 1-8.
158. *Makdisi G.* The Rise of Colleges: Institutions of Learning in Islam and the West. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1981. 377 p.
159. *Mandaville J.E.* The Ottoman Province of al-Hasa // Journal of the American Oriental Society. 1970. No. 3. P. 486-513.
160. *Mouline N.* The Clerics of Islam: Religious Authority and Political Power in Saudi Arabia. New Haven: Yale University Press, 2014. 344 p.
161. *Nafi, Basheer.* A Teacher of Ibn ‘Abd al-Wahhab: Muhammad Hayat al-Sindi and the Revival of Ashab al-Hadith's Methodology // Islamic Law and Society. 2006. No. 2. P. 208-241.
162. *Reilly B.* Slavery, Agriculture, and Malaria in the Arabian Peninsula. Athens: Ohio University Press, 2015. 222 p.
163. *Sabini J.* Armies in the Sand: The Struggle for Mecca and Medina. L.: Thames and Hudson Ltd, 1981. 223 p.
164. *Samin N.* Poetry, Magic, and the Formation of Wahhabism // Journal of the Economic and Social History of the Orient. 2022. No. 1-2. P. 1-26.
165. *Stevens J.H.* Oasis Agriculture in the Central and Eastern Arabian Peninsula // Geography. 1972. No. 4. P. 321-326.
166. *Al-Rasheed, Madawi.* A History of Saudi Arabia. L.: Cambridge University Press, 2010. 317 p.
167. *Voll J.* Muhammad Hayya al-Sindi and Muhammad ibn ‘Abd al-Wahhab: An Analysis of an Intellectual Group in Eighteenth-Century Madina // Bulletin of the School of Oriental and African Studies. 1975. No. 1. P. 32-39.
168. *Watt W.M.* The Formative Period of Islamic Thought. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1973. 424 p.
169. *Wynbrandt J.S.* A Brief History of Saudi Arabia. N.Y.: Facts on File, 2010. 364 p.

170. *Al-Yassini A.* Religion and State in the Kingdom of Saudi Arabia. L.: Westview press, 1985. P. 23-25.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПРИЛОЖЕНИЕ 1. ЭЛЬ-‘АРИД В XVII–XVIII вв. (АВТОРСКАЯ КАРТА)¹¹¹⁸

¹¹¹⁸ Карта составлена на основе хроникальных сведений, а также информации, приведенной в «Газетире Персидского залива, Омана и Центральной Аравии» Дж. Г. Лоримера.

ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Южный Неджд и Эль-Хаса в XVII–XVIII вв. (авторская карта)¹¹¹⁹

¹¹¹⁹ Карта составлена на основе хроникальных сведений, а также информации, приведенной в «Газете Персидского залива, Омана и Центральной Аравии» Дж. Г. Лоримера.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 3. СЕВЕРНЫЕ ОБЛАСТИ ЭЛЬ-ХАСЫ В XVII–XVIII ВВ.
(АВТОРСКАЯ КАРТА)¹¹²⁰**

¹¹²⁰ Карта составлена на основе хроникальных сведений, а также информации, приведенной в «Газетире Персидского залива, Омана и Центральной Аравии» Дж. Г. Лоримера.

**ПРИЛОЖЕНИЕ 4. ЦЕНТРАЛЬНЫЕ ОБЛАСТИ ЭЛЬ-ХАСЫ В XVII–XVIII вв.
(АВТОРСКАЯ КАРТА)¹¹²¹**

¹¹²¹ Карта составлена на основе хроникальных сведений, а также информации, приведенной в «Газетире Персидского залива, Омана и Центральной Аравии» Дж. Г. Лоримера.

ПРИЛОЖЕНИЕ 5. ТОРГОВЫЕ ПУТИ ЭЛЬ-ХАСЫ В XVII–XVIII ВВ. (АВТОРСКАЯ КАРТА)¹¹²²

¹¹²² Карта составлена на основе хроникальных сведений, а также информации, приведенной в «Газетеце Персидского залива, Омана и Центральной Аравии» Дж. Г. Лоримера.

ПРИЛОЖЕНИЕ 6. Святые места Эль-‘Арида в XVII–XVIII вв. (авторская карта)¹¹²³

- Гробница Зейда ибн аль-Хаттаба;
- Священные акации в окрестностях ‘Уайны;
- Кладбище сподвижников пророка Мухаммада, павших в битве со сторонниками Мусайлимы;
- «Гробница» Диара ибн аль-Азвара;
- Пещера Бинт аль-Амир;
- Священная пальма аль-Фаххаль;
- Священный тамариск.

¹¹²³ Карта составлена на основе хроникальных сведений, а также информации, приведенной в «Газете Персидского залива, Омана и Центральной Аравии» Дж. Г. Лоримера.